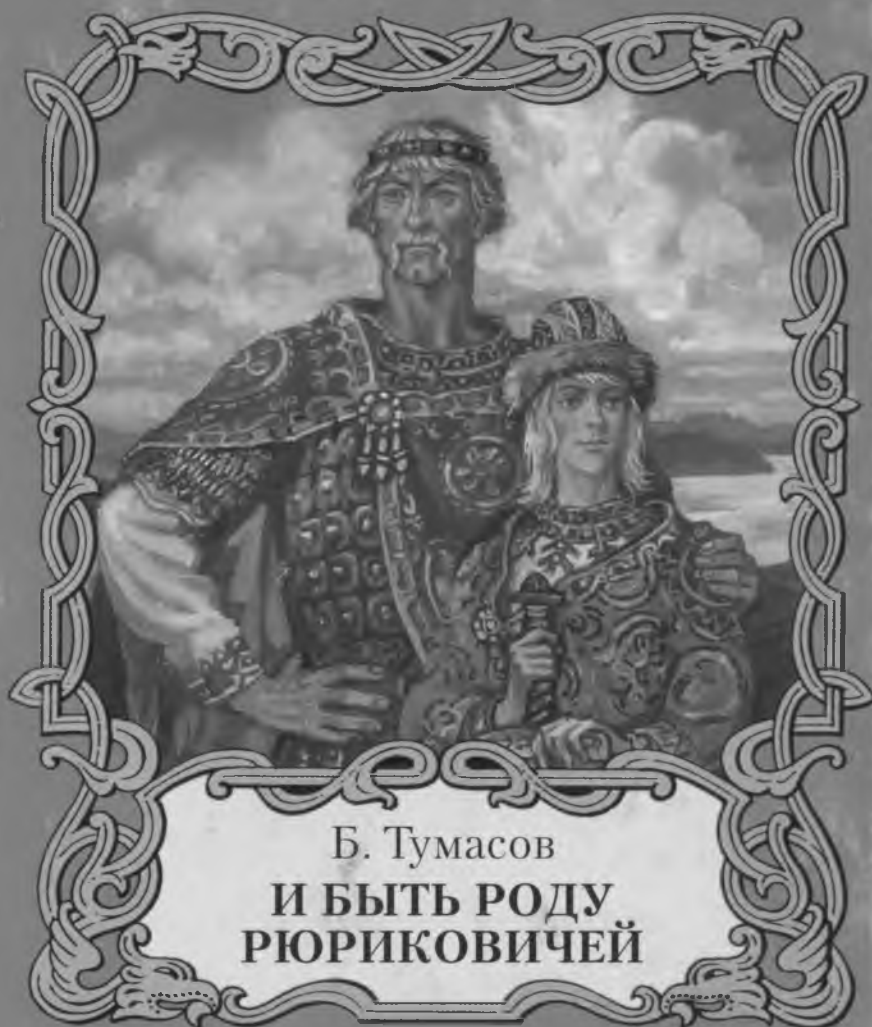

РОССИЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ
О КИЕВСКОМ КНЯЗЕ ОЛЕГЕ

Б. Тумасов
**И БЫТЬ РОДУ
РЮРИКОВИЧЕЙ**

РУССКАЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

О КИЕВСКОМ КНЯЗЕ
ОЛЕГЕ

Б. Тумасов

И БЫТЬ РОДУ
РЮРИКОВИЧЕЙ

РОССИЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

О КИЕВСКОМ КНЯЗЕ
ОЛЕГЕ

Москва
АРМАДА
1996

Б. Тумасов

**И БЫТЬ РОДУ
РЮРИКОВИЧЕЙ**

*Исторический
роман*

Москва
АРМАДА
1996

ББК 84 (2Рос=Рус)6
Т 83

Оформление серии
В. И. Харламова

Художник
Ю. В. Иванов

ISBN 5-7632-0156-6

© Тумасов Б. Е., 1996
© Сост., художественное
оформление, коммент.,
АРМАДА, 1996

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Откуда есть-пошла земля Русская?

Не риторики ради задавал себе этот вопрос древний летописец. И не праздное любопытство одолевало его. Стремление к познанию истории отечества уже в те отдаленные годы будоражило умы. И как можно согласиться с поэтом, изрекшим: «Умом Россию не понять...»

Земля Русская! Как, если не пытливым умом, понять и осилить ее тысячелетнюю историю с крутыми поворотами и подчас непредсказуемыми делами!

Осилить умом и познать тот суровый и трудный процесс, когда мечом складывалось Русское государство,— вот что уже тогда влекло пытливого русича. И с горечью он писал: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет...»

Не о ремеслах и не о хлебе насущном пекся наш предок, ибо была земля русичей щедра и за зерном в Скифию приплывали из далекой Греции, а работой

русского ремесленника восхищались иноземные торговые гости,— к разуму взывал древний летописец, к единению, к созданию государства русичей.

И задумываешься: отчего ты, Русь, такая, и кто были твои первые правители, кому было суждено стоять у ее истоков?

И еще нет-нет да и вспыхивают теоретические споры между сторонниками и противниками норманнского либо славянского происхождения Руси, споры о том, на какие силы опирались Рюрик и Олег. Но в этом ли суть? Оставим полемические баталии за учеными, заглянем в отдаленное от нас веками время киевского князя Олега и поведаем читателю, каким оно нам показалось.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

*Смерть Рюрика. Княжич Игорь. И быть роду Рюриковичей.
Варяги. Словенский князь Юрий. Воевода Ратибор.
Лопарь Урхо. Лада*

В сентябре-ревуне месяце в третий день лета 6387-го от сотворения мира, а от Рождества Христова 879-го послал Бог на языческую землю дивное предзнаменование.

Тихое, теплое утро. Будто замерла жизнь, не шелхнется лист, и по всему великому водному пути, что на Руси именуют «из варяг в греки», от моря Варяжского, над Ильмень-озером, до гор Киевских, небо и редкие облака, лес и поля были в багряном цвете. Кровяно, будоражаще горела заря, допрежь такого не видывала земля русов. К чему бы?

Перед самым рассветом, едва забрезжило, Рюрик пробудился в неясной тревоге. Звонящая тишина. Через слюдяное оконце опочивальня осветилась огненно. На стенах заплясали причудливые, замысловатые тени, все больше на горы похожие либо на чащобы лесные. А за оконцем ровно пожар разгорался. Горело чудно! Такое случалось, разве когда его, Рюрика, викинги жгли вражеские городки и все полыхало пламенем.

Потянулся Рюрик к столу, где стояла корчага с водой,— жажду утолить — и вдруг почувствовал: нет в пальцах силы. Поднялся с трудом, сел, спустив ноги на разостланную на полу медвежью шкуру, потер ладони о войлочную полсть, какой скамья была покрыта, но, странно, не полегчало. Наоборот, в теле дрожь появилась, в голове застучало, будто по наковальне били. Решил Рюрик на свежий воздух выйти, дохнуть. Экое наваждение, такого с ним никогда не бывало. И отчего такое с ним приключилось?

Едва встал — закачался, рухнул на пол. На шум вбежал отрок из гридней, с трудом уложил Рюрика на скамью.

— Покличь Олега,— прошептал Рюрик и удивился, не узнав собственного голоса: язык едва ворочался.

Подумал: «Неужли жизнь кончается?» Но не испугался, знал — рано или поздно это случится. Не такой смерти он желал, хотел в бою ее принять. Однако вот она, рядом, в лицо ему дышит. Рюрик даже жар ее ощущает. Мысленно он обратился к своему богу:

— О Вотан, ты прислал за мной своего гонца, и я встречу его достойно, без страха, как и подобает викингу. Викинг не боится смерти...— Рюрик передохнул и продолжил разговор с Вотаном: — Ты был щедр ко мне, мой бог, послав меня в богатую страну, называемую Русь. Для меня она стала такой же родной, как и Упландия, которую покинул я долгий десяток лет назад. Ты доставил мне радость, послав жену,

добрую Хелду, но ты отобрал ее, едва она родила сына. Теперь ты изъявил свою волю и намерен отправить меня к ней. Что ж, значит, я исполнил все твои желания на земле и должен уступить свое место другому, на которого укажешь. Я слышу твой голос, и ты называешь имя Олега. Не так ли? Что ж, я согласен с тобой. Олег близок мне, как сын, его отец был моим товарищем. На Олега я оставлю начатое, ему доверю малолетнего сына Игоря. Знаешь, Вотан, Олег хоть и молод, но муж ума зрелого, и то, что я начал, он продолжит во славу тебе и земле, имя которой Русь. Я полюбил страну русичей и замыслил объединить всех славян, какие живут по великому пути, что ведет «из варяг в греки», пути, достойному сравнения с золотой жилой...

Рюрик вздохнул, попросил:

— Устал я, Вотан, и готов уйти в мир иной, только дай сказать слово напутственное Олегу...

Олег появился неслышно, молчал, ждал, пока заговорит конунг. В опочивальне давно уже посветлело. Рюрик долго всматривался в хмурое, встревоженное лицо Олега. Тот, видимо, уже знал, что приключилось с конунгом. Наконец Рюрик сказал:

— Сегодня приходил ко мне Вотан, он забирает меня к себе, в страну Вальгаллу, где живут мертвые. Настала твоя пора принять все на себя. Ты слышишь, Олег? Опорой тебе будет дружина, а разум — советником... И еще: оставляю на тебя Игоря, будь ему вместо отца, княжение за ним сохрани.— Прикрыл глаза, помолчал. Потом снова заговорил: — Трудное бремя ложится на тебя, но, верю, выдержишь. Одного прошу: здесь, на Руси, пустили мы свои корни, и не порви их. На этой земле родился мой сын Игорь... Настанет час ему княжить... А теперь перенесите меня в гридницу, и большую боярскую дружину созови...

Рюрика положили на широкую скамью в просторной гриднице, и вскоре ее заполнили старшие дружинники. Превозмогая себя, Рюрик поднялся, сел:

— Други мои, храбрые ратоборцы, с вами я пришел в землю русов, с вами непокорных усмирал.— Тихо говорил, каждое слово произносил четко.— Ныне ухожу в мир иной, в страну, где каждого ждет Вотан. Оставляя вас, я буду смотреть с выси небесной. И дабы не случилось меж вами раздора, укажу на того, кто место мое заступит. Конунгом над вами и опекуном сына моего станет Олег. Вам же, бояре, завещаю товарищами ему быть. Клянитесь на мечах исполнить сие!

— Клянемся! — как один выдохнули бояре и обнажили мечи.

Рюрик довольно покачал головой:

— Иного ответа не ждал.

Снова лег, но бояре мечи в ножны не вложили, взоры на Олега перевели. Тихо было, только и слышно, как тяжело дышит Рюрик. Но вот раздался голос Олега:

— Конунг, с детских лет я с тобой. Ты был мне вместо отца, и я чту тебя. Мы все верны тебе. А еще хочу сказать: всю мою любовь и верность я перенесу на твоего сына. Ты доверил его мне, и обещаю: мы, твоя дружина, вырастим Игоря мужем, достойным Рюрика. Мы объединим всю землю русов, и быть на ней роду Рюриковичей...

В тот же третий день ревуна месяца лета 6387-го от сотворения мира, а от Рождества Христова третьего сентября 879 года князь Рюрик скончался. И пока его тело, обряженное в последний путь, лежало в гриднице, над Волховом стучали топоры — варяги и русы рубили просторную ладью, складывали в квадрат сухие березовые поленья, обкладывали их валежником. Ночью на бревна поставят ладью с телом конунга, и огромный костер поглотит Рюрика, а с ним сгорят рабы и рабыни, коим суждено будет обслуживать конунга в потусторонней жизни...

Олег скорбно смотрел на приготовления и вспоминал, как плыли они на Русь много лет назад, и их драккары, обвешанные по бортам щитами, гордо резали

волны Варяжского моря, поднимали волну, один за другим приставали к новгородскому берегу. Варягов встретил словенский князь Гостомysl и попросил покарать кривичей, возмущившихся против него. Рюрик с дружиной привел кривичей к повиновению, но и сам сел в Новом городе. К тому времени словене уже прогнали Гостомysла и позвали Рюрика княжить в Новгороде.

Остерегаясь шумных новгородцев, варяги срубили в городе крепость — Детинец — с хранилищем городской казны и всякого добра. В Детинце жила дружина конунга.

Через два года княжившие в Белоозере и в Изборске Синеус и Трувор умерли, и Рюрик присоединил их владения к своим. Вскоре вся северная, восточная и западная Русь оказалась под его твердой рукой. Огнем и мечом расправлялся Рюрик с непокорными...

Ночь спустилась на землю, но берега Волхова осветили смолистые факелы, когда воины поставили на сруб ладью с телом конунга и привели рабов. Они не сопротивлялись, зная, что обречены. Жрецы с капища резали их ножами, как убивают животных, а когда запылаха сухой валежник и пламя охватило ладью, рабов побросали в жертвенный огонь. Молча взирали варяги и новгородцы: таков языческий обряд, и когда костер перегорит, они насыпят над ним земляной холм и справят по Рюрику хмельную тризну. Они будут петь военные песни, славить конунга и просить Вотана воздать ему должное.

Четверть века прожил Олег. Он высок, крепок телом, голубоглаз, с обветренным лицом и небольшим шрамом на щеке. Стриженные в кружок белокурые волосы перетянуты кожаной тесьмой. Под корзном, накинутым на плечи, проглядывает синевой кольчужная рубаха, сделанная искусными свейскими бронниками.

С малой дружиной возвращался Олег от словен, из ближнего полюдья, — собирал дань. Вдев мягкого красного сафьяна сапоги в стремяна, он прочно сидел в седле. Позади по двое ехали гридни, а за ними скрипели колесами телеги, груженные мешками с зерном, коробами с маслом, бочками с солониной и свежим мясом, туесами с медом и иными припасами, которыми кривичи платили дань Новгороду...

День едва начался, и горела утренняя заря, вещая ветер. Приспустив повод, Олег дал волю коню. Тот шел широким шагом, потряхивая головой, не мешал конунгу думать. А мысли Олега были об одном. Вот уже год минул со смерти Рюрика. Зимой звали викинги Олега сходить за добычей к Белому морю, но он заявил: отныне то пятина новгородская, и можно ли разорять данников?

Новый город открылся ровом и земляным валом, бревенчатыми крепостными стенами, дозорными башнями-стрельницами, крытыми тесом теремами, разбегавшимися вширь и вдаль ремесленными посадами и торговым с лавками.

Прильнув к обоим берегам Волхова, Новгород соединялся у Детинца деревянным мостом на свайных устоях. Мост такой же древний, как и сам город. Временами новгородцы меняют мостовые плахи и перила.

Олег, придержав коня, долго смотрел на постройки. На высоком холме — капище с деревянным идолом. С трех сторон подножие обступили ели и березы. Сюда, на капище, сходятся новгородцы на поклонение своему богу Перуну.

Если спуститься с холма, попадешь к месту, где Волхов забирает воды Ильмень-озера. Люд новгородский величает Ильмень морем, но Олегу смешно: они не видели настоящего моря. Море омывает его, Олега, родную Упландию. Высокие, поросшие лесом берега изрезаны глубокими заливами-фиордами, удобными и укромными стоянками драккаров храбрых викингов, где кипят меж валунов пенистые буруны.

Издали Волхов казался широкой дорогой. Да он и есть дорога, только речная. С ранней весны, едва стонет лед, и до первых заморозков плывут вверх и вниз по Волхову караваны гостей: из норманнских земель к югу; с греческой стороны, из славного и богатого Царьграда, — на север, в большой торговый город Скирингсааль, и никто Новгорода не минует, все к нему причаливают — там от рассвета до темноты шумит голосистое торжище. Бойкие купцы торгуют разными товарами: пушниной и кожами, медом и воском, полотном и овчиной, броней и оружием, гончарными и иными посудинами. А гости иноземные привозят с Востока шелка и паволоку, украшения, из золота кованные, узорчатые, с камнями дорогими, а еще пряности и мази духмяные. Да и чем только не ведут торг в Новгороде!

Купцы новгородские в городе великую силу имеют, на вече они держатся кучно, друг за друга горой, и к их голосу люд прислушивается. Но Новгород не только торговый город, он и мастеровыми славен. Едва день начинается, во всех концах принимаются за дело ремесленники: раздувают горны кузнецы — тяжело дышат мехи, стучат топоры плотников, растапливают обжиговые печи гончары, кислым духом тянет с кожевенной слободы...

Торгом и ремеслами богател Новгород, который норманны именовали Гардарикой, страной изобилия...

Тронув коня, Олег снова въехал в лес. Вскоре он очутился на поляне, где два смерда валили деревья, очищали их от ветвей и сучьев. Оголенные спины блестели от пота. Увидев конунга с дружинниками, смерды прекратили работу. Скинув войлочные колпаки, поклонились низко.

— Бревна для какой надобности? — спросил Олег.

Смерд годами постарше ответил:

— Староста Гончарного конца наказал уличную мостовую перекрыть.

Не спросив больше ничего, Олег продолжил путь. Лес сплошной стеной стоял по ту и другую сторону

дороги. Пахло прошлогодней прелью. Порой высокие сосны, казалось, подпирали небо. Они рвались из земли, иногда обнажив корни. Между деревьями рос сочный зеленый мох. В жару, бывая в таких местах, Олег снимал сапоги, остужал ноги в его мягкой прохладе...

Наконец дружинники подъехали к Новгороду. У открытых городских ворот их встретил отрок лет шести в рубаше зеленого шелка, подпоясанной крученой тесьмой, в штанах темного бархата, вправленных в высокие, красного сафьяна, сапожки. Был отрок глазаст и худ, гладкие светлые волосы спадали до плеч. Он улыбался. Олег соскочил с седла, потрепал отрока по волосам:

— Ждал, княжич Игорь?

— С дозорной башни узрел, как ты из леса выехал.

— А я тебе подарочек знатный привез. То-то удивишься!

И, остановив первый воз, Олег достал из-под вороха холстов серого лобастого щенка.

— Волчонок! — обрадовался княжич.

— Вырастет — товарищем будет, а дичиться начнет, в лес уйдет — ты его не держи. Волки неволи не любят.

Передал повод гридню, зашагал вместе с Игорем к Детинцу.

— Хвались, как учение одолеваешь?

Княжич, прижав к груди волчонка, ответил немногословно:

— В ристалищах преуспеваю, Ратибор доволен, а в цифири и буквицах хуже. Не люблю костью по бересте царапать значки всякие.

Олег нахмурился:

— Ты, княжич Игорь, каждодневно помни, какого ты рода и каково твое предначертание. Ты един Рюрикович, и я твоему отцу обещал и Вотану клялся, что от тебя на Руси начало пойдет роду княжескому. Чать, слышал рассказы гостей царьградских?

Их государи книжно премудры, оттого их царство процветает.

— Но ты, Олег, не ведаешь грамоты, а это не помешало тебе заставить повиноваться и новгородцев, и словен, и мерю?

Олег остановился, положил ладонь Игорю на плечо:

— В твоих словах правда, но разве только в мече и дружине сила? Нет, она и в разуме! А разум без учения что хлеб без опары. О том помни ежечасно. Ладно уж, иди корми своего волчонка, вишь как он тебе палец обсасывает, а я велю баню топить.

На просторном поле сразу же за городской стеной, где по весне новгородцы косили траву на сено, в один из погожих осенних дней гридни учинили ристалище, славяне и варяги показывали искусство боя. Сойдутся отрядами либо один на один, звенят мечами, отражают удары, защищаются, выставив из-за щитов копья. А конные русичи еще и в удалстве похвалялись. Потом разили неведомого врага стрелами. В единоборстве выявляли сильнейшего, а к вечеру устроили пир, на кострах жарили мясо дикого вепря и молодого тура, пели песни, пили хмельной мед и пиво, плясали.

К Олегу подсел ярл Гард, снял с огня кусок мяса, разрезал его пополам, протянул Олегу. Внутри оно было еще с кровинкой, но ярл ел с наслаждением, а когда прожевал, сказал:

— Со смертью Рюрика ты наш конунг. Но ответь, зачем мы шли на Русь? Я и мои товарищи так же бедны, как в тот день, когда Рюрик позвал нас в эту землю. Вот и ты, воротившись из полюдья, разве привез нам гривны или скору, какую мы продали бы на торгу? И снова нет! Знаешь, конунг, нам надоела такая жизнь, и мы давно уже не видели врага. Мои викинги хотят уйти от тебя. Паруса наших драккаров давно не наполняли варяжские ветры.

От гнева у Олега перехватило дыхание, но он не подал виду:

— Ты покидаешь меня, ярл, когда самое трудное позади. Вас, норманнов, со мной мало, а с вашим уходом останется совсем немного.

— Не держи на нас зла, конунг, отпусти. Сначала мы отправимся на родину, в Упландию, повидаем своих жен, и кто ведает, может, еще вернемся и, если пожелаешь, пристанем к тебе. Мы покидаем Гардарику, но оттого твоя дружина не ослабнет, ибо к тебе пристали воины-славяне. Их у тебя больше, чем викингов. Ты не станешь удерживать нас, как не держал Рюрик Аскольда и Дира.

Олег долго молчал, смотрел на первые звезды. Они были редкие и высокие. Наконец сказал:

— Как ни тяжело мне, ярл, но пусть будет по-твоему. Вы возьмете драккар и погрузите в него все, что есть у меня, дабы не было обиды, не говорили вы, что Олег-де вас обидел. Но если вы надумаете вернуться, я приму вас...

Настал час отплытия. Викинги торопились: предстояло до морозов выйти в море Варяжское. Они всходили на драккар в броне и рогатых шлемах, и вскоре их щиты уже висели вдоль бортов. Олег поднял руку, прощаясь, подняли руки викинги и русичи. Длинные весла разом загребли воду, и драккар медленно отошел от причала, а когда повернул по течению Волхова, взметнулись цветные паруса из толстого полотна. Ветер наполнил их, и судно, вздрогнув, поплыло, разрезая воды Волхова.

Воевода Ратибор промолвил:

— Не станем судить их.

Олег промолчал, отправился в Детинец.

К концу листопада месяца, когда осыпался лист и редкие иноземные гости, с запозданием возвращавшиеся из Скирингсааля, бросали якоря в Волхове, за-

тихал шумный торг, а люд новгородский благодарил Перуна, что был к ним милостив.

На восходе солнца народ сошелся на капище, где главный жрец, седой старик с сухим, изрезанным крупными морщинами лицом и редкой бородой, бесвязно выкрикивал языческие заклинания, а его помощник уже разжег жертвенный огонь.

На высокой ноте жрец оборвал вопль, наступила тишина, и тогда другие жрецы привели черношерстного быка. Он ревел, гнул к земле голову, упирался. Его подтащили к Перуну. Главный жрец неуловимым движением маленького треугольного ножа ударил быка пониже рогов, и тот, рухнув на колени, завалился на бок. Тотчас помощник жреца перехватил быку гортань, и темная густая кровь щедро хлынула на жертвенный огонь. Люд завопил радостно, потрясая поднятыми руками, а серебряноголовый усатый идол невозмутимо взирал на беснующуюся толпу широко открытыми глазами.

Олег не осуждал русичей: они поклонялись своему богу Перуну. Тот был всегда с ними. Как бог норманнов Вотан, отец богов и людей фиордов, дает своим сыновьям силу и удачу в походах на море и суше, так и Перун помогает русичам. Не потому ли непобедимы варяги и русы?

Покинув капище, Олег пошел берегом Волхова. Солнце давно уже подкатывалось к зениту, и народ медленно расходился с жертвенного холма. Олег шел задумавшись. Отъезд Гарда его омрачил: норманны хорошие воины, но они пришли на Русь за добычей, а он, Олег, не позволял им разорять славян, ибо у него иная цель. Значит, ни Гард, ни его товарищи не поняли замысла Олега.

Насильно викингов не удержать, они вольны в своей судьбе. Не так ли поступили Аскольд и Дир, покинув Рюрика? Теперь они княжат в Киеве. Побывавшие там новгородские торговые люди рассказывают: город тот на холмах, Подолом спускается к Днепру.

Собирает Киев дань с племени полян и с торговых гостей, которые плывут мимо него.

Слушал Олег купцов, и город этот манил его. Коли речь пойдет об объединении славян, то кому, как не Киеву, такое сподручно, ибо стоит он на срединном течении Днепра, в самом центре Руси.

Свои замыслы Олег скрывал, и, когда он решится пойти на Киев, пусть его поход будет неожиданным не только для Аскольда и Дира — о нем не должна знать даже дружина.

У ворот Детинца, на мосту через ров, Олега поджидали несколько смердов. Скинув колпаки, поклонились ему. Седой старик сказал:

— Твои люди, конунг, погост наш зорили, воровством промышляли. Нежданно нагрянули, обиды причинили. Защиты твоей просим, накажи виновных.

— Но моя дружина в городе! — удивился Олег. — Не ошиблись ли вы, мужи?

Но смерд уточнил:

— Драккар из Новгорода плыл, на нем были твои люди.

Теперь Олег догадался: Гард разбой учинил. Нахмурился.

— На той неделе мою дружину покинули викинги. Слышите? Норманны хотели плыть в Упландию. Это они напали на вас. Но я обещаю, в полюдьё ваша дань будет меньше на столько, на сколько викинги пограбили ваш погост.

— Ты справедлив, конунг, мы вернемся к себе с доброй вестью, и смерды не станут держать зла на твою дружину.

В хоромах Олег позвал тиуна:

— Гард волховский погост разорил. Тех смердов от зимнего полюдьё освободи.

Тиун усмехнулся:

— Они, конунг, приплетут такое, чего и не было.

— Может, и так, однако тем смердам, какие челом мне били, верю. Я Гарда знаю, он своего не упустит.

— Как велишь.

В горнице отрок из гридней принял шлем, помог снять кольчужную рубаху, принес кувшин с родниковой водой и, поставив медный таз на скамью, подал льняной рушник. Олег долго плескался, фыркал, отерся, растирая лицо докрасна. Потом расчесал костяным гребнем волосы, одернул рубаху.

В трапезной его дожидались бояре из большой дружины, на столах стыла еда. На огромных деревянных блюдах — куски вареной стерляди, жареная медвежати́на, ломти ржаного хлеба. Олег отщипнул от горбушки, круто посолив, бросил в рот.

Отроки внесли блюдо с горячей гречневой кашей, вкатили бочонок с хмельным медом и, черпая ендоей, разлили его по чашам.

Выпили. Олег вспомнил жалобу смердов, насупился, сказал:

— Мы ведь вики́нгам, какие нас покинули, немало выделили. Не так ли?

Бояре, не уразумев, к чему Олег клонит, перестали жевать. Тогда он рассказал им о встрече.

Ратибор укоризненно покачал головой, а ярл Вукол рассмеялся:

— Хватка Гарда!

— О всемогущий Вотан, значит, слух мой и глаза не обманулись, — воздел руки викинг Ивор.

— О чем ты? — поднял брови Олег.

Ивор поднялся:

— Спустя сутки как Гард покинул Новгород, я обходил караулы в Детинце. Ночь была темная, и ничего не было видно на расстоянии брошенного копья. Луна пряталась за тучами. Я поднялся на сторожевую башню, которая обращена к воде, и вдруг ухо мое учуяло плеск весел. Присмотрелся, и мне почудился драккар. Он пробирался, таясь, к Ильменю. Я окликнул, но никто не отозвался. Я снова прислушался, но было тихо, и я подумал, что мне все это примерещилось. Теперь понимаю, то был драккар Гарда.

— Куда же он повел викингов? — спросил Ратибор.

— Не иначе как к Аскольду и Диру в Киев,— ответил Олег.

— Почему таясь? — снова спросил Ратибор.

Вукол раскатиисто засмеялся:

— Ты славянин, а Гард викинг, и у викинга меч не покрывается ржавчиной. Но разве могли викинги обнажить мечи против викингов?

Ратибор с шумом отодвинул скамью, поднялся:

— Ты, ярл, считаешь, что мой меч заржавел?

— Не надо ссоры! — примирительно сказал Олег и повысил голос: — Гард поступил так, как ему подсказал разум. Довольно о нем. А мечи вам, русы и викинги, еще не раз обнажить доведется, но только не друг против друга, а на врага общего.

Неожиданная смерть Рюрика и власть, какую обрел Олег, были настолько неожиданными для него, что подчас он чувствовал растерянность. Особенно это проявлялось в отношениях с дружиной. И как ни странно, не с русичами, а с викингами, его соплеменниками. Олег чувствовал поддержку славян, князя Юрия, воеводы Ратибора и всех дружинников. Вот и ныне за трапезой Ратибор справедливо ответил задравшемуся Вуколу. У ярла мысли волчьи — Олег догадывается. Если бы знал Вукол, что Гард в Киев поплывет, небось и сам отправился бы с ним.

С уходом Гарда в Новгороде осталось не больше сотни викингов, зато в дружине Олега более трех сотен русичей, и они в воинской хватке норманнам не уступают. Олегу это придает уверенность. Рюрик не с набегом пришел на Русь, а в надежде объединить всех славян в государство. Рюрика и Гостомysl, и новгородцы поняли, понимают необходимость единения князь Юрий, воевода Ратибор и бояре большой дружины. Без сильной власти ни торг вести, ни ремесла развивать. А надобно ли это викингам? Их добыча манит, как звала она раньше и Рюрика, и его, Олега,

да и других норманнов. Но вот явился Рюрик на землю славян, и ушли в прошлое набеги на далекие побережья.

Прежде Рюрик говорил: «Море — дорога варягов. Наши драккары бороздят воды, и нам не страшны бури». Но здесь, в Новгороде, он сказал слова, которые Олег хорошо запомнил: «Отныне мы оседем в этой обильной Гардарике, а по Днепру быть государству славян, ибо нет на земле места, где все есть, но нет единства. Нас, викингов, мало, но с нами заодно встанут и русичи».

Прав оказался Рюрик: хоть и не быстро, но нашел он опору у славян.

Не сразу привык Олег к Новгороду. Ему часто виделась Упландия, суровый край, земля морских викингов — детей фиордов.

Когда над Волховом дули холодные ветры и со свистом врывались в Новый город, Олегу было особенно тоскливо. Мысленно он переносился в каменный домик на берегу Варяжского моря, видел очаг, зажженный руками матери, медную посудину над огнем — в ней булькало варево, а за стеной бесновалась непогода...

В такую пору женщины выходили на высокий берег, всматривались в море. А оно поднимало высокую волну, с грохотом плескалось о камни. Женщины ждали своих мужчин, воинов, рыбаков — они должны воротиться с добычей. И каждая надеялась: коль море проглотит какой-нибудь драккар, пусть только не тот, на котором плывет ее муж или брат. О том молилась и мать Олега, но судьбе было угодно, чтобы отец не вернулся из набега, когда сыну исполнилось десять лет.

В памяти Олега отец остался бесстрашным воином. Он плавал на драккаре, которым командовал Рюрик. Рюрик пообещал Олегу взять его с собой в плавание и побывать там, на берегах Фландрии, где погиб отец...

Рюрик сдержал слово. В тринадцать лет Олег уже ходил с ним в набеги на прибрежные поселения франков. Викинги были беспощадны. Они разоряли и жгли городки, нагоняя ужас на приморских жителей, и те молились своим богам, просили: «Избавь нас, боже, от ярости норманнов!»

Однажды, когда драккар пристал к берегу, Рюрик сказал Олегу: «Смотри, воин, здесь был бой, в котором Вотан взял твоего отца. На этом месте мы справили по нему хорошую тризну и кровью врагов щедро полили землю...»

Как и все викинги, Олег был жесток и не знал жалости, но однажды на острове англов, шагая по горящему городку, где на улицах лежали убитые, он увидел молодую женщину. Она жалась к стене, и лицо ее молило о пощаде. Олег не стал убивать женщину, он поманил ее, и она поплелась за ним, как собака. Олег привез Лауру в Упландию, и она жила в его доме, но детей у нее так и не было. Олег винил в том Лауру, и, когда Рюрик повел викингов на Русь, она осталась в Упландии.

Теперь, когда минуло несколько лет, Олег убедился: нет вины на Лауре. Сколько было у него наложниц — и ни одна не имела ребенка. Олег изгонял этих женщин, брал других, но все оставалось по-прежнему...

От Перыня до Новгорода край темный, лесистый, с топами болотистыми, берега местами обрывистые, Ильменем-озером изрезанные на малые заливы. И хотя это не фиорды, но Олег любил наезжать сюда в гости к словенскому князю Юрию. Его владение на самом берегу. По теплу Олег с Юрием и смердами заводили в Ильмень сети, вытаскивали огромных рыб, охотились по лесам, а зимой поднимали медведей, брали их на рогатины.

Кривой Юрий коренаст, широк в кости, борода и волосы сединой тронуты, а на истекшем глазу кожа-

ная повязка. Окривел Юрий от кривичской стрелы еще в молодые годы. Юрий — воевода надежный, товарищ верный, и Олег решил: коли придется Новгород оставлять, то только на князя Юрия.

У Юрия подолгу живет малолетний Игорь. Того захотел Олег. У князя сын Игорю ровесник, здесь славянские обычаи, и они, по мысли Олега, должны влиять на княжича, будущего князя славянского государства. Игорь обязан понять законы славян, их образ жизни...

Близилась зима, срывался первый снег, и по утрам мучная изморозь покрывала землю. Трава сделалась хрупкой, звонкой. Ильмень хотя еще и не остановился, но по мрачной воде поплыла редкая шуга. Заунывно пели ветры, раскачивая вершины деревьев. Ночи стали утомительно долгими и тоскливыми — самое время леших и домовых. Люд просил: «Чур меня!»

По первопутку приехал Олег к Юрию на пироги с брусникой. Во владении князя стряпухи отменные, пироги пекли пышные, духовитые, на все хоромы пахли.

С дороги выпили Олег с Юрием медовухи, закусили грибами солеными. Грузди на зубах похрустывали. Побаловались рыбой в тесте. Вошла хозяйка — круглолицая, румяная, сама, как пирог, сдобная, — поклонилась, поднесла Олегу чашу с вином, но прежде поцеловала гостя.

— Сладка хозяйка, слаще меда, — улыбнулся Олег.

Тут стряпухи пироги горячие внесли, на стол выставили. Конунг руками развел:

— Ну, кудесницы!

Прищурился хитро:

— А скажите, хозяйка и хозяин, отчего дочь от меня скрываете?

Княгиня промолчала, а Юрий повязку поправил:

— Не суди. Ты норманн, а варяги к нам всегда с мечом приходили, и нашим женщинам от них одно зло.

— Разве ты не убедился, что Рюрик и я явились на Русь не с разбоем?

Юрий помолчал, уставившись в столешницу. Наконец ответил:

— Перун вручил вам землю славян, и оттого мы с тобой, Олег, заодно.

После обеда Олег собрался уезжать. В длинном корзне черного сукна, подбитом мехом и отороченном соболями, стянутом на правом плече серебряной застежкой, в бобровой круглой шапке Олег вышел во двор. Юрий провожал его до ворот. Гриденя подвел коня, помог поставить ногу в стремя. Разобрав поводья, Олег сказал то ли в шутку, то ли всерьез:

— Ты, князь, Ладу от меня не прячь, о ее красоте наслышан. Вдругорядь приеду, покажи — не обижу.

Говоря, что с ним осталось мало викингов, Олег не забывал: сто поклявшихся на оружии норманнов — это большая сила с железной дисциплиной в бою. Они покоряли города. Расчетливые и хладнокровные норманны умели воевать и торговать. Их закованные в железо отряды высаживались на берег, и воинственные крики обращали в бегство превосходящего числом противника. Викинги разоряли поселения, брали добычу и, погрузившись на драккары, налегали на весла. Поставив паруса, норманны снова отправлялись в путь. И горе было тем, кто пытался оказать им сопротивление.

Таковы были варяги-воины, варяги — гости торговые.

В холодных водах Севера они охотились на стада кашалотов и тюленей. Из крепкой кожи кита шили обувь, салом освещали жилища, а белый чистый жир кашалотов продавали восточным купцам. На Востоке из него делали благовония. Потом восточные гости привозили духмяные масла в Киев и Новгород, к варягам и в иные государства.

Завьюжило.

Щедра засыпала метелица бревенчатый город, толстым слоем лег снег на четырехскатные крыши купеческих хором, двускатные — домишек ремесленного люда, соломенные кровли бедноты, в шапки одел сторожевые башни.

Ратибор вышел из хором, посмотрел, как дворня дорожки расчищает. А за воротами сугробы по колено. Одно спасение — высокие вытяжные сапоги из лошадиной кожи. Мороз забирал. Снег под ногами весело поскрипывал, приговаривал: «Зима пришла!» Дым над Новгородом столбами в высокое небо упирался.

Едва Ратибор к Детинцу повернул, навстречу ярл Вукол идет. На безбородом лице ухмылка:

— Ратибору известно, что драккар Гарда врос в лед у киевского берега?

— А то мне ни к чему, — оглаживая холеную бороду, ответил воевода. — Ты о том конунгу скажи.

— Ему ведомо. Но если наше сидение в Гардарике продолжится, викинги покинут Олега.

— Разве вас кто держит?

— Мы ждем тепла, когда откроется путь. Конунг Олег забыл, что рожден викингом, а мы помним о том. Ты спросишь, зачем я тебе это говорю? Конунг отныне не конунг, он ваш князь, князь русичей. Вы, словене, его опора. Мы же, викинги, рождены под шум моря Варяжского, плеск волн о просмоленные бока драккаров был для нас колыбельной песней. Вам ли, русичам, знать, как сладко пахнет дым пожарищ, где ступает сапог норманна! Когда Рюрик привел нас в вашу землю, могли ли мы думать, что задержимся здесь надолго? А конунг Олег не скрывает своего замысла остаться тут навсегда. Я не верю его обещаниям повести нас к ромеям. От Киева до Царьграда ближе, чем от Новгорода, но Аскольд и Дир лишь единожды дерзали на этот путь.

— Ярл, в тебе сейчас заговорила обида на Олега. Остынь и подумай. Ты живешь своей варяжской правдой, мы, новгородцы, своей. Если Олег с нами заодно,

мы его поддержим; вам наша правда неужодна — кто вас принуждает?

— Ты, воевода, умен и хитер, ты сказал истину. Прежде чем покинуть Новгород, мы спросим конунга Олега, пойдет ли он с нами или останется князем русичей. Мы не будем его неволить и не затаим обиду.

Разошлись. Ратибор вошел в Детинец, а Вукол свернул на улицу. В просторной гриднице отроки, воротившиеся из караула, спали вповалку, разбросав на полу овчины. Тут же лежало оружие.

Перейдя гридницу, Ратибор вступил в Олегову палату. Конунг был один. Он сидел, навалившись на столешницу и обхватив голову ладонями.

— Здрав будь, князь,— поклонился Ратибор.

— И ты здравствуй, воевода. Садись.— Олег поднял глаза.

Ратибор уселся на лавку, крытую красным сукном, ждал, о чем станет говорить Олег. Тот сказал:

— Я позвал тебя, воевода, вот с какой надобностью. Ты ведаешь, что за кривичами дань с прошлой зимы, и надлежит тебе ее собрать. Отправишься к кривичскому князю Малу и сходишь с ним в полюдь. К весне наши житницы не должны оскудеть: голодная дружина не воины.

Ратибор в полюдь собирался недолго: взял с собой полтора десятка гридней, санный обоз налегке, и тронулись. Из Новгорода выбрались, едва день начался. Дорога предстояла дальняя, не один день пути.

Воеводу мороз не страшил. Месяц сечень хоть и пугает, однако весть о весне подает. Ехали лесами и перелесками, заснеженными полянами, и Ратибор радовался: эка снегу надуло, значит, хлеба прибудет.

На воеводе бобровая шуба, шапка меховая, сапоги, собачьей шерстью утепленные. Под шубой броня: в пути всякое может случиться, кривичи — племя скандальное, от них всякой каверзы жди.

На шестые сутки миновали земли словен, начались владения кривичей. Весть, что к ним едет воевода с полюдьем, уже облетела погосты, и Ратибор такого не помнит, чтоб все кончилось добром. По-разному платили дань смерды: кто хлеб сеял — от рала-сохи; кто охотой и скотоводством промышлял — от дыма-избы. Собирали дань сами князья, а часть ее выделяли Новгороду.

Подъехал Ратибор к кривичскому городку, закричали гридни:

— Эгей, аль ослепли? Почто закрылись?

Городок кривичского князя обнесен бревенчатым тыном, а вокруг лес и болота.

Воротная сторожа Ратибора в город не впустила, со стен ответили хрипло:

— Нам откуда ведомо, с какой надобностью ты приехал? Вот воротится наш князь Мала с охоты, тогда и решит.

Но воевода Ратибор догадался: кривичский князь просто скрылся, не хочет платить дань Новгороду. И, не став дожидаться возвращения Мала, отправился сам в полюдь по кривичской земле. Высланный наперед гридень вскорости прискакал, упредил: впереди малый погост.

Въехали в деревню в пять изб, к ним хлевы лепятся. Заслышав чужих, ярились собаки. Гридни выгнали из изб мужчин и женщин, поставили их на правеж.

— За вами дань,— грозно сказал Ратибор, не слезая с коня,— миром отдадите либо сами возьмем?

— Да уж князю княжье,— почесал мужик затылок.

И принялись мужики отмеривать десятую часть урожая, укладывали в сани мешки с зерном, мясо мороженое, сало, грибы сушеные, ягоду.

— Все,— сказали и столпились вокруг воеводы.

Ратибор нахмурился:

— А от бортей?

— Нынче нет меда! — зашумели смерды.

— А вот поглядим! — Ратибор повернулся к отроку: — Поищи по клетям!

Отрок проворный, нюх острый, воротился вскорости с бочонком, поставил его в сани.

— Ты десятину бери, а не весь! — загалдели женщины.

— Десятину, коли б добром! — прикрикнул воевода и велел обозу трогаться.

От погоста к погосту, от обжи к обже продвигался Ратибор. Ехали зачастую по бездорожью, местами, по весне непроезжими, болотистыми. К концу сечения месяца санный поезд наполнился собранной данью, кони едва волокли, и воевода велел поворачивать в обратный путь.

На краю земли кривичей, когда, казалось, опасности остались позади, остановились на ночевку на лесной опушке, огородились саями, развели костры, выставили караулы. К утру, когда мороз забирал особенно и гридни жались к кострам, а сон морил, раздался разбойный посвист и на стоянку посыпались стрелы. Испуганные кони заржали, а из чащобы вывалилась ватага, закричала, засвистела. Подхватились гридни, обнажили мечи и, прикрываясь щитами, отбили первый приступ. Встали дугой, а ватажники настырные, снова прут. Остервенело бьются топорами, лезут, колют вилами. В отблесках костров мечутся бородастые лица, оскаленные рты, воры наскакивают на гридней отчаянно. Опытным глазом Ратибор выискал атамана и, круша мечом, стал пробиваться к нему. Почувяв опасность, атаман засвистел, и ватажники, рассыпавшись, скрылись в лесу.

— Это люди Мала, — сказал Ратибор. — Вишь, князь вознамерился отнять у нас дань.

Едва рассвело, обоз тронулся со стоянки.

Не успел Ратибор от полюдья отойти, передохнуть — всю землю кривичскую изъездил, — как в Новгород явился кривичский князь с жалобой: отчего, не до-

ждавшись его, воевода сам дань собирал, так-де в ряде не оговорено.

Кривичский князь ровно лешак: роста малого, ноги калачом, а лицо бородой поросло, и глазки где-то глаубоко под кустистыми бровями прячутся.

На пиру у конунга, в просторной гриднице, где за столами вперемежку сидели русичи и варяги, а старый гуслир пел, славя подвиги воинов, Мал Олегу обиду высказал:

— Разве ты велел воеводе в полюдье лишку брать? Он своеволие проявил!

Олег от Мала отстранился, ответил резко:

— Ратибор мою волю исполнял. Почему ты, князь, не догнал его и не присоединился, дабы вместе землю свою объехать? Нет, Мал, на воеводу не держи зла, а лучше скажи, зачем людей своих на разбой подбил? Небось дань хотел отнять?

Мал глаза отвел:

— Не на кривичской земле напали на Ратибора злые люди, а в краю словен.

Тут не выдержал князь Юрий:

— Ты, Мал, говори, да не завирайся. Не вешай своих собак на шею других. Словене дань платят исправно, за ними нет недоимки.

Мал метнул косой взгляд на словенского князя. А Олег, потирая шрам на щеке, сказал:

— Князь Юрий истину говорит. Почему ты не привез дань самолично? Утаить хотел? Знай, вдругорядь явлюсь в твою землю с дружиной, разорю ее, заставляю платить дань вдвойне. А тех ватажников сыщу и допытаюсь, кем посланы.

И отвернулся от Мала.

Тут снова зазвенели струны, и белый как лунь гуслир запел. Смолкли за столами, а старик, перебирая струны, рассказывал о храбрых русичах, ходивших к грекам на своих ладьях, переплывавших неспокойное Русское море и возвращавшихся домой победителями.

Олег встал, самолично поднес гуслиару кубок:

— Старик, кто такой Горицвет, чье имя ты упоминаешь в песне?

Гуслиар ответил:

— Жил в земле полян такой удалец, но его уже нет. Говорят, коварно погубили его Аскольд и Дир.

— Ты должен жить долго, старик, и тогда сложишь песнь, в которой восславишь мой поход на град Константина.

Осушив кубок, гуслиар промолвил:

— Я вижу, конунг, тебя с русами на богатой земле ромеев, приносящих тебе дары и славу. Подвиги русичей и твои будут воспевать гуслиары в веках.

Подняли кубки за столами, и Ратибор, а за ним и другие выкрикнули здравицу:

— За конунга, за князя Олега! За Русь!

Склонив голову на красного бархата скатерть, покрывавшую стол, Лада задумчиво прикрыла глаза. Потаянные мысли у молодой княжны. Как-то из оконца верхней светлицы подглядела Лада Олега, и этот варяжский конунг, о котором она наслышана от отца, ей приглянулся. И еще Ладе известно, что варяги покидают Олега и он ныне князь русичей.

Лада статная, лик белый, а глаза голубые, большие, и коса русая до самого пояса. Анна, гречанка, говорит, что Лада красивая, но сама она как может судить об этом?

Ей на шестнадцатое лето повернуло, она отчаянная, как и все славянки: и из лука стреляет, и на коне скачет, а при необходимости и меч удержит.

Узнав от матери, что Олег требует показать ее, она вспыхнула огнем, а сердце тревожно забилося. Теперь Лада часто стала думать об этом князе, ждать его приезда. Но он давно не появлялся. Лада даже у матери спросила, но та посмотрела на дочь сурово:

— Остерегайся его, не обидел бы.

Как он может ее обидеть? Разве не сумеет она постоять за себя? Думая о том, Лада посмеивалась.

Княжна встала, по скрипучим ступеням спустилась из светелки, набросила беличью шубку и направилась к лопарю, рабу, привезенному отцом из похода в Лапландию. Раба называли лопарем, хотя все знали, что его имя Урхо.

Лопарь невысок, худ и косоглаз, но не было во всем словенском крае лучшего мастера по изготовлению луков.

Жил Урхо в дальнем углу двора, в приземистой, крытой соломой избе. Едва Лада переступила порог, как в нос ударило зловонием. Урхо варил клей из копыт, а в бадье распаривал деревянные пластины. Увидев княжну, улыбнулся, открыв беззубый рот, и, вытерев руки о край длинной холщовой рубахи, вытащил из темного угла небольшой, отполированный до блеска лук и протянул его Ладе. Она обрадовалась, а Урхо уже протягивал ей колчан со стрелами.

— Первого зверя убьешь, птицу подстрелишь — мне принесешь, Урхо похлебку сварит, тебя благодарить будет.

Покинула Лада избу лопаря, вернулась в хоромы. В низкой просторной горнице встретила Анну, гречанку.

Лет десять тому назад отец купил ее на новгородском торгу. Она прижилась в княжьих хоромы, познала словенский язык, и ее приставили к Ладе. Княжна любила Анну, она интересно рассказывала о своей далекой родине. И будто наяву представляла Лада солнечный морской берег, высокие вечнозеленые, как ели, деревья, неземной красоты город с храмами и мраморными дворцами...

Анне первой поведала Лада об Олеге, и повидавшая жизнь гречанка сказала ей с улыбкой:

— Женщина рождена для любви, не бойся ее.

Еще не сковал лед Волхов, шумело новгородское торжище, и гости бросали якоря у причалов. Олег любил расспрашивать, кто где побывал и что повидал. Особенно интересовался он теми, кто вел торг в Царьграде. Расспрашивал их о городе, как он укреплен, случалось ли видеть ромейских воинов и каков флот императора.

Песнь гуслира затронула Олега, укрепила мысль пойти с русами в землю греков, а для того прежде надо было объединить всех славян. Думая о том, Олег понимал: на великом днепровском пути помехой тому станут Аскольд и Дир.

Олег помнил тот далекий год, когда драккары норманнов, взрывая воды Варяжского моря, вошли в озеро Нево и по Нево-реке, а затем Волховом добрались до Новгорода. Драккары Рюрика причалили к новгородскому берегу, а Аскольд и Дир отправились в поисках добычи дальше.

Потом пришло известие, что Аскольд и Дир бросили якоря в Киеве, убили полянских князей Кия, Щека и Хорива и взяли власть над полянами. С той поры они и сидят князьями киевскими.

Иногда Олег думал, не попытаться ли ему урядиться добром с Аскольдом и Диром да пойти на Царьград сообща. Но он прогонял эту мысль. Тогда не будет единства славян, и каждый князь станет тянуть на себя, а этого Олег опасался.

Олег не боялся моря, норманны — его дети, господа моря и вселенной, но до той поры, пока они организованы в одну силу. Такими норманнов создал Вотан, их бог, их покровитель.

И еще Олег знал: викинги не могут ждать и не привыкли вкладывать мечи в ножны. Он убедился в этом, когда от него ушел Гард с викингami, теперь Новгород может покинуть ярл Вукол. Он не скрывает этого. Тогда с Олегом останутся только русичи, и им Олег верит, а в их храбрости убежден.

Даже зимой болоту нет веры. А земля новгородская болотами богата. Вон осока, рядом снежный намет — там жди полыньи. И так на каждом шагу: опасность подстерегает неожиданно, стоит только оступить. Поэтому Лада идет на широких лыжах осторожно, пробуя дорогу.

Княжне не терпится опробовать новый лук. В ней говорит азарт охотника. Накануне в версте от княжьего двора лопарь обнаружил тетеревиный ток и позвал с собой Ладу. Он шел впереди уверенно, минуя коварные места.

— Урхо, где же? — спросила Лада.

Лопарь поднес палец к губам, и Лада догадалась: где-то здесь рядом. Урхо зашел с заветренной стороны, бесшумно раздвинул ветки, и Лада увидела, как на небольшой поляне топтался крупный красавец тетерев. От сознания своей важности он совсем потерял бдительность, токовал, приглашая подругу.

Ладе стало жаль убивать его, но она пришла охотиться, и если оставит тетерева живым, Урхо больше никогда не возьмет ее с собой.

Лада подняла лук, наложила стрелу и натянула тетиву... Когда Урхо поднял тетерева, на снегу осталось алое пятно.

Возвращались домой молча. Лопарь нес птицу, и ему было непонятно, чем недовольна молодая хозяйка.

У ворот двора медвежья и козлиная головы на шестах отгоняли злых духов. Лада обернулась к Урхо:

— Возьми тетерева себе, он твой.

От князя Юрия не укрылось — непонятное творится с Ладой: то весела не в меру, то грустна. Подступил к ней с расспросами — она отмолчалась. Жене тоже невдомек. Призвал князь гречанку:

— Ты, Анна, за Ладу в ответе! Сказывай!

Помялась гречанка, но князь был суров, и она призналась: любовь явилась к княжне, но к кому, ей неведомо.

Мысленно Юрий всех перебрал, но так и не догадался. Решил Ладу пока не допрашивать — время укажет.

Мрачная, глухая ночь. Воют собаки на дворе кривичского князя Мала. Темень, ни огонька. Не стучит в колотушку караульный, и не слышно человеческого голоса. Но вдруг, будто из глубины земли, раздался вопль. Караульный зашептал:

— Чур меня, чур меня...

Тут послышался ехидный, со смешком голос Мала:

— От кого чураешься, холоп?

Вздрогнул караульный, от страха едва вымолвил:

— Будто вскричал кто-то, князь!

— Молчи, кобылья голова!

— Молчу, князь, молчу, ровно рыба.

— То-то, ино сам завопишь.

И ушел. По снежному скрипу караульный догадался: Мал направился в сторону подземелья, где томились князья ослушники...

А Мал той ночью казнил ватажников, каковым надлежало убить Ратибора с гриднями и увести обоз. Может, и миновала бы их суровая кара, кабы не угроза Олега. Мал рассудил по-своему: лучше убрать атамана с товарищами, нежели пострадать от варяга.

Не спалось Олегу. С вечера будто сморил сон, задремал и как наяву увидел отца. В высоких сапогах, в броне, но на голове не шлем рогатый, а обычная войлочная нурманка. Отец положил ему на плечо тяжелую ладонь, заглянул в глаза, сказал:

— Ты задумал помериться силой с самим императором ромеев, и я горжусь тобой — ты настоящий викинг. Рюрик говорит, ты дитя фиордов и бога Вотана. Но он не прав, ты мой сын и сын бедной Греты.

Помни: когда ты поплывешь в страну ромеев, я буду с тобой.

Пробудился Олег, но сон голову не покидает. К чему такое привиделось? Может, отец слышал его, Олега, слова? Но ведь он разговаривал мысленно. Значит, в ином мире слышат даже то, что человек не произносит вслух...

Олег покликал отрока, велел вздуть огонь. Отрок внес свечу, и ее блеклое пламя осветило опочивальню. Из гридницы, где спала часть младшей дружины, раздавался густой храп. Подчас Олег завидовал этим крепким ребятам. Их не тревожат сомнения, они не знают забот. По первому зову они готовы вступить на драккар или сесть в седло, чтобы скрестить с врагом свои мечи. Такими гриднями и силен он, Олег...

Снова на ум пришел разговор с отцом. Подумал: а слышит ли его, Олега, мать? Хотя он редко вспоминал ее. Там, в стране, куда Вотан забирает норманнов, в царстве мертвых отец и мать живут вместе... А в домике у фиорда осталась одна Лаура, совсем чужая ему женщина...

Теперь Олег твердо решил: с весны он начнет готовиться к походу, но когда поведет отряды, будет известно ему одному. Пусть князья гадают, где бросят якоря ладьи новгородцев. А в городе останется посадником князь Юрий...

Олег вдруг вспомнил, как требовал показать ему Ладу. Улыбнулся. Нет, Юрий еще не знает его, Олега, и если он сказал, чтобы Лада вышла к нему, так и будет.

Коли она красива, как об этом говорят, он возьмет ее в жены, и она последует за ним, куда он велит... Им не любовь движет, а потребность владеть женщиной. Лауру он пожалел, без любви она стала его женой, и спроси его, какую из своих наложниц он любил, Олег рассмеялся бы. Любовь викинга — поведывать женщиной.

Со сторожевой башни Детинца донесся окрик дозорного:

— Стереги-ись!

С новгородских стен откликнулись:

— ...И-ись!

Олег встал — босые ноги потонули в медвежьей шкуре, разбросанной на полу, — подошел к окну. Снег бил по стенам, крыше. Бесновалась непогода. Неожиданно в проеме между тучами блеснула звезда, преломилась разноцветьем через слюдяное оконце. Олег прошептал:

— О Вотан, это отец смотрит на меня. Сегодня, отец, я слышал твой голос. Ты покинул мир, когда я был юн, но ты следил за мной с высоты и придавал мне уверенность...

Тучи сомкнулись, и Олег, постояв немного, улегся на лавку.

ГЛАВА 2

Не миновать новгородцам Киева. Ушкуйники с Ладogi.

Заботы смерда. Новгородское торжище.

Ивашка-дружинник. Замыслы Олега. Князь кривичей.

Лада — жена Олега

В молодости, когда годам не ведут счет и хвори не одолевают, весело жил Ратибор, ушкуйничал. С ватагой таких же крепких молодцев по рекам, по болотам с волокушами ходили в землю чуди, заставляли признавать власть Новгорода, хотя сами годами не бывали в нем и не слишком вспоминали родные места.

Князья племен покорялись с трудом, сопротивлялись, не желая платить дань, и тогда новгородцы рубили остроги, умирляли непокорных.

Из чуди привез Ратибор жену, молчаливую, хозяйственную, поставил дом о двух ярусах, с клетями и подклетями, огородился высоким тыном, а как пришел в Новгород Рюрик, первым из новгородцев вступил в его дружину.

Дом Ратибора у самого Детинца: перекликаются ли гридни, коней ли взнуздывают — Ратибору все слышно. Стены Детинца в четыре человеческих роста.

Встанет всадник на коня, руку протянет и не достанет верха. Снаружи Детинец опоясан рвом, а через него мостик к воротам переброшен.

Ограждения Детинца при Рюрике переделали, вкопали лесины одна к одной, за первой окольцовкой — вторая, третья, а междурядья землей насыпали.

Детинец одной стороной к реке Волхову прилепился, а к нему примыкает мощенное плахами торжище — любимое место Ратибора. Здесь можно повстречать гостя из любой страны.

Однажды, когда Ратибор был отроком, нанялись они с ушкунниками охранять купеческий караван, шедший в город Скирингсааль. Сначала они плыли по Волхову в Нево-озеро, потом Нево-рекой вышли в Варяжское море. Оно встретило их сурово. Штормило, сердито перекачивало волны. Пока добрались до ближнего фиорда, море проглотило одну ладью.

Переждав ненастье, подняли паруса, но настало безветрие, и пришлось налечь на весла, попотеть.

Город Скирингсааль шумный, многоязыкий. Здесь собирались гости со всего мира. Дома в Скирингсаале каменные, вечнозеленым плющом увитые, улицы, булыжником мощенные, и склады для товаров вдоль берега растянулись. Тут и гостевые дома.

В одну из ночей в Скирингсаале Ратибора едва не убили. Возвращался он на ладью из портовой таверны — весело посидел, какие-то девицы к нему подсаживались, — едва на причал вышел, как из темноты два лихих человека заступили ему путь. Навалились на него ради поживы, да не рассчитали силы.

Озлился Ратибор, стряхнул их. Одного замертво кулаком свалил, другой на него ножом замахнулся. Тут Ратибор ему руку вывернул, бродяга взвыл дико, а Ратибор уже поднял его и в море кинул.

Тому минуло с десяток лет, но Ратибору до сих пор видится торговый город в краю скандинавов, насквозь продуваемый сырыми ветрами, с частыми дождями и туманами...

Зима перевалила на вторую половину. Днем морозы стали мягче, но по ночам забирали свое. Как-то собрался Ратибор в Детинец, а накануне позвал тиуна. Седой бородатый старик в овчинном тулупе и валенках, в мохнатой шапке явился немедля, позванивая ключами. Ратибор ждал его на крыльце. Сказал:

— Надобно припасы проверить, хватит ли до новины.

— Да уж лишку не допускаю. Однако поглядим.

Вдвоем они обошли клетки, заглянули в бочонки с солониной, кадки с салом, закрома с зерном, липовые кадучечки с медом.

— Всего в достатке, боярин,— заключил тиун.

Ратибор заметил, довольный:

— От лихих людей уберечься бы.

— У нас псы лютые, я их сырым мясом кормлю, чтоб кровь чуяли.

Ратибор промолчал: тиун — человек верный, хозяйского не упустит, в доме и на подворье — везде поспевает. Отлучись воевода из Новгорода, тиун за всем доглядит...

У ворот Детинца Ратибор повстречал князя Юрия. Тот слез с седла, передал повод гридню.

— Все так же крепок, воевода?

— Покуда не жалуюсь.

— А я вот в Новгород явился, к конунгу. Смердожогщик в лесу берлогу обнаружил, так я Олега звать приехал. Не желаешь ли с нами на охоту?

— Медведь один, а вас двое, князь Юрий,— отшутился Ратибор.— Аль не одолеете?

Юрий повязку на глазу поправил, о другом заговорил:

— Ко мне, воевода, от кривичей один занятный человек прибежал, попросил укрыть от князя Мала. Я ему до поры приют дал, авось пригодится. Смекаешь?

— Понимаю.

— Ну коль от охоты отказался, славить Коляду зову.

— Благодарствую.

И распрощались.

Хозяин ожоги в летах и немощен, а потому о берлоге поведал князю. Будь смерд помоложе, сам бы поднял медведя, нынче же сила не та, руки не удержат рогатину. А Юрий посулил одарить медвежатиной.

От усадьбы до ожоги князь с конунгом добрались на волокуше. С ними два отрока из младшей дружины. Оставив гридней и волокушу у ожоги, охотники направились к берлоге. Миновали кучу сухого валежника — его смерд сожжет весной и перепашет поляну, посеет яровые хлеба, а осенью озимую рожь.

Шагали молча, настороженно. Но вот смерд остановился у древнего дерева, подал знак. Чуть в стороне темнел лаз. Юрий приблизился, сунул длинный шест в берлогу, принялся дразнить медведя. Тот долго не просыпался, наконец зарычал сердито и вдруг выскочил из берлоги, ровно камень из пращи. Юрий и отпрянуть не успел, а Олег взять медведя на рогатину, как зверь уже ломал князя, рычал свирепо. Отбросив рогатину, Олег выхватил нож, ударил под левую лопатку и снова ударил. Оскалившись, медведь осел, завалился на бок бездыханным.

Подскочили смерд и гридень, помогли князю Юрию подняться. Его короткий кожаный полушубок был изрезан медвежьими когтями, изорван в клочья. Князь сел на сваленное дерево, передохнул. Подозвал гридня:

— Разожги костер да зажарь печень. А ты, смерд, отруби себе медвежатины и сними шкуру.

Олег присел рядом с Юрием:

— Да, ловок зверь.

— Эка он меня облапил, ровно девку,— покрутил головой князь.

Олег рассмеялся:

— Хороша медвежья потеха...

— Куда лучше. Надолго запомню.

Потом они пили вино, заедали медвежьей печенью. Она была сладкая и чуть-чуть кровоточила. Юрий спросил:

— Ночевать ко мне поедешь?

Олег поднял брови:

— К чему кличешь, коли Ладу от меня хоронишь?
В Новгород отправлюсь.

К Новгороду подъехали в полночь. Еще издали увидели, как город светился факелами. Они горели и на крепостных стенах. И оттого небо над городом казалось темным. Сыпал редкий, но крупный снег. Воротная стража, узнав конунга, открыла ворота. Шум и общее гулянье захватили Олега. Пока к Детинцу ехал, не одну толпу повстречал. Из дома в дом, от избы к избе с песнями и прибаутками ходили славители. Весело, с приплясом брели, скоморошничали. С подворья Ратибора вывалились с песенкой:

Уродилась Коляда
Накануне Ярила
За рекою, за Волховом...

За годы жизни среди славян Олег хорошо усвоил их обычаи. Сегодня они славят свое божество, собирают подношения для общей жертвы богу солнца.

Песенники отдалялись, но слова песни еще можно было разобрать:

В тех местах огни горят,
Огни горят великие...

Застучали копыта по мостику через ров, и Олег въехал в Детинец. У высокого крыльца соскочил с коня, кинул повод отроку. Светились оконца хором, из гридницы доносился гомон, голоса. Гридница просторная, резные столбики подпирают потолки, пол свежей соломой устлан, и повсюду столы, а за ними на лавках гридни-славяне сидят. Светят жировые плошки, скупое освещают гридницу и воинов. Олег скинул на руки отроку подбитый мехом плащ, уселся между гриднями. По столу, по опорожненным блюдам понял: гридни гуляют с вечера. Ему подали кубок. Все

смогли в ожидании. Олег обвел гридницу взглядом, сказал:

— За дружину мою верную!

Отроки поднялись дружно:

— За конунга, за князя!

Тут только Олег увидел Ратибора. Он сидел в дальнем конце стола. Олег подумал, что Ратибор непрост, в учении с отроками строг, а на пирах в застолье не с боярской дружиной, а с младшей. Не оттого ли любим гриднями? Вот и ныне с отроками Коляду славит.

Хлопнула дверь, и с морозными клубами воздуха в гридницу ввалилась толпа славителей с песнями, прибаутками, все закружилось, загудело, застучало. Закачалось пламя в плошках.

Олег незаметно покинул гридницу. Следом за ним в малую палату вошел Ратибор.

— Отчего у князя Юрия не остался? Аль потчевал плохо?

— Да уж куда лучше! Только у него медведи опасны,— отшутился Олег.

— Уж не медведица ли? — с усмешкой прищурился Ратибор.

— Ты, воевода, догадлив, но я ту медведицу обломаю.

— Ой ли! Уступит ли князь Юрий?

— Тебе ли, воевода, меня не знать? Я ведь что замыслю, от того не отступлю. Ответь мне, Ратибор: дружна ли чудь с Новгородом? Твоя жена из чуди и сестрой князю Эрику приходится.

Воевода задумался.

— Трудный вопрос, конунг. Как могу я предвидеть мысли князя Эрика?

— Разумно, Ратибор. Ты спросишь, почему я интересуюсь этим? Думаю, пойдет ли чудь со мной на ромеев.

— Но то ведь не скоро случится?

— Однако час пробьет. И верь мне, Царьград увидит наши дружины.

— Я верю в это, конунг.

— Когда ромеи откроют врата Царьграда, а император подпишет ряд, я скажу: исполнилось слово, данное мною Рюрику. Есть государство Русь, и на великом княжении отныне сидеть Рюриковичам! Мне подсказывает это голос отца, викинга Густава.

— Ты, Олег, мудро глаголешь, одно не разумею: как Киев минешь?

— Истинно, Ратибор, на нашем пути встанут Аскольд и Дир — я помню об этом. И мне ведомо: они сильны и их дружины уже стояли под стенами града Константина. Они принудили базилевса Царьграда подписать с ними ряд, но разве император исполняет его? Еще ведаю, Аскольд и Дир коварны.

— Коварство упреждают коварством, — перебил Олега Ратибор.

Олег потер шрам.

— Ты прочитал мои мысли, воевода. Когда мы простимся с Новгородом, это станет началом конца Аскольда и Дира.

Все лето и осень старосты кончанские наряжали большим числом тяглых рубить лес, колоть бревна на плахи, а по морозу их волоком тянули в Новгород, меля, где подгнили, мостовые.

Глухо стучали топоры, вжалили пилы, мастеровые торопились обновить плахи на торжище и причалах: близились весна, а с ней и гости торговые пожалуют.

На Макария солнце светило ярко, и новгородцы утверждали — быть ранней весне.

По обновленной мостовой Олег вышел к берегу. У самой реки одна к другой лепились низкие бревенчатые баньки. День был воскресный, и они курились по-черному. Вон из ближней выскочила баба в чем мать родила, красная, распаренная, нырнула в сугроб, побарахталась и сызнова в баньку на полук, веником березовым похлестаться, паром горячим дохнуть.

Олег удивлялся привычке русичей. Как-то попробовал он, попарившись, в снег броситься, да так ожгло холодом, что дух захватило.

На пристани склады бревенчатые, рыбные посольни, коптильни, от каких запах на весь Новгород тянется; сушильни дощатые, щелястые, чтоб ветер рыбу продувал; клетки, причалы, мастерские плотницкие и корабельных умельцев.

Причалы на сваях далеко от берега в Волхов подались, а вокруг вмерзли в лед лады, насады, расшивы, варяжские драккары.

По теплу вскрыется лед, судна выволокут на берег, просмолят, и они будут готовы к плаванию. Когда Олег поведет новгородцев по речному пути вниз, к Киеву, ему потребуется не одна сотня ладей и много воинов.

Конунг шел берегом неторопко, ко всему приглядывался, до всего ему было дело. Задержался у обработчиков рыбы. Здесь, в рыбных посольнях и коптильнях, трудился люд, солили и коптили рыбу, разделявали туши — на подледный лов обычно выходили многие новгородцы. Волхов и Ильмень рыбой богатые, щедрые, в каждой избе рыба — первая еда.

Появление Олега работный люд не затронуло, он часто бывал здесь. Конунг постоял, посмотрел и отправился своей дорогой к Детинцу.

Крупный, широкоплечий, он чувствовал себя на словенской земле уверенно. Но вот что было интересно, и это Олег давно заметил. Когда он высаживался на побережье франков или англов со своими товарищами, он и там чувствовал себя уверенно, как и другие викинги. Однако то была иная уверенность — уверенность в превосходстве своей силы над побежденными. В краю же русичей Олег чувствовал себя не победителем, здесь он обрел новую родину, новый дом и с ними, русичами, собирался не в набеги ходить, а государство славянское строить.

Ох, нелегкую ношу взвалил он на себя! Рюрик начал, а ему продолжать. Эвон, только по днепровско-

му пути живут полочане и дреговичи, радимичи и древляне, поляне и иные народы. И не все они добром примут его власть.

Олег представлял, какой станет Русь. От Нево-озера до моря Русского, где все есть, всего в обилии, но вот беда: нет порядка, и каждый князь со своим племенем живет особняком, врозь тянут, и не оттого ли плохо развиваются ремесла и торговый люд не видит защиты в чужих странах? Эвон в империи, в граде Константина, гостям русским не всегда на про-житье дают, а в город впускают под присмотром. Но он, Олег, подчинит князей-усобников и над всеми ста-нет великим князем, а после него Игорь, сын конунга Рюрика...

Весна заявила о себе неожиданно. Утром вышел Олег, а из-под укрытых снегом крыш капель, и тепло. Осунулся и рухнул снежный пласт, оголив тесовую крышу поварни. Взошедшее солнце окрасило редкие облака в розовый цвет...

Потом были еще заморозки, но в тот день весна дала о себе знать. Олег стащил рубаху, докрасна рас-терся сырым снегом. Отрок подал льняной рушник, подвел оседланного коня...

К обеду солнце пригрело, и на мостовых образова-лись проталины. Дубовые плахи паровали, и шустрые воробьиные стаи затевали шумные драки.

Копыта коня глухо выстукивали по мостовой. За еще пустынным торжищем гостевые дворы: Готский, Свейский, Греческий, Варяжский, обнесенные высо-ким тыном, с теплыми жилыми избами и надежными клетями для товаров. Сторожат клетки и гостевые дворы лютые псы. Сломается лед, очистится речной путь, и оживут дворы иноземцев и торжище.

На мосту через Волхов Олег остановил коня, ос-мотрелся. Река еще стояла подо льдом, и ребятишки озоровали на самой середине, возили санки и скользи-

ли на деревянных полозках. А в стороне какой-то рыбак пробил лед пешней, ловил рыбу.

Перевел Олег взгляд, Новгород осмотрел. Вокруг кремля — Детинца — и напротив за рекой разросся новгородский посад, изрезанный улицами. Домишки и избы тынами огорожены. На левом берегу городские концы — Неревский и Людин, на правой, торговой стороне — Словенский конец и Плотницкий, а чуть дальше Гончарский начал застраиваться.

За те годы, что живет Олег в Новгороде, разросся он, народом оброс, и все больше мастеровыми. А за городской стеной огороды и выпасы до самого леса и по лугам над Волховом.

Выбравшись за городские ворота, Олег оказался на заснеженном поле. Вдали темнел Черный лес, не хоженный новгородцами, пристанище лихих людей, воровских ватаг, какие зимой искали прибежища в посадах у гулящих девок.

Черный лес с болотами, весенними разливами, с дурманящим запахом и зелеными кочками, плывунами да трясинами. Стоячие воды щетинятся травами. Туда новгородцы за грибами да ягодами и то остерегаются ходить.

С весны до морозов эти глухие и обманчивые леса и болота надежно защищают Новгород от врагов. Но случалось, что в лесах скапливалось по несколько сотен ватажников, и их атаманы даже пробовали взять Новгород. В последний раз такое вышло при Рюрике. Толпа человек в триста подступила к стенам. Предводительствуемые своими отчаянными атаманами, они кинулись на приступ. Рюрик вывел дружину и на этом поле разбил ватажников. Часть их бежала в леса, иных изловили и продали в рабство проплывавшим купцам, а убитых и казненных зарыли здесь же, на поле...

Сопровождавший конунга гридень подал голос:
— Никак, едет кто-то!

Олег всмотрелся. С верховья к Новгороду катило несколько саней.

— Узнай кто.

Гридень пустил коня вскачь и вскорости воротился.

— Ушкуйники с Ладоги!

Олег подождал, пока поезд подъедет. Одни за другими трое саней подкатили, остановились. В дальнем пути кони притомились, от потных крупов валил пар. С передних саней соскочил крупный парень в овчинном тулупе и волчьей шапке, поклонился. Олег спросил:

— Откуда путь держите, добрые молодцы?

— С Ладоги, князь. Славу Новгороду добывали.

— Как кличут и чей ты сын?

Парень ответил с достоинством:

— Отец Ивашкой кликал, а матушка Иванушкой.

— А кто твой отец?

— Кончанский староста Плотницкого конца Доброгост. Третье лето я не бывал дома.

— Ты, зрю, молодец, Ивашка, силой не обделен и сметкой не обижен. Езжай к отцу, а как надумаешь, приходи в Детинец, я для тебя дело сыщу.

Сани тронулись, и Ивашка на ходу завалился в них.

Изба у Доброгоста крепкая, рубленая в два яруса, сам ставил. И хозяйство у него другим на зависть. Вот только детьми обижен: один сын, и тот редко дома живет, ушкуйничает. Но то не в осуждение: дело молодое. Бывало, нет Ивашки лето, другое, и вестей от него никаких, а у Доброгоста мысли всякие.

А нынче вернулся Ивашка и сразу объявил: хватит ушкуйничать, — и тем несказанно порадовал Доброгоста. Была у него мечта — передать сыну плотницкое умение. Но едва Доброгост о том речь повел, как Ивашка заявил: он-де к плотницкому делу желанья не имеет, а вот конунг звал его к себе в дружину.

Однако чему Олег парня научить мог, разве что мечом махать. Так новгородцу к тому не привыкать: едва застучит било, а в Детинце бирючи ударят в

барабан, сзывая рать, как люд уже берется за топоры с длинными топорщами. А вот быть плотником добрым не всякому дадено. Доброгосту, чтоб в старосты кончанские выбиться, годы потребовались, и делом надо было заслужить уважение. Доброгостовы помощники нынче в Плотницком конце люди известные. Поэтому и обидно мастеру, что не принял сын отцовскую науку.

Такие мысли у Доброгоста, у Ивашки же иное в голове. Человек он непоседливый, нрава веселого и хоть мало прожил на свете, но дорог исходил множество, где сушей, где водой. Отличным кормчим слыл у ушкуйников, силушке приложение искал.

Вернувшись домой, в первые дни нарубил он огромную поленницу дров. Парень здоровый, в самом соку, топором махал легко, играючи. Доброгост только радовался: эка выбухал! Однако замечать начал: томится сын, видать, скучает по вольной жизни. И не выдержал, махнул рукой:

— Иди, Ивашка, в Детинец, коли князь зовет.

Месяц березозол небо последнее выметает. Выпадет снег ночью, днем солнце пригреет — и он стает. Коркой покрываются сугробы, на глазах оседают, а из-под них ручьи выбиваются, журчат, да так звонко, словно разноголосая музыка играет.

Лед на Волхове и Ильмене посинел, сделался рыхлым, того и гляди, начнет трескаться, зашевелится. Уже редко какие рыбаки осмеливались выбираться на подледный лов. Однако Ивашка с товарищами рискнули. Заложили сани, отъехали за версту вниз по Волхову, сани на берегу оставили, а сами, взвалив на плечи сети и плетенные из тростника корзины, двинулись на середину Волхова.

Осмотрелся Ивашка — по всему видать, здесь должна быть рыба на глубине. Мокрый лед рубился легко, разлетались с блеском куски, брызгала водяная пыль. Вот одна полынья готова, принялись за другую.

А к первой уже рыба подошла вздохнуть. От полыньи пахло холодом. Ивашка с товарищами завели сети, потянули, а когда выволокли их и схлынула вода, на льду забились рыба...

К вечеру выбрались на берег, погрузили корзины на сани, сети уложили, тронулись в обратный путь. А когда подъезжали к Новгороду, по Волхову пошел треск, да такой оглушительный, ровно гром грянул.

— Лед раскололся,— сказал Ивашка,— теперь тронется...

Ночью ударили в било, пробудился город, загорелись факелы.

— Волхов взломало! — кричал народ.— Волхов пошел!

И спешили к реке, гомонили радостно:

— Дождались, ужо пробил час!

— Кормилица наша открывается!

Как живой шевелился Волхов. Льдины налезали одна на другую, громоздились, с грохотом наплзали на берег, терлись о борта ладей и драккаров, того и гляди раздавят. Ивашка любовался и не заметил, как за его спиной остановился Олег, сказал:

— Все думаешь, молодец, не решишься?

Повернулся Ивашка, увидел конунга.

— Непременно приду. Завтра же приду в Детинец, коль примешь, конунг.

Теперь у Ивашки не было сомнения: его место рядом с Олегом.

Едва стоял снег и еще не совсем очистился Волхов, а новгородцы уже выволокли на берег ладьи. Булькало над кострами смоляное варево, стучали топоры, корабелы конопатили днища и борта и тут же спускали ладьи на воду. Они покачивались на волнах, а тем временем им обновляли паруса, чинили старые. На драккарах возились варяги. Олег взошел на корабль, где работали викинги Вукола, остановился. Пахло смолой. Под ногами почувствовал подрагива-

ние драккара. Так случается с норовистым конем, когда он рвется с повода.

На душе у Олега стало беспокойно. Ворохнулось давнее — как плавал с Рюриком и их драккар бороздил моря, как обдавали конунгов соленые брызги Варяжского моря. Стремительная высадка викингов на чужой берег, крики боя, звон металла и запах пожарищ...

Спросил у Вукола:

— Не передумал?

Тот покачал головой.

— Когда уходишь?

— Теперь скоро. Может, с нами, конунг? Вижу, ты помнишь, что рожден викингом.

— Ты прав, Вукол, я викинг, но уже не тот. Разве ты забыл мою клятву Рюрику на мече и то, что Вотан слышал мои слова? Он покарает меня, если я нарушу обещание.

— Ты возьмешь с собой Игоря, и мы вырастим из него отличного викинга.

— Нет, ярл Вукол. То, что замысливал Рюрик, мне дорого, и я продолжу начатое им.

И сошел на причал. На пристани мастера Плотницкого конца обновляли склады, меняли тес на крышах. Когда приплывут иноземные гости, все будет готово принять их.

Олег не слишком вникал в городские заботы: это дело кончанских старост и люда новгородского. Так повелось в торговом Новгороде издавна: и когда сидели в нем князья из земли словен, и при Рюрике. Дело князя и дружины — город оборонить, дань собирать и, коли какое из племен взбунтуется, усмирить его, держать в покорности.

С мастерами Плотницкого конца работал и староста Доброгост. Заметив Олега, он вогнал топор в бревно, подошел:

— Ты, конунг, Ивашку мово в руках держи, ино разбалуется.

— Я твоего сына, Доброгост, кормчим на свою ладью определяю, а дондеже с дружиной поживет, в седле посидит.

А у Ивашки — ни забот, ни хлопот, плелся по Неревскому концу, ротозейничал. Видит, у избы баба стоит, пухлые руки на груди скрестила.

— Ух ты! — выдохнул Ивашка и приостановился.

Баба глазами стрельнула, прицениваясь. По всему видеть, у парня кровь гуляет, и собой видный. Сказала с хрипотцой:

— Почто ухаетшь? Заходи, пригрею, чать, озяб.

И всю ночь грела, насили Ивашка к утру от нее вырвался.

Земля и лес кормили огнищанина. Хозяин ожоги готовил поле под яровые. Спозаранку впрягал в соху клячу, взятую с конюшни князя Юрия, и пахал клочки земли, отнятые у леса.

Тянуло влажным ветром, скрипел сошник, и натруженные руки налегали на рукояти.

Конь и смерд были оба старые и немощные, но то не княжья печаль. За эту клячу тиун князя взыщет со смерда треть урожая.

С той охоты, когда медведь едва не задрал князя Юрия, смерд слегка отъелся медвежатиной, потом к нему в силки попало несколько зайцев, а на лесном озере, что в полуверсте от обжи, в сплетенные из осоки верши набилось рыбы — караси один к одному.

У смерда нет хлеба с ползимы, но он берег зерно на семена. Случалось, к нему в обжу забредал в гости лопарь, и, если было холодно и дождало, они коротали время в избе, топившейся по-черному, а по погоде просиживали у костерка, варили уху или жарили на вертеле зайчатину, больше молчали, но им и без того было хорошо, ибо каждый думал о своем.

Распахав поляну, смерд бережно высеял зерно, забороновал и все шептал, просил у Дажбога урожая.

Чтобы звери не вытоптали всходы, смерд загородил их жердями, днем пугал птиц, склевывавших зеленя, и радовался, как дружно ошетинились земля

Нет у смерда семьи. Много лет назад наскочили на обжу кривичи, увели жену, а детей он схоронил, когда они были малолетками. Люди звали смерда переселиться на ближний погост, но он отказался: здесь родился, здесь и жизнь закончит.

Тягостно смерду. Особенно в неурожайный год. В прошлое засушливое лето почти все, что собрал, князю досталось. Ему все равно, уродило поле или нет, но он, смерд, должен отдать и за землю, и за коня. И тиун забрал не треть, а половину урожая. Но к кому пойдешь с жалобой, когда и земля и лошадь — все княжье. Одно и остается — просить урожая да ждать конца жизни.

У смерда от усталости подкашивались ноги и дрожало тело. Он ходил за сохой, и ему хотелось упасть здесь же на пашне, прижаться к земле и лежать так вечно, но конь, надрываясь, шагал по борозде, низко опустив голову, и смерд плелся за сохой, кляня свою нелегкую долю.

Тиун, отняв половину урожая да еще огрев пахаря плетью, заявил: «Знай, смерд лукавый, половину из этого князь Юрий отправит в Новгород для дружины Олега».

Дружина у конунга Олега, дружина у князя Юрия, дружины у князей племен, какие есть на Руси, и всех их кормят смерды.

Боги создали смерда-крестьянина, заботника земли, и обрекли его на труд тяжкий, но великий. Перед ним, смердом, кланяться бы, а им помыкают, отбирают у него плоды его трудов, и он принимает это как должное, разве что разум иногда возмутится.

Увез тиун зерно — горе огнищанину, без хлеба остался. Воздел руки смерд, воскликнул в сердцах:

— Зри, Перун, как несправедлив мир!

Первыми причалили гости свейские, степенные, спокойные, наняли телеги, перевезли товары на гостевой двор и не успели еще лавки открыть, как приплыли купцы готские, варяжские, греки из богатого Херсонеса, ромеи из Царьграда. Эти все больше суетливые, шумные.

Загудело торжище разноязыкое, с голосистыми калачницами и сбитенщиками, бражниками и нищими, бродягами и воровским людом.

Потешают честной народ скоморохи, на дудках играют, песни занятные распевают. От лавок, где торг ведут гости иноземные, зазывно кричат купцы, потрясая шелками и парчой, украшениями драгоценными, бронники бахвалятся броней свейской, мечами знатными.

В своих рядах предлагают товар новгородские мастера: кожевники и кузнецы, ткачи и плотники, гончары и оружейники.

Ивашка по торжищу прогуливался, товарами заморскими любовался: и какого только дива дивного не привозят гости в Новгород! Побывать бы в тех странах неведомых, поглазеть на народ тот да на жизнь его. Ужли не доведется? Жаль, пути-дороги ушкуйников на север и на восток ведут, к Уралу, а кабы к морю Русскому либо Хвалынскому, он, Ивашка, отправился бы не задумываясь.

Побродил Ивашка по торжищу, потолкался, оголодал. Ноги сами собой занесли его в калачный ряд. Пироги одни другого сдобнее, румяные, душистые. Достал деньгу, но тут его баба-пирожница за рукав ухватила. Поднял Ивашка глаза и обомлел: баба знакомая, у которой ночь провел.

— Признал, милый, аль дорогу забыл? Чать, в грех ввел, да, ровно кот вредливый, в кусты?

Ивашка едва от бабы вырвался и деньгу у нее оставил. А она вслед ему на все торжище орет:

— Вдругорядь заявишься, уши нарву!

Люд хохочет:

— Ай да баба, огонь!

— У такой не сорвется! С корнем выдерет!

У Волхова Ивашка повстречал товарищей, с кем на Ладоге ушкуйничал. Они его сызнава принялись подбивать с ними в Заонежье отправиться.

— Айда с нами на жизнь вольную, разгульную!

Рьяно уговаривали, Ивашка едва было не согласился, да вовремя опомнился: слово отцу давал и про службу у Олега вспомнил...

Расстался с товарищами, а на душе муторно: может, напрасно к конунгу в дружину пошел? Жизнь ушкуйная потянула...

Вернулся Ивашка в оружейный ряд. Перед лавкой гостя, торговавшего свейской броней, остановился. Отливала рубаха кольчужная синевой, была вязки затейливой. Ивашке известно: свейское железо отменное, ни мечом не разрубить, ни стрелой не пробить.

Подошел Олег. На нем рубаха темного атласа, серебряной нитью шитая, с крученым поясом, штаны тонкого полотна, в мягкие сапоги вправленные, а на голове шапка-нурманка. Спросил:

— Броня приглянулась? Знатная. Дорого? Жизнь — она дороже. Бери от меня в дар, отслужишь.

В пушных складах стоял густой терпкий запах кож. Связки мехов, переливаясь серебром, висели на вбитых в стены колках. Склады эти — собственность Новгорода, он ведет широкий торг. Меха город получает от покоренных народов. Все дальше и дальше, к Онеге и к Северной Двине пробираются новгородские ушкуйники, ставят в тех землях острожки, собирают дань обильную, и Новгород именует те края своими пятнами.

Казною ведали выборные старосты, а стерегли ее городские ратники. Старосты собирались в своей избе, что стоит в Детинце, вели всему строгий учет и записывали все в берестяные грамоты. При нужде, коли требовалось, старосты давали новгородскому вечу отчет по расходам и прибылям. Ни Рюрик, ни

Олег не нарушали это правило, хотя варяги требовали забрать всю казну. Они говорили:

— Это наша добыча. Не для того ль мы в Гардарике?

Но Рюрик отвечал:

— Вы не на щит взяли город, вас добром впустили, а потому о какой добыче речь ведете?

Олег согласен с Рюриком: новгородцы не приняли бы викингов, изгнали их из города, если бы они ограбили городскую казну. Силой в Новгороде не усидишь.

И еще Олег думал, что, когда он пойдет вниз по Днепру, ему придется поклониться старостам, и тогда люд новгородский позволит открыть пушные склады и выделит серебра и золота, сколько потребуется для похода...

Славен Новгород, крепки его обычаи, и Олег не нарушал их. Новгород стал ему опорой во всех его замыслах.

Уплыл ярл Вукол, и не осталось с Олегом варягов. Отчалили от пристани оба драккара утром, еще до восхода солнца, но Олег даже не вышел провожать их: болела душа. Викинги — вот последнее, что связывало его с родной Упландией. Отныне у причалов покачивались лишь насады, расшивы, ладьи да корабли гостей иноземных, а в дружине одни русичи. Скальды, слагавшие саги о подвигах викингов, и те покинули Новгород. Но о том Олег не жалеет: с ним славяне-гусляры, и они восславят подвиги и храбрость дружины их князя.

Утром пришел Ратибор. Олег был мрачен, хмурился. Воевода подсел к нему, сказал:

— Конунг, ты мог уйти с ними, но ты остался, и мы верили тебе. И мы не ошиблись. Так верь и ты нам. Пусть душа твоя возрадуется, как возрадовался бы и конунг Рюрик, окажись он на твоём месте. Ты был конунгом для викингов, конунгом величали тебя

и мы, но отныне ты наш князь, и знай: дружина русичей всегда с тобой, куда бы ты нас ни повел...

А ночью Олег снова увидел отца, викинга Густава. Но уже не одного, а с Рюриком, и они говорили ему о том же, о чем сказывал и Ратибор. И еще отец заметил: «С тобой славяне, сын, и по-иному быть не могло, ибо ты задумал построить государство славянское. А что тебя покинули викинги, значит, так Вотану угодно. Принимай все, как есть...»

С уходом варягов люд новгородский собрался на капище и, окропив жертвенный огонь кровью быка, воздал должное Перуну.

Ивашка Неревский конец теперь стороной обходил, особенно избу пирожницы, а на торжище в калачный ряд и ногой не ступал, остерегался окаянной бабы: что ей стоит в краску вогнать?

Но иногда Ивашку, ровно кота блудливого, подмывало заглянуть к ней в избу, да остерегался: ну как она его, что мальчишку, за уши выдерет, грозила-то...

С того дня, как купил Олег Ивашке свейскую броню, забрал он его в Детинец в дружину и все больше при себе держал. Видать, приглянулся ему парень и силой и хваткой. Может, напоминал Олегу, каким тот сам был в отрочестве.

Привечая Ивашку, Олег и не думал, что тем входил в доверие к Доброгосту и через него к другим кончанским старостам и знати новгородской.

— Не по крови варяжской Олега судить будем, а по делам,— говорил Доброгост.— Нынче он Новгороду служит.

Старосты кончанские с ним соглашались, поддакивали:

— Да, по всему видать, не на день, а навсегда князь с нами. Не с оглядкой на прошлое живет...

Однажды Ивашка привел в княжьи хоромы мальчика лет семи, вихрастого, босого, в рваных холщо-

вых портах и латаной рубахе. Олег в недоумении посмотрел на него, потом перевел глаза на Ивашку:

— Чем он тебе приглянулся?

— Ты послушай его, княже,— промолвил Ивашка.— Ну-тка! Да ты не бойся,— подбодрил он мальчишку.

Тот вытащил из-за пояса тростниковую свирель, приложил ее к губам, и музыка, тихая и ласковая, как ясный утренний рассвет, разлилась по горнице.

Замерли отроки, притихли бояре, закрыл глаза Олег, а свирель выговаривала-пела. Но вот мальчишка опустил дудочку, и Олег очнулся.

— Как зовут тебя и чей ты сын?

— Он из погоста, какой ярл Гард ограбил. Отца у него нет, убили, а мать умерла,— поспешил ответить Ивашка.— А зовут его Свенельд.

Помрачнел Олег, погладил мальчика по вихрам, сказал:

— Отныне ты, Свенельд, станешь жить с княжичем Игорем, товарищем ему будешь. А тебе, Ратибор,— обратился он к воеводе,— мой наказ: грамоте и ратному бою его обучай, как и княжича Игоря. Пусть добрый воин из него получится...

Перед самым рассветом застучали в било. Ему вторили на всех новгородских концах. Пока Олег одевался, Ивашка уже с новостями прибежал:

— Клеті гостей греческих лихие люди почистили. Сторожа связали, товары унесли. След к воде ведет.

Сколько лет прожил Олег в Новгороде, но такое впервые случилось, чтоб в самом городе разбой над гостями учинили. Купцы иноземные всегда были у Новгорода под защитой.

— Не иначе свои воровством промышляли,— продолжил Ивашка,— тропинкой меж банями уходили, а там на тот берег переправились...

Олег едва показался на вечевой площади, а народ уже собрался, волнуется, шумит:

— Стыдно, князь, Новгород гостей обидел!
— Такое досель было неведомо!
— Люд торговый город стороной обходить будет!
Доброгост сказал Олегу:

— Видать, хмельные были.

Олег ответил резко:

— Хмель не отговорка, нам дурной славы не надобно.

Народ горланил, требовал:

— Как судить их станем, князь?

— Вашим судом, люд новгородский! — ответил Олег и покинул вечерую площадь.

А народ кричал грозно:

— Смерть! Смерти достойны!

Такой приговор не удивлял Олега. Так карали воров и у них в Упландии. Смерти достойны посягнувшие на чужое и здесь, на Руси, ибо государство, где воля татям, не имеет крепкой власти...

Изловили воров к полудню. Они прятались в овине, на краю новгородского посада. Двух гулящих новгородцев приволокли на вечевой суд. Доброгост сказал:

— Утопить их в Волхове другим в острастку!

И вече поддержало старосту:

— Так и впредь будет, кто Новгород опозорит!

У князя Юрия тын высокий и насыпь земляная ровом, а за оградой бревенчатые хоромы, постройки разные, изба для дружины — она у него в три десятка, — конюшни, загон для скота.

У ворот днем и ночью два гридня дежурят, на них кольчуги кожаные с медными наклейками. На дружинниках штаны кожаные, железные шлемы прикрывают головы. Оружие — копье да меч, а щиты из медвежьей шкуры.

Дружинники все бородатые: не поймешь, молодые они или старые?

Князь Юрий о дружине мало печется, воевать забыл когда и ходил. Она у него разве что для охраны подворья и сбора дани.

В полюдьё князь ездил зимой: до погостов по морозу на санях только и доберешься — кругом болота, глухомань непроезжая. За данью ехать — без дружинников не обойтись. Какие смерды добром не отдадут, у тех силой забирают.

Иногда на правеже князь целые погосты ставил босыми на снег. Померзнут — последнее отдают.

Три лета назад князю Юрию в отместку усадьбу сожгли, так он пожогщиков не искал, смердов со всех погостов согнал, заново отстроился, а мужикам в науку изрек:

— Вдругорядь, чем огонь высекать, думать будете.

Утром и вечером князь неторопливо обходил двор и единственным оком доглядывал за всем зорко. Поругивал тиуна и стряпух, в поварне пробовал из котла: им дай волю, они княжье беречь не станут, а Юрий дружину кормил все больше кашей из драного зерна, без мяса, дворне же и того не перепало.

Два дня назад приезжал к Юрию гридень князя Олега, привез мальчишку, чтоб жил вместе с княжичем Игорем. Гридень сказывал, Олег намерен навестить князя. Юрий недоволен: Олег наезжает не один, с ним гридней с десятков, и всех их корми, лошадям овса задай. А Олеговых дружинников не накормишь одной кашей, как своих.

Юрий сокрушался: эка, повадился к нему Олег, ну почто не к Малу? И Игоря со Свенельдом там держал бы — эвон какие расходы!

К приезду Олега Юрий велел наловить рыбы, послал нескольких дружинников невод завести, а сам смотрел, как они с ладьи забросили сеть в Ильмень, потом тащили ее к берегу. Невод длинный, шел с трудом, и Юрий покрикивал:

— Нижнюю веревку к земле прижимайте, рыбу выпустите!..

Лада от Анны узнала о скором приезде Олега. На душе и радостно, и тревожно: неужли это ее судьба? И княжна решила: если отец не хочет, чтобы Олег увидел ее, она сама покажется ему...

Лада считала дни, становилась то веселой, не в меру, то грустной. Такое поведение не укрылось от старой княгини. Она поведала о том князю. Юрий ответил:

— Ты, княгиня, за Ладой доглядывай. Коли чего, прячь от глаз Олега. Да Анне накажи: пусть при ней неотступно находится.

Минула неделя, за ней другая. Олег все не приезжал, и Лада решила, что новгородский князь уже не приедет.

А у Олега неожиданно появились другие заботы. Решили они с Ратибором срубить на Волхове крепкий острожек на тот случай, если кто с недобрым умыслом направится к Новгороду. Ратибор советовал в том острожке старшим Ивашку поставить, но Олег не согласился:

— Ему иное сыщется.

Ивашка, прознав, что воевода о нем речь вел с Олегом, обрадовался. Он представлял, как выберут они место, станут городить крепостицу, промышлять зверя и строить поселение. Отказ Олега огорчил его, но не надолго. Едва ватага ушкуйников отправилась ставить острожек, как Ивашкины огорчения исчезли. Нрава он был легкого, а потому и решил: если князь оставил его в дружине, значит, так тому и быть.

Спустя месяц Олег, взяв с собой Ивашку, вздумал посмотреть, где ушкуйники ставят острожек, удобно ли место.

Княжья ладя немалая, по восемь гребцов с каждого борта. Ивашка был кормчим. Шли все больше на

веслах, не могли поймать ветер. Плыли днем. К вечеру приставали к берегу, передыхали у костров.

По Волхову берега лесистые, зеленые. Иногда к воде выходили звери — лоси, вепри. А однажды увидели — медведь плавает, барахтается и людей не боится, не пуган.

На седьмые сутки за изгибом реки враз открылся острожек — стены свежесрубленные, густой часток, башня сторожевая и ворота.

Олегу место понравилось, одобрил: Волхов для обзора открытый, любой корабль издалека разглядишь.

Их заметили, ударили в подвешенную доску, и ушкуйники дружно высыпали встречать князя. Ладья еще к берегу не пристала, как ее потянули на мель. Днище скребнуло по камешкам.

— Князь Ивашку нам привез! — весело закричали ушкуйники.

— А что, Ивашка, без нас тебе худо?

— Да уж куда хуже!

У Олега сапоги высокие, на берег вброд выбрался. За ним другие заспешили. Ивашка с товарищами обнимается, новгородскими новостями делится. А Олег острожек обошел, заглянул в просторную избу, в клеть с припасами, засолочную и копильню. Хорошо осели ушкуйники, не на день, не на неделю, надолго обживают место.

К ночи, когда стемнело, развели костер, жарили на вертелах мясо вепря, рассказывали, как место выбирали и чем оно им приглянулось. Жаловались — гнус заедает, мошка всякая, а ушкуйник побойчее пошутил:

— Баб бы нам, князь.

— Эт так. Ты уж, князь, постарался бы!

Олег рассмеялся:

— Ивашка вам пришлет, с него спрос.

— Ты их, Ивашка, в ладью волоком тащи, а какая упирается, вяжи по рукам и ногам...

— Кривых, хромых — всяких примем!

Ивашка вдруг вспомнил бабу-пирожницу с Неревского конца, захохотал. Однако товарищам не сказал,

над чем смеется, только рукой махнул. Кабы узнали, зубоскальства не оберешься, говаривали бы: «Кой ты мужик, Ивашка, баба в страх ввела!»

Вниз по Волхову, саженьях в ста от причала, любимая Ивашкина купальня. Вода здесь чистая, и берег в кустарниках, а на той стороне песок крупный, белый, и по норам раков полно. Плавал Ивашка отменно, все больше саженьками, в три приема Волхов пронирывал. Купался, едва лед сойдет и до заморозков, оттого никакие хвори к нему не приставали.

Как-то пришел на свое место, а там уже Ратибор разделся, готовится в воду войти.

— Ну что, Ивашка, на тот берег?

Ивашка кафтан скинул, сапоги стянул, а Ратибор уже в воде плещется, пофыркивает довольно, кричит:

— Поторапливайся!

Разбежался Ивашка, нырнул, холодом дух перехватило ненадолго, от движений согрелся. А воевода советует:

— Не мельтеши, грудью волну режь!

Красиво плавал Ратибор, вымахивал свободно, воду не разбрызгивал. Ивашка залюбовался. Выбрались на тот берег, лежали, подставив солнцу открытые спины, разговаривали. Поведал Ивашка, как с ушкуйниками едва не угодил в плен к варягам. Случилось то на Ладоге. Неожиданно столкнулись. Насилу отбились, укрылись в лесу. А Ратибор вспомнил, как с новгородскими купцами до Киева добрался, и, по его рассказу, был тот город и больше, и красивее Новгорода, а Днепр широкий и величавый, вода чистая и спокойная. Стоит Киев на холмах, дома и избы в зелени деревьев, а князя на Горе живут, и весь город стенами крепостными обнесен, и те стены краем в Днепр опускаются. А посад свой киевляне Подолом именуют...

Рассказывал Ратибор увлекательно, и Ивашке как наяву виделся Киев. «Неужли,— думал он,— есть еще город краше Новгорода?» А воевода посмеивался: поглядишь своими очами — убедишься.

Мысли о походе на Киев не покидали Олега. Своими замыслами он поделился с Ратибором, и воевода с ним согласился. Чем неожиданней для Аскольда и Дира будет появление новгородцев на Днепре, тем меньше крови. Пусть киевские князья думают, что Олег ищет удачи в царстве ромеев.

Во времени Олег с Ратибором определились — весна будущего года, самое лучшее время.

— Начни нынче, киевлянам ли не понять, кто в осень на Царьград ходит: море беспокойное и дорога назад в лед оденется, — сказал Ратибор. — А к весне и новгородцы лучше изготовятся, и ладей новых настроим. Да и в Киеве сомнений не будет. Мала и Эрика позовем.

— Рать соберем немалую, ты прав, воевода. Кривичей и чудь покличем.

— Уродили бы хлеба, люда-то поведем немало. Не оставил бы Перун милостью.

— Смотрел я, смерды отсеялись. Накажу князьям этой зимой дань брать исполу, а кто из смердов воспротивится, тех сечь и силой отбирать.

— Пошлем ли к варягам за помощью?

Олег повертел головой:

— Варяги за добычей придут — тому Гард и Вукол свидетели. Мы же на Руси сами себе судьи. Держались бы кривичи со словенами заедино.

— Твоя правда, князь. Викинги пришли и ушли, а тебе жить среди русичей.

Удалился Ратибор, а Олег еще долго сидел задумавшись. Киевские князья в силе большой. Если догадуются, зачем новгородцы идут, жестоким будет сражение. Неожиданно вспомнил Гарда и улыбнулся: коварная мысль пришла в голову...

Мал не любил Олега, и тому у кривичского князя была причина. Когда в давние годы словенский князь Гостомysl позвал Рюрика в Новгород, Мал рассчитывал сам сесть князем новгородским. Не стало Госто-

мысла, умер Рюрик, и у Олега не кривичский Мал, а словенский князь Юрий на первом месте.

Олег догадывался о настроении Мала и не доверял ему, относился настороженно. Подними Мал кривичей против Олега, новгородцев ему не одолеть, да и у Олега дружина сильная. Новгородский князь разорит кривичей, а Мала убьет: неспроста грозил за столом.

Кривичам бы с полочанами заодно против Новгорода встать, да меж ними вражда. Полочане повадились в кривичских бортях мед брать, разбойничают — хоть войной на них иди — да еще и посмеиваются: «Нам ведь тоже сладкого хочется...»

Не любил Мал Олега, не любил и его воеводу Ратибора. Он хоть и из словен, но Олегу преданней, чем варяги. Те снялись с якоря и уплыли, а Ратибор все время с Олегом.

Сокрушался Мал, что не достали ватажники воеводу: звон как поусердствовал, дань собирая. Догадался, окаянный, кем ватага подослана. Ну да теперь ищи тех лихих молодцев, даже если того Олег и Ратибор захотят: Мал принес ватажников в жертву Перуну.

Иногда у кривичского князя появлялась мысль подослать к Олегу убийцу — такой верный человек у Мала есть, лучник отменный, — но князь опасался: ну как изловят лучника и он выдаст Мала? Ко всему Олег всегда в кольчуге, и с ним гридень неотступно.

И кривичский князь затаился: он выжидал.

Зимой Лада выслеживала белок в сосняке. Умные зверьки плавно перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево: казалось, летали невесомо. А то затаятся и зорко сторожат человека.

Белку бить трудно, для охоты нужны тупые стрелы, чтоб шкурку не испортить. Стрелы Ладе Урхо готовил, он и белку добывать научил. Урхо говорил:

— Белку стрелять можно, белку обижать нельзя. Урхо маленький был, глупый был. Зимой в дупле орешки забрал — умер белка...

Весной и летом Лада, обходя стороной болота, любила бродить по лесу. Здесь было прохладно, и пахла грибами многолетняя хвойная прель. Часто Лада была косуль и зайцев. Как-то она оказалась далеко от усадьбы. В лесу стояла тишина, только слышались голоса птиц. Лада шла осторожно. Но вот где-то неподалеку треснула ветка, и, храпя, ломая кусты, стороной пробежал лось. Княжна подумала, что она не могла поднять зверя, кто-то другой испугнул его. Но кто?

Лада пробиралась долго, наконец остановилась у родника, вытекавшего из-под корней развесистого дерева. Чуть постояв, она опустилась на колени. Чистая холодная вода бежала по камешкам. Лада сделала несколько глотков, как вдруг затрещали ветки и с дерева рухнула крупная рысь — пардус — с торчавшей в груди стрелой. Лада даже испугаться не успела, как Урхо уже спешил к ней. Лада поняла: когда она пила воду, рысь изготавилась к прыжку, но лопарь опередил зверя.

— Урхо, почему ты здесь? — удивленно спросила Лада.

Лопарь укоризненно покачал головой:

— Урхо следом шел, Урхо все видел. Лес опасен, а оморочо коварен.

И поднял морду с оскаленной пастью и торчащими ушками. Огромная хищная кошка с большими когтитыми лапами, страшная в своем неожиданном прыжке.

— Ты спас меня, Урхо, и дал хороший урок.

Лопарь вел Ладу в обжу к смерду. Миновали поляну, засеянную рожью. Она уже начала наливаться. Урхо пощупал колос, одобрительно поцокал языком.

На второй поляне Лада увидела обжу. Низкая покосившаяся изба с волоковым оконцем одной стеной лепилась к лесу. У ограды из жердей стоял хозяин —

худой бородатый смерд с большими руками, в длинной, до колен холщовой рубахе.

— Здравствуй, Добромир,— сказал Урхо.— Княжну вот к тебе привел.

Но Добромир княжну будто и не заметил, лопарю же обрадовался. Пока хозяин и Урхо здоровались, Лада присела на пенек, осмотрелась. К избе примыкал покосившийся хлев, тут же стояло несколько копенок прошлогоднего потемневшего сена. К Ладе подошла тощая облезлая собака, положила морду ей на колени. Лада погладила ее. Хозяин вынес несколько копченых рыбин, протянул одну Ладе. Она принялась чистить ее. Рыба оказалась свежая и жирная. Лада ела, делилась с собакой. Урхо жевал рыбу не торопясь, обсасывая каждую косточку. Урхо все делал обстоятельно: клеил ли лук, калил ли стрелы или ел — во всем чувствовался человек, знающий свое место в жизни. Это Лада давно уже поняла, но сегодня она смотрела на Урхо иными глазами. Лада видела перед собой не раба, как прежде, а человека с достоинством. Теперь она уважает маленького лопаря с седыми волосами и редкой бородашкой и отныне не позволит никому относиться к нему как к невольнику, а когда выйдет замуж, то непременно попросит отца отдать ей Урхо.

Смерд и лопарь сидели и молчали. Урхо не рассказывал смерду о нападении пардуса, как спас жизнь Ладе, и она поняла: для Урхо случившееся не имеет большого значения.

Добромир поднялся, сходил в бревенчатую клеть и вынес Ладе небольшой туесок с медом. Он был с вощиной, свежий, нынешнего лета: хозяин отыскал борть неподалеку. Пока Лада жевала сладкую вошину, Урхо принес родниковой воды.

— Словене поклоняются Перуну, лопари огнем и водой очищаются.

Лада погладила его морщинистую руку.

— Спасибо тебе, Урхо. За науку спасибо.

Лопарь расчувствовался:

— Ты, княжна, добрая, Урхо видит, Урхо понимает. Однако ворочаться надобно...

Домой шли молча. Лопарь нес переброшенную через плечо шкуру рыси с оскаленной пастью. За всю дорогу Урхо только и сказал:

— Вычину, память тебе будет, княжна.

На подворье расстались. Урхо направился в свою каморку, а Лада поднялась в светлицу. Только теперь она поняла, какая опасность ее подстерегала, не окажись рядом лопаря...

Но почему он шел за ней следом? Может, чувствовал, что смерть крадется за ней?

В светлицу вошла Анна, спросила:

— О чем мысли твои, моя госпожа?

Лада обернулась к ней:

— Урхо убил рысь.

— Лопарь ловок, и ему не впервой брать пардуса.

— Но сегодняшний необычный. В прыжке он намеревался достать меня.

Гречанка испуганно перекрестилась:

— Избави Бог, моя госпожа! Ты рассказала о том князю и княгине?

— Не следует, Анна. Отец запретит мне ходить на охоту.

— Но ты должна обещать мне, что будешь брать с собой Урхо.

Лада улыбнулась:

— Добро, Анна.

— Я накажу Урхо, чтоб не спускал с тебя глаз, моя госпожа.

Лада вдруг спросила:

— Почему не появляется новгородский князь?

Гречанка не удивилась вопросу:

— Не торопи жизнь, моя госпожа. Коли князь Олег твоя судьба, она не минет тебя...

В камышовых зарослях Волхова жизнь вечная. Здесь в изобилии обитают хохлатая поганка и нырок, гордый лебедь и тяжелый гусь, выводки диких куро-

чек и серых уток. С рассвета и до темна стоит гвалт неустанный.

Весной в камышовую чащобу нет хода человеку — таков неписанный закон: весна — время рождения новой жизни, начало новому потомству. Пройдет совсем немного недель, и выводок покинет укромное место, гнездовье. Сначала будет жаться к камышам, потом, преодолев страх, выплывет на простор. К середине лета молодь войдет в рост, от прошлогодок не отстанет, и начнутся птичьи сборы к отлету в дальние края...

В июле-грознике дозревала в полях рожь, была земле поклоны тяжелым колосом, усатый ячмень готовился ронять зерна, время близилось к зажинкам. Смерды говорили: «Перун стрелы мечет, грозами грозит, пора серпы готовить».

В один из таких дней Олег выбрался к князю Юрию. Покрытый ковровым чепраком конь шел резвой иноходью, позванивал сбруей. Под князем седло, отделанное золотом, носки сапог зеленого сафьяна вдеты в серебряные стремяна. Сопровождали Олега несколько гридней в островерхих шлемах и броне. Растянулись гуськом, переговаривались вполголоса, иногда посмеивались чему-то. Чаше, когда Ивашка рассказывал. Олег был доволен: хорошего парня взял в дружину, ловок, силой не обижен и кормчий отменный, водную дорогу чувствует. За тот месяц, когда плавали в верхний острожек, убедился.

Небо в облаках, оттого и не парит. Случалось, в жаркие годы новгородцев подстерегала беда — лесные пожары, а от болот смрад шел, дымы доставали Новгорода. И люд просил богов послать дождь. При Олеге дважды такое было. Тогда небо покрывалось копотью, а солнце через дымную завесу казалось огненным шаром...

Вдали появились стены княжеской усадьбы, и кони, почувствовав скорый отдых, перешли на рысь.

В воротах Олег увидел Ладу. На ней был шелковый сарафан, а голову прикрывал легкий убрus — платок, — из-под которого до самого пояса свисала

русая коса. Олег соскочил с коня, подошел к княжне, заглянул ей в глаза:

— Вот ты какая! Неспроста князь Юрий прятал тебя. Пойдешь ли ко мне в жены, Лада?

Она зарделась, но ответила смело:

— Ты сильный и, говорят, умный. Такого я полюблю.

А из хором уже направлялся к ним князь Юрий. Суетилась, встречая гостей, дворня.

Чистым осенним днем, накануне омытым теплым дождем, когда в воздухе плавала серебряная паутина, Олег увозил Ладу в Новгород. С ней ехали гречанка и лопарь.

Провожая дочь, княгиня уронила скудную слезу. Так уж жизнью определено: дочь растят для мужа, кому она предназначена.

Юрий был молчалив и только в самую последнюю минуту, усаживая Ладу в возок, промолвил:

— Пусть будет жизнь твоя, Лада, такой же ясной, как этот день, и горе не омрачит ее.

Ладе было грустно. Здесь, за воротами отцовской усадьбы, навсегда осталось ее девичество. Что изготавила ей судьба и каким мужем окажется этот суровый варяг, о прежней жизни которого она знала так мало? Но Лада о том и думать не хотела. Настанет час — узнает...

ГЛАВА 3

*Олег покидает Новгород. Взятие Смоленска.
На Киевской Горе. Смерть Аскольда и Дира.
Гора приняла Олега. Быть Киеву матерью городов
русских! Ивашка на засеке. На киевском торжище.
«Не о себе пекусь, о единстве Руси!»*

Отвыла, отлютовала зима. Тихими морозными ночами трещали деревья в лесу, лопались оглушительно, звонко. Казалось, зиме не будет конца, но всему свое. Отступили холода. С первым теплом плющило

снег, а на возвышенностях, на выгреве запаровала земля.

По весне новгородцы принялись готовиться к походу. Позвал Олег словен, мерю и чудь, собрались ратники в Новгороде. Загрузили ладьи кадками с мясом-солониной, кожаными мешками с крупой, тюками с разными товарами, а в мае, который на Руси травнецветенем именуют, корабли, сопровождаемые множеством люда, снялись с якорей и, поставив паруса, тронулись в путь.

К вечеру, растянувшись караваном, ладьи, насады и расшивы вошли в Ильмень. Прижавшись к борту, Лада неотрывно всматривалась в берег. Она выискивала усадьбу отца. Там был ее дом, ее прошлая жизнь. Лада мысленно прощалась с дорогими ей местами.

Подгоняемые попутным ветром, корабли бежали резво, и вскоре далеко позади осталась лишь узкая, поросшая лесом кромка земли.

Больше сотни расшив, насад и ладей ведет Олег, а на каждом корабле за сотню ратников.

Княжья дружина и новгородцы разместились на первых ладьях, с ними Ратибор, княжич Игорь и Свенельд. Ладью, на которой плыли Олег с Ладой, вел кормчий Ивашка. Если бы у него спросили, куда направляется князь Олег, он бы не ответил, как не ответит никто. Знают одно: Олег ищет удачи в земле ромеев. Зорко вглядывается Ивашка в даль — спокойный Ильмень не грозит волной. Но случалось, помрачнеет озеро, поднимется ветер, и разыграется шторм — тогда плохи с Ильменем шутки.

Иногда Ивашка косится на Ладу. Совсем юная и пригожая, в мужских портах и рубахе, она похожа на мальчишку. Ее голову покрывает бархатная, отороченная соболем шапочка, а волосы стянуты на затылке в тугой узел, чтоб не мешали.

Ивашка видел — князь любителю женой. Он задумчив, то и дело потирает шрам, а глаза смотрят на Ладу.

Олегу неведомо, чем окончится его поход и вернется ли он в Новгород, а потому не оставил жену с князем Юрием, да и Лада заявила:

— Жена князя Олега тоже воин!

Ивашка подумал: будь у него такая жена, он бы тоже взял ее с собой...

Спустились сумерки, и Ильмень расцвел множеством огней. На кораблях жгли костры, варили хлебово из дикой птицы и драной крупы.

Над водой потянуло дымком и густым запахом мяса. На княжьей ладье у костра возился лопарь. Длинной ложкой, вырезанной из липы, он помешивал в казане, принимаясь и, когда убедился, что птица сварилась, достал кусок утки, посолил и, уложив на деревянную доску, подал Ладе, после чего к казану потянулись другие...

Ночью Олег велел продолжать путь, и на ладьях, расшивах и насадах загорелись сигнальные факелы. Разрывая темень, перекликались зоркие кормчие...

На третьи сутки корабли вошли в устье Ловати.

Пока плыли по Ловати, повстречали киевских гостей. Они в Новгород плыли. С удивлением и тревогой смотрели купцы на грозный караван. Куда и зачем направились новгородцы? Уж не войной ли на Киев идут?

Спустили паруса киевляне, кормчий подал голос. А с первой новгородской ладьи ответили:

— Князь Олег ведет рать поглядеть, что за город Царьград и смогут ли купцы новгородские и вся Русь с ромеями на равных торг вести!

В самом верховье Ловати перетащили корабли волоком в Западную Двину, а там снова под парусами направились к Витебскому городищу.

Выволокли новгородцы ладьи на берег, устроили отдых. Послал Олег в Смоленск Ратибора: пусть князь Тур спешит к нему с данью. Но смоленский князь ответил дерзко:

— Я варяжскому викингу не данник, и Смоленск Новгороду не кланялся.

— Значит, поклонится,— со злой усмешкой промолвил Олег и велел своим людям изготовиться.

Волоком, на катках, в неделю перетянули новгородцы корабли в Днепр и от Любеча на веслах подошли к Смоленску. Высадились, и, пока лучники осыпали город горящими стрелами, дружина тараном сбила ворота. Ворвались. Горели соломенные и тесовые крыши, с треском рушились бревенчатые стены.

Тесня смоленских дружинников, новгородцы пробивались к торжищу, где защищался Тур.

— Выходи на честный бой, князь! — крикнул Олег.

— Как можешь говорить о честном бое, когда разбойному город пожег! — ответил Тур.— Ты был варягом и остался таким!

— Да, я варяг из страны Упландии, но со мной словене, и отныне я князь новгородский! А коль не пожелал урядиться миром, подчинишься силе!

Звенели мечи, глухо стучали щиты о щиты, повсюду раздавались крики и стоны. Смоленский гридень наскочил на Ладу, но подоспел Ивашка. Олег оказался рядом с Туром, отбил его удар, но князь напал снова. Увернулся Олег и, изловчившись, опустил меч на плечо Тура. Лопнула кольчуга, и упал смоленский князь...

Разорив Смоленск и оставив в нем своего посадника, новгородцы продолжили свой путь.

Из Смоленска, опередив новгородцев, скакал в Киев с тревожным известием гридень князя Тура.

Клубились впереди черные тучи, молнии рвали небо, сердито громыхал Перун, но гридень, пригнувшись, все скакал и скакал, делая короткие и редкие остановки, только чтобы напоить и накормить коня. Снова вскакивал в седло, и копыта топтали молодую траву.

Вот всадника накрыла густая полоса дождя, и вмиг конь и гридень промокли насквозь. Дождь встал стеной, и всадник, перейдя на рысь, огляделся. Убедившись, что скачет верной дорогой, он погнал коня дальше.

Через несколько верст полоса дождя осталась позади, и солнце осветило омытую землю.

Гридень спешил, гридень торопился предупредить киевлян. На его глазах Олег убил Тура, новгородцы сожгли Смоленск. Когда гридень выбирался из города, его товарищи уже погибли. Гридень знал, что ни им, ни Смоленску уже ничем не помочь, и теперь у него была одна мысль: не застали бы новгородцы киевлян врасплох.

В одном переходе от Киева загнанный конь упал — гридень едва успел выдернуть ногу из стремени. Он пошел пешком. Ночью, чтоб не сбиться с пути, жался к Днепру. Утром, вконец обессиленный, увидел Киев — стены, спустившиеся к самой воде, Гору с палатами княжескими, дома знати, крыши изб, Подол с торжищем и городские ворота.

Упал гридень, заплакал и не видел, как навстречу ему скакал от города дружинник.

Киев в тревоге. Спозаранку застучало било, и народ заспешил к Горе, волнуясь. Люд уже знал — новгородцы идут, Смоленск разорили, пожгли.

А на Горе в бревенчатых хоромаш Аскольда и Диры собрались озабоченные бояре большой княжьей дружины, городские старейшины и варяги ярла Гарда. Друг у друга спрашивали, возмущались:

— Новгород к разбойной жизни привычный!

— Известное дело, ушкуйники!

— Чего новгородцы ищут? — удивлялись старейшины.

Им отвечали варяги:

— Нам конунг говорил, он града Константина станет домогаться, хочет дань с ромеев запросить и гостям новгородским, как и иным иноземцам, торг получить, а то купцов с Руси притесняют.

Князь Дир покачал головой:

— Не с добром плывет Олег, он алчен.

Аскольд вторил ему:

— Кровь смолян по Днепру разлилась. Унять новгородцев пора!

В палате душно. Челядь выставила слюдяные оконца в медных рамах. Слышно, как на улице люд шумит:

— Укажем место Новгороду!

— А ежели они на Царьград путь держат?

— И к грекам не пустим новгородцев, ино ромей и наших купцов в Византии притеснять станут!

— Князь Олег намерился разбоем промышлять!

— Кой он князь, он викинг варяжский!

— С ним нет варягов, он русов ведет!

В княжьих хоромах рядились.

— Как поступим, старейшины города? — спросил Аскольд.

— На ваш разум полагаемся, бояре, — сказал Дир. — Слышите, о чем люд глаголет?

Старейшины тут же ответили:

— Вы наши князья, у вас дружина, и пусть Олег возвращается в Новгород и владеет тем, что ему Рюрик указал!

— И то так! — заорали бояре. — А коли не пожелает, перекроем путь и дадим бой новгородцам! Аль у нас силы не достаточно? Весь Киев и всех полян поднимем!

— Так что, ополчать дружину, бояре и воеводы? — спросил Аскольд.

Но тут неожиданно Гард подал голос. Молчал-молчал и заговорил. В палате стихли, ждали, что скажет ярл: чать, он викинг и повадки князя новгородского ему известны.

— Прежде чем Олегу дорогу днепровскую перекрывать, надобно знать, с чем он идет.

Дир повернулся к викингам:

— А что скажете вы, знавшие конунга Олега?

— В словах Гарда правда!

— Мы с ярлом согласны.

И снова заговорил Гард:

— Олег не конунг, с Олегом нет викингов, с ним русы. Он их князь. Мы готовы воевать за вас, Аскольд и Дир, но мы должны спросить у Олега, куда он направляется. Если к ромеям, то к чему воевать с ним?

— Он Тура убил и Смоленск пожег! — закричали бояре.

Тут возмутились варяги:

— Князь Тур дани не выдал, и Олег город на щит взял!

Все замолчали. Аскольд с Диром переглянулись, и Дир сказал:

— Мы уверены, Олег не с миром идет, и готовы встретить его как недруга, но мы согласны и с вами: прежде чем дать новгородцам бой, вывести, какие у Олега замыслы и куда он направляется, а посему пошлем к нему Гарда. Пусть ярл с ним встретится и спросит, чего хотят новгородцы, и, коль урядимся с ними подобру, не станем кровь проливать.

Легкие однодревки выскочили далеко вперед всего каравана и, будоража воду, развернулись, подгрести к песчаному берегу. Место красивое: к самой воде подступили сосны, и на поляне в молодой зелени расцвели первые цветы.

Олег с Ратибором, ступив на поляну, осмотрелись.

— Ну что? — спросил воевода. — Продолжим путь?

— Нет, — ответил Олег. — За тем дальним поворотом горы киевские. Здесь мы и дождемся Аскольда и Дира. Вели ратникам располагаться.

Гридни выбрались на сушу, выволокли на песок однодревки, занялись своими делами: одни разводили костер, другие разбрелись по лесу, а иные распо-

ложились на отдых. Ивашке Олег поручил опекать Игоря.

Сам же князь высматривал киевских послов. Накануне Ивашка пробрался в город и повстречался с Гардом. Ярл рассказал ему, о чем шла речь в княжьих хоромах, и обещал повидаться с Олегом...

Гард приплыл к обеду. Драккар шел на веслах, со спущенными парусами. Он приблизился к самому берегу. Варяги с шумом бросили якорь, весело сошли на сушу. Гард с Олегом обнялись скупой, отошли в сторонку. О чем говорили, никто не слышал, но видели, как они достали мечи и подняли левую руку. Ивашка знал: так клянутся варяги.

Потом они пили вино и ели копченое мясо, после чего Гард с товарищами взошли на драккар, подняли якорь и налегли на весла.

В полночь, когда Ивашка нес караул, подплыли еще две насады. Однако Олег не позволил гридням высадиться на берег, и насады уплыли вверх по Днепру, где стоял основной караван новгородцев.

С утра часть дружинников укрылась в лесу, другие жгли костры на дальнем краю поляны. Ожидали гостей, варили уху, жарили на углях мясо. Из ладьи на берег перенесли бочонки с вином. Олег подозвал Ивашку:

— Ты гляди, как я знак подам, немедля с десятком гридней ко мне поспешай!

К обеду из Киева на двух ладьях приплыли князя Аскольд и Дир с боярами из старшей дружины. Их встретили Олег с Ратибором, пригласили на угощение. Киевляне сначала вели себя настороженно, а когда уселись и подняли чаши, развеселились. Дир сказал:

— Ярл Гард заверил, что ты, Олег, в Царьград плывешь. Так ли?

— Да, Дир, я намерился искать удачи в Царьграде и хочу звать вас с собой.

— Нет, — вмешался Аскольд, — мы не пойдем с тобой, но и не будем чинить преград. Киев поможет тебе, даст хлеба и мяса, выделит твоим ратникам вина и меда. Но мы говорим тебе: твои лады не должны приставать к киевским причалам, а гридни и новгородцы появляться в городе.

— Вы, князья киевские, остерегаетесь моих ратников? — удивился Олег. — Чем же они страшат вас?

— Они могут чинить обиды киевлянам, и тогда может пролиться кровь, — сказал Аскольд.

— Вы же по крови викинги, и негоже норманнам проявлять трусость.

Аскольд обиделся:

— Зачем ты, Олег, оскорбляешь нас?

— Но разве новгородцы — разбойники? Вас испугала судьба Смоленска? Но Тур обидел нас!

Олег поднялся. Дир тоже встал.

— Конунг, ряд наш с тобой любовный, и, коли тебе не подходят наши условия, мы отплывем в Киев и спросим у народа, что он ответит нам, князьям киевским.

Дир говорил и не замечал, как их окружали дружинники Олега. Ивашка вплотную подошел к Диру. Аскольд выкрикнул в сердцах:

— Мы, киевские князья, не желаем впускать новгородцев!

Олег прищурился, сказал насмешливо:

— Вы — князья киевские? А по какому праву, Аскольд? Или погибшие от ваших мечей Кий, Щек и Хорив нарекли вас так? Нет, я — князь новгородский, а вот он, — Олег указал на Игоря, которого вел к костру воевода Ратибор, — он истинный князь киевский, и быть ему великим князем на Руси, ибо он сын Рюрика.

Аскольд и Дир за мечи ухватились, вскочили бояре киевские, но не успели мечи обнажить, как дружинники князя Олега уже секли их мечами, кололи копьями — никого не пощадили.

Гора смирилась и приняла Олега. Он сказал старейшинам города:

— Быть Киеву матерью городов русских!

А накануне хоронили Аскольда и Дира. Варяги просили Вотана принять викингов Аскольда и Дира в свое царство, а на капище люд киевский зажигал жертвенный огонь и подносил дары Перуну.

— Ты мудр, Перун,— говорил жрец,— ты мечешь грома в неугодных. Ты судил Аскольда и Дира своей правдой. Они княжили коварством, от коварства и смерть приняли...

На торгу киевляне обсуждали случившееся, будто и не было того гнева, какой высказывали прежде, требуя воевать с новгородцами.

— Слышали, Олег объявил Киев матерью городов русских?

— А отчего бы и не так? Разве князь не истину говорит?

— Но к чему новгородцев в Киеве держит?

Не миновали те слухи и Олега. Собрал он старейшин на пир и сказал:

— Завтра отправим норманнов, а там и новгородцев проводим. Оставляю только свою дружину.

— Пора,— одобрительно согласились старейшины.— Ты прав, князь, мы поможем тебе...

Конец мая настал душный, и даже ночами жара не спадала. Оконца в палатах выставлены, двери нараспашку, но ничто не приносило облегчения. Олег спал на полу, на разбросанной домотканой полсти, скинув все одежды. Потел, ворочался. За ночь столько всяких дум перебивало в голове, что к утру всех и не помнил.

Вчера уплыли варяги, дали им за помощь дары богатые. Расстались по-доброму, довольные.

— Когда я соберусь идти на ромеев,— сказал, прощаясь, Олег,— то пошлю вам весть, и ты, Гард, и вы, викинги, придете ко мне.

— Если наши мечи потребуются тебе, зови,— за всех ответил Гард.

Теперь надлежало отправить новгородцев, и этих одарить щедро. Благо, киевские старейшины обещали не поскудиться...

Олег сел, поджав ноги, вытер влажное тело льняным рушником, выпил квасу. Он был теплый и жажду не утолил. Мысли работали... Уйдут новгородцы, с ним, Олегом, останутся его дружина, верные бояре и гридни-отроки. Но достанет ли сил держать Киев в повиновении? Олег понимал: будет Гора за ним — будет с ним и Киев. С князем Олегом оставалась еще дружина киевских князей Аскольда и Дира. Теперь это его дружина, его бояре и гридни, у них опытный воевода Никифор, и они приняли его, Олега, своим князем...

О Ладе подумал — на душе потеплело. Хорошую жену обрел, красотой и храбростью наделена щедро. Вон как в Смоленске гридням не уступала... А еще Олег подумал, что в Новгород он больше не вернется и там будет сидеть его посадник, князь Юрий.

Когда провожали варягов, у Олега случился короткий разговор с князем Малом.

— Князь,— сказал Олег,— чую твою неприязнь, но ты смири гордыню. Не обрекай свой народ на поток и разорение, не хочу того.

Мал возмутился:

— Не ведаю своих вин, князь Олег! Чем кривичи твой гнев навлекли? Либо ладьи не туда повернули?

— Нет, Мал, ладьи повернули куда надо, и не на кривичей мой гнев, но ты сам не можешь смириться, что под Новгородом ходишь.

Заметил недовольство на лице Мала.

— Внемли этому спокойно, князь. Хочу, чтобы уразумели вы, князья: не будет единства на Руси — и Руси не бывать государством...

Олег поднялся, умылся из лохани. Поморщился. За ночь вода нагрелась, неприятно. Надел порты и рубаху, покликнул Ивашку, велел подать сапоги и броню, после чего вышел во двор.

Небо в тучах, но дождем не пахло. «Пролил бы, землю освежил», — подумал Олег.

Он покинул Детинец, направился к городской стене, поднялся на сторожевую башню. Перекликались караульные, им отвечала воротная стража. Следом за князем поднялся Ивашка. Стоял молча. Внизу темнел Днепр, между рекой и стенами — Подол с избами и домишками, торговой площадью и пристанью, дворами гостевыми и спуском к перевозу через Днепр.

На той стороне реки земли северян и суличей, а дальше вятичей и угров, а выше по Днепру живут радимичи. Они данники Хазарского каганата, и все опять же потому, что нет единства на Руси и пребывают княжества в раздорах.

Да и на этой стороне, на правобережье, поляне, древляне, дреговичи неохотно платят дань Киеву, того и гляди, возмутятся. Особенно князь дреговичей не желает признавать власть Киева. Но пусть не мыслят усобищать: он, Олег, заставит их всех признать себя данниками киевского князя...

И еще Олег думал, что у Киева сильные внешние враги — это и хазары, и орда печенежская, которая постоянно грозит из Дикой степи. Все так, но Киев в центре Руси, и ему, никому иному, Русь собирать...

Месяц, как Лада в Киеве, давно уж успела осмотреться. Нравятся ей и Днепр, и поля, и леса, несчастые, сосновые, с перелесками, где нет болот и воздух чистый. Дали и курганы синие, а город на холмах и весь в зелени.

Но нет того дня, когда бы не вспоминала она отцовскую усадьбу, места, где охотилась, и Ильмень.

Прежде Лада считала — настанет тот день, когда они возвратятся в Новгород, но Олег решил княжить в Киеве, а Новгород будет платить дань Киеву.

Увидит Лада Урхо или Анну и сразу же вспоминает о доме, о годах, прожитых с родными. Лада пони-

мает, то время уже не вернешь, со дня замужества судьба Олега и его заботы — ее, княгини, судьба.

В месяце листопаде отошли от киевского причала последние новгородские расшивы. Проводили их, и Лада загрустила. Она искала уединения, часто покидала княжий двор, спускалась с Горы и оказывалась в городе. Через открытые ворота выходила к Днепру, смотрела на переправу, которую киевляне именуют перевозом...

Обнесенный стенами и земляным валом, с башнями-стрельницами и воротами, окованными полосовой медью, Киев казался неприступным. День и ночь несли сторожу гридни в броне, остроконечных шлемах, с копьями и мечами, луками и щитами.

У Олега две дружины: одна — которая пришла с ним из Новгорода, другая — киевская. Над первой воевода Ратибор, над второй — боярин Никифор.

— Вы,— говорил Олег,— две моих руки. Тем и силен я. С вами мы заставим признать власть Киева. Кто добром не примет, на щит возьмем. Мы обратим оружие против врагов, диких печенегов и жадных хазар, которые грабят и разоряют нашу землю, хотят превратить русичей в своих данников...

В городе Ладу сопровождал Ивашка — так велел Олег. Гридень ходил поодаль, но Лада спросила князя:

— Зачем ты приставил ко мне гридня? Разве у меня в Киеве есть враги?

— Знал бы! Оттого и берегу тебя.

— За Аскольда и Дира разве есть кому мстить?

— Как знать!

— Тебя Киев признал.

Олег пожал плечами:

— Однако остерегайся.

Лада часто появлялась на Подоле, где жил ремесленный люд, торговцы и огородники. Сразу же за торжищем — причалы, пристань. Осенью ладей поуменьшилось и иноземных кораблей нет. Иногда какой-нибудь запоздалый гость бросит якорь, и снова пустыня водная дорога.

За городскими воротами начинались огороды. В осеннюю пору в земле доходил лук, последним соком наливалась капуста. Тут же у ворот землянки кузнецов. С утра здесь вызванивали молоты и молоточки, пахло гарью, каленым металлом. Тут же трудились гвоздильных дел мастера. Бронники слободой жили на подоле, где селились и кузнецы по золоту и серебру, а еще мастера-лучники. Лада знала: к лучникам любил захаживать Урхо. Придет, присядет на корточки и смотрит, как они клей варят, из какого дерева луки гнут. Посидит, поцокает языком, а бывало, сорвется с места и давай по-своему переделывать, чем иногда вызывал неудовольствие мастера...

На Гору Лада возвращалась лишь к обеду. Вытесанной из ноздреватого желтого песчаника лестницей, поросшей по бокам травой, она поднималась на княжий двор, где крыльями от хором стояли жилье, баня, клетки, медуши, погреба, пекарня, поварня, конюшни, хлева.

Через Красное крыльцо Лада проходила на женскую половину. Иногда она появлялась в палатах князя, и тогда в гриднице, где жили отроки, охранявшие Олега, становилось тихо: гридни берегли честь молодой княгини.

Лето ушло, уплыли новгородцы, а с ними и мера, и словене, и чудь, и кривичи. Затих Киев, успокоился. А через неделю собрал Олег на пир киевских старейшин. На Красном крыльце за дубовыми столами, покрытыми алым бархатом, расселись знатные мужи города, воеводы и бояре. А во дворе на прижухлой траве за низкими столами расположились гридни младшей дружины.

Княжья челядь разносила на деревянных блюдах всякую еду — холодные языки и копченья, сазанов и осетров, горы раков, запеченных поросят. В глиняных чашах — куски баранины и свиной грудинки. А еще ставили на столы окорока и разную дичь: гусей жарен-

ных и куропаток, тетеревов и уток, одетых румяной корочкой.

Из погребов челядь выкатывала бочонки с хмельным медом и вином, пивом и квасом.

Неподалеку от поварни на железных перекладинах жарились туши быков, вепрей, баранов. Жир капал на огонь с шипением и шкворчанием. Тут же на кострах в котлах варилась уха, а в поварне в печах румянились пироги с разной начинкой.

Дурманыше пахло на весь город, и киевляне знали: князь Олег с дружинами пирует.

Гости ели и пили за здравие князя и княгини и были довольны, услышав здравицы за Киев и лучших людей города, за дружины и бояр. Заманчиво говорил Олег: не будет Руси, коли не будет единства среди князей славянских, а без того как ремеслу развиваться и торговле, кто смерда обезопасит и кому Русь беречь?

Ответное слово держал боярин Путша:

— Князь Олег, Аскольд и Дир княжили с помощью варягов. Мы были готовы принять их в свою боярскую дружину, но викинги были жестоки, а жестокость вызывала ропот и недовольство народа — это могло привести к смуте. Ты же, князь Олег, на русичей опираешься, и то нам любо. Отпустив домой викингов, ты убедил нас, что пришел не разорять Русь, а крепить ее, и потому нам с тобой по пути. Мы клянемся Перуном в верности тебе.

Гридни закричали хвалу князю, все подняли чаши, заговорили разом, стало шумно. Но вот улеглась первая радость, и речь повели о заботах и тревогах.

— Ты, князь, о степняках сказывал, а ответь: можно ли остановить полет саранчи? А печенеги — та же саранча.

— А сколь разору Руси наносит Хазарский каганат? Эвон, за Днепром по левобережью, у нас под боком, хазары славян данниками своими считают.

Тут воевода Никифор подал голос:

— Покуда засеки не срубим, недруги наши безнаказанны будут. Прежние князья о засеках лишь разговоры вели. Поставим же засеки сторожевые и о набегах заранее знать будем.

— Воевода прав, засеки нужны, но и дружина в едином кулаке должна быть — в том ее сила, — подержал Никифора Ратибор.

Поднялся Олег, и стихли голоса. Что скажет князь?

— Правы воеводы, поставим засеки и дружины не ослабим. Пошлем холопов засеки рубить и за то дадим им волю и оружие, пусть сами и сторожу несут. А еще кто из смердов пожелает, тех от дани освободим.

Взроптали бояре:

— Но холопы — наша собственность! Что делать станем, коли они разбегутся?

— Ваше право, бояре, кого и сколько отпустить, — сказал Олег. — Однако помните: лучше потерять каждому из вас по несколько холопов, нежели от орды печенежской и хазар разор нести... Киев же укрепим, стены поднимем, подсыплем вал. Глянут на врагов башни новые и бойницы грозные. И пусть гости торговые разнесут по миру, каков стал Киев.

— Не послать ли нам послов в Царьград? — спросил староста купцов Олекса.

Олег ответил:

— Пока такой час не настал. Я мыслю, допрежь мы у ромеев с оружием побываем. Тогда они сговорчивей будут.

Тут боярин Путша сменил разговор:

— В Царьграде, сказывают, дома из камня, пора и нам в Киеве хоромы княжьи и Детинец каменные возвести. А еще избы не соломой крыть, а тесом. Все какое ни на есть спасение от вражеских стрел зажига-тельных.

— То так, — согласился Олег.

А воевода Никифор сказал:

— Пошлем, бояре, своих холопов рубить засечную линию.

И люди именитые поддержали его. Олег остался доволен:

— Иного не ожидал услышать от вас, мужи киевские. Отныне Киев наша общая боль и забота. Пусть он стоит на страх врагам нашим, на радость русичам!

Торжественно гудели рожки, звенели гусли. До самого утра пировали дружины, далеко окрест разносились песни и хмельные голоса воинов.

За землями полян места древлян, давних недругов Киева. Еще Аскольд и Дир пытались подчинить их, ходили к ним с дружиной, да едва живыми выбрались.

Отступавших киевлян повсюду подстерегали завалы, засады. Древляне ловко заманивали дружину киевлян в глухие места, а когда те возвращались, настигали их неожиданно и, выпустив рой стрел, уходили безнаказанно. Подкарауливали древляне киевлян на всем пути, устраивали короткие стычки и скрывались в лесах.

С той поры киевские князья не осмеливались ездить к древлянам за данью. Но когда князь Олег сел в Киеве, он позвал боярина Путшу и сказал ему:

— Настала пора, боярин, отправиться к Гориславу древлянскому в его городище Искоростень и объявить, что князь Олег пришел в Киев не для того, чтобы княжить только над полянами,— он сел великим князем над всей Русью. Пора, боярин, указать Гориславу его место. Скажи, Киев не потерпит усобиц, а с древлян, коли подобру, буду брать дань легкую, десятину. Аще не пожелают, приневолю, и не будет им пощады... Послом едешь, боярин Путша, так и вещай, а за посла спрос строг: землю их оборю, а смердов в холопов обращаю...

Проводив Путшу, Олег велел воеводе Никифору сразу же готовить дружину.

— Ведаю ответ Горислава, но я — не прежние князья киевские. Пойдем к древлянам налегке, без

обоза, разделим дружину на полусотни, как в невод возьмем древлянские погосты. Не дадим уйти Гориславу, а городище его, Искоростень, сожжем. Холопов княжьих отправим на засеки ратниками...

Недолго ждали Путшу в Киеве, вернулся он еще до морозов с ответом Горислава дерзким, вызывающим: «Ты, князь Олег, в Киеве сидишь, а мы в своей древлянской земле, и не мешало бы тебе спросить у тех воинов, какие приходили к нам с Аскольдом и Диром. Коль ты вздумаешь судьбу испытать, мы будем ждать тебя...»

Сборы были скорыми. Да воевода Никифор уже наготове был. Не мыслил Горислав, что Олег пошлет дружину поздней осенью, а воевода уже вторгся в землю древлян. Шли стремительно, преодолевая реки, лесные чащобы и мелколесье. На болотах клали гати из хвороста, окружали погосты, никого не выпуская.

Ивашкина полусотня двигалась правым крылом. Гридни довольны: сухо, не дождало, и древляне не сопротивлялись, не ждали киевлян. Олег напутствовал гридней: смердов не жалеть, вражеских ратников, какие не сдаются, убивать. И воевода Никифор княжье повеление исполнял усердно.

Ивашкина полусотня врывается в погосты, жгла избы, избивала смердов, опустошала клетки. А однажды, продравшись через густой лес, отряд Ивашки вышел к слиянию двух рек, и гридни увидели на высоком острове бревенчатую крепость, окруженную земляным валом.

— Это Искоростень, — догадался Ивашка и послал за воеводой Никифором.

Но Никифор подступил к Искоростеню, когда древлянский князь Горислав уже признал себя меньшим братом киевского князя.

Тяжкую дань наложил Олег на древлян — по черной кунице с дыма, заставил платить сободем от каждой избы, чтоб впредь знали руку князя киевского. А княжьих холопов Олег велел послать на сооружение

засечной линии. И потянулись с древлянской земли телеги с будущими ратниками, кому надлежало и засеки рубить, и жить там вечно, рядом с Дикой степью...

Зимой из лесов волокли в степь к рекам Ирпень и Рось бревна, а по теплу застучали топоры, мужики поставили засеки, огородились, окопались рвами. Вчерашние холопы, враз сделавшиеся и воинами, и хлебопашцами, рядом с засеками распахивали земли, сеяли хлеба, заводили огороды.

Опасная жизнь на засеке, на самой печенежской дороге. И не остановить орду требовалось, а вовремя упредить Киев, что печенегидут...

Их вежи кочевали по Дикой степи. Печенегидоставляли свои высокие двухколесные повозки на сочных выпасах, ставили войлочные кибитки вблизи рек, а когда многочисленные стада вытаптывали траву, меняли становище.

Когда орда переходила на новые места, случалось, она появлялась вблизи засек, и тогда печенежские удалыцы подъезжали к укреплениям, кричали что-то по-своему, грозили и, подняв коней в галоп, удалялись вслед за вежами, а о кочевавшей орде становилось известно в Киеве...

Приехали в Киев к Олегу гонцы от северян и радимичей, просили защиты от хазар. Князь принял их, но, обещая помочь, сказал, чтоб потерпели до будущего лета.

— Надо,— говорил он,— обезопасить Киев от печенегов, а то покинем его, орда тем воспользуется, хлеба вытопчут, город разорят, смердов в полон уонят.

— Эка беда,— сказал воевода Никифор,— северяне и радимичи у нас под боком, на левом берегу Днепра живут, а каганат на Итиле, и надо же куда достают, почитай в нашу скотницу забираются. Рукасты! Пора бы и по рукам ударить.

— Хазары — народ торговый,— заметил Ратибор,— а воинов-арсиев из степняков нанимают. Надобно отбросить их от наших земель. Вот тогда северяне и радимичи не каганату дань платить будут, а Киеву.

— Когда мы объявим каганату, что за сила появилась на Руси, он перестанет зорить наши земли,— согласился с воеводой Олег.

С Красного крыльца открывался Днепр, его левая, пологая сторона. Олег смотрел, как, подгоняемая попутным ветром, плыла, распустив паруса, ладья. Она держалась среднего течения. Но вот кормчий развернул ладью к причалу, на ней убрали паруса и взялись за весла. За спиной князя кашлянули. Олег оглянулся, увидел Ивашку,

— Это ты, гридень? Поди, Днепром любишься? Я вот думаю, Киев у Руси что ключ на этой водной дороге. Никто его не минует. Что молчишь? Аль не согласен?

Однако Ивашка совсем о другом речь повел.

— Княже,— сказал он,— хочу на засеке послужить, отпусти.

Олег удивленно поднял брови:

— Что так? Аль кто обидел?

Ивашка крутнул головой:

— Нет, княже, обид мне никто не чинил, а вздумал я с печенегами ловкостью потягаться. По всему, кровь ушкуйника во мне заговорила. А как ты на Царьград пойдешь, я враз к тебе явлюсь.

Долго молчал Олег, прежде чем ответил:

— Твоя воля, не держу. Скажи Ратибору, чтоб коня тебе дал.

Спустился Ивашка с Красного крыльца — Лада на встречу. Поклонился ей, а сердце застучало, взволнованное. Даже себе он боялся признаться, что бежит на засеку от своей любви. Приглянулась ему Лада, надеялся — уедет, не станет видеть ее и забудет...

Сначала Ивашка хотел попроситься в Новгород, но прогнал эту мысль: еще подумает Олег, что домой захотел.

И гридень направился к Ратибору.

К исходу третьих суток добрался Ивашка до засеки. Ехал неторопко, коня не гнал. Места с мелколесья в степь перешли. Днем в небе пластались орлы. Редким взмахом крыла словно оттолкнутся от чего-то невидимого и снова парят, высматривают. И тогда замирает все живое, прячется от зоркого орлиного глаза.

Ивашка ехал по весенней степи, а она цвела клевером и горошком, маками и васильками, ромашками и воронцами. Местами трава вымахивала коню под брюхо, и тот, позванивая удилами, на ходу щипал ее.

Когда солнце клонилось к вечеру, Ивашка делал привалы у степных речек. Расстилал на траве войлочный потник и, подложив под голову седло, разнуздывал коня, но на волю его не отпускал, наматывал повод на руку. Сам ел всухомятку, костра не разжигал: огонь мог привлечь печенег.

Иногда он вспоминал Ладу, товарищей, с кем ушкуйничал. Не лучше ли ему было остаться с ними на Волхове, в острожке?

Провожая его, Ратибор посожалел:

— Что вздумал! Жизнь засечная — не ушкуйная. На засеке и опасно и тяжело, не разгуляешься, как с ушкуйниками, ино за стремянем печенег побезишь. Может, передумаешь?

Но Ивашка повертел головой:

— Коль решил, поворота нет...

Ночью степь оживала, кричали какие-то птицы, ухали совы, пиликали кузнечики, а перед рассветом звали перепелки: «Пить, пить пойдем!» — да так вывели, будто человек звал.

Спал Ивашка чутко, сквозь дрему однажды послышался ему голос отца, Доброгоста. О чем тот говорил, не разобрал, но что был он, Ивашка уверен...

Пробуждался он — не успевало взойти солнце. Умывался, съедал ломоть хлеба и садился на коня.

Безлюдна степь, но обманчива. Ухо должно быть чутким, а глаз зорким: зазеваешься ненароком — и настигнет стрела коварного печенега. А то еще хуже: свистнет волосая петля — и потянет печенег гридню на аркане в плен...

Засеку Ивашка увидел издалека. Она открылась за поворотом реки. Бревенчатая ограда, прилепившаяся к обрывистому берегу Роси, ворота, сторожевая вышка, а над ней на шесте сноп соломы, пропитанной смолой. Случится печенежский набег — заполыхает сигнальный сноп, огонь заметят на дальней, другой засеке, и оттуда, ведя в поводу запасного коня, поскачет гонец в Киев к князю Олегу с тревожной вестью.

Ивашку заметили, открыли ворота...

Отсутствие Ивашки Лада обнаружила не сразу, да и то услышала от Урхо. Как-то лопарь почему-то упомянул его имя. Спросила Олега, тот и сказал: отпросился-де Ивашка на засеку, захотел вольной жизни изведать. Лада даже позавидовала гридню: места незнакомые поглядит, беспокойные, а она любила тревоги, они будоражили ее, наполняли новыми ощущениями.

Бывало, надев броню и опоясавшись мечом, в островерхом шлеме Лада гнала коня за город вслед за стражей, несшей караул за стенами. Для гридней то не удивление. Они привыкли видеть княгиню при оружии и в седле. Разве не показала она свою храбрость в Смоленске?

— Тебе, княгиня, парнем бы родиться, не девицей, — не раз говорил Ратибор. — Не девичьи у тебя ухватки, а отрока, воина.

— Я, воевода, в ратных потехах жизнь обретаю, — отшучивалась Лада. — Может, за то меня князь и любит!

Услышав это, воевода рассмеялся:

— Ты, княгиня, разве одному Олегу мила? Эвон, все отроки за тебя в огонь кинутся. Мнится, не оттого ли Ивашка на засеку сбежал? Примечал, как он на тебя, княгиня, поглядывал.

Лада покраснела:

— Сладко говоришь, воевода, но не возводи хулу на парня.

Однако мысль ворохнулась: неужели прав Ратибор, из-за нее Ивашка покинул Киев? Коли так, то жаль. Хотя для Лады Ивашка был не больше, чем остальные гридни.

Киевское торжище побогаче новгородского. Приплывали с юга великим водным путем, что шел «из варяг в греки», гости заморские, и не все до Новгорода добирались, многие в Киеве якоря бросали. Здесь на торгу лавки товаром чудесным полны: парчой и шелками, бархатом и коврами. Тут же торгуют золотыми и серебряными украшениями.

В ремесленных рядах несколько лавок бронников и оружейников. Здесь гридни любят топтаться. А вот у лавок, где торг вели восточными пряностями и маслами ароматными да мазями, женщины и девушки собирались. От этих рядов, забывая все иные запахи, благоухало на весь Подол. И они, а скорее, киевские красавицы манили сюда молодых гридней.

Многолюдно торжище, особенно в воскресный день. Съезжались на него смерды из окрестных деревень, везли зерно и кожи, пушнину и мед. В местах, где вели торг скотом, скрипели мажары с сеном. Поблизости свистели свирели и гудели дудки, бренчали гусли.

Олег не любил торжище: слишком суетное, — но по нему можно было судить о жизни. Эвон сколько навезли хлеба и овощей, значит, не голодно смердам. А будет у смерда, будет у князя и бояр.

С весны и до морозов гости заморские — частые. Случалось, и нередко, приставали купцы из Царьграда. Этих меха больше интересовали.

В один из воскресных дней, покинув торжище, Олег направился вверх по Днепру. Шел задумавшись: древлян усмирили, засечную линию начали сооружать. Пусть слабую, однако предупредить о набеге она может. Теперь от хазар отбиться бы...

О Ладе подумал, и на душе стало тоскливо. Не суждено иметь сына, не будет на Руси князей от него, Олега. Сидеть князьями Рюриковичам, а ему, Олегу, судьбой уготовано собрать Русь воедино. Обидно, но он не ропщет: значит, так угодно Вотану...

Далеко отошел Олег от Киева, за поворотом реки уже и причала не видно. Под броней телу жарко, и грудь давило. Решил до валуна дойти, посидеть. Солнце еще высоко, стемнеет не скоро. Валун, облизанный многими водами, краем в Днепре лежал, а другим на песке грелся.

Присел Олег. Мелкая волна с шорохом набегала на берег и шипя уползала в песок. Олег расстегнул рубаху, стащил сапоги, опустил ноги в воду. Стало приятно. В прозрачном мелководье резвилась стайка мальков. Пошевелил Олег пальцами ног — рыбки врассыпную. «Словно люди в момент опасности», — подумал князь.

Неожиданный удар в спину толкнул его, и стрела, скользнув по броне, упала тут же. Олег мгновенно обернулся, увидел покушавшегося. Тот убегал к лесу. Еще несколько шагов, и скроется в чаще. Но тут его догнала стрела.

Только теперь Олег заметил Урхо. Лопарь опустил лук, медленно направился к убитому. Подошел и князь.

— Ты подоспел вовремя, Урхо, не дал ему послать вторую стрелу.

Возвратился Олег к валуну, обулся. Обратной дорогой в город думал, кем подослан стрелок: древлян-

ским ли князем или кривичским, а может, остались доброхоты бывших князей Аскольда и Дира? Хотел спросить у лопаря, не встречал ли нападавшего раньше и где в Киеве могут быть убийцы, но Урхо отстал.

Солнце опустилось к кромке дальнего леса, когда Олег вернулся в город.

Анна часто и подолгу смотрела на Днепр, а когда видела корабль греческих гостей, не скрывала волнения.

— Если плыть по этой реке вниз и вниз несколько дней, то попадешь в море, — говорила она Ладе. — Вы его называете Русским, а мы Понтом Эвксинским. Если корабль поплывет на юг, то его ждет Константинополь, а если повернет на восток, то окажется в моем городе. Имя ему Херсонес. Когда князь Олег направится в град Константина и если он возьмет меня, я увижу мою родину...

Анна вздыхала.

— Херсонес — самый прекрасный город, — восхищенно говорила она, — лучше его разве Константинополь. Красоту Херсонеса нельзя описать, его надо видеть. Дома и улицы моего города из камня, а храмы и дворцы из мрамора. В Херсонесе и вокруг растут виноград и цветы, а на площадях, которые у нас форумам зовутся, бьют фонтаны. Высокие стройные кипарисы подпирают небо. Славяне — язычники и поклоняются своему Перуну. Это злой бог, вы приносите ему жертвы, а мы, христиане, молимся своему Богу в храмах. Это торжественно, и с молитвой человек душой возносится к Богу. Наша вера истинная...

Слушая гречанку, Лада не могла даже представить, как можно жить в каменных домах, ходить по булыжным мостовым, молиться не на капище, а в мраморных храмах. Она, как и Анна, мечтала попасть с Олегом в Царьград. И конечно же он непременно возьмет ее с собой...

На торжище, в той стороне, какой оно к пристани примыкает, стоит изба. Изба как изба, стены бревенчатые, но вот оконца взяты в решетки металлические, и двери дубовые с запорами. Это мытная изба. В ней суровые мытники собирают в княжью казну торговую пошлину со всех товаров, какие гости торговые привозят в Киев.

Мыто для всех равное, что для варяжских гостей, что для греческих, готских либо из стран восточных. Никого не выделял Олег, велено со всех по правде взимать, за то каждому гостю и людям его давали на прожитие хлебом и мясом, солью и вином, да еще наделяли на обратный путь.

А коли требовалось корабль чинить либо паруса обветшалые, временем и ветром порванные, поменять, отказа иноземцам не было. За исполнение этого спрашивали с мытного старосты, боярина Олексы, а тот с мытников.

Бывало, гость иноземный, учуяв какую обиду, тут же поспешал на Гору на княжий двор с жалобой, и тогда Олег вершил суд, кто виновен — мытники или сам гость. Ежели оказывалось, иноземец кривду чинил, то платил князю; коли мытник, плата гостю шла.

Однажды приплыли из Византии купцы киевские и, едва причалили, направились в Детинец к Олегу. Князь принял их на Красном крыльце, попотчевал и только потом выслушал.

А у людей торговых счет к царьградской власти давний. Его они и высказали Олегу. Первым заговорил старейшина купцов киевских, седобородый Фома:

— Обидно нам, князь, терпели мы при Аскольде и Дире, что нас, гостей русских, бесчестят в Царьграде. Ряд, какой прежние князья с базилевсом подписывали, в империи забыли.

— В чем то бесчестье?

— С русских гостей ромей мыто берут непомерное, подчас в убыток себе плаваем.

— Да только ли в этом дело! — вмешался купец Евсей. — В город впускают без оружия, живем за городскими стенами в русском квартале, где храм Святого Мамонта. Месячное дают не всегда и скупое, а на обратный путь пропитание сами себе покупаем.

Нахмурился Олег:

— Вижу, русским гостям позор от ромеев. И терпеть его вам до той поры, покуда мы не скрестим с ними мечи. Станет же то возможным, когда славяне в государство объединятся. Тогда мы заставим императора уважать русских торговых гостей. Пока же обещаю: как ромей к вам, так и мы к их гостям. Не будем давать греческим гостям на прожитие и корабли их чинить не станем. Пусть они на нас своему базилевсу жалуются.

— И то так, князь Олег, — поддакнул старейшина купцов Фома. — Они нас за скифов принимают, а к нам за мехами и иным товаром охотно едут.

Уныло зимой на засеке. Воет ветер, намечает сугробы к бревенчатой ограде, на редкие кустарники, выравнивает овраги. Непрохожая, непроезжая степь зимой. Нет коню корма, и оттого печенежская орда ставит вежи у рек в низине, где берега ивами и тополями поросли, а снег не покрывает траву толстым слоем.

В такую пору не жди печенежского набега, и засека передыхает, хотя караульные день и ночь не покидают вышку: ну как решится какой-нибудь печенег поискать удачи на самой засеке?

Заковало льдом Рось, погнало по ней порошу, зашелестел на ветру высохший камыш, зашептал бурыян-сухостой, вымахавший за лето в рост человека.

В просторной избе топилась печь по-черному, дым валил в дверь и дыру в крыше. Засечники при свете лучин латали одежду, из сыромятной кожи делали постолы, а Ивашка приспособился ставить на заячьих

тропах силки, пробивал в Роси лунки и ловил подледно рыбу. Нередко крупные сазаны рвали шнур, сплетенный из конского волоса, или разгибали кованый крючок. А однажды Ивашка едва не столкнулся с волчьей стаей. Вышел проверить силки, а волки зайца рвут. Закричал Ивашка, засвистел, заулюлюкал и, вытащив меч, побежал на них. Тем и спасся.

Зима на засеке — время воспоминаний, рассказов. Ивашка о себе товарищам поведал, про жизнь каждого узнал. Прежде были эти ратники холопами древлянского князя. На него землю пахали, хлеб растили, в себе вольны не были и, если бы не одолел Олег древлянского князя, так и тащили бы свою холопскую долю. Здесь же, на засеке, хоть и тревожно, зато вольно: ни князя с тиуном над тобой, ни боярина...

За зиму кони в засеке отощали, а копенек сена, поставленных летом поблизости от ограды, едва хватало до весны. Ждали ратники тепла, хотя и знали — с ним придут постоянные тревоги, вежи печенегов снимутся с зимних становищ и подкочуют к границам Киевской Руси, чтобы в любой час кинуться в набег...

Страшен подраненный вепрь. Злобный, он ломит всей тяжестью, сметая все преграды. Отскочить не успеешь, и вепрь уже распорет клыками своего врага. Урхо это хорошо известно, и он готовился к охоте основательно: сам стрелы отковал, наточил наконечник копья, взял длинный нож.

Урхо обнаружил тропу, по какой вепрь ходил на водопой, поблизости от города, на том месте, где причаливали ладьи новгородцев, когда плыли с Олегом в Киев.

Осмотрев следы, лопарь определил: вепрь крупный и одиночка. Секач шел грузно, ломая крупные ветки. В одном месте кабанья тропа отклонялась, и вепрь выходил на поляну, но тут же снова тропа скрывалась в лесу.

Здесь и решил Урхо подкараулить вепря. Отыскал кусты рядом с поляной, где тропа виляла, выйдя из леса, сел с заветренной стороны. Догадывался: сидеть придется долго, не меньше чем до полуночи, — да Урхо терпелив.

Время текло медленно, лопарь успел обо всем передумать. Отстучал дятел, смолкла иволга. Стих, замер лес. Ярко светила луна, отбрасывая короткие тени. Небо чистое и звездное. Вот на поляну вышел лось, постоял немного, затрубил, но ему никто не откликнулся. Тряхнув ветвистой головой, лось гордо удалился.

И снова тишина. Появление лося навело Урхо на воспоминания о далекой родине. Земля лопарей-корелов, лесистая, озерная, поросшая мхом и усеянная лысыми валунами, дымный чум, оленье стада. В том краю оставил Урхо молодые годы, девочку-корелку, которую, кажется, любил... Но это было так давно, что почти стерлось в памяти, как забылось и лицо матери...

Чуткое ухо уловило далекий треск валежника, потом приближающийся топот. Урхо насторожился, изготовился. Вот уже слышно дыхание вепря. Лопарь поднял лук. Зверь трусил напролом, не чуя опасности. Вот на мгновение он оказался на поляне, подставив лопарю левый бок, и Урхо спустил стрелу. Вепрь взвизгнул, рванулся к кустам, но тут же, подминая ветки, рухнул... Урхо копьем тронул его и, убедившись, что вепрь убит, достал нож, спустил кровь, освежевал, разделал зверя. Подвесил куски мяса на дереве: вернуться не успеешь — растащат дикие животные. И только после этого отправился за подмогой. Было уже утро.

От посадника Юрия из Новгорода приплыл в Киев посол с известием: князь Мал восстал, отказался платить дань, заявив: «Мы посадили Олега в Киеве, пусть и княжит там, а нам, кривичам, он не указ,

тем паче какое дело до его новгородского посадника Юрия».

Новгородцы, говорил посол, ударили в било и решили на вече покарать отступников.

С новгородцами против кривичей пошли словене и чудь, они сломили дружину Мала и его ратников, сожгли их городок, а самого Мала убили. Вместо него кривичским князем посадили сына Мала Бовкуна.

Слушал Олег посла, хмурился:

— Экий неугомонный князь Мал, не дошли до него мои слова, а ведь предупреждал. Верно поступили новгородцы. Однако в поучение всем кривичам не следовало жалеть смердов, какие в ратниках у Мала были. О том и передай посаднику Юрию. А Бовкуну пусть урок Мала пойдет впрок. Кривичи навсегда должны запомнить тяжелую руку великого князя киевского. Так было с древлянами, так будет со всеми, кто не пожелает признать это!

А Ратибору Олег сказал:

— Никак не уразумеют усобики, что не об себе пекусь: сила Руси в единстве, и тогда ее уважать станут — сколько раз сказывал.

— Твоя правда, князь. Ты встретил на Руси своих единомышленников. Сегодня с тобой словене и поляне, полочане и дреговичи. Примучили древлян и кривичей и на иных, какие Киеву противятся, управу сыщем. Просятся под Русь Киевскую вятичи и радимичи. Близится то время, когда всю Русь вокруг Киева соберем! В это верим я и воевода Никифор, бояре и старейшие люди города. Народ в тебя уверовал, князь Олег, и опорой тебе дружины...

Узнав о приезде новгородца, Лада обрадовалась и все выпрашивала у него и о городе, и об отце с матерью. Посол передал ей родительский поклон, соболей на шубу, а Урхо и Анне строгий наказ, чтоб глаз не спускали с молодой княгини: с них-де спрос за нее, — чем несказанно развеселил Ладу...

ГЛАВА 4

Хазары идут. Встреча на переправе. Послы северян и суличей у Олега. Олег признает Перуна. Итиль — столица каганата. Ивашка в печенежской неволе. Киевский купец Евсей. Ивашка плывет в Константинополь. Степь — дом печенег. Предсказание

В низовье реки Итиль, которую славяне именовали Волгою, где начало рукавам, богатым рыбой, стоит главный город Хазарского каганата Итиль.

Пыльные улицы и приземистые домики, наплавные мосты и базар, дворец кагана на острове и особняки вельмож и первого министра — хаканбека. Здесь главная торговая часть города. Вблизи базара — кварталы греков и арабов, евреев и славян, хорезмийцев и волжских булгар.

На левобережье торговля особая: там продают и покупают невольников, и земля вдосталь окроплена слезами.

В Итиле селились купцы из многих стран. Те, кто с Востока, закупали рабов, пеньку, лен, меха, мед, воск и многое другое, а славяне и скандинавы спрашивали оружие и золотые украшения, сукно и бархат, парчу и шелк, пряности и благовония. Расчет шел на деньги и на золото. Базар гудел тысячами голосов, разноязыкий, разноплеменный.

Сами хазары — племя многочисленное и торговое. Они живут от Хорезма до Херсонеса и получают дань со многих народов. У них большое войско наемников-арсиев. Часть хазар ведет оседлый образ жизни, иные кочуют. Они ставят свои вежи в степях Причерноморья и иногда сталкиваются с печенегами, но чаще совершают походы в земли славян, заставляя их платить дань каганату.

Хазары — иудеи, но это не мешает им быть веротерпимыми. Иудейские синагоги соседствуют с языческими капищами, мечети мусульман — с греческими церквями. В Итиле и в портах Причерноморья хазарские счетчики взимают пошлину со всех товаров,

которые провозят через Хазарский каганат. Хазарские гости плавают в Херсонес и Константинополь, в Киев и Новгород, добираются до Скирингсааля и бороздят Хвалынское море, достигая стран Востока.

Уже в девятом веке Хазарское царство добилось такого величия, что о нем знали во всей поднебесной — от моря Хвалынского и до Русского, от гор Кавказских и до среднего течения Итиля.

Всем известно, каган — наместник Бога на земле, и вся жизнь в каганате в руках хаканбека. Ему подчиняются все — от сановников и народа до воинов-арсиев.

Арсии держали в повиновении народ, они приводили к покорности данников. Когда стало известно, что в Киеве сел князем Олег, заставлявший славян покориться его власти, хаканбек разъярился. Его узкие рысьи глазки налились гневом. Он был убежден, что все, кто живет по левую сторону Днепра, должны платить дань каганату. Первый министр вызвал темника Аюба, спросил вкрадчиво:

— Твои воины кочуют в землях язычников, не так ли, Аюб?

— Да, мудрый хаканбек. Мы ставим свои вежи среди радимичей, вятичей, северян и других народов.

— Это хорошо, Аюб. Тогда скажи, уж не породнились ли твои арсии с язычниками? Или они взяли себе в жены славянок?

Темник поднял брови:

— Нет, мудрый хаканбек.

— Так-так, Аюб. Но тогда почему старейшины славян ездили в Киев к князю Олегу и не стали платить дань каганату? Может, с твоего согласия, темник?

— Мудрый хаканбек, разве я не служу верой и правдой каганату?

— В таком случае не настала ли пора твоим арсиям обнажить мечи?

— Ты говоришь истину, хаканбек. Мы напоим наших коней в Днепре и заставим князя Олега отказаться ходить в земли к нашим данникам.

— Ты так и поступишь, Аюб. Ты привезешь в каганат много золота и мехов, а мне — молодую красавицу из племени северян.

Могущественному Хазарскому каганату повиновались многие народы. Платили ему дань и те славянские племена, которые жили по левую сторону Днепра.

Подчинившиеся силе суличи, северяне, вятичи, узнав, однако, что князь Олег собирает Русь, проявили непокорность хазарским сборщикам дани, и теперь Аюб отправился покарать славян.

Отклоняясь от степи в глубь лесов, отряды Аюба держались настороженно. Темник, как и его тысячники, и все его воины, любил степь и боялся лесов, где за деревьями-великанами, в глухих кустарниках могли поджидать славянские лучники или ловко установленные самострелы.

Всякое преследование врага кончалось неудачей, славяне легко укрывались в таких местах, куда не то что конному — пешему с трудом пробраться. А в тех погостах, куда Аюб вступал, было пусто. Темник злился, грозил славянским старейшинам и ждал, когда их князья явятся с повинной.

Созвав на совет тысячников, темник спросил их:

— Что скажете вы мне, мои достойные тысячники? Вот уже месяц мы гоняемся за русичами, но они уходят от нас...

Молчали тысячники, и тогда темник сам ответил на свой вопрос:

— Я поведу вас к Днепру, и там мы посмотрим, что нам делать дальше.

И арсии повернули на запад, вслед уходящему солнцу...

Походную юрту Аюба поставили на холме, отсюда вдали сиден Днепр и далеко окрест степи, перелески, леса. Просторная войлочная юрта зимой не пропуска-

ла холод, летом жару. На холме ее обдували ветры, несли прохладу.

Маленький, круглый как шар, с ногами колесом, темник сидел на кошме, сложив руки на груди. Его бритое лицо напоминало полную луну. Аюб выпил остуженный в роднике кумыс и теперь сопел, думая. Мысли у него бродили, подобно молодому напитку в бурдюке. Три тысячи сабель, три тысячи конных арсиев у Аюба. Его арсии стремительны, как стрелы, пущенные из лука, и храбры, как барсы. С ними Аюб не знал поражений. Он водил их в солнечные степи Зайтилья и отражал наседавших с востока кочевников, его арсии вызывали страх у многих народов. Аюб отдает должное русичам и уграм, они сопротивляются как львы.

Аюб нападал внезапно и требовал от своих тысячников подкрадываться к противнику, как он, и нападать так же неожиданно. Может, оттого Аюб и сравнивает своих арсиев с барсами?

Вот и два дня назад, выходя к Днепру, они вступили на лесную тропу, которая привела хазар к суличскому городку. Арсиям удалось бесшумно снять суличскую засаду, а затем, стремительно преодолев ров и сбив ворота, ворваться в городок. Хазары не пощадили никого, а тысячнику Ниясу, предложившему угнать женщин и подростков в Итиль на невольничий рынок, Аюб сказал с издевкой:

— Разве ты, тысячник, уже покорил суличей и теперь возвращаешься домой?

Аюб — подданный каганата. Он служит кагану, а поскольку каган — божество, Аюб никогда его не видел и во всем подчиняется хаканбеку. Аюб не любит хаканбека и считает его бабой. Старой бабой, которая знает лишь собирать в степи топливо. Хаканбек давно уже забыл, с какой стороны вскакивают в седло. Он ждет от Аюба золота и мехов, и темник исполнит его повеление, но зачем ему молодая красавица из Руси? Разве что любоваться ее красотой, как

любуется удалец статной, еще не объезженной кобылицей. Но кто будет ее объезжать, когда хаканбек давно уже забыл, для чего существует женщина...

Аюб вспомнил родное кочевье у гор, что от Итиля на восток, табун, который пас он в юности, волчью стаю, погнавшую табун к обрыву. Тогда много лошадей погибло, а Аюб, испугавшись наказания, бежал к хазарам и сделался арсием. С годами он стал десятиком, сотником, тысячником, темником...

Аюб не гнался за богатством: зачем оно ему, если у всех есть конец жизни! Он беден, как и тогда, когда нанимался служить кагану. Но у него, как считает Аюб, есть самое большое богатство — власть над людьми. Тысячи арсиев беспрекословно исполняют его волю. По взмаху руки темника они идут на смерть, и в этом для Аюба самое большое счастье.

Вот и сейчас у него соберутся сотники и тысячники, и он пошлет их взять Киев, а потом заставит князя Олега признать народы левобережья Днепра данниками каганата...

Откинув полог юрты, вошли тысячники, уселись на кошме, ждали, что скажет темник. А он, прихлебывая из деревянной чаши кумыс, еще долго сопел, прежде чем заговорил. Аюб знал: в молчании — мудрость, и для арсиев он мудр, и слово его неоспоримо. Через прищур глаз Аюб смотрел на тысячников и сотников, пока наконец не сказал:

— На той стороне Днепра Киев, и я привел вас сюда, чтобы взять этот главный город русов. Когда мы ворвемся в него, казна кагана станет еще богаче, а в ваших сумах зазвенит золото, и несколько ночей вы будете спать на перинах с русскими красавицами. Потом вы погоните их в Итиль, чтобы продать в рабство.

— Мы захватим Киев! — загорячился тысячник Нияс.

Аюб посмотрел на него насмешливо:

— Разве ты, Нияс, уже знаешь, как и куда поведешь своих арсиев?

Тысячник смутился:

— Но ты, Аюб, скажешь нам.

— Потому и позвал вас. Когда мы подойдем к Днепру, ты, Нияс, пойдешь вверх по реке и переправишься на правый берег. А вы, Марзет и Оса, со своими арсиями, таясь, проберетесь в низовье и, также таясь, бродами перейдете Днепр и станете на том берегу. Когда Олег с дружиной выйдет из города и двинется на Нияса, вы захватите оставшийся без защиты Киев... Нияс выступит посветлу, чтобы княжеские дозоры увидели и донесли своему князю, а вы, Марзет и Оса, отправитесь ночью, и чтобы ни одна русская собака не догадалась, куда вы пошли... Идите и готовьтесь, а завтра к полудню ты, Нияс, уже будешь на том берегу и встретишь киевского князя, а тем временем Марзет и Оса встанут у ворот Киева.

Арсии переправлялись, держась за хвосты и гривы коней, приторочив к седлам броню и оружие. Некоторые толкали впереди себя кожаные подушки, набитые сухим сеном.

От множества людей Днепр вспенился, взбучился, а на том берегу уже собирались арсии. Нияс торопил. Он первым выбрался на правую сторону реки. Конь встряхнулся, разбрасывая брызги. Нияс принялся одеваться. Тысячник спешил: вот-вот должна появиться дружина киевского князя.

Бой не обещал быть легким, но Нияс был уверен: как только Олегу донесут, что к Киеву подошли Марзет и Оса, он кинется спасать город, и тогда наступит его, Нияса, час. Он ударит в спину Олегу и вслед за убегающими ворвется в Киев... К тому времени Марзет и Оса, может, еще и не возьмут город. Аюб где-то с Марзетом и Осой. Он рассчитывает на быструю удачу, оставив Ниясу самое тяжелое. Так бывало не раз. Например, на Каме, когда покоряли булгар. Тогда Аюб оставил Нияса сражаться с превосходящими силами противника, и его арсии не только отразили натиск булгар, но и сами, обойдя их с правого крыла, заставили бежать, дав победу Ниясу...

Переправились на правый берег хазарские воины, выставили дозоры, принялись ждать дружину князя Олега. Тысячник поставил арсиев клином так, чтобы грядни, наскочив на острие, раскололись и потеряли силу...

Шло время, солнце уже встало на полудень, а потом и за обед перевалило, а князь Олег с дружиной все не объявлялся, чем несказанно озадачивал Нияса. Уж не разгадал ли киевский князь замысел Аюба? А если так, то что делать тысячнику? И у Нияса зародилась тревога. Он послал гонца к Аюбу, но темник уже ушел в низовья Днепра. И Нияс принял решение.

Когда солнце спряталось за дальним лесом, хазары расположились на ночевку, чтоб с утра самим двинуться к Киеву.

С дальней левобережной заставы, что в земле северян, явился в Киев гонец с тревожной вестью: хазары разорили суличей и на конях идут к Днепру.

Созвал Олег воевод и старейшин думать, как от хазар отбиться: идти ли навстречу или дожидаться, когда они Днепр переплывут.

Накануне князь обошел стены, осмотрел рвы и валы, а на совете старейшины заверили, что немедленно наготовят котлы для вара и кипятка, люд поднимут, коли хазары осмелятся на приступ.

Через день еще один гонец прискакал. Аюб остановил полки в верстах трех от Днепра, ниже Киева, и, по всему видно, намерен перебраться на правый берег. Всего же хазар за три тысячи.

Воевода Никифор считал: Аюб станет переправляться на бродах в низовьях Днепра. Олег с ним согласился и предложил встретить хазар на переправе. Однако Ратибор высказал сомнение: что, если Аюб вздумает переправляться не в одном месте?

И тогда Олег с воеводами решили послать лазутчиков в становище хазар...

На лодке-долбленке Урхо ночью переплыл Днепр, у густых зарослей ивняка вытащил ее на песок, ос-

мотрелся. Тихо, только там, у хазар, перекликаются дозоры. Крадучись, перебегая от куста к кусту, подобрался Урхо к хазарскому становищу. Посылая лошадь, Олег напутствовал его: «У тебя глаз острый, походка бесшумная, выведай, что Аюб замыслил».

Вот, громко переговариваясь, прошли совсем рядом хазарские караульщики. Остановились вблизи, посмеялись. Урхо затаился. Но хазары отправились дальше. К утру становище оживилось, а когда поднялось солнце, Урхо увидел, как часть арсиев направилась вверх по течению.

Урхо подумал — хазары двинулись к переправе, но не спешил возвращаться: он должен узнать, куда пойдут остальные. Но в становище больше никакого передвижения не замечалось. Однако Урхо был терпелив. Он пролежал до вечера, и только когда смерклось, все становище пришло в движение. Хазары свернули юрту Аюба, оседлали коней и сотня за сотней двинулись в низовья Днепра.

Теперь Урхо все стало ясно. Дождавшись, когда ушла последняя сотня, он заторопился в Киев.

Ночь была на исходе. Густые облака закрывали луну и звезды. Над Днепром плыл предутренний молочный туман. С высоты седла Аюб следил, как переправляются арсии. Туман поглощал хазар. Темник не стал дожидаться, когда ему отыщут ладью, тронул коня. У реки спешился, скинул одежды. Приторочив их поверх седла, неспешно вошел в воду. Пусть арсии видят: он такой же воин, как и они.

Аюб знал: тысячник Нияс уже переправился и теперь ждет Олега. Аюб доволен: все идет, как он задумал. Сегодня его арсии ворвутся в главный город русов, и кровь прольется на его улицах. Кровь, как хмельное вино, пьянит Аюба. Душа радуется, предчувствуя скорую победу.

Река все глубже и глубже, и вот Аюб уже плывет, держась за конскую гриву. Но вскоре темник почувст-

вовал — конь достал дно — и пошел вброд. Дно каменистое, идти неудобно, конь то и дело спотыкается. На берегу он встряхнулся, пофыркивая. Арсии выходят из воды, сбиваются в толпу. Но это ненадолго. Сейчас они разберутся по десяткам и сотням в тысячи. Тысячники отыщут Аюба, и хазары на рысях двинутся к Киеву, а тем временем Нияс уже оттянет на себя киевские дружины.

Темник напряжен, как всегда перед сражением. Это напряжение напоминает туго натянутую тетиву лука.

Рассветало, и туман начал рассасываться. Неожиданные тревожные крики насторожили Аюба. К нему подскочил Марзет, крутнул коня. Указывая вперед, выкрикнул:

— Там русы!

Аюб огрел Марзета плетью:

— Ты визжишь, как подлый шакал! Или у тебя нет арсиев? Прочь!

Марзет рванул коня, а темник привстал в стременах, всмотрелся в даль. Там стеной темнело войско киевлян.

— Русы! Русы! — кричали хазары, перестраиваясь к бою.

Аюб понял: Олег перехитрил его. Он послал на Нияса малую часть своих дружин, а основными силами обрушится на него.

Мысли Аюба работали лихорадочно. Как спасти арсиев, как избежать позора? Отойти? Но уже поздно. Выход один — бросить на русов всех. Арсии уже в седлах, и они готовы к сражению. Ударить, пока русы стоят, разорвать эту стену! Но дружины Олега опередили хазар. Раздался топот множества копыт, и русы пошли вперед. Их стена вот-вот навалится на хазар.

Взвизгнул Аюб, кинулся в схватку. Зазвенели мечи и сабли, ржали, дыбились кони, кричали раненые. Конь под темником встал свечой, и только это

спасло Аюба. Меч гридня скользнул по броне, а сабля темника достала русича.

Бой оказался коротким. Хазары не выдержали натиска дружин, повернули к Днепру. Их секли, кололи, били шестоперами, и только меньшей части удалось достичь противоположного берега.

Оглянулся Аюб, и слезы застлали глаза. Где его арсии, где те, с кем еще вчера был непобедим? Никогда не плакал Аюб, даже когда покидал родной очаг. Марзет и Оса торопили, русы преследовали их. Тысячники гнали коня темника, не замечая, что он склонился к луке седла и совсем безучастен...

Хазары уходили от погони поспешно. К полудню они далеко оторвались от дружин Олега. Не давая коням роздыха, арсии скакали к реке Суле. Они рассчитывали передохнуть за Сулой и уйти к Итилю, где и дожждаться Нияса.

Не знали Аюб и его тысячники, что воевода Никифор встретил Нияса в двадцати верстах от Киева и, разгромив его, гнал, не давая переправиться, и мало кто из арсиев Нияса спасся.

За Сулой хазары передохнули, и Аюб пришел в себя. Остатки арсиев темник повел к Итилю...

Отбили хазар, прогнали их с левобережья, и в Киев явились послы от северян и суличей, вятичей и радимичей с просьбой взять их под защиту. Олег принимал их на Горе, на Красном крыльце, за накрытыми столами, поил медом и вином, угощал широко, а когда закончился пир, спросил у послов:

— Велика ли ваша дань хазарам?

И, услышав, сколько брали с них сборщики кагана-та, заявил:

— Отныне не хазарам платить будете, а Киеву, ибо он ваша защита от них...

В то же лето 6392-е от сотворения мира, а от Рождества Христова в 884-е ходил Олег к северянам, в другое лето — к радимичам и установил, какую им платить дань.

Киевляне славили Перуна, отмечая победу над хазарами. Жгли на капище жертвенный огонь, приносили Перуну жертвы. Идол взирал на все с холодной надменностью: он привык к подношениям.

Олег не пошел на капище, они с Ладой отправились на охоту. День был ясный и теплый. Они ушли вдвоем в ближний лес, без гридней, чтобы никакой посторонний глаз их не видел. Бродили по лесу весь день. Лада застрелила зайца, а Олег даже лука не поднял. К вечеру устали, разожгли костер, освеживали зайца, нанизали его на прут из дикой груши и, дождавшись, когда нагорят угли, приспособили прут к двум рогатинам, загнанным в землю.

Мясо румянилось, пахло дымком, они проголодались и только теперь подумали, что не ели с самого утра. Олег не упомнит, когда вот так они оставались с Ладой один на один. Пока заяц жарился, Олег рассказывал Ладе, как ходил с Рюриком на драккаре по морю Варяжскому и как однажды попали в сильный шторм. Море поднимало волны выше скал, оно швыряло драккар, словно ореховую скорлупу. Викинги спустили паруса, держали драккар на веслах, не давая волнам накрыть его. Драккар выносило на гребень волны, потом так резко бросало вниз, что захватывало дух, и не успевали викинги глотнуть воздуха, как их снова поднимало на гребень... Викинги молились Вотану, а он, Олег, считал, что настал его последний час...

Лада слушала Олега не перебивая, но он неожиданно прервал рассказ, прислушался. В лесу запела какая-то птичка, выводила грустно, и никто ей не откликнулся.

— Ты слышишь, как ей одиноко? — спросил Олег.

Лада перевела разговор на другое. Она принялась расспрашивать, в каких землях побывал Олег и почему Рюрик пришел на Русь...

Они провели у костра всю ночь. Князь поддерживал огонь, и искры роем взлетали в темень неба. На лице Олега Лада уловила грусть.

— О чем мысли твои, князь? О времени ль том, а может, еще какая кручина?

Олег нахмурился:

— Печалюсь, Ладушка, что не суждено мне оставить на княжении род мой, Ольговичей.

Лада вздохнула. Однако Олег поспешил успокоить ее:

— Не твоя вина в том, а моя, и то мне известно.

Лада долго не отвечала, потом взяла его руку:

— Не горюй, князь, с тобой сын Рюрика. Ты его воспитал и Рюриковичам дорогу на княжение проложил. Но знай: имя твое выше их стоять будет, ибо не они — ты единую Русь создаешь.

Ночь пролетела незаметно. К рассвету выпала роса, стало прохладно. Лада поднялась.

— Пора, князь.

Олег встал, прижал ее к себе:

— Да ты, Ладушка, озябла.

Они возвращались в город, когда ожило торжище и в ремесленных кварталах застучали молотки. На торжище Лада вдруг шепнула:

— Случилось что-то, князь. Видишь, как на нас поглядывают.

Олег поправил меч, сжал Ладе руку:

— Вижу. Иди спокойно.

Он не знал, что вчера на капище раздавались злые голоса жрецов:

— Олег — варяг и не поклоняется нашему богу!

Им вторили из толпы:

— Он не признает великого Перуна!

— Обманом на Горе сел! Не пора ли иного князя Киеву обрести, веры с нами единой?

Едва миновали торжище, как князя и Ладу встретил Никифор.

— Случилось что, воевода?

— Волхвы народ смущают. Следовало ли тебе покидать город в день жертвоприношения?

Подошел Ратибор с несколькими гриднями, поддержал Никифора:

— Разве не говорил я тебе, князь, еще в Новгороде? Ты сел княжить у славян, так и богу их поклоняйся.

Олег потер шрам, ответил хмуро:

— Передайте волхвам, вечером буду на капище.

Воеводы закивали одобрительно:

— Давно бы так, князь. Кудесники сильны, не обижай их, к ним народ прислушивается.

— Ты князь русичей, Олег, и их бог — твой бог, — промолвила Лада.

До самых хором шли молча. Уже поднялись на крыльцо, когда Олег сказал:

— Пусть будет по-ихнему...

На заходе солнца сошлись на капище бояре и мужи старейшие, волхвы в белых холщовых одеждах. Олег стал вблизи жертвенного огня, положив руку на плечо Игорю. За последние годы княжич вытянулся, возмужал.

Олег молчал, но мысленно обращался к Вотану: «О Вотан, ты велик, и я создан тобой. Ты привел меня в эту страну и оставил здесь навсегда. Ты говорил мне: «Народ, живущий на Руси, — твой народ». Разве мог я ослушаться твоего голоса?»

Олег обращался к Вотану и, кроме него, никого не видел и не слышал: ни большой боярской дружины, ни кудесников, которые уже подвели к огню жертвенного быка. Олег продолжал молить Вотана: «Ты всегда был со мной, Вотан. Но сегодня ты велишь мне признать бога русичей Перуна своим богом. Я исполню твою волю, но не покидай меня в час трудный, и я всегда буду молиться тебе, ибо я рожден с верой в тебя».

Взревел бык, его горячая кровь брызнула Олегу в лицо, и он очнулся. На капище раздались радостные вопли:

— Перун принял жертву князя!

— Слава князю Олегу, князю русичей!..

С капища возвращались, когда Киев уже освещался множеством факелов. Рядом с Олегом шагал

Игорь. Поодадь следовали бояре. Они не слышали, о чем князь говорил княжичу:

— Ты, Игорь, рожден в краю русичей и с детских лет принял их образ жизни. Мне же с колыбели пели песню ветры фиордов, а морские брызги омывали мое лицо. Я навсегда запомнил их соленый вкус. Я ложился и пробуждался с именем Вотана, и сегодня для меня был горький день, ибо меня приневолили признать Перуна моим богом.

Игорь молча внимал словам Олега, а тот продолжал:

— Не забыл ли ты отца своего Рюрика? Он был истинным викингом, и ему Вотан вручил землю словен и Новгород. Отец хотел видеть тебя князем русичей, и ты им станешь — я поклялся в том Рюрику и Вотану. И детям твоим, и внукам суждено княжить на Руси.

Они поднялись по ступеням на княжий двор. Бряцающая оружием, ходила стража. И Олег подумал, что эти гридни, верные ему сегодня, могли вчера по зову волхвов поднять мечи против него, своего князя, и только потому, что он не поклонялся их божеству, Перуну.

С верховьев несет свои воды в море Хвалынское река Итиль. Величаво течет, и чем ближе к морю, тем шире разбегается, а в самом низовье, разделившись на рукава, обнимает хазарскую столицу, поит и кормит ее.

Город Итиль, столица каганата, жил каждодневно своей особой жизнью. С рассветом пробуждались рыбаки, выходили на лов. Принимался за дело работный люд засолочных и коптилен, оживали ремесленные слободы, в греческой церкви служили заутреню, купцы открывали свои лавочки, и появлялись первые счетчики в длинных халатах и круглых шапочках, с медными чернильницами у поясов, принимались за строгий учет взимаемой торговой пошлины. Взревел и загудел многоязыкий базар, поскакали по пыльным

улицам всадники, потянулись караваны верблюдов, груженных тюками с восточными товарами, прошагали ушастые ослики, покачивая большими головами. Покрикивали погонщики, скрипели двухколесные повозки, все вокруг шумело и горланило.

На острове прятался в густой зелени дворец кагана. Там день и ночь журчали струи фонтанов, в бассейнах плавали лебеди и золотые рыбки, стояла грозная стража. Стража и у дворца хаканбека на правом берегу Итиля...

Со страхом подъезжал Аюб к дворцу хаканбека. Чем ближе, тем страх сильнее. Предстояло держать ответ за бегство от русских дружин, за потери, какие понесли арсии. Погиб Нияс и почти вся его тысяча. Половины недосчитались тысячники Марзет и Оса. Где непобедимые воины Аюба? Он оставил их в земле славян. Что скажет Аюб хаканбеку? Что князь Олег победил его. Но разве виноват он, что удача отвернулась от него? Думал ли Аюб, что киевский князь разгадает план темника?

Пока ехал, все перебрал в уме, помышлял даже бежать к печенегам, которые кочуют в степях на левобережье Итиля, но отказался от такого желания: печенеги не примут его или, того хуже, возьмут в рабство. Да и как убежишь, если отряды арсиев повсюду, и они постараются угодить хаканбеку и доставят Аюба в Итиль.

Но не только за потерянных арсиев Аюбу держать ответ: хаканбеку уже известно, что тот оставил Олегу левобережье Днепра, платившее прежде дань кагану. Это главное, в чем обвинят темника. И хаканбек уже знает, как наказать его.

У ворот дворца хаканбека Аюб спешил. Его встретила стража. Суровый сотник молча отобрал саблю, проводил во дворец. В мраморных покоях полумрак и прохлада. Гулко отдавались шаги.

Впустив Аюба в просторную залу, где на мягких подушках восседал хаканбек, сотник остановился у

двери, а темник подошел к хаканбеку и низко поклонился.

Морщинистое лицо хаканбека было невозмутимо, и только на тонких губах скользнула усмешка.

Долго молчал хаканбек. Ноги у Аюба подкашивались.

— Ты порадовал меня молодой красавицей, Аюб? — наконец раздался скрипучий, насмешливый голос хаканбека. — Ты привез кагану весть о новых данниках? Хе-хе! Нет, Аюб, я не дождался красавицы северянки, а каган потерял тех данников, что платили ему дорогими мехами. Ты недостоин командовать арсиями, слышишь, Аюб? Но я не велю казнить тебя, твое место в яме!

Проводив послов с левобережья, Олег заявил боярам:

— Мы хазар разбили и отбросили, теперь настал час побывать у вятичей и радимичей.

Не обременяя себя обозом, с малой дружиной он отправился на Десну, а потом добрался до Оки, в края лесные, болотисные, богатые пушниной и ягодой.

Ехал Олег с миром, и о том от погоста к погосту слух шел. Радимичские и вятичские князья и старейшины встречали киевского князя с радостью, признавали его братом старшим, а он обещал им защиту от хазар. Подписывая с Киевом ряд, вятичи и радимичи обязывались быть с князем киевским заодно...

Только по первому снегу возвратился Олег в Киев. Едва в городе появился, как Ратибор сообщил: Ивашка с засеки пропал, по всему видать, печенеги в плен уволокли.

Огорчился Олег: не уберег он парня. Славный гридень был Ивашка. А из печенежской неволи мало кому бежать удавалось. На одно и надежда: ежели кто из печенегов в плен попадет, удастся обменять.

Припомнилось Олегу, как они с Ивашкой плавали по Волхову в острожек к ушкуйникам и те просили Ивашку остаться с ними. Князь даже пожалел, что

Ивашка не остался в острожке. Тогда не хотел Олег лишаться отменного кормчего, реку тот чувствовал, по течению определял, где валуны, где мелководье...

А ведь знал Ивашка, что жизнь на засеке неспокойная, опасная, однако сам напросился. Сокрушалась и Лада: хороший товарищ был Ивашка...

Осень брала свое. Утрами перепадали легкие заморозки, лист на кустарниках свернулся в трубочку, а трава прижухла, покрывалась изморозью. Но едва поднималось солнце, земля отогревалась.

Над степью проплывали к югу караваны гусей; курлыча, тянулись журавли, а на Рось у камышей садились утки и иные перелетные птицы, сбиваясь в стаи перед дальней дорогой.

Налегая на ручки сохи, Ивашка всей тяжестью тела вдавливал ее в землю, в то же время стараясь толкать соху вперед. Ивашке очень хотелось помочь Буланому. Конь тяжело поводил боками, взмок, и от него валил пар.

От сотворения мира никем не паханная степь, нетронутая целина, срослась с корнями трав, сплелась и не желала уступать пахарю, резалась с трудом.

Ивашка, как и Буланный, взмок. Скинув рубаху и оставшись в одних портах, он ступал в прохладную пахоту босыми ногами, часто останавливался. Пройдет борозду в сотню шагов, даст коню передохнуть. В день поднимал борозд двадцать. И так весь листопад месяц.

Мужики на засеке — бывшие холопы князя древлянского. Переселяясь на новое место, они привезли с собой соху и борону, немного зерна на семена, а прошлой весной распахали небольшой клин у реки, засеяли его яровой пшеницей. Поле хоть и малое, а порадовало урожаем, хлеб на засеке ели свой. Не сытно жили, но и не голодно. А этой осенью решили распахать еще клин и оставить на зиму под снегом, чтоб земля размягчилась.

С вышки, что над воротами, караульный зорко всматривался в степь: не прозевать бы печенегов. Караульному видно и пахаря. Когда караульный смотрит на него, он и сам всем телом чувствует, как бросает пахаря из стороны в сторону.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, караульный оглядывал даль. Степь безлюдная, и трава высокая, а бурьян-сухостой в рост человека. Скоро утренние заморозки сменятся морозами и снег завалит степь. Со снегом и печенеги уймутся, не будет набегов.

Караульный насвистывал, иногда заглядывал во двор, где на треноге варилась уха. Рыба Ивашкой ловлена. Иногда он ставил силки, приносил зайцев. На засеке Ивашку любили: веселый и за любую работу брался охотно.

Караульному видна согнутая спина пахаря, он чуть ли не лежал на сохе. Вот дошел до конца борозды, повернул коня, теперь будет передыхать.

Перевел караульный глаза на Рось — камыши желтеть начали, стоят стеной. Там в камышовых зарослях осенью перед перелетом жируют утки и гуси, отдыхают лебединые стаи, а за поворотом реки — мелководье, излюбленные броды печенегов.

И снова караульный глянул в сторону пахаря. Не видать Ивашки — верно, прилег. Через некоторое время еще посмотрел и, не увидев гридня, поднял тревогу. Выбежали из засеки ратники, кинулись на поле, а от Ивашки только след на борозде.

Увезли печенеги Ивашку.

Беда подстерегала Ивашку. Добрел он до конца борозды, остановил коня, взглянул на солнце. Оно на вторую половину дня повернуло. Скоро из засеки покличут обедать. Вчера Ивашка наловил карасей, крупных, каждый с лапоть. А зайца в силке лиса сожрала. Много лисиц расплодилось, в степи по норам прячутся. Двух Ивашка зимой взял, шапку себе сшил...

Похлопал коня по холке, в глаза заглянул. Конь что человек, все понимает, только не говорит. Ивашка сказал участливо:

— Устал, Буланный. Потерпи, закончим пахоту — отдохнешь.

И снова за соху взялся, склонился:

— Ну, Буланный, давай!

Однако не успел шага сделать, как петля перехватила горло. Рванули аркан, упал Ивашка. И вот уже потащили его. Ни крикнуть Ивашке, ни дух перевести. Сознание потерял. Когда очнулся, лежал он связаный, переброшенный через коня, ровно мешок, а в седле — печенег. И воняло от него грязными одеждами. Печенег напевал, а Ивашка со страхом подумал, что ждет его рабская доля.

Недолго ехал печенег один, вскоре к нему присоединились товарищи. Печенег им что-то рассказывал, и те весело смеялись. Потом они, не развязывая Ивашке рук, усадили его на запасного коня. Привязав повод к своему седлу, печенег крикнул товарищам, и они пустили коней в рысь.

Ивашка все к дороге приглядывался, запоминал: авось удастся бежать. Его везли все дальше и дальше на юг, и только на третий день он увидел становище: юрты, повозки, табуны, гурты скота, конных печенегов, толпу мальчишек и своры собак...

В Киеве у самого обрыва просторный бревенчатый дом в два яруса, с клетями и подклетями, просторный двор, обнесенный высокой оградой. День и ночь чуткие псы, кормленные сырым мясом, сторожат усадьбу. С обрыва видны Днепр, река Киянка, Лысая гора и луговые дали.

Поставил дом известный в Киеве купец, почтенный Евсей с мягкой как шелк бородой и седыми до плеч волосами. Евсею на пятый десяток повернуло, он в теле, но подвижен, как в молодые годы, и редко живет в Киеве. Его ладью знают по всему торговому

пути. Может, оттого, несмотря на лета, не обзавелся Евсей семьей.

Последние три года он провел в Константинополе, и не торговые дела тому причина — сердечные. Первое лето Евсей вел торг успешно, сбыл меха и воск, закупил греческого и восточного товара, поправил ладью. Настал час отплытия, в порту было шумно: стояли корабли гостей из разных земель, раздавались крики надсмотрщиков, шелканье бичей по спинам рабов: «Не ленись, не ленись!»

Евсей совсем собрался возвращаться на родину, тем более что уплывал староста киевских купцов Фома: одним караваном по Днепру идти безопасней, — но неожиданно, когда Евсей направлялся к порту, он столкнулся с молодой ромейкой. Она поднималась вверх по мощенной плитами улице и так повела черными очами, что ноги Евсея сами собой повернули ей вслед.

Ромейка шла долго, гордо неся голову, а Евсей плелся за ней, как побитая собака за хозяйкой. У забора, увитого виноградом, она остановилась, открыла калитку, пропустила Евсея во дворик, где стоял небольшой каменный дом. Ромейка улыбнулась лукаво, и купец присел в плетеное кресло да так и остался еще на два лета в царственном граде.

Звали ромейку Зоей, и для Евсея она была божественной. Он так и звал ее: «Любимая богами». Мягкой, теплой византийской зимой Зоя привела Евсея в храм, и он принял православное крещение...

А спустя три года, покидая Константинополь, Евсей пообещал Зое вернуться вскоре.

— Я оставил у тебя мое сердце, — говорил купец. — Будущей весной жди.

Три года назад, когда Евсей отправлялся в Константинополь, в Киеве еще княжили Аскольд и Дир, а вернулся — перемены-то какие! Нет Аскольда и Дири, а на Горе уже сидит князь Олег.

Много воды утекло за это время в Днепре; пока Евсей ромейку обхаживал, сколько событий свершилось: древлян усмирили, отбили хазар, притихли печенеги, взяли под защиту вятичей и радимичей...

Когда Евсей впервые увидел Олега, этот крепкий, с бритым лицом и шрамом на щеке, висячими усами и тяжелым взглядом князь напомнил ему викинга. Евсей даже улыбнулся, вспомнив, что Олег и был из викингов.

Но то и неудивительно: ведь и Аскольд и Дир тоже были варяги. А вот что Олег надумал объединить славян, Евсей одобрял. Не об этом ли мечтали купцы русские? Без порядка на Руси как можно торг вести, как землю обезопасить?

К концу зимы Евсей начал собираться в Константинополь, товар приобрел, кормчему велел по теплу ладью в дорогу готовить. А однажды явился к купцу отрок из меньшей княжьей дружины, велел прийти к князю. Удивился Евсей: с Олегом он незнаком, жалоб не подавал, так к чему кличет?

На княжьем дворе дорожки от снега расчищены, у коновязи подседланные кони бьют наледь копытами, гридни у крыльца собрались, переговариваются.

Обмел Евсей снег метелочкой, прошел в хоромы. Олег ждал его в малой горнице. Горела печь, потрескивали березовые дрова, было жарко.

— Сними шубу, купец, и садись к столу.

Отрок внес вино и моченные в капусте яблоки, налил вина в чаши. Олег сказал:

— Не дивуйся, торговый человек, что позвал я тебя, хочу услышать о Константинополе. Да не о храмах и дворцах либо о пышных выездах базилевса, а о том, чем сильна империя.

Потер Евсей лоб, задумался. О чем же рассказать князю, с чего начать? Как Константинополь укреплен — так то разве князю неведомо? О гвардии базилевса? А может, о флоте императора? И решил Евсей поведать Олегу о кораблях базилевса, которые стоят в бухте Золотой Рог.

Олег слушал Евсея не перебивая, потом взял яблоко, надкусил и, подняв чашу, сказал:

— Выпьем, купец, за успехи твои торговые.

Отставили чаши, посидели молча. Но вот Олег снова заговорил:

— Скоро ты, гость торговый, поплывешь к ромеям, и будет тебе от меня урок. Когда воротишься в Киев, поведаешь, какая воинская сила у империи — флот и армия. Да еще присмотришься, нет ли в городских стенах места, мало защищенного. На все ты ответ найдешь, коли заручишься поддержкой самих ромеев, а для того не скупись на подношения. Для такого случая дадим мы тебе меха и скору, мед и воск. Ко всему выведай о хлебных припасах в Царьграде. Уразумел ли, о чем глаголю? Не праздным любопытством одолевает я, Евсей, а часа жду, и он пробьет, верю.

Евсей возвращался с Горы, охваченный одной мыслью. Кажется, Олега одолел дерзостный замысел. Он решил поискать удачи в Царьграде. Аскольд и Дир ходили в набег, то тогда флот императора бороздил моря у Египта. А теперь, когда корабли базилевса трутся бортами о стены Константинополя, ладьи русов потопят, не допустив их к берегам империи... И еще Евсей думал, что он постарается сообщить Олегу только правду о мощи Византии, и тогда тот сам откажется от похода.

Всю осень, до снегов, Ивашка собирал овечий помет, лепил из него кирпичи и, просушив их на солнце, укрывал сухим бурьяном. У печенегов кизяк лучшее топливо, его заготавливали женщины и рабы.

Зимой Ивашка ломал бурьян-сухостой, складывал его у юрты в копенки. Бурьян жгли в костре посреди юрты, и дым тянулся через отверстие в крыше. Тепло держалось, пока горел огонь.

Ивашка — раб, но он не мог смириться с этим и постоянно думал о побеге, однако зимой каждый след на снегу виден. Ивашка ждал весны.

Жил он в овчарне. В морозы овцы грели его. Ел скудно, кормили хуже собак, дразнили мальчишки, а женщины не считали за мужчину. Мужчина — воин и в плен не попадает.

Больше всего опасался Ивашка, чтоб не продали его в рабство в Херсонес, где рабов из Руси приковывали к веслам галер, откуда одно спасение — на дно морское. А еще нередко печенеги подрезали пленным сухожилия ног, и тогда рабу-калеке не убежать.

Томительно медленно тянулась зима. Ивашка похудел, оброс бородой, вконец оборвался. Прежде, живя в Новгороде и Киеве, раза два в неделю парился в бане, а нынче с того дня, как в плен уволокли, не мылся.

Часто вспоминал Новгород, отца, умершую мать. Иногда думал о Ладе, но удивительно: куда исчезла любовь? Да и была ли она, уж не придумал ли он ее сам?

С нетерпением ждал Ивашка конца зимы, когда трава в рост пойдет: в ней его спасение от конных печенегов.

Воротившись домой, Евсей закрылся в молельне, что рядом с опочивальней, перекрестился, встал на колени:

— Спаси и помилуй, Боже...

Молился Евсей истово, таясь. Не приведи Бог прознать кому, что он принял греческую веру: дойдет до волхвов — быть беде.

Чем ближе к весне, тем радостнее Евсею. Скоро он увидит Зою, привезет ей подарки богатые, меха соболиные и куньи, ожерелье, кованное киевскими мастерами золотых дел.

Иногда у Евсея появлялась беспокойная мысль: а любит ли его Зоя, ведь он наполовину старше ее? Но тут же старался прогнать сомнение.

Уговаривал Евсей Зою перебраться к нему в Киев, город ей расхваливал, но она уперлась:

— Вы, русичи, язычники, как жить средь вас буду?

Во дворе голосисто запел петух, ему отозвались на Подоле, и вскоре петушиное пение разбудило весь Киев. Оделся Евсей, по протоптанной дорожке вышел к обрыву, постоял. Чудны утренние зори киевские! Первые блики скользнут по лесным далям, осветят покрытую снегом луговину, заиграют на скованных льдом реках Почайне и Киянке, пробудят все живое. Воздух прозрачный и чистый, словно вода в роднике. Сколько раз виделось все это Евсею на чужбине! Бывало, выйдет на заре к морю, сколько ни всматривается, оно в дымке. И скажет Евсей с горечью: «Где же вы, мои зори киевские?»

Недостает ему их там, у ромеев...

Весной, когда Евсей уже совсем собрался в дорогу и караван кораблей был готов к отплытию, заболел кормчий Путята с Евсеевой ладьи. Вот и пришлось Евсею ждать, пока кормчий поправится, и плыть не караваном, а в одиночку. Такая дорога опасна вдвойне, тут ладье не только пороги грозят, но и печенеги на перекате.

Ивашка готовился к побегу долго. Сначала собрался на север идти, куда ковш небесный укажет, потом сообразил: печенежская погоня непременно туда же поскачет.

Днями будет передыхать, скрываясь в траве, а ночами пробираться. Для побега Ивашка выбрал время, когда хозяина не было дома. Выжидая, припас в путь сухую лепешку, кусок овечьего сыра. Увидев, что хозяин и его товарищи седлают коней, приторачивают переметные суммы, обрадовался. В полночь выбрался из овчарни, отполз за становище и побежал. Собаки не лаяли: привыкли к нему. Уходил Ивашка на восток, к Днепру. Надеялся, в эту сторону печенеги погоню не пошлют.

Он бежал, радуясь первой удаче, иногда прислушивался к ночным шорохам, боялся услышать конский топот. С рассветом залег в густой и высокой траве и тут же, сморенный, заснул.

И приснилась ему погоня, она настигает его. В страхе пробудился. Кто-то смотрел на него. Ивашка вздрогнул и тут же улыбнулся облегченно: бурая лиса уставилась на него своими зелеными глазами. Увидев, что человек двинул рукой, потрусил от него.

Ивашка лежал дотемна, сжевал кусок лепешки и часть сыра. Хотелось пить, но воды нигде не было...

И снова ночь в пути. Ивашка устал, на рассвете, утоляя жажду, лизал росу, жевал степной щавель. Лепешку и сыр съел на второй день, и теперь в животе у него голодно урчало...

На четвертый день Ивашка вышел к Днепру и заплакал. Он сидел у воды и не верил в удачу. Все это были еще печенежские места. Ивашка склонился, пил долго и жадно. Умылся и снова сидел и думал, как ему перебраться на ту сторону, где, ему казалось, меньше опасность. Там он пойдет вверх по течению и обязательно доберется до Киева.

А Днепр широкий, и вода в нем будто неподвижна. Ивашка прикидывал, хватит ли у него сил переплыть реку, но, так и не решив, встал. В голове вдруг закружилось, раздался звон, и он тут же упал на песок.

Первым его заметил кормчий. Он долго всматривался в степь, оглядел берег и все вокруг и, не обнаружив опасности, позвал Евсея. На ладье спустили паруса, и один из мореходов вплавь добрался до берега. Припав к Ивашкиной груди, прислушался. Потом поднял его, внес в воду, поплыл, выгребая одной рукой.

Пловцы втащили Ивашку в ладью, поставили паруса и, помогая веслами, продолжили путь.

Ни Евсей, ни кормчий Путята, ни другие мореходы не признали Ивашку, да и откуда им было знать его, когда они в Киеве гости редкие. И только один молодой ладейник, впервые отправившийся в Константинополь, припомнил, что видел парня в дружине князя Олега.

Дня три Ивашка отдыхал, а когда сам заявил, что уже готов сесть на весла, кормчий сказал:

— Добро, пара рук не помешает.

Так Ивашка стал ладейником.

Молодость брала свое, вскоре он окреп, набрался сил и о плене вспоминал как о страшном сне.

Широко раздался Днепр в низовье, по разливам заросли камышом плесы, где днем и ночью кипела жизнь.

По Днепру спустились в море. Ивашка в море впервые. Сколько ни всматривался он вдаль и вширь, всюду чернела вода, гуляла мелкая зыбь и летали белые чайки. Они кричали, а ладейники говорили, что это души утонувших мореходов.

Греки называли море Понтом Эвксинским, русичи — Русским.

Ивашка удивлялся, как Путята определяется в открытом море, а кормчий только хмыкал:

— Поплаваешь с мое, поймешь.

Но однажды к вечеру море замерло, сделалось парко, паруса обвисли, и тревожный голос Путяты потребовал спустить их. Евсей перекрестился, зашептал:

— Господи, отведи грозу от путников, смени гнев на милость.

Изумился Ивашка: купец не к Перуну обратился, а к Богу ромеев.

Безветрие вдруг оборвалось, налетел порывистый ветер, погнал волну. Он усилился, засвистел. Ладью швырнуло, закружило, понесло. Ивашке показалось, что море и небо срослись. Он ожидал, что море вот-вот проглотит их. Перекрывая рев воды, кормчий кричал:

— Веслами, веслами работа-ай!

— И-эх! — выдыхали ладейники. — И-эх!

— На волну держи, на волну! — командовал Путята.

Каждый раз, когда волны готовы были накрыть ладью, пловцы вырывали ее у моря.

Ночь и день, снова ночь. Море взбесилось, оно требовало человеческих жертв, но, видно, ни Евсею, ни ладейникам не суждено было стать ими... Море отыскивало другие жертвы и к утру следующих суток наконец успокоилось. Взошло солнце, и море стало тихим, кротким. А на востоке, едва видимые, высились снеговые вершины гор. Почесав затылок, кормчий сказал:

— Это Кавказ. Далеко же нас отбросило!

— Хорошо, хоть живы остались, — добавил Евсей. — Я уже с жизнью распрощался.

— Видать, еще не смерть, — говорили ладейники. — Сжалился Перун.

— Теперь налегай на весла, ребята, — снова подал голос кормчий, — придется попотеть.

Ивашка греб стараясь. Он чувствовал себя вновь родившимся: мыслимо ли, такого страха натерпелся!

А море сделалось ласковым, будто и не угрожало недавно смертью, катило мелкие волны, шлепало о борта. Рядом с ладьей резвилась стая дельфинов. Они то плавали кругами, выставив на поверхность плавники и темные спины, то вдруг выбрасывались высоко над водой, будто хотели показать людям свои упругие тела. Дельфины играли, и Ивашке казалось, они радовались вместе с ним, что море смиростивилось над ладейниками.

Но вот паруса поймали ветер, и ладья, вздрогнув, как застоявшийся конь, резко прибавила ход.

— Еще дня три, и мы увидим Константинополь, — сказал Евсей. — Увидим его божественную красоту и базар, какого ты, Ивашка, и представить не можешь. Я покажу тебе этот город, и ты убедишься, что он над всеми городами царь.

Солнце поднялось, заиграло с морем, заискрилось. Его лучи легли на воде широкой светлой дорогой. Она терялась вдаль и манила. Море жило и дышало теплотой.

Ивашка с нетерпением ожидал встречи с Царьградом. Он виделся ему то Новгородом, то Киевом, разве только торжище поболее. Эвон как Евсей расписывал: дескать, огромный базар! Но неужли людней киевского?

Константинополь открылся издалека. Он спускался с холмов каменными домиками, крытыми красной черепицей, дворцами и храмами, разными постройками и подступал к самому морю. Высокие кипарисы и раскидистые чинары, широколистный орех прикрывали город от яркого солнца, а могучие каменные стены — от врагов. Ивашка не мог отвести глаз от Константинополя, ахал:

— Вот так город! Неспроста зовут Царьград!

А Евсей, стоя рядом с Ивашкой, говорил:

— У одних ворот, где монастырь Святого Мамонта, есть русская улица, наш квартал, где будем жить. Когда перенесем грузы и настанет завтрашний день, я поведу тебя в город, и мы зайдем к самой красивой из всех ромеек, моей возлюбленной. Ты увидишь, она прекрасна, как и этот город.

На ладье спустили паруса, и на веслах она вошла в порт со многими причалами, который кишел большими и малыми кораблями, стоявшими на якорях и под разгрузкой. По бухте сновали юркие лодочки, над морем разносились разноязыкие выкрики.

Едва ладья притерлась бортом к причалу, как ладейники перебросили трап и тут же принялись выгружать тюки с пушниной, бочки с медом и воском. Всем не терпелось поскорее почувствовать под ногами твердь.

Здесь в порту степенно стояли смуглые усатые ромеи с осликами, дожидаясь, когда их позовут развозить грузы.

Множество рабов, подгоняемых горластыми надсмотрщиками, босых, в оборванных одеждах, разгружали и загружали прилепившиеся к причалам корабли.

Константинопольский порт, одетый в камень, расположился под самыми городскими стенами, высокими, тоже каменными. Ивашке пришлось задрать голову, чтобы разглядеть их зубчатый с бойницами верх.

Вечером, оказавшись на подворье монастыря, на улице русов, Ивашка не стал дожидаться ужина, упал на ветхий, пропахший многими телами коврик. Спал так крепко, что не слышал, как пронзительно стрекотали цикады и перекликались караульные. Проснулся от толчка. Евсей будил его. Ивашка подхватился, умылся наскоро, пожевал сухарь с водой и, подняв тюк с мехами, на который указал купец, отправился вслед за ним.

Стражники уже открыли ворота и, убедившись, что русские гости без оружия, впустили их в город.

В тот год ничто не предвещало беду. Печенежские улусы находились в низовьях Днепра и Саркела, вдали от Киевской Руси. Но печенеги коварны, а выносливые степные кони способны делать большие переходы, не зная усталости.

Весной из Дикой степи вырвалась печенежская орда. Разрушив часть засечных острожков, она промчалась по землям полян, достала Киева. Набег был стремительным и неожиданным, как камень, выпущенный из пращи. Олег и дружину не успел вывести. Орда пожгла Подол, разорила стоявшие на ее пути погосты и ушла в степь.

Погнался Олег, но печенеги растворились в Дикой степи. Неделью искал их киевский князь, но, кроме остатков прежнего становища, ничего и никого не обнаружил. Степь — надежный дом печенега.

Лада скакала рядом с Олегом. Бескрайняя, палимая, но еще не выжженная солнцем степь стлалась под конскими копытами зеленым, вытканым всевозможными цветами ковром.

Удивлялась Лада, как быстро меняют печенеги места своих стоянок. Кочуют неизвестно где, но в то же время готовы вынестись тучей, когда их не ждут, навязать бой и так же стремительно скрыться.

Когда дружина скакала по следам орды еще землями полян, Лада надеялась, что удастся не только отбить тех пленных, каких угнали печенеги, но и отыскать Ивашку.

Поблуждав по степи и убедившись, что орду не найти, Олег повернул в Киев. Пересекая засечную черту, князь сказал Ратибору:

— Ненадежны засеки, и не потому, что нет в них нужды — нужда великая, нет в острожках крепости из-за малолюдства. Надо их усилить ратниками, тогда печенеги об них споткнутся, а мы тем часом встретим недругов. А то зри, что случилось.

И направил коня вброд через Рось. Река вспенилась от множества копыт, испуганно разлетались птицы, прятались по камышам.

Подобно шее гордой птицы, изгибается речка Лыбедь, Лебедь. Стояло здесь малое село Предславино. Место живописное, леса сосновые редкие, солнцем просвечиваемые, а оттого белыми грибами и маслятами богатые, луга пойменные, весною заливные. Приглянулось Предславино Олегу, и он поставил на холме княжий двор и хоромы, обнес их высоким частоколом. Дом рубленый, о двух ярусах, с сенями и переходами, окруженный хозяйственными службами, с тиуном и холопами.

Олег наезжал сюда часто, а Лада жила подолгу. Она уставала от пиров, какие давал Олег на Горе, от многолюдства. На Горе селились бояре старшей дру-

жины, знатные мужи города. Приезжали на Гору к Олегу князя племен, признавших власть Киева, посадники Смоленска, Любеча, Чернигова и иных городов...

А в Предславине тишина и покой. Все здесь напоминало Ладе усадьбу отца, князя Юрия. Сюда она взяла с собой гречанку Анну и Урхо. Наезжал в Предславино молодой княжич Игорь со Свенельдом.

Мужал Игорь — эвон первая борода и усы пробились, голос поломался, — и Лада сказала о том Олегу.

— Невеста ему надобна, — ответил он. — Знаю доподлинно, у плесковского князя дочь Ольга, рассказывают, умна и пригожа. Вот и пошлем Игоря в Плесков, пускай приглядится, авось с женой воротится. И Киеву то на руку, ежели плесковский князь с великим князем киевским в родстве будет...

Чтобы Лада не грустила, привез Олег в Предславино старого гуслира с белыми как лунь волосами, в лаптях, в портах холщовых и длинной, до колен, рубахе.

Долгими вечерами при свете жировой плошки, скупно освещавшей горницу, под звон гуслей старик пел Ладе о богатырях, сражавшихся с печенегами, о трехглавом Змее Горыныче, пожиравшем красных девиц, пока не сыскался молодец, одолевший того змея.

О многом пел гуслир, а еще рассказывал, как отроком занесла его судьба в землю касожскую, в город Тмутаракань, где сидели хазарские счетчики, и его там едва не женили на касожке, но, слава Перуну, удалось молодому гуслиру с киевскими купцами добраться до Киева. Домой они возвращались через Херсонес, в котором правил катапан, наместник византийского императора. Город этот в Таврии, как называют ту землю, показался гуслиру сказочным...

Слушая рассказ гуслира о Херсонесе, Анна вытирала слезы и все пыталась выпросить, бывал ли гуслир в храмах и видел ли колонны мраморные да коней бронзовых, и несказанно обрадовалась, услышав, что все это старик повидал.

Но запомнился гусяру и тот Херсонес, где торговали рабами. На невольничьем рынке продавали мужчин и женщин с детьми. Особенно много было покупателей молодых девиц. Встречались гусяру и невольники из Руси, угнанные печенегами и хазарами. Узнав, что гусяр из Киева, просили его выкупить их, но откуда у него деньги?

После невольничьего рынка у гусяра еще долго стоял в ушах плач, и виделись ему слезы...

Когда в Предславине появлялся Игорь со Свенельдом, Лада слушала, как наигрывал на свирели Свенельд. Его музыка была нежной и грустной. В ней слышался шорох листвы, и ласковый плеск волн Ильменя в добрую погоду, и пение птиц в лесу...

К Предславино примыкало ристалище — большой луг, на котором гридни устраивали конные состязания. Лада непременно участвовала в них. За Предславином, в стороне от луга, — поля, где трудились княжьи холопы. Здесь в урожайный год щедро родили хлеба, греча, лук, а у реки росла белокочанная капуста, которую срезали по первому слабому морозу, чтобы успела налиться и, квашенная, приятно хрустела под зубами.

Для Олега Предславино было селом, где он временами не только отдыхал, но и строил новые планы.

И сызнова на засечной линии стучали топоры, вжикали пилы, строились острожки, и в некоторых из них уже более полусотни ратников. От полян и древлян, дреговичей и суличей, вятичей и радимичей Олег требовал смердов. Иные противились идти в кметы, и тех брали силой.

— Аль не желаете свою землю оборонить? — спрашивал у них Олег. — Может, хотите жить под печенгом либо хазарам дань платить? Мало вас в полон угоняли, жен и матерей бесчестили?..

На телегах и волоком везли из лесов бревна на городни, копали рвы, насыпали земляные валы, рыли

хитрые ямы на верхоконного. Угодит конь печенега в яму, ноги поломают.

Все лето и осень воевода Никифор провел на засечной линии и только к зиме, когда закончились работы, возвратился в Киев. Олег был доволен:

— Хоть частью, а перекроем дорогу печенегам. Но настанет время, здесь города поднимутся.

— Пока до того еще настрадается Русь от орды, — сказал Никифор.

Олег согласился:

— То так, воевода, но когда князья киевские объединят землю Русскую, тогда и остановят печенегов. Мы только начали, кончать другим доведется.

Никифор кивнул:

— Начало, князь, однако, самое тяжелое.

— Твоя правда, воевода, а трудность еще в том, что князья племен не понимают пользу от единства. Норовят по старине врозь тянуть. Ну да мы их кого лаской, кого силой на ум наставим.

Любопытно Ивашке, бродит по улицам и площадям, и все ему в Царьграде в диковинку. Площади статуями разными украшены, а улицы в плитах и камне. А дома тоже из камня, даже каморы самые малые. Но больше всего поражали Ивашку стены городские, каменные, могучие. Глядя на них, он не раз спрашивал себя: неужели найдется такая сила, чтоб одолела их?

Что все в Константинополе из камня, Ивашке не удивительно. Откуда ромеям столько бревен набраться, это не то что у них в Новгороде или Киеве: куда глаза ни повернешь, всюду леса, руби не ленись.

Любовался Ивашка греческими мраморными храмами, в которых ромеи своему Богу поклоняются. Манили его базары с лавками и рядами торговыми, где сладко и далеко пахло восточными пряностями. Однако чего недоставало на ромейских базарах — так это

торговцев горячим сбитнем и пирогами подовыми. Сколько раз вспоминалась Ивашке новгородская баба-пирожница, с теплом вспоминалась. Ну что за отчаянная баба! Как подумает о ней, на душе радостно...

К зиме Ивашке все чаще и чаще Новгород и Киев на ум приходили, и так тянуло его домой — птицей бы полетел. Евсей же до весны на родину не собирался, его дела торговые держали, а больше Зоя...

Ивашке ромейка понравилась. Она оказалась и красивой и доброй. Когда, случалось, Ивашка попадал в ее домик, она потчевала его сытно и все пыталась о чем-то спросить, но Ивашке язык ромеев не давался, и в ответ он только улыбался и разводил руками.

Зима в Константинополе сырая, с легкими морозами по ночам. На гостевом дворе, в каморе, где жил Ивашка, было холодно, даже жаровни с углями нет. А одежонка у него легкая, да и та изношенная. Сжалился Евсей, купил ему штаны новые и рубаху, а на ноги сапоги из твердой, как дерево, кожи.

Однажды ночью приснилось Ивашке, что он в Новгороде у отца, Доброгоста. Но Ивашка видит не его, а стряпуху, и она потчует его лапшой наваристой с утиными потрошками. Ест Ивашка, обжигается, хочет поблагодарить стряпуху, а это баба с Неревского конца, и в руках у нее ухват.

Пробудился Ивашка со смехом и грустью: лучше бы наяву сон был, чем вот здесь, на гостевом дворе, подобно псу бездомному, валяться на вонючем коврикe.

Ивашка вздохнул: жить-то ему в Константинополе еще долгих месяцев пять.

Евсей — купец с хитринкой, в торговле удачливый, оборотистый, к морозам все продал и шелков да паволоки накупил. Можно бы и в обратную дорогу, но зимой море беспокойное и Днепр в лед оденется, а ко всему ладьи давно уже в караван сбились и ушли на Русь.

Торговых дел у Евсея зимой никаких нет, и он, оставив Ивашку на гостевом дворе, с утра уходил к Зое, коротал у нее время. И если для Ивашки дни в Царьграде годами тянулись, то для Евсея рядом с Зоей они пролетали незаметно.

Как-то зимой Зоя познакомила Евсея со своим родственником, спафарием Анастасом. Был грек в годах, чернобородый, худощавый, с темными глазами под кустистыми бровями.

Когда Евсей с Анастасом разговорились, оказалось, что спафарий служит чиновником на императорских хлебных ссыпках. Сокрушался он: зиме только начало, а зерно на исходе, до весны едва ли хватит. Придется снова слать корабли в Египет. «Коли же не будет подвоза,— говорил Анастас,— жди голодных бунтов. И так всегда к лету».

ГЛАВА 5

Кучум — хан большой орды. Заговор. Грозен Днепр-батюшка! «Земля русичей обильна, не было бы княжьих распрей». Печенеги пришли на Русь. Одна беда на всех! Осада Киева. И явилась рать в подмогу

Где начало степи и где ее конец? Говорят, начинается она от вод Итиля и упирается в горбы дальнего запада. Но как знать? Коли переправиться за Итиль, то и там раскинулись степи до самых древних Уральских гор.

По всей степи под ветрами колышутся седые ковыли, перекатываются волнами, а в небесной сини парят орлы.

В бескрайних степях кочуют орды печенегов, и кто знает им счет, а ханы их могучи и богаты...

Редко в степи увидишь зеленый лог с чистой речкой и садом. Откуда он появился здесь? Верно, занесли много лет назад перелетные птицы семена и те дали добрые всходы. Поднялись деревья, и от них пошла поросль.

Теперь тот цветущий зеленый лог — пристанище хана Кучума.

Кучум — хан большой орды. Его улусы кочуют от Саркела до Буга. Ханы малых орд приезжают к Кучуму на поклон, и печенег, чью вежу можно встретить у моря Русского или у северной окраины Дикой степи, скажет, что он из большой орды Кучума.

Давно, очень давно, когда Кучум был еще мальчишкой, а ханом — его отец, большая орда разбивала свои вежи и у моря Сурожского. Тогда города Саркел и Тмутаракань откупались от печенегов многими дарами. Но потом хазары оттеснили печенегов к Саркелу.

При отце Кучума орда часто совершала набеги на земли славян. Отсюда печенеги увозили много богатств и угоняли русов в рабство. Ими торговали на невольничьем рынке в Херсонесе. Русы боялись печенегов и прятались по лесам.

Но с появлением в Киеве князя Олега кони печенегов реже топчут землю русов, однако Кучума не покидает стремление овладеть их главным городом, где, говорят, много золота и всяких богатств.

Каждый раз, когда печенегам удастся подступить к Киеву, они встречают упорное сопротивление люда, который прячется за городскими стенами.

Хан большой орды упрям, он все равно овладеет Киевом, и тогда печенеги вырежут стариков, а остальных угонят в рабство.

Когда Кучуму донесли, что в Киеве вместо Аскольда и Дира сел Олег, хан рассмеялся:

— Два плохо, чем один лучше?

Потом русы принялись ставить острожки чуть ли не в самой степи, и хан обеспокоился. Дождавшись тепла, Кучум бросил орду улуса Котяня в набег. Смяв ратников в острожках, разорив многие погосты и киевский Подол, под яркое пламя пожаров печенеги ушли в степь.

Киевская дружина шла по следам Котяня, и Кучум убедился: Олег — враг опасный. Собрал Кучум ханов

и мурз, расселись они на кошме рядом с его белой войлочной юртой. Грозен взгляд Кучума.

— Вот уже третье лето печенеги не ходили к уличам и тиверцам,— сказал Кучум и посмотрел на двух печенегов, стороживших вход в юрту.— Мы стали забывать дорогу к полянам, и конязы¹ Олег думает, что не боится печенегов. Он злит нас своими засеками, какие ставит на нашей земле. Ты, Котян, напомнил урусам, что нет такой силы, которая остановит мою орду.

Ханы и ртов не раскрыли намекнуть Кучуму, что Котян два дня петлял по степи, пока не оторвался от Олега.

— У конязя Кия-города хорошая дружина,— продолжал Кучум,— но разве она такая стремительная, как орда печенегов? Пока дружина Олега сядет на коней, печенеги уже будут в степи, а там, где ступали копыта наших скакунов, земля печенегов. Вы, Котян и Шалим, поставите вежи ваших улусов на краю степи. Вы уподобитесь двум стрелам из моего колчана. Звездный путь, омытый кобыльим молоком, укажет, куда направить вам ваших коней...

Ушли ханы и мурзы, а Кучум разлегся на цветной кошме, посмотрел на раба, доившего кобылицу. Хан пил по вечерам кобылье молоко: оно делало печенега мужчиной.

У Кучума семь жен, но ему известно, что у князя Олега молоденькая красавица жена, и хан вслух произнес:

— Когда я возьму Кий-город, я заберу у Олега его Ладу, и она будет утешать меня. Ее юрту я поставлю рядом со своей, и Лада станет моей любимой женой. Дзе-дзе!

К хану подошел слуга, поставил поднос с абрикосами. Кучум ел лениво, далеко отбрасывая косточки. Он любил непереспелые абрикосы, с кислинкой. В жару это приятно.

¹ Здесь и далее в речи печенегов сохраняется их произнесение слов «князь» и «рус».

Сморенный заботами, Кучум задремал. И снилось ему, будто ведет он на Русь несметное количество воинов. Впереди видит Кий-город, и из открытых ворот показался князь Олег. Он ведет к нему, Кучуму, свою жену. Она совсем девочка и красавица, подобна чистой луне.

Но не успел хан посмотреть на Ладу, как рядом подрались собаки и разбудили Кучума. Они затеяли свару, и хан кинул в них нож. Одна из собак заскулила, поползла за юрту.

Хану было жаль недосмотренного сна. Он снова закрыл глаза, но тот сон не приходил. Кучум поднялся, заорал на стражу:

— Ублюдки ваших матерей, вы не обезопасили мой сон!

Увидел начальника стражи, велел оседлать коня. С помощью сотника уселся в седло, пустил коня в рысь. Следом поскакала верная стража. Степной ветерок обдавал вечерней прохладой, успокаивал Кучума.

Подол отстраивался после ордынского набега. Строились всем миром, одну беду на всех делили. Сообща очищали землю от обгорелых бревен, сообща ставили избы. Плотницких дел умельцы спешили потеплу укрыть их тесом, а печных дел мастера клали печи, да по-хитрому: чтоб топились не по-черному, в трубу дым тянуло.

Срубы вязали от самого Днепра и до верха. На весь Киев пахло свежесрубленной сосной. Очищенные от коры янтарные бревна подгоняли одно к другому, прокладывая между ними сухой мох.

Под некоторые венцы загодя возводили каменные основания, подклети, и, когда ставили сруб, получалось красиво и прочно.

Олег любовался работой каменщиков, и у него зародилась мысль поставить на Горе каменные княжьи хоромы, дабы красили Киев и всем говорили о могуществе великого князя киевского. Олег даже мысленно видел эти палаты — побольше нынешних, с сенями

просторными, с горницами и светелками, с Красным крыльцом, украшенные резьбой причудливой...

А старые хоромы он оставит для жилья меньшей дружине: звон как она разрослась. Ко всему княжич Игорь скоро семьей обзаведется. Понравятся каменные князьи хоромы — глядишь, и бояре начнут дома из камня строить. Каменным домам пожар не страшен, а то ведь что ни набег ордынский — горит город. А печенеги еще ох как долго будут тревожить набегами, разорением. Не скоро Киевская Русь поставит им прочный заслон. В последнее время с Роси и Ирпеня поступают вести тревожные: улусы печенежские у самой засечной линии замечены.

Поначалу Олег намерился пойти на них, но воеводы отсоветовали: пока-де, князь, дойдем, и след их в степи затеряется. А может, хан Кучум с умыслом дружину выманивает, как знать? Печенеги хитры и коварны, поди разгадай их замысел! Остается наготове дружину держать, чтоб врасплох не застали, как в прошлый раз...

Смеркалось. По всему Подолу загорелись костры. Несмотря на ночь, продолжали стучать топоры. Взошла луна, и россыпь звезд отразилась в Днепре. Олегу подвели коня, придержали стремя. Еще раз оглядев светившийся кострами и факелами Подол, князь в сопровождении нескольких гридней отправился в Предславино.

За князьими хорами стояла старая, приземистая, но просторная изба. Она освещалась через волоковые оконца, но, несмотря на это, с утра и до темна здесь горели жировые плошки. Целый день, прерываясь совсем на короткое время, работали в избе мастерицы. Князьи холопки ткали холсты. В их умелых руках по основе, натянутой на большие рамы, плавали челноки, сновали проворно, стучали кросна, а мастерицы негромко, голос в голос пели.

Захаживала в ткацкую Лада, присаживалась на лавку, пробовала подпевать. Работа мастериц напоминала Ладе отцовскую усадьбу, где холопки тоже ткали холсты. Их ткали по всей Русской земле, в каждой избе смерда. И когда князь или его бояре объезжали с полюдьем погосты, они брали дань не только хлебом, но и холстами...

По первому снегу холсты раскатывали дорожками, обливали водой, выбивали вальками, вымораживали, отбеливали.

В Предславине за работой ткачих наблюдал старый дворский. Он захаживал в избу, и тогда холопки замолкали, еще ниже склонялись над кроснами. Ястребиным взглядом поводил дворский по спинам мастериц, а самая молодая из них вздрагивала: на прошлой неделе он наказал ее за невыполненный урок.

Удалялся дворский, но мастерицы уже не пели. Лада знала, что эту молоденькую мастерицу привез из древлянской земли для князя Олега воевода Никифор, а ее жениха отправили на засеку строить и жить...

Лада собралась уходить, но неожиданно налетел ветер с грозой, зашумел по кровле.

Когда княгиня выбралась из избы, сквозь рваные тучи светило солнце, а на земле и траве блестели лужи. Лада шла, не боясь промочить ноги. Высокие, ловко сшитые лопарем сапожки не пропускали воду. Урхо сделал их из кожи ног убитого им оленя. Лопарь называл эти сапоги пимами.

В пимах Лада ходила бесшумно, и в слякоть нога оставалась сухой, а зимой обувь была теплая. Ладу никакие морозы не пугали. И на охоте пимы были незаменимы: к зверю Лада подкрадывалась также бесшумно.

Однажды мягкие сапожки спасли жизнь ей и Олегу. Случилось это здесь, в Предславине.

Смеркалось, когда Лада оказалась во дворе. Постояла у крыльца, приласкала собаку, посмотрела на небо. Темнело быстро, и Лада решила, что Олег уже

не приедет. Она задумалась, но тут ей показалось, кто-то скрылся за конюшней. Она удивилась: кто бы это мог быть? Лада пробралась следом. Шла мягко, по-кошачьи. Услышав голоса, остановилась. Говорили тихо, и Лада прислушалась:

— Олекса глаголет — князь нас неволит, холопов наших в острожки отправляет. Скоро и нас Олег в холопов обратит, — промолвил один.

Второй хихикнул:

— Это Олекса-то рассказывает?

Первый голос показался Ладе знакомым, но вот кто второй?

— Пора покончить с этим варягом, — говорил первый. — Если ты его уберешь, боярин тебя вознаградит.

— Князь завсегда в броне.

— И в Предславине? Улучи время!

— А с княгиней как?

— Хорошо бы и ее вслед за князем. Так ты гляди, иначе перед Олексой ответствовать.

— Уберу! На конюшню явится.

Заговорщики расстались. Первый прошел мимо Лады, едва не задев ее, и она узнала тиуна...

Олег приехал на следующее утро. Лада тут же поспешила поведать о подслушанном разговоре.

Князь нахмурился:

— Значит, тиун? А второго не узнала? Ну да ладно, узнаю...

На исходе дня Олег, как обычно, зашел на конюшню. От стойла к стойлу проходил не торопясь, иногда приостанавливался, трепал лошадь по холке и шел дальше. У коня, на котором в походы хаживал, задержался. Конюх чистил денник молча, на князя слегка покосился. Олег встал к нему спиной, собираясь пройти дальше. И тут неожиданно конюх прыгнул, удар — и нож наткнулся на кольчугу. Князь резко повернулся, перехватил руку. Нож упал, а конюх взвыл от боли. Вбежали гридни. Тут же приволокли тиуна.

— Ну? — грозно спросил Олег.

И конюх не выдержал, признался, кто подбил на заговор.

Утром Олег послал за боярином Олексой. Его искали повсюду, пока воротные караульные не показали: боярин с двумя холопами, каждый одвуконь, покинули Киев и поскакали по южной дороге, которая ведет в Дикую степь.

Породистый конь нес Олега легко, прят ушами, просил повода и, если бы хозяин не сдерживал его, взял бы вскачь.

Олег возвращался в Киев.

Сколько же у него врагов, думал он. Были Мал и Горислав, теперь вот открылся боярин Олекса. Кому еще и на каком пути он встал и откуда убийца поживится?

Да, он варяг, норманн по крови, но разве то, к чему он стремится, во зло кривичам, древлянам или иным славянским племенам? Неужели не разумеют: доколь не объединятся, хазары, печенеги и иные недруги будут рвать Русь? Последний печенежский набег неужли не в урок им?

Стремя в стремя с Олегом ехал Ратибор. Перед самым Киевом пустили коней на рысь. Воевода будто мысли князя подслушал, промолвил:

— Успел Олекса сбежать. Куда бы?

Олег пожал плечами:

— Нырнет пловец, а ты гадай, где вынырнет.

— Может, у древлян?

— Древляне против Киева ныне не встанут. Им Олексу привечать к чему? А хазарам такие сгодятся. Ну да повременим, объявится.

В Киев въехали, когда люд с торго потянулся. Купцы лавки закрывали, замки хитрые навешивали, торжище рогатками огораживалось. В ночь караульные явятся, забьют в доску, отпугивая лихих людей. Их немало в Киеве и Новгороде и в иных городах. Да только ли на Руси? В Итиле и в Константинополе,

Скирингсаале и других торговых городах много всякого воровского люда оседает.

На Горе отрок принял у князя коня, увел, а Олег долго стоял над кручей, смотрел на Днепр. Широкая, могучая река будто недвижима. В вечернюю пору редкий парус проплывет: гость торговый лучше в городе ночь переждет.

Солнце закатными лучами играло в слюдяных оконцах княжьих хором, и они искрились. От раздумий Олега отвлекла стряпуха. Она подошла с кринкой топленого молока и краюхой свежеиспеченного хлеба.

— Испей, княже.

Старую Василису он уважал. Она умело запекала в печи рыбу с разными травами, жарила сочни. В далеком детстве вот так же, как сейчас Василиса, мать подавала ему горячий хлеб...

Ох, как давно это было! И тогда не было у него врагов, и не одолевали заботы, которые он, Олег, в одиночку не осилит.

В который раз князь благодарил Вотана, что послал ему товарищей боевых, воевод и бояр, дружинников верных. А разве тепло Лады не согревает ему душу или не спас его верный лопарь?

Подумал об этом Олег, и сделалось ему легче. Он улыбнулся, беря из рук Василисы кринку и хлеб.

Евсей покидал Константинополь с последним торговым караваном. Уходили тремя ладьями: одна — в Новгород, другая — в Любеч, а ладья Евсея — в Киев.

Корабли на веслах вытягивались из голубой, благодатной для стоянки бухты, не перекрытой в дневное время цепями, и, выйдя в открытое море, ставили паруса. Все дальше и дальше отходили каменистые берега с редкой зеленью, домиками пригородных поселений и сам царственный град Константина, великолепный и неприступный. Он виделся еще долго, манил своей чарующей красотой.

Евсей всматривался туда, где находилась пристань и где осталась Зоя, его красавица ромейка, отказавшаяся и на этот раз отправиться с ним в Киев. Однако Евсея не покидала надежда на будущий год улесить ее. Он рассказывал Зое о Киеве, описывал виды, какие открываются с обрыва, что рядом с его домом...

Думая о Зое, Евсей даже забыл о разговоре с двумя константинопольскими купцами накануне отъезда. Они предлагали Евсею будущим летом отправиться за шелками и иными восточными товарами в далекий Самарканд и Бухару. И он обещал им.

Евсей настолько пристально всматривался в берег, что ему даже казалось — он видит домик Зои...

А вот Ивашка с Константинополем расстался с радостью. Он с нетерпением ждал встречи с Киевом. Первым делом он побывает в баньке, попарится, потом пойдет к князю и расскажет ему, какие страдания испытал. А может, Олег отпустит его на короткое время в Новгород...

Море плескало о борта, шлепало слабой волной. Ладья держалась болгарского берега, местами гористого, поросшего густой зеленью, но иногда горы отдалялись, и тогда открывались золотые пески.

Ивашка заметил, что ладья оторвалась от других кораблей, но кормчий не беспокоился: они непременно соберутся в устье Днепра и только тогда вместе начнут подниматься вверх, чтобы в случае нападения печенегов отбиваться сообща. Особенно страшили путешественников пороги — излюбленные места печенежских засад. Плывет одинокая ладья, а ее поджидают степняки. Пока ладейники перетянут свой корабль через пороги, печенеги их градом стрел осыплют, купцов ограбят, в рабство угонят...

Минуют ладьи пороги, а там уже путь безопасней: по одну сторону — земли полян, по другую — сулицей. Хазары на торговых людей не нападают, им пошлину плати.

Опасен морской путь. Покуда ладья пересекала Русское море, оно не раз пугало штормами. Хмурилось небо или гнало волну — Ивашка вспоминал ураган и начинал молить Перуна быть добрым к ладейникам, суля ему дары богатые...

Но вот, когда Ивашке казалось, что не будет конца их плаванию, он пробудился от громких и радостных голосов:

— Эвон остров Перуна!

Открыл Ивашка глаза, а из молочной пелены на них надвигается остров.

— Здесь и дождемся остальных ладей,— сказал кормчий.— Да и хвалу Перуну воздадим...

От низовьев Днепра ладьи потянулись караваном, готовые прикрыть друг друга. С какого борта ни посмотрит Ивашка — лиманы, заросли, камыши, плесы.

По весне Ивашка плыл в Царьград — птицы с юга возвращались, передыхали в низовье Днепра, нынче, в осень, в стаи сбиваются перед перелетом в теплые края. Гогот и гвалт над лиманами. Непуганые птицы снимаются с плесов и уходят клиньями или цепью, следуя за своим вожакom.

Ночами над ладьей тянулись, курлыча, журавли, их призывный плач долго слышался в небе. По ком плачут они? Может, грустят, расставаясь с родиной? Или заранее оплакивают тех, кто падет в этом долгом и нелегком пути, пока достигнет жаркой земли?

Слушая журавлиные крики, Ивашка грустил. Он и сам не знал отчего. Даже теперь, когда возвращался домой после двух лет разлуки...

От низовьев удалились, не стало зарослей камыша, и открылись степи, однообразные, унылые в осеннюю пору. Иногда Ивашке казалось, что этому однообразию не будет конца, как вдруг появлялся островок тополей и ив в сочной, еще не тронутой морозами зелени.

Как предвестник грозных порогов, стояла на днепровском холме каменная баба с отвислыми грудями

и животом. Ивашка видел эту бабу, когда еще плыл в Константинополь. Он гадал, кем и когда она поставлена, спрашивал, но никто из ладейников не мог ответить, и только кормчий Путята сказал:

— Степь — она многие народы привечала, и кто знает, кому из них вздумалось это чудище вытесать.

Чем ближе подходили ладьи к порогам, тем четче слышался гул. Днепр становился узким, берега обрывистыми, скалистыми, а русло реки местами перегораживали тупорылые, лобастые валуны, вылизанные за многие годы. В узких проходах река бурлила, пенилась, фыркала сердито.

— Грозен Днепр-батюшка, вельми грозен, — чесал затылок Евсей. — Сколь прохожу этими местами, все к рыку его не привыкну. Ну как проглотит!

Зорко вглядываясь в даль, осторожно вели ладьи кормчие. Их не торопили: в спешке беды натворишь. Три дня проходили пороги, не ведая передыха, а ночами, остерегаясь печенегов, выставляли караулы.

Когда опасность осталась позади, ладейники возблагодарили Перуна.

Дальше шли под парусами, благо дул попутный ветер. Близился конец пути, скоро и Киев покажется. И тогда на ладьях спустят паруса, гребцы сядут на весла, подойдут к пристани, и кормчие велют бросить якоря...

Олег глазам своим не поверил: перед ним стоял Ивашка, загорелый, бородатый. Заматерел. Великий князь и не чаял его увидеть, думал — сгинул парень. А он из печенежского полона сбежал, в Византии пожил.

— Ты, Ивашка, в огне не сгоришь, в воде не утонешь, — рассмеялся князь. — Эвон какими испытаниями проверен! Сегодня приходи ко мне на вечернюю трапезу, о своем бытие поведаешь. А теперь ступай порадуй Ратибора. Воевода о тебе, гридень, сокрушался...

Ивашку взяли на ладью, уходившую в Новгород. Кормчий торопился, пока реки не сковало льдом, а

уже подули холодные ветры, и, несмотря на листопад месяц, даже срывался первый снег.

Олег отпустил Ивашку до весны. Уплывал он, так и не повидав Ладу: княгиня была в Предславине. Ивашка тому обрадовался: к чему прошлое ворошить, все из сердца вылетело с годами.

При мысли, что близок день, когда он окажется в Новгороде и увидит отца, на душе делалось радостно. Представлял гридень, как постоит на мосту, Волховом полюбуется, а потом явится на торжище, пройдет по шумным рядам и, может, повстречает товарищей, с кем ушкуйничал. И даже баба-пирожница на ум пришла...

До Любеча ладья шла весело, под парусами, а когда теряли ветер, садились на весла. А от Смоленска и выше ладью будут переправлять на катках из реки в реку, пока она не сядет в воды Волхова. Вот тогда ладейники вздохнут, скажут: «Теперь все, мы дома. Эвон Новгород! Дивитесь красоте его стен и башен...» Велик город!

Задумался Олег. Он и прежде представлял, как не легко будет осилить ромеев, а теперь из рассказов Евсея и Ивашки понял: стены царьградские никаким приступом не одолеть. Однако в словах купца уловил то, что его подбодрило. Оказывается, нет у Константинополя больших хлебных ссыпок и город живет привозом. Стоит русичам осадить Царьград, отрезать подвоз хлеба и иных продуктов, как базилевс вынужден будет подписать ряд. Он, великий князь Олег, заставит ромеев помнить, что за морем есть Киевская Русь. Он поведет на Византию столько воинов, что империя содрогнется. Но прежде чем это случится, дружины великого князя киевского увидит Дикая степь.

Дикая степь! Для Киевской Руси она как заноза в теле, как кровоточащая рана. С какой стороны ни подступи к степи — с виду безлюдная, умиротворяющая,

но стоит расслабиться, забыть об угрозе, как она вдруг выплеснет тысячи печенегов. Гикая и визжа, они хлынут на земли русичей, неся кровь, смерть и слезы.

Дикая степь с ее постоянной угрозой сдерживает Олега, подчас путает все его планы. И когда великий князь говорит, что отправится в степь искать печенежские улусы, это не пустые слова. Олег думает, что минет год-два, и он сумеет поднять на печенегов всех русичей. Они пройдут Дикую степь из конца в конец. Дружины великого князя киевского увидят седые от древности курганы. Длинными хвостами славянские кони сметут пыль с высоких трав. Орда будет уходить, теряя вежи, распадаясь на малые орды. Немало печенегов поляжет под мечами дружинников, и орда на время забудет дорогу на Русь. Вот тогда великий князь киевский сможет поискать удачи за морем Русским.

Такие мысли и желания у Олега, но иные у Кучума. Хан большой орды уверен в своей силе. Его ханы малых орд Котян и Шалим всегда готовы напоить коней в Почайне-реке, достать копьями ворота Кия-города, пустить огненные стрелы на его тесовые крыши. Плач славян — походная музыка печенега, она улаживает душу степняка. Отправляясь в набег, печенег знает: возвращаясь в степь, он погонит перед собой пленников, а походные суммы наполнит добром. Удачный поход делает воина богатым...

Хан Шалим ждал хана Котяна. Тот приехал засветло. Учув чужого, навстречу кинулась свора собак. Их отогнали плетью.

Соскочив с коня, Котян заметил стоявшему у откинутого полога Шалиму:

— Псами встречаешь гостя, хан Шалим.

Голос у Котяна хриплый, и смех с хрипотцой.

Ханы уселись у юрты на разбросанном пологе, принялись за хмельной кумыс, заедали горячим мясом

молодой кобылицы, а кости бросали собакам, грызущимся между собой за подачку.

— Ха, собаки как и люди, не так ли, хан Шалим?

Шалим одобрительно покачал головой:

— Ты прав, хан Котян, есть люди, уподобившиеся шакалу.

С восходом солнца в становище поднялась предпосухная суета. Вежи откочевывали в степь, в укромные места, а воины сбивались в сотни и тысячи.

С холодами, когда первый морозец подернул землю и урусы не ожидали набега, Котян с Шалимом надумали прогуляться по их погостам. Теперь, глядя на оживление в стане, Шалим бахвалился:

— Мои воины обрушат сабли на Кий-город, они привезут в свои вежи богатый полон. Я заставлю князя урусов отдать мне свою красавицу жену. Она будет у меня седьмой и усладит мой слух соловьиным пением.

Котян рассмеялся:

— Хе, молодую русскую княгиню у тебя отберет Кучум. Он давно о том думает.

— У Кучума достаточно своих жен,— зло возразил Шалим.

— Кучум подобен шакалу. Он любит пожирать добытое другими. Подними глаза, Шалим, взгляни на небо, там уже погасли звезды, и нам пора. Мы нагрянем к урусам, когда они нас не ждут. Моя орда уже горячит коней у самых русских острожков. Мы обойдем их, а на обратном пути сровняем с землей...

Двумя рукавами орды Шалима и Котяна хлынули на Русь. Зажглись сигнальные огни на засеках, и поскакали гонцы в Киев. Но, опережая их, помчались печенеги, и, пока Олег поднимал дружину и укреплял город, орда Шалима уже гикала и визжала под самыми стенами, а другие разоряли подгородные села. Тем временем Котян жег полянские погосты, увозил зерно. Прятались по лесам смерды, но их догоняли, рубили, гнали в плен.

Но вот открылись ворота Киева, и сотня за сотней выехала дружина Олега. Сшиблись гридни с печенегами, и не выдержала орда Шалима удара киевской дружины, повернула коней, а за ней покатилась и орда Котяна...

А на засеках, по острожкам, их уже ждали. Встали ратники на пути у печенегов, погнали их на ямы. Теряя воинов, уходили печенеги в Дикую степь.

Раздосадованный неудачей, возвращался Олег в Киев.

Миновали засечную линию. И даже то, что уцелели острожки, не слишком радовало великого князя. Снова, как в прошлый раз, бесполезное преследование: затерялась орда в степи. А печенеги, поди, довольны, чувствуют безнаказанность.

Проезжал Олег разоренными погостами, и повсюду смерды жаловались:

— Зри, князь, как обидели нас печенеги. Сколь люда побили, а иных в неволю угнали. Хлеб забрали, в зиму на голод обрекли.

— Доколь терпеть — ответь, великий князь!

— Все вижу, — отвечал Олег, — чать, не слепец. И моему терпению конец настал. Весной поведу дружину в Дикую степь, мстить стану печенегам кровью за кровь, за погост — по улусу, по веже — за обжу. Не избегнут обидчики наших мечей!

— Коли так, бери и нас, княже, как один двинемся на поганых! — кричали смерды. — Ты только покличь!

Остался позади погост, клочки зеленеющей озими, вытопанные копытами печенежских коней. Не стали слышны голоса мужиков, плач баб.

Олег промолвил, сокрушаясь:

— Неужли князя-усобики еще не уразумели, чем котора опасна для Руси?

— Как ответить тебе, — развел руками ехавший рядом Путша. — Не суди, князь, всех одной мерой.

— Я ль сужу? Однако весной поглядим, в науку ли урок печенежский. Дондеже злобствования некоторых князей зрю... Тех, до кого печенежин не достал. Но в том ли спасение?..

Киев встретил князя и дружину восторженно: отбросили печенегов, отвели грозу, да надолго ли? Оттого не разделял Олег радость: едва с коня соскочил, в хоромы удалился. Чему радоваться, ведь не одолели орду, она скрылась в той же силе, вот и жди нового набега.

С полночи не спалось Олегу, ворочался с боку на бок, то сядет, спустив ноги с лавки, то снова прильнет головой к подушке, набитой лебяжьим пухом. Но в бессонницу она казалась тверже дерева.

Под утро навалилась на князя тоска, сам не знал отчего. А когда вдруг мысленно увидел домик на скале, понял: это зов крови.

И вспомнилось Олегу, как удивлялись варяги, покидая Киев:

— Ты, конунг, по рождению викинг, чем приглянулись тебе русы?

Не стал объяснять им Олег тогда, да, верно, и не поняли бы они, какую силу учуял он в русичах. А она и в труде славян, и в ратном деле. Сила викингов в коротком бою, когда они сокрушают все своим железным строем, даже малым числом одолевают врага. Однако в длительных и изнуряющих походах кто сравнится с русичами?

Земля русов обильна, не было бы распрей. И Олег уверен: род за родом, племя за племенем он объединит славян вокруг Киева. Но это дастся непросто. На трудном пути ему предстоит испытать не одну горькую чашу...

Поднялся Олег, накинул на плечи корзно, пробрался, минуя спящих гридней, на Красное крыльцо и замер. Над Киевом зависла звенящая тишина, сыпал невесомый снег, укрывая землю белым пухом...

Зима легла на русскую землю ровная, с обильным снегом, морозами, сковавшими Днепр и Почайну, Голубицу и Лыбедь, Киянку и все остальные реки. Народ катался с горок, строил снежные крепости, брал их приступом. Лада развлекалась со всеми, и ничто не отличало ее от подростков. Олег нередко посмеивался:

— Нет у тебя, княгиня, спеси боярыни. Та раздобреет, лебедью плывет, а ты ровно жеребенок-стригунок.

На что Лада отвечала задорно:

— Какой родилась, такой тебе досталась!

И продолжала веселиться.

По санному пути послал князь Олег бояр в полюдье. Меньше всего дани с полян собрали: они от печенегов в разоре. А вот на Горислава древлянского Олег осерчал: на правеже смердов умучивает, днями на снегу босыми стоят. Велел передать о том Гориславу.

— Будут ли после этого смерды верными князю? — спрашивал Олег.

На что древлянский князь ответил:

— Я Киеву дань плачу, какая рядом оговорена, а в своих холопах и смердах я волен...

Зимой ходил Олег на медведя, взял с собой Ладу. Зверя подняли в ближнем лесу. Медвежьей охоту Лада любила, и ее не устрасило даже, когда зверь, встав на задние лапы, бросился на Олега. Князь взял зверя рогастиной.

К исходу зимы пришел из Новгорода санный поезд. Передал посадник, князь Юрий, меха соболей и куниц, черных лис и белок, да еще другого разного добра, чем платили новгородцы Киеву. Все богатство уложили по коробам в скарбнице, что на Горе, под строгий присмотр боярина Путши.

С санным поездом возвратился в Киев и Ивашка.

Ратибор удивился:

— Что весны не дождался? Чать, князь тебя до тепла отпустил?

— Повидал отца, а что боле? — ответил Ивашка.

А встретив Урхо, сказал:

— Скучно. Ежели б с ушкуйниками — иное дело. В Киеве размяться есть где — эвон печенеги, хаза-

ры,— а в Новгороде разве что в кулачном бою конец на конец сойдутся...

Лада из Предславина на торжище приехала, увидела Ивашку, обрадовалась. Долго выпрашивала его и о плене печенежском, и о побеге, и о Царьграде, и уж конечно о Новгороде. Мыслимо ли, пятое лето на исходе, как покинула его Лада...

В первые дни Ивашка подолгу бродил по Киеву, все приглядывался. Обновился город, ров расчистили, стены городские подняли, вторым рядом бревен обнесли, а между ними землей засыпали, хоть в телеге езжай. Стрельниц добавилось, да все высокие, устрашающие, с них и видать далеко, и стрелять удобно. А ворота медными пластинами оковали, в ясный день блестят золотом. Теперь Ивашке Киев даже больше нравился, чем Новгород...

Зимой в степи голодно, воют волки. Их унылое пение надолго зависает в морозном небе. В испуге шахраются кони. Зорко следят табунщики за вожакom косяка: как бы не увел табун в снежную пустыню.

Печенег не любит зиму: она держит воина, привязывает его к веже. Печенег родился в седле, а зимой садился на коня, разве когда сторожил табун.

В ту зиму орда Кучума откочевала к Днепру и поставила вежи среди зарослей ив, шелковиц и тополей, усеянных вороньими гнездами. Куда ни глянь — юрты, кибитки, высокие двухколесные повозки, кошары, стада и бесчисленные табуны, грязный, вытоптаный снег, и над всем большим улусом тянет кизячным дымом.

Гуляют по степи ветры, а в низине прячется от непогоды просторная, из белого войлока, юрта хана, а вокруг нее юрты его жен. У ханской юрты на высоком шесте раскачивается на ветру ханский бунчук — символ власти.

Вежи хана и его жен охраняет свирепая стража. Конные и пешие печенеги день и ночь бдительно

несут свою службу, дабы ничто не нарушило ханский покой.

Кучум исчисляет свою большую орду в сорок тысяч воинов. Четыре тумена готовы по первому сигналу, по мановению его руки направить коней туда, куда он велит. Его темники и беки, ханы малых орд ловят каждое оброненное им слово.

Хан великой орды мнит себя мудрым и всезнающим, потому не терпит прекословия, а забывшего это карает. Смерть достойная, когда провинившемуся ломают позвоночник и бросают в степи на съедение хищникам, и недостойная, позорная, когда виновного отдают женщинам и они помыкают им, как прокаженным.

Отец учил Кучума: «Пока тебя боятся, ты можешь спать спокойно. Услышав голос возразившего тебе, вырви у него язык и отруби ему голову, тогда другие будут ползать перед тобой, как земляные черви».

В ханской веже горели в жаровне угли, и тепло растекалось по юрте. Обложенный подушками, Кучум сидел на кошме, сбитой искусными мастерицами-печенежками. Рисунок на кошме напоминал весеннюю, усеянную цветами степь.

Слух хана услаждала музыка. Старый печенег играл на ивовой дудочке что-то напевное, а русская пленница тешила Кучума танцем живота. Танцовщица была совсем молоденькая, почти ребенок, ее обнаженное худенькое тельце не возбуждало хана, и он велел прогнать девушку.

Кучум смотрел на синее пламя, и мысли его были подобны бегу скакуна. Вот неожиданно остановились: хан вспомнил, как, вернувшись из набега, Шалим болтал, что у киевского князя большая и сильная дружина. Но разве можно верить глазам Шалима, они уподобились глазам трусливой собаки, а язык — хвосту овцы. Если верить Шалиму, Кий-город неприступен.

За те недостойные печенег слова Кучум избил Шалима плетью. Он, хан великой орды, поведет пече-

негов на Русь. Орда морем разольется по всей славянской земле, и князь Олег откроет ворота Кия-города и пойдет у стремени ханского коня, тихий и покорный. А потом сами русы сровняют Кий-город с землей, и он, хан большой орды, угонит мужчин-русов и продаст их на невольничьем рынке в Херсонесе. Это случится, когда великий бог солнце растопит снег и степь покроется первой травой. Тогда содрогнется земля от топота копыт, и души русичей заледенеют от дикого визга печенежина.

С караульной вышки, что на Роси-реке, дозорный шумнул:

— Зрю печенега!

И тотчас в засеке поднялась суета, седлали коней. А печенег, уверенный в себе, спокойно въехал на курган, обдутый ветром, остановил коня. На печенеге шапка волчья, тулупчик бараний, а под ним панцирь кожаный с пластинами металлическими, снятый с убитого руса. Такие панцири у русских ратников, но печенег мечтает сразить княжьего гридня: у дружинников рубахи кольчужные, броня сталистая.

Смотрит печенег зоркими глазами на острожек. Вон караульный мечется: заметил печенега, боится. А когда жарко запылают бревенчатая ограда и изба, тогда взвоют русы и лягут под ударами печенежских сабель. Кто остановит стремительный бег орды, когда она мчится на врага, кто посмеет встать на ее пути?

Он, печенег, малая песчинка этой орды, но даже один он не боится подъезжать к русскому укреплению. Печенег окинул взглядом степь. Снег, белый как молоко, укрыл ее, и оттого степи тепло, как было тепло ему, когда в детстве мать набрасывала на него, спящего, войлочную кошму.

Только на мгновение отвлекся печенег, только на мгновение отвел глаза от засеки и не углядел, как из острожка вынеслись всадники и вот уже обходят его

наперехват. Крутнул печенег коня, огрел его плеткой, и тот птицей слетел с кургана.

Пригнувшись к гриве — так надежней от стрелы, — печенег взял в намет. Отбрасывая копытами снег, конь пластался в беге. Краем глаза печенег успел заметить: он далеко оторвался от преследователей.

Ветер свистел в ушах печенега, пел ему хвалебную песню, сравнивая с быстрым соколом. И когда печенег почувствовал, что преследователи отстали, конь неожиданно угодил передними копытами в яму. Хрупкий настил, прикрывавший ее, рухнул, и конь с жалобным ржанием рухнул вниз, придавив всаднику ногу.

Печенег даже подняться не успел, как подъехали русы. Один из них сказал по-печенежски:

— Доездили? — И кинул печенегу один конец веревки. — Обвязывайся!

Привезли печенега в Киев. Уж больно хвастлив оказался, всю дорогу ругался, ханом Кучумом всем грозился. Передали то Олегу, велел он отыскать Ивашку. Прибежал гридень. Князь сказал ему:

— Ты в печенежском плену язык их познал маленько, толмачь, о чем печенег глаголет.

Принялся Ивашка с печенега допрос снимать и ушлышал, будто хан большой орды Кучум на Русь собирается.

Обеспокоился князь, задумался, а на другой день опять позвал Ивашку.

— Вот, гридень, сызнова предстоит тебе дорога в Новгород. Передашь князю Юрию: гроза над Русью нависает, пусть немедля собирает ополчение и поспешает на подмогу Киеву. А мы тут силу начнем сколачивать, приготовимся встретить хана...

Что для гридня сборы: на первое время еду в сумы седельные уложил — и на коня... Долог путь от Киева до Новгорода, в два десятка дней едва уложишься. Скачет Ивашка, а с ним два гридня, дадут ночью лошадам роздых — и снова в седла.

В дороге весна почувствовалась, снег начал оседать, открылись местами проталины, латки озимых,

лес ожил, задышал. Ивашка коня торопил, беспокоился. По всему видно, Кучум к весне набег приурочил, и будет он страшен, потому как велика у хана сила и не знают печенег жалости.

Скакал Ивашка землями дреговичей и кривичей и повсюду говорил людям:

— Готовьтесь беду от Руси отвести, грозен и опасен враг, того и гляди, двинется из степи...

За Ильменем повстречали новгородский дозор. Десятник Ивашку узнал, всполошился:

— Знать, не с добром, воины. Эвон коней загнали и сами с лиц спали.

И, услышав, с чем едут гридни, десятник сказал:

— Теперь не торопись, у нас кони свежие, мы наперед поскачем, упредим.

Кучум пробудился в хорошем настроении. В последние годы такое случалось нечасто. Понял отчего, когда, накинув на плечи подбитый мехом халат, откинул полог. Яркое солнце ослепило, пахло теплом и сыростью тающего снега.

Пора, решил Кучум, пора и тут же велел собрать ханов малых орд и темников.

Они заполнили юрту, расселись тесно вокруг хана великого улуса, молча взирали на него. А он повел глазами, разглядывая каждого, наконец заговорил как о давно решенном:

— Мы пойдем на Урусю всей большой ордой и, подобно разливу великой реки в наводнение, затопим ее всю. Горе будет тем, кто станет на нашей дороге. Разве у конязя Олега есть сила, способная сопротивляться нам? Ответь мне, хан Шалим?

Потупив голову, Шалим промолчал.

— Ты не имеешь ответа? Я пошлю тебя впереди всех, и тогда ты поймешь, что никто, никакие стены не остановят орду хана Кучума.

Кучум вздернул подбородок, прищурился:

— Идите и ждите, когда вас позовет моя труба...

— Твое слово, повелитель, закон,— поклонились военачальники.

А вскоре по всему печенежскому становищу затрубили рожки, и вся большая орда пришла в движение. Не знающие страха темники и тысячники повели бесчисленные отряды воинов, сняли юрты, заскрипели колеса кибиток, табунщики погнали косяки коней, а чабаны — отары овец и стада коз, брели гурты разного скота. Крики, рев и ржание нависли над степью. Всем улусом двинулась орда.

Переправились печенеги в низовьях Днепра на плотках из конских шкур, на бычьих пузырях. Передохнули на правом берегу и снова тронулись неторопко. Подобно черной грозовой туче, медленно поднимавшейся над горизонтом и сверкавшей молниями, орда двигалась на Русь.

Впереди рысили разъезды малой орды хана Шалима. Они завязали первые стычки с дозорами, и над сторожевой линией зажглись сигнальные огни. Но Кучуму это было безразлично: сейчас уже никто не оставит печенегов. Они хлынули на Русь, и их бесчисленные отряды, растекаясь во все стороны, примутся загонять русов. Сам же Кучум пойдет на Кий-город.

На бродах перешли Рось-реку. В сотне шагов догорала изба в засеке. Кучум подъехал к открытым воротам, остановил коня. Во дворе один на другом лежали убитые печенеги и русы. Верно, отчаянно сражались русские ратники.

— Безумцы, если мыслили отбиться,— прошептал Кучум.

Хан тронул коня. Он ехал в окружении мурз и беков в середине войска, а позади, за последним отрядом конных, катились кибитки ханских жен. В пути они Кучуму не надобны, но его жены поставят свои вежи у Кия-города — пусть князь Олег видит, что хан привел орду не на день и не на два, а надолго. И если князь русов не откроет ворота, печенеги выморят упрямцев голодом.

Темники и тысячники передавали: русские пахари и ремесленники разбегаются как зайцы, а Олег не осмеливается вывести дружину из города. Кучуму это неудивительно. Сколько гридней противопоставит орде русский князь? Дружинников у Олега раз в восемь меньше, чем воинов у Кучума.

Когда хан возьмет Кий-город и разрушит его, он посадит здесь своих счетчиков и они, подобно хазарам, будут брать дань со всех кораблей, какие плавают по этой водной дороге. И хан Кучум станет таким же богатым, как хазарский каган.

Леса древлянские глухие, местами болотистые, а погосты малые: две-три избы, редко больше. В сопровождении пяти гридней Ратибор пробирался к князю Гориславу. Тропы опасные, бывает, шаг в сторону — и утянет трясина, но Ратибора вел проводник из древлян. В лесу осенние листья пахли прелью, на сухостое выстукивал дятел.

Прошлой ночью Ратибор остановился в одной избе на погосте. Хозяйка месила в деже тесто, гостей приняла весьма нелюбезно, однако накормила, а на вопрос о хозяине отмолчалась, и воевода больше не любопытствовал.

Молчалив, задумчив Ратибор. Великая беда надвинулась на Русь. Уже первые известия устрашали. Несметная орда вышла из Дикой степи и пересекла сторожевую линию. Она двигалась к Киеву, а крыльями охватила всю полянскую землю.

Созвал Олег старейшин и воевод, и все к одному склонились: из города не выходить, обороняться, а ко всем русичам слать бирючей, созывать на войну с погаными. Великий князь с ними согласился.

Он сказал:

— Ратибор, ты отправишься к Гориславу древлянскому, пусть старое забудет, сегодня одна беда на всех. А ты, Путша, к вятичам и радимичам поспешай.

Пусть знают все: падет Киев — и не станет у них защиты от печенегов и хазар...

— Ты прав, великий князь, настал час разделить беду на всех,— ответили бояре.

И еще сказал Олег: Киев будет держаться до поры, покуда не подойдут новгородцы и князья со всей русской земли. А как они соберутся, настанет час помочь осажденным...

И сызнова поддержали бояре князя:

— Мы поднимем всю Русь на печенегов и отразим окаянных — будь в том уверен, великий князь...

Ратибор представлял, как нелегко будет выстоять киевлянам. Печенеги попытаются лезть на приступ. Как гусеница в засушливый год обжирает деревья, они станут уничтожать все на своем пути. Хватит ли хлебных и иных припасов в Киеве? Воевода мысленно прикидывал: до конца лета, пожалуй, дотянут, а дальше надежда на подмогу. На новгородцев, на него, Ратибора, на Путшу, на ратников, которые встанут на защиту...

Чем ближе к Искоростеню, тем люднее погосты. Из городка навстречу киевскому воеводе выехал конный дозор, остановил Ратибора. Десятник, седой, бородатый, буркнул: князь-де велел ждать.

Киевский воевода озлился: время ли счеты сводить? Однако подчинился десятнику. Тот провел воеводу в городок, посоветовал отдохнуть.

У Горислава с Ратибором разговор состоялся в гриднице за вечерней трапезой. Древлянский князь, выслушав воеводу, попрекнул:

— Скоро же Олег запамятовал, как наши погосты разорял, холопов моих на засечную линию отправил, а сегодня подмоги просит! Видать, грозный враг к Киеву идет.

— Ты, князь, зла на Олега не таи, общая беда у нас. Одолеют печенеги, возьмут Киев — кому Русь объединять? Аль тебе приятней под печенежином хо-

дить? На карачках перед ханом ползать? Нет, князь, от орды в лесах не схоронишься...

В тот вечер Ратибор с Гориславом едва не полялись, а утром древлянский князь сказал:

— Правду говоришь, Ратибор: не отобьются киевляне — не будет спасения и древлянам. Пойдем Киеву на подмогу...

В Новгороде ударили в било. Стучали долго и тревожно. И, отложив все дела, торопился люд на площадь.

Сошлись, ждали напряженно, о чем посадник поведет речь. А тот кожаную повязку на глазу поправил, сказал так, что слышали все:

— Печенеги силой огромной к Киеву подступили, и просит князь Олег нашей помощи.

Выслушали в тишине и взорвались. Криком извошло вече. И было оно хоть и недолгим, но шумным. Кое-кто из именитых попытались повернуть вече по-своему: мол, не Новгороду печенеги грозят, а Киеву, пусть киевляне и обороняются. Но тут Доброгост наперед пробрался, всех перекричал.

— Люди Нового города,— сказал кончанский староста,— чьи речи мы слышим? Разве не наша дружина ушла с князем Олегом или князь себе славу добывает? Возьмут печенеги Киев, где наш торговый путь проляжет?

— Истину сказываешь, Доброгост, у нас с Киевом одна судьба!

— Созывай ополчение, князь Юрий, кличь кривичей и чудь! Конно и на ладьях пойдем к Киеву!

— Вестимо, отбросим окаянных!

В тот же вечер Ивашка засобирался в дорогу. Сказал отцу:

— Надобно мне в Киев поспешить, может, успею, пока печенеги город не осадили.

Доброгост возразил:

— Не поспеешь. Теперь жди, когда ополчение соберется, с ним и отправись — проку больше.

В тревожном ожидании тянулось время. С утра люд уже был на стенах, смотрели на юг, туда, где в трех-четырех конных переходах лежала Дикая степь, страшная своей непредсказуемостью, жестокостью кочевников...

И они пришли. На шестые сутки, когда солнце перевалило за полдень, закричали дозорные:

— Эвон, гляди, объявились!

Лада тоже увидела печенегов. Сначала это была малая точка, но вскорости она увеличилась, расплзлась грязным пятном и вот уже заполнила собой все пространство от Днепра и насколько хватало глаз в сторону древлянского края.

— Вся степь явилась! — загомонили на стенах.

— Вишь какую силищу собрал проклятый Кучумка!

Валом перекатываясь по землям полян, орда подступила к Киеву. Зажав в руке лук, Лада смотрела, как близилась конная лава, а за ней, поднимая тучи пыли, двигались кибитки и стада.

— Держись, народ киевский! — раздался голос воеводы Никифора.

Затрубили трубы тревогу, и, впустив последних воинов, закрылись все городские ворота. Встали ратники на стенах, зажглись костры под чанами, и вскоре забулькала смола, закипела вода.

Подбадривая ратников, по стене проходил Олег. Князь был спокоен.

— Нам, русичам, убояться печенегов? — говорил Олег. — Аль не бивали мы их?

А накануне он сказал боярам и старейшинам:

— Печенеги попробуют взять город приступом, но мы отобьемся. Мы выстоим, даже если Кучум попытается сломить нас измором. Киев должен продержаться, пока не явится подмога, и тогда мы выйдем за стены и сразимся с печенегами...

Орда накатывалась на город медленно, чудищем устрашающим. Передовые отряды подтягивались, оттаивались у южных и северных ворот, скаплива-

лись у центральных. Вот отделилось несколько всадников, заулюлюкали, засвистели, помчались к стенам, остановились чуть дальше полета стрелы, загорячили коней. Один из печенегов, подбоченившись, закричал по-русски:

— Конязь Олег, выходи, хан великой орды Кучум подарит тебе жизнь! Не выйдешь, на аркане потянем, и будет конязь урусов собирать помет для наших костров!

Печенеги захохотали, а со стены пустили стрелы, но ни одна не достигла цели. Печенеги погрозили плетками. Урхо, стоявший рядом с Ладой, сказал:

— Стреляй, княгиня, я свой лук знаю.

Подняла Лада лук, натянула тетиву. Стрела сорвалась, понесла смерть. Печенег, кричавший обидное, закачался, завалился набок. Товарищи поддерживали его и, повернув коней, убрались от стен.

Конь вынес Кучума к обрыву и застыл. Внизу широкой лентой будто уснул Днепр, не видно его течения.

А на той стороне зеленели редкие сосновые леса. Поодаль от хана остановилась стража. В руках рослого печенега бунчук, на разукрашенном древке конский хвост.

Свирепа ханская стража, немногословна. Кучум не терпит многословных. Если у печенега язык не знает меры, он должен родиться женщиной.

Хан недвижим и гордо сидит на коне. Его мысли подобны парящему в небе орлу. Взмах крыльев — и новая мысль. Кучум зол, и мысли у него злые. Великой силой осадил он Кий-город, но князь Олег не открыл ворота, а русов не испугало многочисленное войнство. Больше месяца прошло, как стала орда у Кий-города, не один раз лезли печенеги на приступ, взбирались по приставным лестницам, оказывались на вершине стен, и каждый раз, когда Кучум уже думал, что наконец-то Кий-город будет взят, русы отбивались. Печенегов сбрасывали со стен, били мечами и

кололи пиками, рубили топорами и убивали шестоперами, обваривали смолой и кипятком, а отразив, кричали обидное:

— Эй, погань косоглазая, приходи, еще угостим!

Каленые печенежские стрелы с пучками горящей просмоленной травы роем летели на город, зажигали пожары, но русы тушили их. Печенеги выжгли Подол и погосты вокруг Кия-города. Сгорело Предславино, но русы не сдавались. Отряды печенегов ходили к древлянам, достали дреговичей, но земля была пустынна, и в погостах никто не жил. Пустыми оказались и городки. Дозоры вывели — русы собираются у Смоленска-городка. Кучум посмеялся: они сбиваются в кучу, как стадо баранов.

— Когда мы возьмем Кий-город, я поведу вас к Смоленску, — говорил хан темникам и тысячникам. — Там урусы ищут спасения от наших сабель, но мы достанем их.

И он раз за разом, днем и ночью посылал воинов на приступ, гнал их плетью, но результат был один. Каждый вечер печенеги сжигали убитых. Сколько их погибло, Кучум не велит считать, и так печенеги неохотно лезут на стены. Но сколько бы ни сопротивлялись русы, он заставит князя Олега сдать город, и тогда им не будет пощады.

Вдалеке загремел гром. Кучум оглянулся. Из-за леса выползала туча. Она напоминала печенежскую папаху из черной овцы. Яркая молния перерезала тучу, и снова зарокотал гром. Хан повернул коня и зарыл к становищу.

Обложной дождь лил всю ночь, лишь утром небо очистилось и засверкало солнце. Оно было яркое, большое, и крупные дождевые капли на листьях заиграли, заискрились.

По скрипучим ступеням Олег поднялся на верхнюю смотровую площадку воротной башни. Орда пришла в движение. Спешившись, печенеги подтягива-

лись к стенам, тащили лестницы: они готовились к новому приступу. А позади, не ближе двух полетов стрелы, где стоят печенежские вежи, горели костры под треногами, в казанах варилась еда.

Когда оттуда тянул ветер, в голодный Киев доносился дразнящий запах баранины или конины.

На продуваемом холме расположилась просторная белая вежа Кучума, тут же на шесте его бунчук. Вокруг юрты его жен. Иногда Олег видел Кучума. Он коренаст, сутул и в летах. Князь определил это по тому, как хан садился в седло. Нет той легкости, с какой молодой печенег взлетает на коня.

Печенеги упрямы и злы, а Кучум убежден: продовольствие в Киеве скоро закончится и тогда киевляне откроют ворота.

Но печенегам неизвестно, что прошлой ночью, в грозу, их стража потеряла бдительность и в Киев на однодревке пробрался гонец от воеводы Ратибора. Он уведомил Олега, что у Смоленска собрались древляне и дреговичи, на подходе боярин Путша с вятичами и радимичами, а как дождутся новгородцев, так и двинутся к Киеву.

Этого часа ждал князь, ждал и воевода Никифор, и дружины, ожидал весь люд киевский. Олег принял решение: как побегут печенеги, он станет преследовать их не только на земле полянской, но и в Дикой степи. Не зная пощады, убивать всех, кого настигнут, чтоб надолго запомнила орда, как ходить войной на Русь.

Похудел Евсей, волосы растрепались, а холеная борода вскосматилась. Он давно потерял счет дням, проведенным на стенах.

Вместе со всеми Евсей оборонял город. Его тяжелая дубина обрушивалась на головы печенегов, которые карабкались на стены по приставным лестницам.

— Не я бью, Бог карает, — приговаривал при этом Евсей и снова заносил дубину.

Приход печенегов нарушил задумки купца. Он рассчитывал по весне отправиться в Константинополь, теперь же до будущего лета надо забыть о Зое и торговых делах. Каждый раз, поднимая дубину над головой печенега, он вкладывал в удар всю злость.

Ночами Евсей спал здесь же, на стене, подложив под себя тулуп, ел что Бог пошлет, а чаще оставался голодным. В усадьбе появлялся редко, во всем доверяя управителю, на которого оставлял хозяйство в частые отъезды. Когда же приходил, ему топили баню, он отлеживался на полке, баба-холопка хлестала его березовым веничком до покраснения, а потом Евсей расчесывал волосы костяным гребнем, приводил в порядок бороду; выпив квасу, настоящего на мятё, закрывался ненадолго в молельне и снова отправлялся на стену.

Спал он чутко — привык за годы странствий, а уж на стене совсем не до сна. Глаза сомкнет — и снова бодрствует. Однажды в полночь пробудился от шороха, поднял голову, увидел — печенег на стену взобрался. Вскочил Евсей, взмахнул дубиной, удар по сабле пришелся. Вылетела она из руки печенега, но тот на купца с ножом набросился. Евсей его приподнял, швырнул в ров. Потом вниз заглянул — нет, не лезут печенеги. Раскачав, оттолкнул от стены лестницу и снова улегся, уставился в небо. Мерцают, перемигиваются яркие звезды. Сколько раз видел их Евсей, но сейчас смотрел по-новому. Даже став христианином, он считал звезды глазами умерших. Где-то с той высоты взирали на него мать и отец. Настанет время, и он, Евсей, тоже будет разглядывать землю, ее суету сует. Если бы он мог сейчас, живой, взглянуть с неба на царственный град и увидеть Зою... Евсей часто вспоминал ее глаза с искорками и тепло ласк.

«Господи, — думал он, — почему она не со мной? Неужели не суждено нам быть вместе?»

Нередко Евсей засыпал с этими мыслями и подхватывался, когда гудели трубы...

Поджав ноги калачиком и прикрыв глаза, Кучум сидел на пестрой кошме, раскачиваясь взад-вперед. Но вот хан открыл веки, и грозен был его взгляд. Молча стояли перед ним темники, понутив голову. Чем дольше затягивалось молчание, тем напряженней чувствовали себя печенежские военачальники. Они боялись хана: в припадке гнева тот не знал пощады. Не так ли случилось с его младшим братом Халилом? Когда тот в чем-то возразил Кучуму, хан метнул в него большой острый нож, и Халила унесли замертво, а Кучум даже не пошевелился...

Кучум заговорил тихо, слишком тихо, что было верным признаком ханской ярости. Она должна была выплеснуться, и темники ждали той минуты. Она наступила.

— Два месяца вы разбиваете лбы о бревна Кия-города, — не обращая ни к кому, заговорил Кучум. — Покидая степь, вы обещали взять его, но он стоит. Скоро свернется лист и привянет трава, а конязь Олег насмехается над нами, и его Золотые ворота закрыты. Что скажете вы, мои темники Читук и Пшиго-чич, Амин и Берин, и вы, тысячники, прячущиеся за их спинами? — Кучум повел мрачным взглядом по военачальникам. — Ханы Шалим и Котян встали на дороге к Смоленску-городку, они перекрыли ее, чтобы у конязя Олега пропала надежда на помощь. Вы молчите, но я заставлю вас говорить, и это будут последние слова перед тем, как вам поломают хребты. Слышите, вы, трусливые собаки, рожденные от шакалов? Идите и думайте!

Покинули темники ханскую юрту, а Кучум хлопнул в ладоши, и мгновенно перед ним встал верный раб, хазарин. Повел хан бровью, и догадливый хазарин протянул ему рог с вином.

Выпил Кучум, раскраснелся и снова бровью повел. Тут же в юрту юркнула самая младшая ханская жена, которую привезли с Дуная, а следом за ней вошли музыканты. Заиграла свирель, застучал бубен, и юная

красавица двинулась в плавном танце. Она была стройна и напоминала Кучуму молодую степную кобылицу. Рука хана потянулась к плети, чтобы подстегнуть танцовщицу, но она сама вдруг закружилась стремительно.

Кучум пил вино большими глотками, хмелел, хазарин наполнял рог за рогом, пока хан не свалился на кошму и не захрапел.

Темники знали: Кучум слов на ветер не бросает — и потому гнали печенегов на приступ. День и ночь лезли они на стены, сыпали на Киев огненные стрелы. Занялись пожары, над городом клубился дым. Печенеги раскачивали бревно, таранили ворота. Киевляне раскатывали горящие дома, сбивали пламя. Дым и огонь висели в небе.

Конные печенеги гарцевали под стенами, насмехались:

— Жарко, бачка, жарко!

Вперед выехал огромного роста печенежский богатырь, поигрывая копьем, принялся вызывать на поединок:

— Выходи, урус!

На стенах печенегу не отвечали, и никто не осмеливался пустить в него стрелу.

К Олегу подошел гридень:

— Дозволь, князь, размяться.

Посмотрел Олег на гридня — ничем тот не примечательный, обычный, разве что глаза озорные.

— Не посрамишь ли, Всеслав?

— Порадею, коли дозволишь.

Приоткрылась воротная створка, выехал гридень. Засвистели печенеги, смеются над гриднем, издеваются. А со стен шумят, подбадривают:

— Давай, Всеслав, срази поганого!

Пустили печенег и гридень коней навстречу друг другу, копыя выставили. Треснули древки, поломались копыя, но удержались оба в седлах. Разъехались, копыя отбросили, печенег саблю выхватил, гридень меч обнажил. Зазвенела сталь, закружились в дикой

пляске кони, оскалились, ржут, норовят друг друга зубами ухватить. Бьются печенег с гриднем, и никто не может одолеть. Один силой берет, второй — увертливостью. Вот взмахнул печенег саблей — сейчас разрубит гридня, но тот извернулся и тут же ткнул мечом печенежского богатыря. Покачнулся он, сполз с седла, а гридень к городу повернул. Заорали печенеги. Едва гридень к воротам подъехал, как ему вдогон полетели стрелы. Выскочили из ворот дружинники, внесли мертвого товарища.

Когда совсем было приготовились новгородцы к отплытию, подул низовой ветер, погнал волну из Ильмена в Волхов, раскачал ладьи.

— Экая печаль! — сокрушались новгородцы.

— Вишь, — говорил Доброгост, — разыгрались Стрибожьи внуки, внуки древнего ветра, неумные.

Князь Юрий огорчался:

— Нам каждый день дорог, а тут выжидай.

— По всему видать, неделю подует, — уверял Доброгост и оказался прав.

На следующей седмице ветер унялся. Погрузились словене и новгородцы на ладьи, а чужь с кривичами и полочанами конными и пешими берегом тронулись. И пошла рать новгородская Киеву на подмогу.

Ивашка кормчим на головной ладье плыл, правил, чтоб паруса ветер ловили. С Ивашкой Доброгост и князь Юрий. Глянет Ивашка на берег, и кажется ему, что ладья на месте стоит. Молит он Стрибога задуть попутно, и, будто вняв его голосу, наполнились паруса.

Вот уже Ильмень позади, Ловатю потянулись.

Послал князь Юрий на быстрых однодревках к Ратибору под Смоленск весть, что скоро прибудет. А от обжи к обже, от погоста к погосту, опережая ополчение, летело радостное:

— Новгородцы ополчились! Рать новгородская идет!

Ханы Шалим и Котян встали в древлянской земле по левобережью Днепра, перекрыв дорогу из Смоленска в Киев.

Котян предложил Шалиму:

— Пойдем, хан, к Смоленску, побьем воеводу Ратибора.

Но Шалим ответил:

— Какая в том нужда, Котян, пусть урусы сидят в мешке... Но если мы пойдем на Ратибора и побьем его, Кучум пошлет нас на стены Кия-города.

— Ты мудро говоришь, Шалим. Пусть Кучум набивает себе шишки, а мы не станем торопиться.

Посланные ханами дозорные сообщали: русы стоят и никаких знаков к выступлению не подают...

Наступил конец июня-розанцвета, когда печенежские дозоры сообщили: к русам, которые стоят у Смоленска, подошли новгородцы.

Котян сказал Шалиму:

— Теперь воевода Ратибор усилился, и нам ничего не остается, как отступить, если урусы двинутся на нас...

Соединились ополченцы у Смоленска, и на первой неделе месяца июля-страдника выступили ратники в помощь Киеву. Узнал о том хан Кучум, однако от города не отошел. Надеялся на Шалима и Котяна. Не знал Кучум, что ханы эти не осмелились дать бой ополчению, бежали. Кучум казнил Котяна и Шалима, а их орды тайно откочевали в степь.

ГЛАВА 6

Конец орды Кучума. Ивашка встречает Зорьку. Угры уходят за горбы. И запольхали хазарские поселения...

Зачем Перуну такие жертвы? Княжич Игорь отправляется в Псков. Хазарское посольство в Киеве

Не одна вода в Днепре обновилась, не одна жизнь народилась, горе и радость прошагали по приднепровской земле. За год поднялся Киев после печенежской осады. Похорошел. Отстроился после пожаров новы-

ми двухъярусными домами на подклетьях, свежесрубленными укреплениями красуется, улицы в плахи оделись...

Год уже, как Евсей в граде Константина, год, как Ивашка в десятниках ходит, год, как прогнали орду Кучума...

Внезапно и в одночасье ушла орда.

В то утро, едва день сменил ночь, с городских стен увидели: где большая орда стояла, нет ни одной вежи, только трава копытами выбита. Так тихо снялись печенеги, что даже дозоры не слышали.

Олег немедля собрал совет, и решили воеводы вдогон идти. Бросились дружины и ратники на конях вслед, настигли орду на переправе через Днепр. Бросив вежи и жен, бежал Кучум, угоняя табуны.

И не знали русичи пощады, кровью печенегов пропиталась степь, где тянулись вежи. За все мстили ратники: за убитых и угнанных в полон, за разоренные погосты, за вытоптанные поля...

Две недели гоняли печенегов по Дикой степи, и две недели, спасаясь от преследователей, не слезал Кучум с седла. А на третью, когда выдохлись кони и люди, задержал Олег ратников, повернул на Русь, оставив после себя разбитые кибитки и сожженные юрты. Граяло воронье над степью, кружилось над трупами, выли волки.

Увел дружины князь Олег, остановил орду Кучум. Поставили хану юрту, помогли сойти с седла. Упал он на кошму, заплакал. Никогда прежде глаза хана не знали слез. Где сегодня его большая орда, где многие воины, где вежи? Даже своих жен потерял Кучум. Нет с ним его детей...

Откинув полог, в юрту вступили темники Амин и Читук, Пшигочич и Берин. Не поклонились, приблизились к хану. Поднял голову Кучум и не удивился. Заговорил Амин:

— Ты назвал нас трусливыми собаками, рожденными от шакалов. Но ты хуже шакала, Кучум. Ты бросил наши вежи под копыта и мечи урусов. Дружины

конязя Олега преследовали нас, как охотники дичь. Тела убитых печенегов валяются по всей степи, вороны клюют их. Разве нам нужен такой хан? Ты сдохнешь, Кучум, как бешеный пес.

Темники обнажили сабли, и Кучум не сопротивлялся, он даже не пытался позвать стражу...

Там, в Дикой степи, настигнув улус Кучума, Олег не остановил побоище. И не потому, что не ведал жалости, он познал малую цену жизни в походах с викингками. Олег хотел устрашить и обескровить степняков и достиг того. Почти два десятилетия печенеги не ходили на Киев большой ордой...

Немногословен и суров был Олег к тем, кто не разделял его взгляды, применял силу против ослушников. Лада понимала Олега и беспрекословно повиновалась его воле. В Предславине, реже встречаясь с князем, она иногда спрашивала себя, любит ли его. Но, пожалуй, и сама не могла ответить на этот вопрос. Одно ей было известно: князь старше ее годами и мудрее, обладал сильной волей и подчинил своему влиянию ее, княгиню. Она разделяла планы Олега, видела в его политике выражение интересов Руси. Как и Олег, Лада считала Киев центром, вокруг которого соберется вся русская земля. А когда киевляне отразили хазар и устояли в печенежскую осаду, Лада совсем убедилась в правоте Олеговых замыслов. Она стала не только верным другом великого князя киевского, но и его единомышленником.

В овраге из белого известняка, что рядом с капищем, пещеры — обиталища волхвов. Кудесников четверо, и никто из киевлян не мог сказать, когда они поселились здесь. Люди считали волхвов такими же древними, как и пещеры.

Входы в них прикрывали черные от времени дощатые двери, а густой кустарник, росший здесь в изоби-

лии, делал входы невидимыми, и никто из непосвященных не мог указать их.

Выбираясь из своих пещер, волхвы поднимались на Перунов холм, одетые в белые рубища, седые и косматые, разжигали жертвенный огонь и приносили дань Перуну. За все воздавали хвалу кудесники. А Перун, медноголовое божество, сидел величественно, немигающе взирал на богатые подношения и требовал крови.

Много лет назад Перун принимал только человеческую жизнь, но теперь довольствовался кровью животного.

Как-то вместе с толпой пришел на капище и Ивашка, а вскоре появился князь, с ним Лада и бояре. По толпе пронесся шепот:

— Признал Перуна, отрекся от бога варяжского!

— Одному богу поклоняемся!

Горел огонь, и синие языки пламени лизали валуны, ограждавшие жертвенник. Главный кудесник воздел руки, принялся бормотать что-то невнятное. Потом все громче и громче, реже и отрывистее. Это уже напоминало заклинание. Неожиданно набежала туча, а когда подвели жертвенного быка, пророкотал гром, далекий, урчащий, и главный жрец распластался перед Перуном. Повалился и люд, убежденный, что божество довольно жертвой...

Спустился Ивашка с холма в полдень, шел по улице неторопко, по сторонам глазел: эвон какие дома возводят, бревно к бревну подгоняют, выравнивают, крыши островерхие ставят, тесом кроют — никакой ливень не страшен. Дом от дома, избу от избы отгораживают забором. И чем постройка лучше, тем ограда выше и надежней от злых людей. За заборами псы лютые, не знающие цепей.

Вдруг Ивашка от удивления даже остановился: в трех шагах от него девица идет, и до того пригожая, что глаз не отвести. У девицы из-под цветастого восточного платка коса льняная до самого пояса, сарафан

яркий, а на ногах красные легкие сапожки. Не простого рода, видать, девица, знатного. Ивашка не понял, как ноги сами за ней понесли. Но и она gridня приметила, голову гордо держит, знает себе цену.

Ивашка то обгонит девицу, то приотстанет, заглядывается на незнакомку. Белолика, а глаза что васильки полевые — синие, росой омытые.

Наконец осмелился, спросил:

— Как зовут тебя, красавица, и чья будешь?

У девицы на губах улыбка светлая:

— Зорькой зовут, а дочь я боярина Путши.

— Ух ты! — удивился Ивашка, а про себя подумал: «Как у такого неказистого боярина, обросшего волосами, словно пень мхом, могла родиться такая красавица, глаз не отведешь?»

Пошли рядом молча. Ивашка от робости будто язык проглотил.

У самого боярского подворья Зорька поклонилась слегка, метнула на Ивашку лукавый взгляд и скрылась за воротами, сладко ранив душу gridня.

Давно, так давно это было, что Аюб счет дням потерял, знал разве, какое время года. Определял по солнцу, которое проникало через решетку, высоко над головой закрывавшую яму, куда бросили Аюба, или по снегу, попадавшему в нее опять же через решетку.

Аюб не роптал и принимал свою судьбу как должное. Военачальник, погубивший воинов, — плохой военачальник.

Один раз в день стража приподнимала решетку, в яму бросали вареные кости с остатками мяса, лепешку и еще какие-то отходы от еды, опускали сосуд с водой, и решетка снова со стуком захлопывалась.

Сколько раз Аюб пытался окликнуть стражника, но тот не отвечал. Да и о чем станет говорить страж с живым трупом!

Аюб зарос, одежда на нем сгнила, и от нечистот тело воняло. Первое время он пытался думать о том,

как случилось, что Олег разгадал его замысел. Верно, в стан к хазарам пробрался лазутчик, он и углядел, как Аюб увел арсиев в низовье Днепра. Потом он решил, что лучше о том не гадать. К чему?

Чем дольше сидел Аюб в яме, тем чаще на память ему приходили детские годы, родное кочевье. Это было там, в степях Заитилья. Иногда их вежи подступали к самым Уральским горбам, где река быстрая, бурливая. Вспомнил Аюб старого деда, чья юрта стояла рядом с юртой отца. Этот старик плохо видел и слышал, из его рта текла слюна. Он молил небо о смерти, и мальчишка Аюб удивлялся такому желанию. Теперь он понимал старика и тоже просил небо о смерти. Зачем такая жизнь, как у него, Аюба? Жизнь тогда, когда человек летает соколом, наслаждается увиденным и любит женщин. Женщины приносят радость, они будоражат кровь и веселят человека, как хмельной кумыс или прекрасное вино. Но если мужчине женщина в тягость, такой мужчина не должен ходить по земле.

В яме Аюбу прекрасные женщины сначала виделись во сне, но потом и это притупилось, исчезло. Теперь он был твердо уверен: для него жизнь окончилась. Он только не мог представить, где окажется, когда она покинет его. Неужели навсегда в этой яме?

Но однажды решетку подняли, и голос начальника стражи окликнул:

— Ты жив, несчастный?

— Жив, жив,— отозвался Аюб.

— Если жив, вылезай!

И в яму спустили лестницу. Руки и ноги Аюба дрожали, когда он переступал по перекладинам. Едва он высунулся из ямы, как голова закружилась, но его подхватили руки стражников, выволокли наверх.

Аюба привели в его дом. В нем все оставалось таким же, как и до того, как его бросили в яму. Только сам Аюб был уже не тот, похудевший, заросший. Он постригся, скинул рубище и хорошо попарился, сразу же почувствовал себя легко — в пору вскочить

в седло. Но не успел Аюб отвесть давно забытой домашней еды, как его позвали к хаканбеку.

И опять он шел по той же усыпанной ракушками дорожке, что вела во дворец хаканбека, видел те же цветущие алые и темные розы и гадал, чем на этот раз обернется его встреча с всемогущим сановником каганата. Песок так же тихо поскрипывал под ногами.

Хаканбек, по-прежнему маленький, тощий, с рысьими глазками, сидел в полутемном мраморном зале в той же позе, как тогда, когда Аюб был у него в последний раз. И даже разговор хаканбек повел, словно вчера прерванный:

— Я не казнил тебя, Аюб, хотя ты этого достоин. У тебя было достаточно дней, чтобы понять свою вину, и теперь ты должен искупить ее.

Аюб униженно склонил голову:

— Я весь внимание, мудрый хаканбек. Чем и как возблагодарить мне тебя?

Но хаканбек не торопился пояснить, зачем сохранил жизнь Аюбу. Он пристально разглядывал, как низко тот клонит голову. Наконец заговорил:

— Князь Олег разгромил большую орду Кучума, который ставил свою вежу на нашей реке Саркел и не раз беспокоил каганат. Теперь этой орды нет, а хана Кучума убили его темники. В Дикой степи отныне кочуют малые орды. Я верну тебе, Аюб, твоих арсиев, и ты получишь еще один тумен. С ними ты пойдешь в степь и пинком хазарской ноги выбросишь печенегов, как щенят, далеко за Саркел. Ты укажешь надменным уграм, что они кочуют на нашей земле, а вятичей и радимичей заставишь платить дань, как платили прежде. Ты исполнишь это, Аюб, и тогда вина твоя перед каганатом будет прощена.

От земель северян и суличей на восток, а на север до вятичских лесов ставили вежи кочевники угры — народ не слишком многочисленный, но воинственный, известный своей стремительной конницей.

Со славянскими племенами угры жили довольно миролюбиво, в хазарах видели общих врагов и нередко оказывали помощь друг другу.

Давно уже среди угрских племен зародилась мысль откочевать в места более благодатные, где выпасы хорошие и где довелось бы реже кочевать в поисках кормов для табунов. Ко всему соседство с Хазарским каганатом делало жизнь угров постоянно тревожной.

Ко времени появления у угров Аюба с арсиями вернулись их гонцы, разосланные уже давно в поисках новых земель. Посланцы рассказали, что, если кочевать на заход солнца и перевалить горбы, попадешь в те места благодатные, где зимы мягкие, леса умеренные, все больше сосновые, река полноводная и травы луговые сочные.

Собрались угрские князья, совет держали и на одном сошлись: подаваться за горы — уж больно красно описывали гонцы ту землю.

Начали угры готовиться к переселению, выдвигаться вежами к Днепру, выискивая переправу. Угрские князья в окружении старейшин родов подъезжали к берегу, подолгу всматривались в противоположную сторону реки и разъезжались, оставляя в неведении русские дозоры.

А на Руси слухи тревожные.

— Угры объявились! Угры на Русь идут! — кричали голосистые бирючи на торгу и площадях Киева.

И волновался народ: что за время такое, отовсюду враги грозят!

Нет Руси покоя!

— От одной напасти отбились, другая наваливается, — говорил Олег боярам. — Чего взалкали угры? Вятичи уведомляют, всем народом стронулись, от мала до велика. Ни одной вежи не осталось. Пусто в краю, где жили угры.

— Ужли новых земель ищут? — нахмурился Ратибор.

— По всему так, — поддакнул Никифор. — Не наши ли земли им приглянулись?

— Как знать!

— Не успеют новгородцы, ежели угры к нам идут,— сказал Ратибор.

Боярин Путша покачал головой:

— Эко озадачили. Надобно полянам и древлянам сызнова кланяться да дреговичам с радимичами. А может, не к нам угры путь взяли? Кабы так! Однако без подмоги не обойтись.

Олег махнул рукой:

— Все так, да куда подмоги дождемся, угры тараном в ворота ударят.

И пригладил вислые усы.

Воевода Никифор согласился с князем:

— Угры не печенеги, тем паче всем народом тронулись.

— В том и опасность,— продолжил Олег,— печенег пограбил и в Дикую степь умчался, а коли угры землю ищут, то быть борьбе не на жизнь, а на смерть.— Помолчал, потом спросил: — Каков ваш совет будет?

Первым подал голос Ратибор:

— Дождемся недругов на переправе.

— Ты, Ратибор, мои мысли высказал,— согласился с ним Никифор.— Оставим в городе ополченцев, а дружинами путь уграм перекроем, как хазарам в прошлом разе.

Бояре поддакнули воеводам.

Олег с ними согласился.

— Но дондеже усилим, воеводы, дозоры, и как обнаружим, где угры начали переправу, там и встанем дружинами. А на всяк случай засадный полк придержим: вдруг да угры еще где объявятся. Теперь же выведем полки из города, изготовимся...

И открылись все киевские ворота, выпустив сначала конные полки. Ехали сотня за сотней, по трое в ряд, поблескивая броней, в шлемах островерхих. Покачивался лес копий. А следом вышла пешая рать, оградилась щитами, копья выставила.

Грозная сила встала у Днепра.

К киевскому перевозу в начале дня подъехали всадники в дорогих одеждах, спешили. Один, голосистый, приложив ладони ко рту рупором, закричал по-русски:

— Эге-ей, лодку гони! Ло-од-ку-у!

На правом берегу перевозчик Прокша только-только за обед принялся, поднялся нехотя. А ему кричали сердито:

— Поспешай, смерд, князь Савв к князю Олегу!

— Что угру от князя киевского понадобилось? — буркнул Прокша, выгребая к другому берегу.

Оставив коней и всех всадников на левом берегу, князь и толмач сели в лодку. Перевозчик налег на весла. Лодку слегка сносило, и Прокша направлял ее чуть выше течения, а сам краем глаза рассматривал угрского князя. Был тот седой, с бритым лицом и усами, как у князя Олега. На Савве кафтан короткополый зеленого бархата, такие же штаны, вправленные в мягкие сафьяновые сапоги, а на голове шапочка, отделанная мехом куницы.

Насупив мохнатые брови, угр смотрел то на воду, то на город. Едва лодка зашуршала днищем о песок, выскочил на берег. Следом выбрался толмач. Дозорные уже уведомили Олега, и на берегу угров встретил Путша.

— Князь Савв приехал к киевскому князю, — сказал толмач боярину.

— Коли князь Савв к нашему князю, то в таком разе идите за мной.

И Путша повел угров на Гору. На Красном крыльце стоял Олег. Сказал, раскинув руки:

— Мы угрскому князю рады.

И тут же позвал Савва с толмачом к столу.

Принял посол чашу с вином, поднял. Заговорил, а толмач едва успевал переводить:

— Князь Олег, угры с миром пришли в землю русов. Мы всем народом за горбы идем и просим пропустить нас через владения Киева. А еще просим дать нам в прожитие хлеба и меда, да еще вина. А когда

ты, князь, либо люди твои у нас окажутся и в чем нужду иметь будете, нам надлежит оделить вас, о чем попросите.

Замолк толмач, а Олег вино пригубил. Потом ответную речь держал:

— Вы, угры, к нам с добром, и мы с вами в дружбе жили. У нас недруги, как и у вас, хазары. Мы дадим вам все, чего надобно в дальнюю дорогу, и еще поможем на переправе. А ряд наш, князь Савв, за этим столом дружбою скрепим. Вон и бояре киевские пожаловали.

Пенился Днепр, и мутными становились его воды. За ночь не всегда река успевала очиститься, а днем все начиналось заново.

Неделю ниже Киева с утра и до темна Днепр пересекали ладьи и насады: перевозили кибитки и вежи угров. Воины переправлялись на бычьих пузырях, плотиках из воловьих шкур, набитых сеном. Вплавь перегоняли скот и табуны, а когда ни одного угра не осталось на левом берегу, русы разожгли костры, принялись варить похлебку в огромных котлах, жарить на вертелах мясо и рыбу, запекать птицу. Из Киева привезли бочки с хмельным медом и вином. Добрый пир решили устроить русы уграм. К вечеру киевляне с уграми сидели плечом к плечу, пили, провозглашали здравицы, просили у Перуна спокойной дороги для угров.

На холме на разбросанных пополах расселись киевские старейшины с угрскими князьями. Сидели тесно, а между ними Олег с Саввом.

И сказал князь угров:

— Мы не будем с вами, русы, соседями, но унесем с собой о вас доброе чувство.

— Речь твоя, князь, от разума, и пусть он не покидает нас,— ответил Олег.

Сидели князья и старейшины, но не было меж них на пиру ни Ратибора, ни Никифора. Накануне Олег наказал им:

— Ряд рядом, но будьте наготове, воеводы: ну как угры на коварство осмелятся, хоть я в то не верю...

Гости и хозяева пировали всю ночь. Высоко к звездам роем взлетали искры, и разносились по всему Приднепровью песни. Их пели угры и русы, вели веселые разговоры.

А через сутки снялись угры, и заскрипели их кибитки. На запад, к горбам, проводили угров. Откочевали они, чтоб осесть на Дунае целым народом.

Ушли угры, и не успели перегореть костры над Днепром, как к суличам нагрянули хазары. Привел их Аюб, дань потребовал.

— Видать, не впрок темнику наш урок,— сказал Олег,— пойдем к суличам на подмогу, ино разорят их хазары.

Бояре предлагали:

— Пошли кого-нибудь из воевод, князь,— Никифора либо Ратибора.

Но Олег ответил:

— И Никифор и Ратибор воеводы отменные, слов нет, но русичи на левобережье в киевском князе защитника зрят. Тем паче я к ним в полюдые ходил. А нынче скажут: за данью сам приходил, а от врагов оградить — так воеводу прислал.

Никифор заметил:

— Твоя правда, князь.

— Хазарские поселения на рукаве Саркела,— сказал Путша.

— Разорим их, как они наши погосты разоряют,— заверил князь.— Не станем ждать, пока Аюб к нам явится, будем искать его. Ты, Ратибор, останешься Киев беречь...

Выступили на конях, не отягощенные обозом: отправлялись не в чужие земли, в свои. Полк большой руки вел Олег, правой — воевода Никифор, левой — боярин Путша, а засадный полк — молодой боярин Любомир.

Вошли в землю суличей, опустошенную хазарами. На полях хлеба вытоптаны. Выходили из лесов суличи, рассказывали: у хазар войско большое, дань требуют за два года и тех, кто власть кагана отказывается принимать, грозят угнать в Итиль...

— Глядите, воевода и вы, гридни,— хмурился Олег,— само небо велит нам искать обидчиков. Мы найдем их и сурово покараем.

— По всему видать, хазары к Саркелу подались,— предположил Никифор,— хотят передохнуть.

— Пойдем и мы туда,— сказал Олег.— Наши кони не приморены, настигнем хазар.

Заиграла труба, и дружинники разобрались по сотням.

— Помогай нам Перун! — раздавались голоса гридней.

— Достанем недругов!

Полки на рысях направились на восток, к Донцу.

Аюб мчался впереди своих арсиев. Темник был доволен: с ним его воины, его верные арсии. В стремительном беге пластались кони, и топот их копыт, еканье селезенки аюбовского коня услаждали душу хазарского воеводы.

Не обнаружив угров и узнав, что они откочевали из этих мест, Аюб сначала собрался настигнуть их на переправе через Днепр, но потом передумал. К чему? Угры никогда не были надежными данниками кагана. Отказавшись от преследования угров, Аюб краем затронул вятичей и северян, разорил и пожег погосты суличей, что, по убеждению темника, было суровым предупреждением народам левобережья Днепра, пытавшимся выйти из-под влияния кагана.

Аюб вымещал на русичах обиды, нанесенные ему в хазарской тюрьме. Отныне темник станет держать в страхе славян, казнить непокорных, а крепких русичей угонять в Итиль строить дворцы и мостить камнем улицы, а иных продавать в рабство...

А еще хазарский воевода тешил себя надеждой одолеть киевского князя. Тогда никто из князей лево-

бережных народов не помыслит отказаться платить дань каганату.

Но Аюб справедлив, у него нет обиды на Олега за прошлое поражение. Киевский князь разгадал замысел хазарского военачальника, а Аюб недооценил Олега...

Арсии возвращались к Саркелу, где в поселениях их ждал отдых, да и кони притомились: эвон какой гон проделали, по всему днепровскому левобережью промчались.

Там, на рукаве Саркела, живет одна из любимых жен Аюба. Он везет ей богатые дары. Эту жену он взял себе у камских булгар, она станет утешать его и веселить после похода.

— Улля! — кричит Аюб и хлещет коня.

Приморенный конь делает рывок и снова сбавляет бег. Темник решает сделать привал, не дожидаясь ночи, и велит дозорным присмотреть место для стоянки. Нет, он, Аюб, не устал и готов еще неделю провести в седле, но подбившийся конь не товарищ в бою...

Хазар настигли у урочища, где поросший колючим терновником овраг подступил к леску. Ивашка со своим десятком гридней, спешившись, бесшумно подкрались к стану, сняли караул, и едва забрезжил рассвет, как конные полки киевского князя изготавились к сражению. Встали стеной, перебросили щиты со спины на левую руку.

Олег знал: хазар в два раза больше, чем гридней, но он рассчитывал на неожиданность.

— Наш удар должен быть стремительным, как прыжок рыси, — обращаясь к дружине, говорил Олег. — Потянем, други!

Аюб пробудился от шума и беготни.

— Русичи! — раздавались выкрики. — Русичи!

Не успев надеть броню, Аюб выбежал из юрты, вскочил на коня, осмотрелся. Среди хазар нет расте-

рянности, арсии перестраиваются в боевой порядок. А напротив через поле темнеют стеной полки киевского князя.

Заиграли трубы русичей, загудели рожки хазар. Двинулись воины, съехались, начался бой. Бросил Аюб на левое крыло киевлян часть тумена, уверенный: хазары сломят русичей и зайдут в бок большому и правому полкам. Тогда не устоят дружины киевского князя и побегут.

Поднялось солнце. Огненно-яркое, оно осветило сечу. Много уже полегло арсиев и русичей, а исхода сражения не видно. То русичи хазар теснят, то хазары русичей.

Аюб спокоен, он видит — арсии давят числом. Вон заметно изогнулось левое крыло русичей. Немного, совсем немного, и гридни побегут. Настало то время, когда Аюб должен победить киевского князя. Где-то здесь и Олег, но Аюб не видит его...

Неожиданно зоркий глаз Аюба замечает, что на правом крыле его войска началось какое-то движение, и вслед за этим темника прошибает холодный пот. От лесочка лавой, выставив копья, несется засадный полк киевского князя. Вот он врезался в гущу арсиев, смял их, погнал.

Взвизгнул темник, нахлестывая коня плетью, бросился в гущу боя. Но было поздно.

Закричали хазары, поворотили коней, уходили от погони, топча друг друга. Русичи настигали их, рубили мечами, кололи копьями. Гнали день, и даже ночь не остановила преследование. До самого рукава Саркела достали.

И по всему притоку запыльхали хазарские поселения...

Время едва перевалило за полдень. К хаканбеку ввели маленького человека с телом змеи и узкими глазами. Держался человек уверенно, по всему было видно: во дворце хаканбека он бывал не раз. Пробыл

желтолицый у хаканбека совсем недолго, и хоть не занимал он в каганате никаких должностей, но все, кто встречался ему во дворце, гнули перед ним спины, а стража низко кланялась.

Никто не мог сказать, зачем его звал хаканбек: разговор у них был тайный, только им известный.

Слуга накрыл низенький столик и тут же удалился.

Хаканбек и желтолицый уселись. Хозяин угощал гостя вином и сладостями, беседовали. Говорил в основном хаканбек.

— Много зла причинили нам русы, — молитвенно сложил руки хаканбек, — но с той поры, как их князем стал Олег, этот варяг с дружинами славян угрожает самому каганату. Его взор упал на народы, какие издавна платят нам дань. Он ходит с дружиной на левобережье Днепра и заставляет всех подчиняться Руси. Этот варвар замахивается на каганат, и до тех пор, пока он будет княжить в Киеве, хазары не могут чувствовать себя спокойными. Ты меня понял, Ив?

Желтолицый склонил голову:

— Да, хаканбек, норманн угрожает Хазарскому каганату, князь русов не имеет права жить. Ив исполнит твою волю, но это случится не раньше будущей весны, когда от Тмутаракани поплывет его корабль в страну русов.

— Пусть будет по-твоему, Ив. Ты послан мне самим Яхве. Когда я узнаю, что ты сдержал слово, мой сон будет блаженным, как сон грудного ребенка.

— Ив не говорит «нет», Ив говорит «да»!

Зачастили холодные осенние дожди. Они барабанили по тесовым крышам, крупными каплями зависали на ветках деревьев. Ползли тяжелые, рваные тучи, цеплялись за деревья. Уныло и грустно в такие дни, и даже птицы прячутся в укромных местах. Но для смерда, если озимь посеяна и вспахана земля под

яровые, в избе дел полно, у смерда нет праздного покоя, смерд всем кормилец.

В княжьем селе, что под Предславином, пять изб. Село немалое. При каждой избе хлев, крытый потемневшей соломой, одна на всех просторная рига, где доходили колосья и их обмолачивали цепами. Колодец с деревянной бадьей, от времени замшелой, как и покосившийся бревенчатый сруб. Давно бы надо новый поставить, да у смердов все руки не доходят.

В крайней избе жил известный на всю округу шорник по имени Скоробогат. Никакими богатствами он не мог похвалиться, разве что детишками. Они у него на лавках и на полатах лежали и сидели, а две, соутробицы,— послала судьба такое, ко всему девки — в зыбке качались. Только девятый в помощниках хаживал.

Наведывался к шорнику Урхо. Иногда выбирал время, помогал на пахоте, жал, а то и цепом помахивал в обмолот, спину грел.

Как-то явился Урхо к Скоробогату, уселся на лавку, согнулся. День сырой, унылый. Шорник сбрую шил при лучине, и такая ладная упряжь получалась — залюбуешься. Белая сыромятная кожа, прошитая черной кожаной тесьмой, выглядела нарядно. Молчат гость и хозяин. Наконец Скоробогат заговорил:

— Княжьего огнищанина заказ.

— Лют нынешний тиун,— заметил Урхо.

— Аль прежний медом был мазан? Тот Аскольду и Диру служил, этот Олегу. Каждый норовит со смерда шкуру спустить. Особливо усердствуют после печенежского разорения. Княжью суму набивая, о князе и боярине радеют. Кто о смерде думает? Смерд он и есть смерд.

На полатах завозилась ребятня, раздался плач. Скоробогат цыкнул, и там затихли.

Жена Скоробогата, ядреная, скуластая, смахнула со столешницы тараканов, нарезала хлеба ржаного, почистила луковицы, принесла из подпола квасу, позвала Урхо и хозяина к столу.

Ели не спеша, похрустывая луком, запивали резким квасом, и неторопко текла беседа.

— Хватит ли хлеба до будущего? — спросил Урхо.

— А уж тут княжья воля, сколь в полюдьё заберет, — пожал плечами Скоробогат. — Крутехонек бывает князь Олег.

Тут Скоробогатиха в разговор вмешалась:

— Зиму бы пережить, а по теплу то крапива, то щавель...

— Коня бы уберечь, без коня хоть сам в соху впрягайся, — сказал шорник. — А без зерна откуда коню силы взять?

— Истину глаголешь, — согласился Урхо.

— Ты ответь, Урхо, лопари землю пашут?

— Нет, лопарь оленем промышляет, охотой. Тем и дань платит.

— Поди, тянет отчая сторона?

— Однако привык я к русичам. Сказывают, человека помирать родная земля зовет. Может, и Урхо уже кличет? — Лопарь встал. — Засиделся я, заугощался. У тебя в избе побываю, ровно в чуме родном...

Выбрался из избы — сумерки сгустились, и дождь сечет, мелкий, частый. На лопаре кухлянка из шкуры лося, влагу не пропускает, — Урхо сам ее пошил, — сапоги из такой же шкуры. Поднял глаза — небо без просвета. Подумал: зима за этими дождями пожалует. Скоро лист осыплется, снег землю покроет, и будет он, лопарь, следы на нем читать: где заяц петлял, где лиса пробежала, где волк протрусил...

Хорошо Урхо зимой, все понятно, с малых лет в тундре обучен. И глаз у него соколиный, а нюх как у дикого зверя: втянет воздух — сразу ясно, чем пахнет. Сколько раз на торгу закроет глаза — мимо торговый люд снует, гости разные, Урхо не видит, однако скажет, из каких земель и чем торг ведут...

Вернулся Урхо в Предславино, в свою камору забился, слушает, как частит дождь, барабанит, ровно тысячи дятлов дерево долбят. Сомкнул на мгновение веки, и неожиданно предстало перед ним северное

сияние, которое в краю лопарей ночь в день превращает. Ох, как давно не видел он такого! К чему бы? Может, зовет его родное стойбище?

Скрипнула дверь, Урхо по запаху определил: вошла стряпуха. Сунула лопарю ломоть пирога с грибами, пожаловалась на худые сапоги. Урхо обещал починить. Потом сказал, чтоб ложилась отдыхать. Лопарь жалел эту невзрачную и немолодую женщину, а она отвечала ему своей привязанностью.

Еще долго сидел Урхо, жизнь свою перебирал, и получалось, что прожил ее не зря.

В эту ночь долго не могла уснуть и Лада. Уже оплавилась и погасла свеча, перегорели дрова в печи, но крепко срубленные бревенчатые хоромы до утра будут держать тепло.

Лада лежала, уставившись в потолок. Через слюдяное оконце свет слабо проникал в опочиваленку. Тишина, и только слышатся редкие шорохи...

Вот так же было в детстве, в хоромах отца на Ильмень-озере. Тогда Лада тоже думала, а все больше о будущем суженом. Какой-то ей достанется!

А нынче чем живет Лада, о том и мысли. Вчера наезжал в Предславино князь, рассказал, как на хазар ходил и как побили их на Саркеле. Теперь авось не посмеют появляться к славянам за данью... Однако надолго ли?

Уговаривала Олега пожить в Предславине, но он отказался, уехал, не посмотрев на непогоду. Кабы Лада не знала Олега, могла бы подумать, что у того есть наложница, но за князем такое не водилось.

Много забот у великого князя киевского, и Лада просит Перуна помочь ему в его делах, в исполнении задуманного, а вместе с тем чтоб среди забот доставалось и ей, Ладе, хоть чуточку внимания...

А за полночь, когда Лада забылась во сне, привиделась ей мать-княгиня, и сказала она Ладе: «Остере-

гайся конунга-варяга». Лада хотела спросить почему, но пробудилась.

Олег — варяг, норманн, — кому это неизвестно, но за долгие годы, что живет на Руси, он и говорить, и мыслить стал как русич...

В оконце едва забрезжил рассвет, как Лада вышла на крыльцо, дохнула сыростью. Тучи ползли над Предславином, но дождь прекратился. Все вокруг — и постройки, и деревья, и копенки сена у конюшни — было мокрое, просило солнечного дня.

Дверь в поварню была открыта, в печи мерцал огонь, стряпухи готовили еду к утренней трапезе, и Лада почувствовала, что хочет есть. Вспомнила: вчера легла, отказавшись от ужина.

Спустившись с крыльца, направилась в поварню.

Вдругорядь Ивашка углядел Зорьку на Подоле у самого берега. Но то случилось уже зимой, в самом начале. Нарядная, в шубе из куниц и шапочке соболиной, в сапожках теплых, она смотрела за реку и не сразу заметила гридня. Срывался редкий снег, мягко ложился на ее плечи, голову. Ивашка долго не осмеливался затронуть ее. Наконец решился:

— Здравствуй, девица красна.

Зорька обернулась, улыбнулась, на щеках появились ямочки, а глаза что васильки полевые, синецветки.

Не сказала, пропела:

— Здрав будь и ты, десятник.

— Тебе известно, что князь меня над десятком поставил? — поднял Ивашка брови.

— Слухом земля полнится, — рассмеялась Зорька, и смех ее рассыпался колокольцем.

Ивашка смотрел на нее влюбленно, не зная, о чем говорить дальше. Наконец спросил:

— Ты ждешь кого, не помешал ли?

Зорька удивилась:

— Уж не мнишь ли, что тебя?

Смутился Ивашка, но она будто не заметила:

— Посмотри на тот берег, на ту даль — вишь как лес синеет, и простор какой! А весной все в зелени. Меня та даль манит, так бы и полетела туда.

— У тебя, Зорька, душа певучая. А я о тебе часто думаю. Как увидел на капище, с той поры.

Зорька промолчала, но по всему видно — слова гридня ей по душе. Стащила рукавичку, поймала снежинку, слизнула:

— Девчонкой сосульки сосала, да и сейчас иногда. Я пойду, пора.

— Я провожу тебя.

И снова они шли улицей, что вела к Горе, где жили бояре и старейшины. Ивашке чудилось: все прохожие смотрят только на Зорьку, ее красоте дивятся.

И какой же недалеко показалась обратная дорога, а ему хотелось идти и идти рядышком с Зорькой.

Расставаясь у самых ее ворот, спросил:

— Когда вдругорядь увижу тебя?

Зорька плечами пожала, а Ивашка осмелел:

— Коли отца твоего просить стану, чтоб отдал тебя мне?

Зорька промолчала, ответила лукавой улыбкой.

Поразметал ветер пепел костров, потоптали траву дикие скакуны, и засыпало землю снегом. Тихо на засечной линии, ушли печенеги на левый берег Днепра, откочевали в самое низовье.

Как подраненный зверь забивается в свою берлогу, зализывает раны, так и большая орда, расколовшись после смерти Кучума на малые, передыхала, набиралась сил.

Темники винили Кучума: к чему всей ордой на Русь пошел? Будто кочевать намерился. Забыл, что сила печенегов во внезапности и быстроте. Теперь когда еще вежи людом обрастут, а стада и табуны глаза порадают! Только тогда темники снова направят своих коней на Русь. Сколько же на то лет потребуется?

На княжьем дворе Олег увидел Ивашку, поманил:
— Отчего боярин Путша на тебя жалуется?
И нахмурился.

Ивашка оторопел:

— Вины своей не чую, князь.

— Не криви душой, молодец!

Еще пуше удивился гридин:

— Я ли боярину какое зло причинил?

— А вот боярин рассказывает, ты его бесчестил!

У гридня поднялись брови:

— Мне ль боярина бесчестить? Он в отцы мне годится!

— Так ли? — Олег насмешливо посмотрел на Ивашку. — Аль не тебя с дочерью боярина видели?

Гридень посветлел лицом:

— Эвон ты о чем, князь.

— Признаешь вину?

— Какая вина, князь, Зорьку-то я всего два раза и видел. Но по правде скажу, люба она мне и буду бить боярину челом отдать мне ее в жены.

Олег хмыкнул:

— Тогда иной сказ, гридень. Но сама-то Зорька как?

— Она согласна.

Князь покачал головой:

— Ловок ты, молодец, и уверенность твоя мне по нраву. Но что скажет боярин?

— Я, князь, кланяюсь тебе: замолви за меня слово.

— Вон ты каков! Непрост.

— Сам бы отправился к боярину, да отказа боюсь, князь.

— Хитер ты, гридень. Однако хитрость с умом близки. Ну да попытаюсь гнев боярина на милость сменить...

Неделя минула, другая. Ивашка даже подумывать стал, не забыл ли князь об обещанном. Но месяц спустя пришел Олег к боярину Путше. Будто мимо проходил и заглянул в гости. Усадили князя за стол, потчевали, а к концу трапезы Олег и сказал:

— Славная дочь у тебя, боярин Путша, и обличья прекрасного, и чести.

— Ты к чему это, великий князь, клонишь?

— Хочу просить тебя, боярин: не держи зла на десятичника Ивашку, он тебе челом ударит, станет просить Зорьку твою в жены.

Насупился Путша:

— Ты-то, князь великий, почто в заступниках ходишь?

— Ивашка — гридень добрый и моей заступы достоин. Он честен и рода доброго. Отец его Доброгост — новгородский староста кончанский. Не гони десятичника, боярин, а коль Зорька не против, не возражай. И я тебя о том прошу.

Задумался Путша, долго молчал, наконец рукой махнул:

— Познаться бы Ивашке с моими псами, коли бы ты, князь, в заступу не пошел. Ноне что ответить? Ежели Зорька согласна, не стану перечить.

Зимой по воскресным дням в Киеве на торжище, что на Подоле, широкий своз. Спозаранку открываются все ворота, и скрипит на накатанной дороге санный полоз. Из сел и ближних погостов везут зерно и крупу, связки лука и капусту квашеную, сало вепря и мясо, птицу живую и битую, рыбу свежую и соленую, копчености всякие, мед и кожи, корма для скота и все, что есть у смерда. На широких санях, розвальнях, доставляют в город душистое сено, гонят скот. Ревет и шумит торжище киевское даже в снежную, морозную зиму. Все, как в летнюю пору, разве только нет гостей заморских, когда торжище ко всему делается разноязыким, горластым.

Олег на него выходил редко: здесь гнусавили нищие и бродили угрюмые волхвы. Едва они появлялись на торжище, как умолкали скоморохи и скрывались в толпе плясуны. Волхвы изгоняли неугодную Перуну ересь. Они не ведали пощады. Олег видел, как они, кликушествуя, забили насмерть тяжелыми посохами скомороха, и князь не посмел за него вступиться, дабы не вызвать гнев волхвов.

Олег спрашивал себя: зачем Перуну такие жертвы? Разве веселье человеку не в радость? Если в радость, то почему от этого надо отказываться? Князь не помнил, чтобы викинги в угоду Вотану лишали себя веселья. Даже на тризне они пили и пели, старались меньше грустить, помня, что викинг ушел в мир иной, в мир довольства и сладостных утех, где нет забот и печалей.

Иногда Олег бранил себя, что принял веру русичей, ему чудилось, Вотан в гневе на него за то, но тут же князь спрашивал себя и бога норманнов: а мог ли он, Олег, живя среди русичей, оставаться в вере варяжской?

И отвечал: нет, для них, русичей, он был бы варягом, неугодным волхвам, на него в любой час можно было поднять народ. Ведь случилось же такое с Евсеем!

Весной купец уплыл в Царьград, а накануне побывал у Олега, молвил, что, коли удастся, хотел бы повидать земли на Востоке, где ковры ткут и шелка производят, торг с их гостями завести. И еще сказывал, что лета на три Киев покидает...

А в январе-сечене прибежал Ивашка с известием:

— Волхвы народ на Евсея подняли, дом разоряют!

Благо, самого Евсея уже не было в Киеве, а то убили бы.

Поспешил Олег, да поздно: порушили купеческое подворье. А вся вина Евсея в том, что веру греческую принял, от Перуна отрекся. Так могло случиться и с князем киевским, не явись он на капище и не поклонись Перуну...

По всему выходило, не мог он, Олег, князь русичей, поступить по-иному, коли решил жить на Руси.

Зима на вторую половину перевалила, в самой силе хватали морозы, и нередко от них трескали деревья.

Как-то на целую неделю задержался Олег в Предславине. Забыв о делах княжеских, с началом дня

выбегал во двор, до утренней трапезы колол в свое удовольствие дрова, а если случались снежные заносы, отбрасывал широкой деревянной лопатой снег, расчищал дорожки.

А то вдруг развеселится и встречную холопку в снегу искупает, да еще и лицо натрет до покраснения.

Лада довольна: в такую пору князь и телом и душой молодец. Правда, случались подобные недели у Олега слишком редко, да и то в зимнюю пору, когда ни печенеги, ни хазары Киевской Руси не грозили.

Как-то в один из таких приездов Лада сказала Олегу:

— В прошлый раз заметила я, княжич Игорь с Дубравой, рабыней из ткачих, миловался.

Олег рассмеялся:

— Дело отроческое. Аль князьям славянским когда возбранялось наложниц иметь?

— Я не о том, князь,— нахмурилась Лада.— Не хотелось бы мне, чтоб до женитьбы княжича, раньше времени бегали по двору и хоромам княжеским Рюриковичи от холопок либо рабынь. Дабы никто не посмел по прошествии многих лет перстом в них тыкать и зло ронять: эвон князь-робичич.

— Может, и правда твоя, княгиня. Сегодня же велю Игорю: пусть налаживается за невестой в Плесков ехать...

К исходу зимы собрали санный поезд к плесковичам. Готовились основательно, киевский князь Олег отправлял к плесковскому князю молодого князя Игоря, наказывал:

— У Войтеха дочь и лицом красна, и умом славна. Ворочайся с женой, и тем союзом Плесков заодно с Киевом будет. От того Руси польза великая. Плесков на западе щитом ее станет!

Погрузили богатые подарки, а еще вено — выкуп за невесту да продовольствие и всякое добро, без которого дальняя дорога невозможна.

Игорь худ, ростом чуть ниже Олега, широкоплеч и смугл, с лицом круглым и жидкими светлыми усами.

Он суетился, самолично проверял, все ли уложили в сани. Ему помогал Свенельд. Вместе с Игорем он обучился грамоте, осилил цифирную премудрость, а от Ратибора познал воинское искусство.

— Быть тебе, Свенельд, воеводой у князя Игоря, — предрекал Олег.

Уезжал Игорь до будущей зимы. За молодого князя Олег был спокоен: разумен и надежда есть, что от него пойдет род Рюриковичей на Руси...

Выехали в феврале-бокогрее, когда зима, будто проверяя смерда, посылает ему десяток-полтора теплых дней.

Сани за санями спустились с Горы, направились к выезду из города. На улицах мальчишки в снежки играли, приплясывали, пели:

Пришел месяц бокогрей,
Землю-матушку не грел —
Бок корове обогрел,
И корове, и коню,
И седому старику
Морозу Морозычу...

Миновав распахнутые северные ворота, весело покатались дорогой на Смоленск. Полсотни верхоконных охраняли поезд, а старшим над гриднями Ивашка. Не хотел он покидать Киев на столь долгое время: ведь месяц, как женился. Расставались — Зорька расплакалась, а Путша говорил:

— Возвратишься, дом вам поставлю, вы же мне внука подарите.

Зорька от смущения потупилась, а Ивашка жену обнял, пошутил:

— Она вам не одного, а не менее пяти родит...

Верст десять отъехали, гридни по кошевам расселись, привязав коней к саням, и вскоре примолкли, подремывали. Ивашка вспоминал, как впервые с боязнью явился к боярину Путше. Опасался: ну как собак спустит! Ан нет, приняли по-доброму...

Свои мысли у князя Игоря: он не о прошлом думал, а о будущем. И не предстоявшая встреча с Ольгой волновала его — гадал, какая она, эта плесковская княжна, и придется ли по душе.

В день отъезда увидел Игорь жену Ивашки, красоте ее подивился. Шепнул о том Ладе, а она ему в ответ:

— Не алкай жены чужой, к своей невесте отправляешься.

Если Игорь Олега как отца чтит, то Ладу уважал, все ей доверял, как сестре старшей. Бывало, Олегу того не скажет, что Ладе. И совета у нее испросит. В памяти Игоря Рюрик сохранился смутно, был он вот таким же, как и Олег, крупным, малоразговорчивым...

Легко бегут санки, заносит их на обе стороны. Игорь кутается в шубу, его начинает клонить в сон. И чудится ему, что он уже в Плескове, у князя Войтеха, его встречает Ольга, она точь-в-точь Зорька. Игорь даже успевает подумать, что Зорька — это Ольга.

Он пробудился. Свенельд потихоньку похрапывал, и Игорь не стал будить его. Огляделся по сторонам — поле заснеженное, под ним, верно, как под одеялом, зеленела озимь, леса — как острова, остался позади погост с избами курными, в землю вросшими. Это еще владения полян, дальше начнутся земли дреговичей, а через много верст — в неделю путь не одолеешь — владения плесковичей. Там уже знают о приезде Игоря.

Глаза князя остановились на заснеженном холме. Вершина его обдута ветром, и на темной проталине, гордо вскинув голову, сидит залетный орел. Он неподвижен, и его не пугают люди. Что они могут ему сделать? Люди убивают друг друга, и тогда орел выклевывает им глаза и рвет их мясо; люди стреляют в тех животных и птиц, которых поедают, а что им от орла?

Игорю орел напомнил воина-рыцаря. Княжич слышал, что в горах Упландии водятся очень крупные орлы. Рожденный в Новгороде, Игорь ни разу не видел родину отца, но Олег рассказывал ему о море викингов и скалистых берегах, изрезанных глубокими фиордами, горах, покрытых лесами, о замках на вершинах, древних жилищах викингов...

Для себя Игорь решил: станет киевским князем, непременно побывает на родине предков. Ему незнаком язык норманнов, и, когда Олег говорил с викингами, Игорь не понимал, о чем речь, он давно считал себя русичем. В последние два лета драккары викингов не причаливали к киевской пристани, они участвовали набеги на побережье Балтики.

Олег как-то упомянул, что когда он намерится пойти на ромеев, то позовет с собой викингов. Но станет ли такой час? Слишком опасны соседи у Руси: хазары, печенеги...

Свенельд открыл глаза:

— О чем мысли, князь?

— Петляют.

— Пусть попетляют до Плескова.

— А там?

— Как невесту увидишь, враз выпрямятся.

— Аль сам испытал? — рассмеялся Игорь.

— По догадке, князь, по догадке. А мне жениться пока ни к чему. Это тебе, князь, сыновья надобны, им княжение наследовать. Я же еще с девками вдосталь не нацеловался. — И посмотрел на небо. — Время, княжич Игорь, к трапезе повернуло.

— Как в погост въедем, так и остановимся.

Едва пахнуло весенним теплом, стаял снег, подсохла земля, как дружинники в кафтаны суконные облачились и каждый день в ристалищах проводили. За зиму засиделись, и кони застоялись. Олег и Лада на военных потехах не только бывали, но и участвовали в них.

Как-то Олег задержался, и Ладе вздумалось проехать на его коне Буяне. Красив конь и статен, походка необычная — иноходь, а шею дугой гнет.

Лада повод приняла, в стремя вступила и едва ногу через седло перебросила, как Буян понес. Он вздыбился и ветром помчался по лугу. Гридни бросились ловить коня, но он нес Ладу к лесу. Княгиня поняла: конь ударит ее о деревья. Буян не слушался узды, он вел себя как дикая лошадь, когда ее хотят объездить.

Лада не видела Олега, а он пустил своего коня на перехват Буяну, успел поймать его за узду уже у самого леса.

Подскакали гридни, Лада соскочила на траву. Олег велел хмуро:

— Отведите коня на конюшню.

Торопливо подошел Урхо, погладил княгине руку и, глянув Буяну в глаза, повернулся к Олегу:

— Князь, вели снять седло.

— На конюшне расседлают.

Однако лопарь не унялся:

— Вели, князь!

Олег повернулся к гридню:

— Исполни!

Гридень освободил подпругу, снял седло и войлочный потник, бросил их на землю. Урхо опустил на колени, провел ладонью по войлоку. Неожиданно рука его замерла, чтобы тут же вытащить большую рыбью кость. Совсем помрачнел Олег, тяжелым взглядом повел по воинам:

— Кто Буяна седлал?

Голос сделался хриплым, суровым.

Молчали дружинники.

Князь снова спросил:

— Кто привел Буяна?

Молодой отрок шагнул наперед:

— Князь, я взял его у коновязи уже оседланного.

— Ты, Рогволод?

Олег круто повернулся, ушел молча, а вечером сказал Ладе:

— Злой умысел в том зрю.

Лада согласилась:

— Не против меня, князь, против тебя.

— Где недруга искать? Может, кто из конюхов? Но мало ли люда на конюшне бывает! Одно знаю: есть у нас, Лада, враги коварные. Изловили тиуна и конюха, сбежал боярин Олекса, а может, их люди сызнава чего замышляют. Но мы сыщем их!

По теплу из Итиля в Киев пробиралось хазарское посольство.

От Итиля по землям Хазарии, Задонью доехали к Саркелу. А как реку преодолели, то поехали по южной окраине лесостепи. Все левобережье пересекли. Править посольство хаканбек поручил седобородому Рувиму, чиновнику опытному, многознающему.

— Ты,— сказал ему хаканбек,— в Константинополе и Херсонесе бывал, на Востоке с ханом бухарским и шахом персидским речи вел, теперь отправляйся в Киев и заключи с Олегом договор.

— Мой мудрый повелитель, каких выгод мне искать у киевского князя? — спросил Рувим.

— Ты стар, Рувим, но глаза твои еще хорошо видят, а уши слышат. Разве ты не знаешь, каганат болеает и скоро не будет представлять угрозу для своих соседей? А ты знаешь тому последствия? Нас уже не боятся русы, они разбили Аюба и разорили наши поселения на рукаве Саркела. Если Русь и дальше продолжит войну с каганатом, нам не станет платить дань все левобережье.

— Но, мудрый повелитель, чего хочет каганат от Олега?

— Ты должен уговориться с ним, что земли правобережья принадлежат Киеву, а на левом берегу все наше, и тогда будет вечный мир между Русью и каганатом.

— Но согласится ли князь Олег? Он, мой мудрый повелитель, вкусил плоды побед над арсиями.

— Оттого, Рувим, я и посылаю тебя. Ты хитер, как лис, и убедишь Олега. Грози ему печенегами и нашим союзом с ними.

— Я сделаю все, мудрый повелитель, как велишь ты, да поможет нам великий Яхве.

Ночью ударили в набат. Били долго и тревожно, разбудив весь Киев. Олег подхватился с мыслью: «Печенеги!» Но тут же через слюдяное оконце разглядел зарево пожара, и от того тревога не уменьшилась. В деревянном городе с крышами под соломой и тесом только дай разгуляться пожару — выгорит пол-Киева.

Выбежал Олег на крыльцо и враз понял: горят хоромы боярина Любомира. Князь заторопился на пожарище. Мимо уже бежали гридни, княжьи холопы, челядь с бадейками, баграми.

Когда Олег явился, здесь уже собрался весь Киев. Выстроившись цепочкой до самого Днепра, передавая из рук в руки бадейки с водой, лили на огонь. Иные баграми раскатывали бревна, сбивали пламя. И ни лишней суеты, ни криков.

Сам боярин Любомир работал со всеми. Успел бросить Олегу:

— С поварни началось. Видать, с вечера печь не загасили, а головешка вывалилась!

И снова за багор взялся. А Олег с гриднем кинулись огонь от конюшни отсекал, лошадей выводить. Кони дико храпели, взвизывались, рвались с недоуздов...

К утру пожар загасили, не пустили разбушеваться, а уже через неделю боярское подворье расчистили, застучали топоры.

Всем миром ставили боярину Любомиру хоромы. Появлялся здесь и Олег: подносил доски, брался за

пилу, распускал бревна. В стороне на кострах в больших котлах варили еду работному люду, а к вечеру выкатывали бочонок медовухи, каждому по чаше доставалось.

Олег давно познал обычай русов приходить друг другу на выручку. Погорел боярин ли, мастеровой либо кто иной, и тут же сообща брались за дело.

Не прошло и месяца, как встали боярские хоромы, да еще больше и краше прежних.

Третью неделю живет хазарское посольство на левом берегу Днепра, напротив Киева, у самого перевоза. В еде послам отказа нет, и вином наделяют. Встречавший Рувима боярин Путша сказал:

— Живите, нужды вам ни в чем не будет, а как князь велит, так и проводим к нему.

На вопрос Рувима, отчего Олег их не принимает, боярин буркнул:

— Когда надобность в вас будет, тогда и позовут. У князя же и без вас дел полно.

Рувиму за каганат обидно: слыхано ли, заставить ждать посла великого хаканбека — это ли не унижение! Видать, киевский князь силу за собой чувствует, коли позволяет такое. Однако вернуться в Итиль посол опасался, зная крутой нрав хаканбека.

Только на исходе третьей недели явился за Рувимом боярин и объявил, что великий князь киевский зовет хазарского посла, а с ним толмача.

Переправились Рувим с толмачом на правый берег, поднялись на Гору. Принимал Олег Рувима в большой гриднице без почестей. С князем бояре и воеводы. Выслушал князь посла сидя и тут же дал ответ:

— Ты, посол Хазарского каганата, говоришь, что привез нам мир, будто вы одержали над нами победу. По какому праву хазары считают славянское левобережье своими владениями? Прежде по силе, а нынче? Нет, посол, нам такие условия не надобны. Левобере-

жье — наша земля, земля Киевской Руси. Мы готовы жить с вами в мире, ежели вы не будете пытаться брать дань с вятичей и радимичей и уж никак не с суличей и северян. Это народы Киевской Руси, нам подвластные. О том и передай хаканбеку.

Чуть помолчав, Олег добавил:

— А страшать нас печенегами, тем паче вашим союзом с ними, не следует. Вам для того печенегов сыскать надобно. Разве до вас не дошли слухи, что стало с большой ордой хана Кучума? Ты слышал, посол, мой ответ, и, коли хаканбек примет его, мы с радостью будем видеть в хазарах наших друзей!

И даже за трапезный стол киевский князь Рувима не позвал.

Ушли послы каганата, а Олег сказал боярам:

— Не от хорошей жизни хаканбек посольство слал. Аюб псом побитым приполз, раны зализывает, а у хаканбека голова оттого трещит. Теперь пусть наш ответ переваривает.

Сколько лет Олег помнил себя, он никогда не был во хмелю. Даже на веселых пирах, какие устраивал для дружины, или когда звал бояр и старейшин, чтобы отпраздновать какое-либо радостное событие, он не хмелел, пил вино или сладкую, но крепкую медовуху, заедая куском жирного мяса и запивая холодным кислым молоком. Может, оттого голова у князя всегда была свежая.

Выпроводив хазарских послов, князь с боярами уселись за трапезу. Она получилась шумная и долгая. До самых сумерек хватило разговоров.

Речи все больше вели о печенегах и хазарах. Да оно и понятно: кто чаще всех хлопоты Руси причинял, разор приносил? А когда вспомнили, как орду Кучума по Дикой степи гоняли, то сожалели, что ушел от них сам хан.

Потом заговорили о темнике Аюбе. Освещали путь русичам горящие хазарские поселения по Саркелу...

Закрыв глаза Олег, молчал, слушал. И вспоминал городок на берегу чужой земли за морем, где в огне увидел Лауру. Он, совсем отрок, варяг, тогда впервые познал женщину. Сколько их потом перебивало! Но с появлением Лады все они для него исчезли. А может, в заботах и тревогах ушло все. Лада же всегда с ним. С ней он делит и огорчения и радости.

— О чем думы, великий князь? — спросил сидевший рядом Ратибор.

Олег усмехнулся, но не ответил. Разве поймет его воевода? Мысли переметнулись на княжича Игоря. Полгода, как тот в Плескове, воротится по первопутку. Что за княгиню в Киев привезет, коей суждено будет упрочить род Рюриковичей?

Сгущались сумерки, и в гриднице, где широко трапезовали бояре и старейшины, зажгли жировые плошки. Они чадили, освещая стол, заваленный объедками, и пол, устланный соломой. Олег поднялся, выбрался во двор, глотнул чистого воздуха. Увидев отрока, сказал:

— Веди коня, Рогволод, поскачем в Предславино.

От Плескова-города рукой подать до чуди и ливов, а в четырех днях пути — Новгород. Потому и говаривают: Новгород и Плесков — братья, Новгород — брат старший, Плесков — младший. Ударят в набат плесковичи — новгородцы слышат, бьют в било в Новгороде — Плесков откликается.

Стало известно новгородцам, что берет молодой княжич Игорь в жены дочь князя плесковского, одобрили: зело разумна княжна. Слухом земля полнится: грамотой владеет, греческий язык уразумела.

Говорили:

— Такая и надобна будущему князю.

В Плескове у Ивашки дни тянулись утомительно медленно, за все годы отоспался. Наконец позвал его княжич и сказал:

— В Плескове тебе делать нечего, можешь отправляться в Новгород к отцу: когда еще побывать доведется! К осени вернешься...

Доволен гридень. Игорь верно заметил: как еще он, Ивашка, из Киева в Новгород попадет? У князя Олега проситься? Но что Зорька скажет?

Из Плескова выехал с купцами, они тоже в Новгород направлялись. В пути купцов плесковских сопровождали с десятков пеших ратников. Без сторожи гости торговые в те лета не ездили: лихие люди не только на водном пути, но и на лесных дорогах подстерегали. Их разбойный посвист Ивашка не раз слышал, пока до Новгорода добирались...

Плесков удивил Ивашку своими постройками. Все здесь из камня: стены городские и башни, хоромы князя и даже некоторых бояр. На Руси он таких не видывал.

Стоял Плесков в низовье реки Великой, впадавшей в Чудское озеро, и тем водным путем можно было плыть до самого моря Варяжского.

Княжьи хоромы красовались на холме, на самом мысу, где речка Плескова впадала в реку Великую. Хоромы княжьи и стены с башнями плесковичи именovali Кромами. Здесь держали казну и хлебный запас на случай осады города. А от Кром тянулся ремесленный посад, укрепленный рвом и валом.

Плесков вел торг широко, купцов плесковских видели в Новгороде и Изборске, в Константинополе и Скирингсаале...

А еще подивился Ивашка жизни здешних смердов. Избы у них почище и даже встречаются каменные, поля ухоженные, и скота не одна-две головы на погост — целое стадо на сочных выпасах бродит. И в каждом дворе по одной-две лошади...

Понял Ивашка: смерды здесь живут хорошо, их ни хазарин, ни печенег не разоряют.

И подумал он, что если бы князю Олегу удалось обезопасить Киевскую Русь от набегов степняков, то у смерда жизнь, поди, полегчала бы...

ГЛАВА 7

*Тмутаракань. Ив плывет в Киев. Ивашка в Новгороде.
Ольга покидает Плесков. Урхо мечтает о родном чуме.
Смерть Лады*

На крутом возвышенном берегу рукава, что соединяет море Сурожское с Русским, стоит древний городок Тмутаракань, Таматарха. Стены его из белого ракушечника, из такого же ноздреватого ракушечника дома хазарского наместника и счетчиков, хранилища — и все это в крепости, а за ней посад, избы тмутараканского люда, потомственных рыбаков и искусных мореходов. Оттого постоянно над всей Тмутараканью висит соленый дух осетровых балыков и вяленой рыбы.

В ясный день через пролив виднеются белые домишки из ракушечника. То жметя к морю городок Корчев, где добывают руду и плавят металл — отсюда и название.

В Тмутаракани деревья редки, все чаще кустарники. Леса — они за Кубань-рекой, к горам ближе.

Издревле жили в Тмутаракани касоги, селились русичи, а когда усилился Хазарский каганат, распространивший свое влияние на Тмутаракань, то посадили хазары в ней своих хищных счетчиков. Брели они дань с каждого гостевого корабля, бросавшего якорь у Тмутаракани. А здесь приставали корабли торговых варягов и гостей из Руси, причаливали византийские купцы, ведущие торг по всему Кавказскому побережью.

Едва стаял лед, как рыбаки выходили в море, ловили осетра и белугу, судака и кефаль, рыбцов и шемаю, а уж тарань за рыбу не считали. Путину тянулась до самой зимы, а когда замерзали лиманы и плавни, рыбу брали подледно.

Весной объявился в Тмутаракани торговый гость из Итиля, хмурый, молчаливый. Знали о нем лишь, что зовут его Ив и плывет он в Киев.

Ив в Тмутаракани не задержался: как только море успокоилось и повернуло на хорошую погоду, его корабль снялся с якоря и поднял паруса.

Посол из каганата своим приездом подтвердил Олеговы сомнения в силе хазар. Теперь, мыслил киевский князь, настала пора, когда печенег и хазары на время оставят Русь в покое и он, Олег, может подготовиться к походу на Царьград.

Предстояло в ближайшие годы срубить достаточное количество ладей и урядиться с князьями и старейшинами.

Зимой должен возвратиться Игорь, и Олег намерен посадить его с женой в Предславине, а для того начали ставить в селе вторые хоромы. Иногда Олег думал, что настанет тот день, когда на великом княжении окажется Игорь. Каким-то он будет князем, удержит ли власть?

Однажды, возвращаясь из Предславина, одолеваемый этой мыслью Олег остановил коня у излучины реки. Передав повод гридню, присел на выброшенную в разлив корягу. Берег был пологий, порос зеленью. Рассветное солнце загуляло по глади Лыбеди. Тихо и спокойно текла она. Гридни спешили в стороне и не мешали князю своими разговорами. А он думал о Руси, ее единстве. Добился ли он того с той поры, когда овладел Киевом?

На память приходило и то, как покидал Новгород, как брал Смоленск и покорял города, какие на пути встречались. Потом древлянского князя в повиновение привел, да левобережные племена от хазар отстоял, и заставил всех признать Киев матерью городов русских...

Мысли князя нарушил смерд. Он трусил без седла. У кромки озимого поля спешился, поклонился князю, долго смотрел на зелена, наконец сказал то ли сам себе, то ли обращаясь к князю:

— Добрым быть урожаю, коли погода злом не обернется.

Олег не отозвался, и смерд уехал. Глядя ему вслед, князь подумал, что немало таких смердов станут ратниками и не возвратятся к своим погостам, скольких ратаев недосчитается земля. Но Олега эта мысль не слишком одолевала: пахать — удел смерда, погибать — удел ратника. Думы Олега — об успехе похода. Коли потрясут русичи царство Византийское, придет слава к Руси Киевской и притихнут ее недруги...

Встал князь. Гридень подвел коня, придержал стремя. Усевшись в седло, Олег ослабил повод, и конь пошел легкой рысью, а следом поскакали гридни.

Суров и безжалостен Днепр на порогах. За десятки верст уже слышался их грозный гул. По мере приближения к порогам гул нарастал, бушевал, и наконец, взревев, река заметалась в скалистых берегах, на каменных грядках, на валунах, веками лизанных быстрым течением, пенилась, окатывала водой...

Грозны днепровские пороги Ессупи, Неясыть, Напрези, Шумный, Крарийская переправа. Сколько бед подстерегает караваны на этом пути! Хищным зверем рычит, бросается Днепр на порогах, швыряет ладьи, бьет их о камни, а то протащит по подводной мели, по острым камням, и затрещит днище...

В кровь обдирая руки и ноги, тянули и несли ладьи бесстрашные мореходы. А на порогах, особенно на Крарийской переправе, часто подстерегали торговые корабли хищные печенеги...

Из Тмутаракани с заходом в Херсонес, в благодатную землю Таврию, плыл в Киев торговый гость из Итиля. Загрузил Ив корабль не слишком, все больше восточными пряностями и маслами ароматными. Торопил мореходов Ив и на все уговоры кормчего дожидаться в устье Днепра попутчиков отвечал отказом. Кормчему не понять, отчего так спешит этот торговый человек, будто и опасность его не страшит.

Погода стояла сухая, ветер ровно дул в паруса, наполняя их до отказа, и корабль бежал весело. Весь день Ив стоял на корме, смотрел на днепровские разливы и думал о своем. Иногда он сравнивал низовья Днепра с рукавами Итиля, приходили на ум реки, виденные в странах Востока, но чаще вспоминал последний разговор с хаканбеком.

Сколько раз выполнял Ив тайные приказы хаканбека, и у него не возникало сомнений, что исполнит и нынешний. Разве он не достойный сын Востока, где прожил не один год? На всем пути редкое слово слышал от него кормчий. И в этом тоже Восток. Там Ива учили: лучшее слово — молчание.

Ив кутался в черный плащ, и бритое лицо его с косым разрезом глаз было неподвижно, словно высечено из обветренного камня.

Кормчий, передав правило корабельщику, подошел к купцу:

— Скоро пороги.

Но Ив будто не слышал, и кормчий снова взялся за рулевое весло. К ночи послышался отдаленный гул. Кормчий приказал спустить паруса, бросить якорь: ночами никто не осмеливался проходить пороги.

— Отдыхайте! — сказал кормчий корабельщикам.

Лица мореходов посерьезнели: ни разговоров, ни смеха. Да и откуда им взяться? Завтра в пучину полезут, а выберутся ли?

Подкрепились лепешками, вяленой рыбой, икрой, запили днепровской водой и уснули, сидя за веслами. Караульные сняли щиты, приготовили луки и стрелы, обнажили мечи. Ив спустился вниз, лег на дощатое ложе, прикрытое домотканым ковриком, задремал. И снились ему водопад на Ниле в стране пирамид, грохот падающий с высоты воды, караван двугорбых верблюдов...

Покачивало корабль на волнах, убаюкивало, и чудилось Иву, будто едет он на верблюде по пустыне, напевает погонщик заунывную песню и тягуче воют собаки.

Едва забрезжил рассвет, загремела якорная цепь, прокричал кормчий, и мореходы налегли на весла, выдыхая:

— И-эх! И-эх!

Ладья двинулась навстречу грозному рокоту, каменной теснине, быстрине и водоворотам...

Днепр бурлил. Мореходы гребли сосредоточенно. Держа в крепких руках правило, кормчий зорко всматривался в стремнину. Не впервой проходил он эти места, где река брала свои жертвы, и каждый раз, когда опасность оставалась позади, вытирал пот с лица, возносил хвалу Перуну...

Вот ладью бросило на камни, и корабельщики взялись за шесты, а часть попрыгала в воду и повела ладью по проходам. Стремительное течение сбивало с ног, волокло по камням. Иногда ладью чуть ли не несли на руках, чтобы не разбило днище. А пока мореходы преодолевали пороги, часть их товарищей шла берегом, готовая отразить нападение печенегов.

Ив шагал с караулом. Он зорко всматривался в степь, тихую, умиротворенную, никак не предвещавшую опасности. Но она подстерегала на Крарийской переправе. Здесь нередко печенеги устраивали засады. Рассыплются по степи, уведут коней в укромные места, а сами прячутся за валунами в кустарниках, выжидают, когда вверх или вниз поплывет ладья.

Шагают караульные осторожно: скорее бы миновать коварное место. Но что это? Ив слышит, как, перекрывая рев Днепра, тоскливо завыл вдалеке волк. Ему откликнулась стая. И вот по степи уже скачут к Днепру печенеги. Они орут и визжат, свистят и гикают. Их много, и караульные, понимая, что на берегу им не отбиться, спешат укрыться на корабле.

У самого берега печенеги спешились, пустили рой стрел. Они впивались в борта, в обтянутые буйволиной кожей щиты, падали на ладью. Печенегам отвечали редко: берегли стрелы. Степняки в воду не лезли, они кричали и смеялись, уверенные, что люди на корабле и товары никуда от них теперь не денутся. Пе-

ченеги перебьют мореходов, а тех, кто спасется, угонят в рабство. Товары увезут в улус, а саму ладью пустят вниз по течению. Где-то ее прибьет к берегу.

Едва стемнело, печенеги отъехали поодаль и, выставив на берегу стражу, развели костры, принялись варить конину. Они горланили песни, радовались.

На ладье тревожно ждали следующего дня. Кормчий тронул Ива:

— Коли не случится подмога, здесь наша гибель. Кто-то должен выйти на берег, пробраться мимо печенежской сторожи и бежать вверх: авось повстречаются русы. Мы же продержимся не дольше чем до завтрашнего вечера. Кому идти?

Ив ничего не ответил. Он молча сбросил плащ, перелез через борт, оказался в воде. Его закрутило, ударило о камни. Но Ив устоял. Он брел и плыл и, как только почувствовал дно, залег между валунами. Прошел, переговариваясь, печенежский дозор. Выбравшись на берег, Ив пополз ужом. Временами он сливался с травой и, как только стихали голоса печенегов, продолжал ползти. Но вот остались позади огни костров. Ив поднялся и побежал.

Все дальше и дальше оставалась Крарийская переправа, но Ив понимал: опасность все еще не отступила. Голова работала четко, и он ни разу не пожалел о данном хаканбеку слову. Ив был сыном Востока. Коварство, изворотливость и тяга к риску были ему так же нужны, как воздух.

Ив шел, совсем не передыхая. На ногах встретил утро и все бежал и бежал. Вот поднялось солнце, отбрасывая длинные тени. Неожиданно зоркие глаза Ива узрели конных, и он упал, опасаясь печенегов. Но его тоже заметили, поскакали навстречу. Осадили коней. Один из гридней прыгнул, наклонился. Ив только и промолвил:

— Печенеги!

Его усадили в седло, и старший гридень бросил коротко:

— Поспешай, други!

Дружинники взяли в галоп.

Потом Ив узнал: эти гридни были посланы князем киевским сопровождать караваны на порогах.

Время шло к обеду, когда показалась Крарийская переправа. Гридни появились вовремя: печенеги уже подбирались к ладье. Завидев дружинников, они поспешили убратся в степь...

Однажды Лада завела с Олегом разговор о Византии:

— Тебя не покидает желание привести дружину под стены Царьграда. Отчего такие мысли? Ведь Византия могущественна, и то тебе известно.

— Твоя правда, но не ради славы рвусь я туда. Когда Русь одолеет империю, то всяк скажет: «Можем ли мы обнажить оружие против русичей, ежели им Царьград по силе?» Победа над ромеями уроком хазарам и печенегам будет. А чем Русь прочнее, тем смерду и ремесленнику, купцу да иному заботнику земли русской жить легче. Не будут разорять ее набегами, грабить данью непомерной...

На Подоле, неподалеку от пристани, корабельных дел умельцы поставили просторный навес — сушилку для досок и реек, а рядом такой же навес для распиловки бревен. Обшили навесы отходами досок, чтоб ни дождь, ни снег не забивали: на ладьи сырой лес не годен.

Суетно сделалось на Подоле. Не только киевский люд, но и мужиков из ближних сел нагнали. День-деньской вжикали пилы, стучали топоры. Одни подтаскивали бревна, другие отесывали их, третьи пилами распускали. А потом доски укладывали, да так, чтобы одна другой не касалась и ветром продувало. К будущему лету много леса на корабли потребуется.

Глядя на все это, киевляне гадали:

— Что задумал князь? — И шутили: — Видать, решил каждого мужика ладьей одарить.

На весь Киев пахло сосной, тесом. Олег бывал здесь каждый день, а для догляда поставил боярина Путшу. Корабельных дел мастера заверяли князя, что в три лета справятся и с тысячу ладей на воду спустят.

Ночами на Подоле у навесов ставили надежные караулы: ну как ненароком, а то и по злому умыслу поджог устроят! И тогда пропадет доска, и Подол выгорит, да и стен городских огонь достанет.

А Олег о предстоящем походе так часто думал, что он ему нередко снился. Видел как наяву неведомую землю и город, о котором был наслышан, воинов-русицей у стен Царьграда...

А однажды приснилось ему, что ведет он разговор с самим базилевсом. Но не в Царьграде, а в Киеве, в хоромаш княжьих. На императоре одеяния пурпурные, на голове диадема золотая, и голос у него властный. Будто сидят они за столом трапезным, пьют не вино и не мед, а холодное молоко, и базилевс говорит:

— Ты безумец, Олег, коли намерился посягнуть на святая святых — империю. Сам сгинешь и дружину свою потеряешь. На погибель воинство обрекаешь!

Но Олега не страшат предсказания базилевса, и он отвечает дерзко:

— Тебе неведомы еще русичи! Аль не брали они базилевсов за грудь? Я же тебя на щит одолею и Царьграда ворота открою, а ты, император, и твои вельможи согнете свои гордые выи. Вы еще не изведывали полной мерой упорства русичей.

Пробудился Олег и только диву дался, как складно он речь вел с базилевсом. Так он и наяву, не во сне ответил бы императору, доведись им встретиться.

Ивашка добрался до Новгорода, едва занялось утро. В молочной пелене тумана сказочно поднимались бревенчатые стены и башни.

Сколько раз доводилось Ивашке подъезжать к Новгороду — еще с молодых, ушкуйных лет, — и всегда с трепетом взирав на эти мощные укрепления.

Через открытые ворота въехал Ивашка в город. Все оставалось таким же, как и в прошлый раз. Вот только мост через реку обновили.

Ивашка миновал воротную арку, над которой высилась сторожевая башня. К нему подошел старший караула, спросил, хитро прищурясь:

— Сызнова ты, молодец. Аль зазноба тянет?

Ивашка рассмеялся:

— Женился я, Никула, женился. Жена в Киеве ждет!

— Али новгородских девок не досталось?

— Видать, киевские проворней! А как тут отец мой, Доброгост?

— А что ему поделается, он у тебя крепок. Поди, по молодкам еще похаживает.

— Да уж за моим батюшкой такой грешок водится, — рассмеялся Ивашка и направил коня в Плотницкий конец.

Копыта дробно застучали по дубовому настилу мостовой. Вот и начало Плотницкого конца. Ивашка даже в стремях приподнялся. Свернул в улицу. Перед ним до боли знакомый дом, где прожито столько лет. Ивашка спешил, открыл створку ворот, ввел коня. Навстречу торопился воротный мужик. Передавая ему повод, Ивашка направился к крыльцу, а Доброгост уже шел к нему, все такой же, будто годы и не брали свое. Обнял сына, похлопал по спине:

— Благодарю тебя, сыне, что не забываешь порог родительский.

Потом отстранился, заглянул Ивашке в глаза:

— Уж не выгнал ли князь тебя из дружины? Зачастил ты в Новгород.

— Нет, отец, у князя я в чести, вишь, даже в десятниках хожу. Нынче княжича Игоря в Плесков сопровождал. К тебе же, отец, с новостью: женился я. Бранить станешь, хвалить — твоя воля.

Доброгост долго смотрел на сына: давно ли озорником бегал, голубей гонял.

Будто и жизни не было. Промчалась она мимолетно, сам не приметил когда. И вот уже сын женой обзавелся.

— Добрая жена дом сбережет, скверная — рукавом растрясет. Кто же она, суженая?

— Красна, отец, ох как красна!

— Не в красоте соль. Я с твоей матушкой в согласии прожил и добром ее поминаю. А ведь не красавица была. Ну да ладно. Чья же она дочь?

— Боярина Путши, а зовут ее Зорька.

— Имя-то хорошее, была бы хозяйкой.

— Вернусь, дом ставить будем.

— И то так, без дома своего человек как ветер в поле. Что же мы стоим, двор топчем, пора в хоромы родительские. Эвон солнце где! Поди, с дороги оголодал. Вон Марья у поварни дожидается, потчевать тебя примется. Чать, соскучился по ее стряпне? Она будто чуяла твой приезд, пироги с капустой затеяла. Подойди к ней, поклонись старухе.

Пробудилась Лада с щемящей болью в душе. Отчего грусть, и сама не поймет: накатилась и давит. Ей хотелось плакать, но глаза были сухие. Да Лада и не помнила, когда роняла слезы.

Она долго лежала, сложив руки на груди, думала, искала причину, но, так и не разгадав, принялась одеваться.

Во дворе увидела Урхо. Тот поклонился, спросил:

— Что грустна, княгинюшка?

— Кабы знать, Урхо.

— А расскажу-ка тебе, княгинюшка, как на торгу мужик с медвежонком народ потешали, забава-то какая. Я, княгинюшка, непременно тебе того медвежонка сторгую, он тебе грусть завсегда развеять будет.

Дню только начало, а Предславино давно ожило. Одни гридни еще поливали друг другу на оголенные

спины из бадейки, другие уже сидели в седлах. Из поварни тянуло жареным луком, печеным хлебом. Олег, уже одетый, стоял у порога, ждал, когда ему подведут коня. Ладе сказал коротко:

— Сегодня не жди.

И ускакал. Конь под ним шел легко, будто не чуя веса хозяина. Это был второй любимый конь Олега: на Буяна князь после того случая с Ладой не садился.

В последние дни Лада ловила себя на мысли: почему ей не суждено стать матерью? Нет, она не обижалась на Олега, хотя он совсем не уделял ей внимания. Князь жил своими заботами, и ими он ни с кем не хотел делиться.

Лада подозвала отрока, попросила оседлать коня. Усевшись в седло, направилась вдоль берега. Ехала долго. Давно скрылось Предславино, лес, что тянулся вдали. Конь перешел с рыси на шаг, и только тогда Лада очнулась, осмотрелась.

По Лыбеди плыл туман, за камышами кряква сзывала выводок. У самой воды горел костер, над ним висел на треноге котелок. Дым клубился по росе. Рыбаки завели невод, тянули его к берегу. Лада спрыгнула на траву, пустила коня. Ей захотелось посмотреть на улов. Невод пузырился, и рыбаки тянули с трудом, молча. На берегу вода схлынула, и в сети забилась рыба, кишели раки.

Рыбаков было трое: один — седой старик, двое других — молодые. Как потом узнала Лада, это были сыновья старика.

Рыбаки узнали княгиню. Выбрав сеть, поклонились.

— Отведай нашей ухи, княгинюшка, — предложил старик и пробросил у костра цветастый домотканый коврик.

Только теперь Лада почувствовала голод. Вспомнила, что уехала, не потрапезовав. Она с благодарностью уселась, и ей подали деревянную миску и ложку. Лада с удовольствием ела наваристую сладкую уху с

большими кусками рыбы, а тем временем молодой рыбак выбрал раков покрупнее, разгреб огонь и положил их на уголья.

У рыбаков Лада пробыла долго. И было ей здесь хорошо, отступили ночные тревоги, успокоилась душа.

В Предславино Лада вернулась к вечеру.

Между Бугом и Днестром земли тиверцев и уличей. Их князья отказывались признавать Киев великим княжением, как ни улещали их посланцы Олега.

— Киев велик разве для полян и иных, — говорили князья, — мы же головы клонить не станем.

В начале весны Олег велел воеводе Никифору:

— Поручаю тебе, боярин, унять гордецов. Хотел миром, ан упираются.

Повел воевода дружину и долго не подавал вестей, а летом явился гонец и сообщил: тиверцы и уличи покорности не изъявляют, однако и от боя уходят.

Тогда Олег передал Никифору, чтобы воевода жег селения и городки тиверцев и уличей, пощады им не давал. Пусть знают: Киев к усобникам жалости не ведет.

На капище волхвы принесли жертву Перуну, просили удачи воеводе Никифору. Но Перун жертвы не принял, отверг.

Бездорожьем, глухими лесами и опустевшими городками продвигался воевода Никифор, однако князья тиверцев и уличей избегали встреч. Их малые дружины наскочат на обоз или сонный лагерь, пустят стрелы и растекутся по лесам — ищи их.

Осенью воевода Никифор повернул в обратный путь. И тогда Олег сказал сурово:

— Не захотели добром, сломлю силой. Ворочусь от ромеев, сам пойду на тиверцев и уличей. Тогда дорога моя осветится пожарами, а их князья признают себя данниками Киева.

Походил, потолкался Урхо в толпе на торжище, но скомороха нигде так и не увидел. Посокрушался, что посулил Ладе медвежонка. А уж как хотелось угодить княгине! Совсем было собрался лопарь торжище покинуть, да Скоробогата повстречал, тот седло на продажу вынес. Седло необычное, с сумами переметными, подушкой кожаной, ремнем перетянутой. Со Скоробогатом отчаянно торговались сотник из большой дружины и боярин Путша. Наконец Путша, к огорчению сотника, рукой махнул:

— Так и быть, беру. К Ивашкиному возвращению подарок знатный. Отнеси-ка, мастер, седло на мое подворье.

Ушел боярин. Постояли Скоробогат и Урхо, поговорили самую малость. Шорник седло на загривок взгромоздил, побрел к Путше, а Урхо решил еще раз по торжищу пройтись и, уж когда совсем не чаял, в дальнем углу, где скотом торговали, увидел скомороха. Того толпа окружила, потешает ее медвежонок. Посмеялся Урхо: надо же такому зверя обучить! Тут ветерок повеял, и лопарь уловил запах восточных пряностей. Он исходил от узкоглазого темнокожего иноземца в круглой шапочке и шелковом халате. На пояске иноземца нож короткий, узкий.

Может, Урхо не обратил бы внимания на нож, да уж больно ручка знатная: по белой кости змейка вьется. Гость на медвежонка смотрит — и ни улыбки, ни смеха.

Устал скоморох, отдохнуть присел, разошлась толпа. Урхо к скомороху приблизился, лук протянул:

— Видишь?

Скоморох, парень молодой, лук в руках повертел, вернул:

— Я тебя знаю и о твоём мастерстве наслышан, но такой лук не по мне, он дорого стоит.

— Не продаю, меняю.

— Что я тебе предложу, коли у меня ничего нет?

— Медвежонка хочу.

Подумал скоморох, потом потянул медвежонка за ухо.

— Он у меня зверь добрый, да и лук знатный. Согласен, я другого обучу.

Взял Урхо медвежонка за поводок, направился на Гору. Долго ждал, пока Лада не появилась.

— Зри, княгинюшка, кого я тебе привел, — указал лопарь на медвежонка. — Покажи, миша, как волхвы торжище обнюхивают.

Медвежонок на лапы поднялся, прошелся важно вразвалочку, воздух нюхая.

Лада рассмеялась:

— А на что он еще горазд?

Урхо зверя за ухом почесал.

— На многое, княгинюшка. Миша, хозяйка желает знать, как скоморохи люд потешают.

Закувыркался медвежонок, а Урхо ему:

— А как плясуны коленца ломают?

Медвежонок в пляс, да притоптывает. Хохочет Лада:

— Ах какой славный! — И к поводку потянулась. — Угодил, Урхо, угодил!

Потрепал лопарь медвежонка:

— Служи, миша, княгинюшке, весели!

Из Ростова, что на озере Неро, явился в Киев ростовский князь Ростислав с жалобой на новгородского посадника: поборами-де одолел, раз для Новгорода берет, вдругорядь для Киева.

И просил Ростислав принять Ростов под руку киевского князя, дабы дань платить, минуя Новгород.

— Ростов новгородскими ушкуйниками основан, посему и платил Новгороду, — ответил Олег. — А ныне, когда сам Новгород у Киева в меньших братьях ходит, ты, князь Ростислав, не Юрию брат меньшей, а мне, великому князю киевскому.

Проводили Ростислава. Олег Ладе заметил:

— Отец твой, князь Юрий, меру потерял, сверх чести жить вздумал.

Вернулся Никифор в Киев, и кое-кто из бояр похихикивал:

— Насыпали тиверцы и уличы соли воеводе на хвост!

— Того и ждать надо было. Аль запомнили, чем поход Аскольда и Дира закончился?

Достигли те слухи Олега. Созвал он бояр на пир, поднял кубок за воеводу Никифора.

— Не на нем вина в бесславном походе, — сказал великий князь, — такое может постигнуть каждого воеводу. Все мы повинны, не учли хитрости князей тиверских и уличских. Но радость их раньше времени. Не пожелали миром, покорятся мечу. И знамо было бы всем: кто против великого князя киевского пойдет, тот добром не кончит! — И повел хмурым взглядом по палате.

Притихли бояре и старейшины киевские: таких грозных слов они от Олега еще не слыхивали.

— Воистину великий князь! — шепнул Путша Любомиру.

Выбрался главный волхв из пещеры взлохмаченный, рубище одернул и к небу бороденку задрал. Потом голову к капищу повернул. Сидит Перун, и дымок рядом струится — то младшие волхвы поддерживают жертвенный огонь.

— Ох-ох, — вздохнул главный волхв и заговорил вслух сам с собой, но обращаясь к Перуну: — Отчего же ты дары наши отвергаешь? Ужли гнев положил на русичей?

А повел волхв этот разговор не случайно. Не дает ему покоя дума, что медленно, но близится к Руси вера греческая, и не случится ли такое: в Киеве и по иным городам начнут строить храмы, подобные ромейским, а попы греческие станут изгонять волхвов.

Нет, он главный жрец, так позволит ли греческим проповедникам ходить по земле русов, сеять неверие в Перуна?

Он, Ведун, встанет на их дороге, и не будет места тем, кто начнет клониться к грекам. Разве не пример тому купец Евсей?

Вчерашним днем младший волхв Богша рассказал Ведуну, что в Предславине у княгини живет гречанка и она молится своему Богу. Княгине же о том известно, и она служанке не возбраняет.

Откуда Богша об этом знает? Да у него в Предславине живет брат, и тот служит у князя Олега в псарях.

— Ох-ох,— снова вздохнул главный волхв,— сомнение, как червь короед, проникнет в княжью душу и подточит ее, а князь Олег к вере в Перуна давно ли потянулся? Да и то, верно, не совсем от своего варяжского Вотана отрекся...

Кашляя и ворча, главный жрец побрел на капище.

Расположенный на важном торговом пути, Новгород хотя и был по тем временам большим городом, но Господином Великим еще не именовался.

Его ушкуйники, лихие молодцы, продвигались на север и восток, строили городки и укрепления, облагали данью покоренные народы, а князья берегли добытое, пеклись о мощи города. Новгород принял Рюрика, из Новгорода Олег пошел на Киев, центр русичей, и в том ему опорой был люд новгородский.

Назвав Киев матерью городов русских, Олег не оставил за Новгородом политической самостоятельности, уравнив его с другими городами Киевской Руси. Посадник новгородский, князь Юрий, признавал себя младшим братом великого князя киевского.

Пока новгородцы помнили, что Олег был их князем и его дружина во многом состояла из них, у Новгорода с Киевом споров не происходило. Все это будет позже.

Однако посадник Юрий был на Олега в обиде: мыслимо ли, с ним киевский князь повел себя как с боярином! Зачем Ростислава под защиту взял? Запмятовал, что Лада — дочь князя Юрия! Или то, как новгородцы Киев от печенегов спасали!

Ударить бы в било, созвать вече и пойти войной на Ростов: почто от Новгорода откололся?

Но такому желанию Юрий воли не дал: новгородцы против Олега нынче не выступят, а князя Юрия прогнать могут. Ну какой языкастый выкрикнет на вече: «Уж не в свою ли усадьбу ты, посадник, дань ростовскую увозишь, от Новгорода утаиваешь?»

Такими горлопанами вече новгородское богато. Ко всему у князя киевского немало в Новгороде всяких доброхотов, взять хотя бы старосту кончанского Доброгоста... Нет, уж лучше смириться, чем в супротивниках Киеву ходить. Эвон как Олег с князьями любечским и древлянским поступил, одно хорошо, что не казнил. А разве не волю князя киевского он, Юрий, исполнял, когда Мала карал?

И снова князь Юрий о вече подумал. Он боялся этого горластого, задиристого сборища, где нередко все заканчивалось потасовками, кулачным боем, ходили стенка на стенку, конец на конец. И такой исход еще не самое страшное: не повернуло бы вече против самого посадника, а дружина у князя Юрия малая, на кого опереться? На усадьбе же клетки всяким добром полны. И сводилось все у князя Юрия к одному: надобно держаться Олега.

На лесных полянах дозревала последние дни рожь. Тяжелый колос, налившийся по погоде, гнулся к земле. Смерд Добромир, все такой же худой и рукастый, с большим ртом и печальными глазами, остановился у края поля, погладил колос, прошептал:

— Завтра жать почну, ино осыплешься, голубчик.

Как с живым поговорил Добромир, а с кем ему словом обмолвиться, если один в обже и помощи ждать неоткуда, только на себя надежда. Все у смерда в далеком прошлом. Да и о том ему редко приходилось думать. Вот и о лопаре почти запамятовал. Был Урхо, старый добрый товарищ, и нет его. Где-то он нынче, да и жив ли?

Так, придет на память маленький лопарь и исчезнет, а смерд Добромир все один и один со своим полем, со своими заботами. Скосит он рожь, постоит она в суслонах, обмолотит цепом, отстучит, потом провеет зерно, ссыплет, а зимой заявится князь Юрий и заберет добрую часть, оставив Добромира ждать, чем его весна порадует...

Догорала последняя утренняя заря, когда Олег по мощенной бревенчатыми брусьями мостовой, именуемой киевлянами Боровичским свозом, не спеша спустился к переправе. По бокам мостовой, прорезая канавы, весело бежали ручьи. Журча, они спешили к Днепру. Кончился теплый дождь, и яркое солнце играло в повисших на листьях крупных каплях.

По преданию, на переправе в давние годы жил перевозчик Кий, чьим именем и назвали город. Иногда Олег приходил на перевоз, смотрел, как важно, ровно боярыня дородная, пересекал реку паром и как сноровисто управлялся перевозчик. Когда паром причаливал к дощатой пристани, на берег сходил люд, съезжали телеги, сводили скот.

В этот раз на перевозе Олег встретил Ратибора. Он стоял без шапки, и его русые волосы, тронутые сединой, ложились на кафтан. Воевода смотрел на приближающийся паром.

— Аль ждешь кого? — спросил Олег.

— Кого, князь? Разве гостей новгородских пови-
дать бы.

На той стороне на гостевых дворах тихо. Редкие купцы и на греческом, и на варяжском, и на хазарском. Да и на новгородском, что на правобережье, ворота тоже закрыты наглухо.

На плоту зашумели: его развернуло по течению, — но перевозчик выровнял плот, и гомон затих. Олег отчего-то вспомнил новгородского посадника, сказал Ратибору:

— Непрочно сидит князь Юрий, по всему вижу, нет ему от новгородцев поддержки, и жадностью посадник обуян. Того и остерегаюсь, не вызвал бы недовольства.

Помолчал, потом снова заговорил:

— Сменить бы, да другой аль лучше будет?

Ратибор не перебивал, слушал.

— Ты спросишь, отчего так глаголю? Настораживает жалоба Ростислава. Хотел бы я знать, какую дань Юрий Киеву прислал и какую утаил. Послал бы тебя, Ратибор, посадником новгородским, да мне ты здесь нужен, в Киеве.

И разговор на Византию перевел.

— Ромеи алчны,— поддакнул Ратибор,— из Корсуни их змеинные жала проглядывают. Городки греческие по берегу моря Русского, кое они Понтом Эвклинским именуют, до самых гор Кавказских раскинулись. Ромеи рады бы и по Днепру острожки свои поставить, да мы не позволим.

Олег кивнул согласно:

— От одной Корсунской колонии Царьград богатеет, мы же от Таврии разве что лиха хлебаем. Соляной шлях на крымские озера кровью русичей щедро полит, и не один обоз в пути исчез бесследно.

— От большой орды отбились, а малые озоруют.

— Покуда в Дикой степи хоть один печенег остается, не будет покоя Киевской Руси. Печенегам и хазарам место за Волгой, кою они Итилем кличут.

Паром ткнулся в чалки, и на осклизлую пристань сошел народ. Князю и воеводе кланялись. Заскрипели колеса телег. На подъеме возчики щелкали бичами, покрикивали.

Олег с Ратибором направились в город. Берегом проехал дозор — гридни молодые, один к одному, в броне, в шишаках острых, мечами опоясаны, луки к седлам приторочены, копья в небо смотрят, а щиты за спины закинута. Олег залюбовался воинами: добрые гридни, с такими надежно.

У восточных ворот в кузницах звонко выбивали молоты, перестукивали молотки. Из кузниц отдавало гарью, окалиной, тяжело дышали мехи. Олег заглянул в одну. Кузнец — волосы кожаной тесьмой перехвачены — щипцами ворочал на наковальне раскаленный металл, слегка ударяя по нему молотком на длинной рукояти, а здоровый, плечистый детина ухал, опуская тяжелый молот на указанное место. Горячие искры разлетались по кузнице.

— Здорово, Улеб, и ты, молодец. Чего куете?

— Здрав будь и ты, князь киевский. А куем мы лемех для сохи. Оттянем — сам землю резать будет.

— Помогай вам Перун.

Встречные отвечивали князю поклоны. Олег шел медленно, иногда приостанавливался, смотрел по сторонам. В садах зрели яблоки, и спелый дух висел в чистом, свежем от дождя воздухе.

Ратибор рассмеялся:

— В Новгороде, бывало, мы мальцами когда-никогда баловались. Влезем на чужую яблоню, а тут псы и хозяин. Порты нам снимет, крапивой отхлещет, дня два чешешься. А перед родителями промолчит, только встретит, посмеивается. «Приходи,— скажет,— яблочками угошу».

Рядом с подворьем боярина Путши мастеровые ставили новый бревенчатый дом о двух ярусах, с подклетью и высоким крыльцом.

— Старается боярин, для Ивашки радеет,— заметил Ратибор.

— Ивашка того стоит, отменный будет воин.

— И дочь у Путши пригожая.

— Завидуешь? — усмехнулся Олег. — Ты свое, воевода, съел, молодым оставь.

— То так,— согласился Ратибор, огладив холеную бороду. — Однако сколько сладких девок на Руси!

— Всех не перетопчешь.

— А жа-аль! — протянул воевода и озорно блеснул глазами. — Сказывают, купец Евсей ромейку себе в Царьграде сыскал. Она его к себе привязала, второе

лето в Киеве не появляется. За ту любовь и веру греческую волхвы ему разор и учинили.

— За любовь и веру можно ли гонения устраивать? — спросил Олег. — Вот ты о девках глаголил — так скажи: ежели тебе какая не мила, ляжешь ли с ней на лавку? То-то! Любовь и вера человеку свыше даны, и не волхвам о них судить.

На Горе расстались: воевода к себе повернул, Олег к княжьим палатам направился.

В княжьих клетях добра всякого полно — и во всем порядок, все на своем месте. Поутру княжий тиун открывает одну из клеток, выдает стряпухам, чего поварня требует.

В огромных количествах висят здесь окорока вепря и медвежатина, копченое мясо и солонина, сало и рыба вяленая, балыки хранятся, вина, мед и пиво в бочках, мука и зерно в глиняных сосудах в рост человека, крупы разные.

Клетки есть и в Предславине, и они полны снеди всякой.

Богат великий князь киевский, в его хранилищах меха и пушнина, кожи и воск, холсты и полотна, лен и сукна. А есть клеть особая, замками хитрыми закрывается, где день и ночь ратники сторожу несут и куда только князь и боярин Путша вхожи. У них и ключи от той клетки. В ней казна княжеская: золото и серебро, камни и украшения драгоценные, золотых дел мастерами сработанные.

Иногда князь с боярином осматривают казну, а в жаркие дни велят холопам выносить на просушку меха, дабы солнцем выжарились. Князь платит дружине серебром, а пушниной Киев ведет торг с гостями иноземными. Они покупают и кожи, и лен, и воск и повсюду разносят славу о богатстве русской земли и великого князя Олега.

В конце княжьего двора, что в Предславине, псарня. Случалось, Олег с боярами тешился гоном зверя с борзыми.

Псарь Васюк, мужичок вьедливый, с бородкой, задранной как у козы, с бегающими глазами, собачьи повадки знал отменно, за что и был ценим князем. Ночами Васюк открывал псарню, выгуливал собак, но едва свистнет — и они все у его ног вьются...

Забрел как-то Васюк на торжище. Ничего ему там не требовалось, так просто, поглазеть, а его вдруг поманил гость торговый, узкоглазый, с лицом бритым. Васюк даже огляделся: его ли? Но гость снова подо-звал и сказал тихо:

— В Итиле тебя боярин Олекса вспоминал.

Вздогнул Васюк. Он уже об Олексе и думать позабыл, а купец, надо же, напомнил. Отшатнулся псарь от гостя, побледнел, а тот с улыбочкой на тонких губах нашептывает:

— Не бойся, не выдам. Передал боярин, чтоб помог мне.

Васюк хотел спросить чем, ан слова в горле застряли. А может, сказать узкоглазому, как в потник княжьего коня кость вогнал, однако больше злоумышлять против Олега остерегается, но гость торговый говорит:

— Не дрожи, зубами не клацай, мне от тебя одно и потребуется: когда скажу, дашь приют и собак в ту ночь не выпустишь, чтоб ни одна голос не подала.

Кивнул Васюк нехотя и, угрюмый, покинул торжище. Всякое желание по рядам шляться исчезло.

Обхватив колени руками, Лада сидела на крыльце и смотрела на небо. Оно синее, а по нему россыпь звездная, жемчужная. Ладе вспомнилось, что и над усадьбой отца на Ильмень-озере тоже светили звезды. Они перемигивались, подмаргивали Ладе, однако молчали, далекие, холодные.

Грустно Ладе: кажется ей, что отдаляется от нее Олег. Редко появляется в Предславине, и то чаще на

ночь. Спросить бы, но она не решается: обидишь ненароком.

Неслышно подошла Анна, подседа, тоже на небо взглянула, сказала:

— У нас небо темнее и звезды крупнее. Отчего?

Лада пожалала плечами:

— Мне ли знать!

— И горы. Ты не видела гор, и тебе, княгинюшка, не понять их красоту...

Помолчала, о другом заговорила:

— Я часто слышу голос Бога, он посещает меня во сне. Знаешь, княгиня, наши храмы необычные, мраморные, с колоннами. В храме очищается душа человека.

— Бог — Перун, Анна!

— Нет, княгинюшка, Бог триедин: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. А сын Божий и есть Иисус Христос!

Лада не возразила. Анна не в первый раз заводит об этом разговор. Уж не желает ли она обратить ее в свою веру? Но тому не бывать, княгиня останется со своим Перуном. Он грозен и жестоко карает отступников. Но умиротворенный Перун бывает и добрым. Лада сама это испытала, когда пожертвовала волхвам серебра и они купили черного быка и закололи его на капище. Тогда князь целую неделю провел в Предславине и был с ней очень ласков. Настало время, думала Лада, снова принести жертву Перуну.

Она поднялась и, не сказав Анне больше ни слова, ушла в опочивальню.

Нет, Олег не отдалялся от Лады. Последнее время его особенно остро одолевала мысль, как обустроить Русь. Не на словах ли признали себя князья племен меньшими братьями великого князя киевского? Не затеют ли свару против него, Олега? Станут ли в будущем заодно с князем Игорем? Кому не понятно — не прочно сшита ныне Русь, а соседи у нее опасные: хазары, печенег... Достанет ли ума и силы у Игоря дер-

жать удельных князей? Аль то неведомо, что у них алчность наперед разума пляшет? Когда поймут, в чем Руси могущество?

Олег думает: вот съедутся князья в Киев и перед тем, как на ромеев выступить, сообща урядятся вместе Русь оберегать, друг за друга стоять...

Ив не единожды встречал киевского князя: он появлялся либо на перевозе, либо там, где строились ладьи. Как-то Олег зашел на торжище. Бывал он чаще один, редко с кем-нибудь из бояр. А то прошел совсем рядом, крепкий, сильный. На загорелом, словно выдубленном лице ясно выделялся шрам. Вислые усы цвета спелой пшеницы придавали князю мрачный вид.

В тот раз, когда Олег поравнялся с Ивом, рука хазарского гостя потянулась к ножу, но не успел он сделать прыжок, как зоркие глаза углядели под плащом броню. Она надежно защитит князя от удара.

Минуло три месяца, как хазарский гость приплыл в Киев. Уже и пряности, какие привез на торг, иссякли. Листопад о себе дал знать. Скоро и октябрь-назимник пожалует, пора Иву в Итиль возвращаться. Поплывут на юг последние торговые караваны, чтобы сообща преодолеть опасный путь, днепровские пороги, но что скажет Ив хаканбеку, когда встанет перед его очами? Может, о том, как едва не угодил к печенегам или как неоднократно встречал князя Олега, но так и не улучил момент? Но разве для того преодолел Ив путь из Итиля в Киев?

Хазарский гость не забыл своего обещания, и хаканбек прав: пока у Киева такой князь, как Олег, каганат не может быть спокойным. Живя здесь, Ив убедился в этом. Олег держит князей русов в твердых руках, у него в постоянной готовности боевые дружины. По его зову русичи могут быстро собраться в огромное войско, которое они именуют ополчением, и пойдут войной на каганат. Разгромив большую орду

печенегов, русы показали, что, когда они едины, их не остановит никакая сила...

Но если Ив расскажет о том хаканбеку, тот спросит:

— А разве я этого не знал?

Хаканбеку не нужны рассуждения Ива, не для того он послан в землю русов. Настанет следующее лето, и Иву придется снова плыть в землю русов, чтоб исполнить свое обещание.

И хазарский гость решился...

Всю неделю дули западные ветры, лили дожди, и земля больше не принимала влагу. Но потом небо прояснилось, открылось солнце, и потеплело, как в начале лета. Вышедший из берегов Волхов снова вступил в русло, но еще продолжало нести коряги, ветки и разный мусор, который река, взбесившись, вывернула на своем пути.

Ивашка с моста смотрел на мутные воды Волхова, приходил на помощь новгородцам, наряженным кончанскими старостами прогонять бревна и коряги под устоями, чтоб не забилося русло реки. На мосту работали днем и ночью при свете факелов. Бывало, зазеваются новгородцы, встанет запруда — и вода хлынет через настил...

В один из дней, когда Волхов очистился и утих, Ивашка провожал товарищей. Двумя ладьями они отправлялись ушкуйничать и звали с собой Ивашку.

— Айда с нами! — говорили они. — Почто тебе дался Киев и княжья служба? У нас вольготно, сам ведаешь, станем пятины добывать Новгороду! Еще успеешь в Киев!

Ивашка и рад бы свободно пожить, городки новые ставить, зимовать в лесных избах, зверя промышлять. Но ему такое нынче заказано, он десятник, и жена его в Киеве дожидается.

Часто вспоминал Ивашка Зорьку. В душе бранил князя за то, что послал его в Плесков с княжичем Игорем. Аль другого не оказалось? Но теперь уже скоро и в обратную дорогу, вот только снег упадет.

Конь тоже будто чуял предстоящий путь домой. Зайдет Ивашка на конюшню, а конь, застоявшийся, сытый, перебирает копытами нетерпеливо, под седло просится.

С первым морозом Ивашка выбрался из Новгорода и отправился в Плесков.

Стоит поглядеть в открытое оконце горницы, и увидишь слияние рек Плесковы и Великой, где на лугах от тепла и до снегов пасется стадо. Слышно, как на свирели наигрывает подпасок протяжную песенку.

В горнице пахло сухими травами и воском. Свечи Ольга жжет ночами, когда читает греческие книги. Еще в детстве она познала греческую грамоту. Обучил ее грек, лекарь Анастас: много лет назад он приехал из Царьграда, да так и осел в Плескове. Он преподал Ольге и письмо и счет. На аспидной доске свинцовой палочкой она писала буквы и цифири, знала не только греческий, но и латынь, говорила на языках народов, которые живут на Висле-реке.

Уже в юные годы княжна поражала своей грамотностью и начитанностью. Она была умна и лицом красива. Многие хотели иметь ее женой, но князь плесковский решил породниться с киевским князем, да и Ольге приехавший в Плесков княжич Игорь приглянулся...

В Плескове время для Игоря бежало незаметно. Близилась зима, и пора было готовиться к отъезду. Поставили на сани крытый возок, утеплили мехами пол, устлали сиденье шкурой медведя, а еще приготовили жаровенку для углей — руки отогревать...

По первопутку выросший вдвое санный поезд потянулся из Плескова в Киев.

В Предславине, в двух десятках саженой от старых княжьих палат, с лета начали ставить хоромы для Игоря и Ольги. Свозили камень и бревна, доски и тес.

Артель работала споро, и хоромы росли быстро, на глазах. К зиме уже вывели под крышу. Получались хоромы просторные, с кирпичной подклетью, о двух ярусах, с лесенками и башенками.

Человек двадцать мастеровых отесывали бревна, подгоняли одно к другому, рамы из дуба вязали — без единого гвоздя хоромы строились. А крыльцо и окна украшали резьбой затейливой.

Олег работой был доволен: мастеровых кормили с княжьей поварни вдосталь, а в банный день даже по чаще медовухи подносили. Как-то полюбопытствовал Олег у артельного старосты, сколько тот домов за свою жизнь поставил, и услышал в ответ:

— Я им, князь, счет не веду, был бы люд доволен.

— Умельцы у тебя знатные, — похвалил князь.

И снова артельный староста ответом удивил:

— Всяк человек должен место свое понимать. Это и тебя, князь, касает. Ты вот из-за моря Варяжского, поди, не ради славы либо власти в Киев явился. Люд видит, ты Русь крепить намерился, и потому принял тебя.

Олег посветлел лицом:

— Твоя правда, старик, для меня власть в том, чтобы Русь едина была и не терзали ее недруги.

— Потому и люд за тобой. Помогай тебе Перун...

Накануне того дня, когда Олег собрался на охоту с борзыми, Васюк держал собак впроголодь. Приезжал Олег с вечера и оставался в Предславине. На охоту выбирался рано, едва солнце поднималось.

О таком дне псаря упреждали заранее. Вот и в этот раз Васюк знал о готовящейся охоте и сообщил о том хазарскому гостю...

После ливневых дождей и наступившего короткого пригрева, несмотря на исход листопада месяца, на выкосах погнало молодую траву и запахло зеленью. Но-

чами на полях сжатой ржи отчаянно звали перепела. На заячьих тропах поджидали зверя силки, а все живое нагуливало в зиму жир. Медведь, пока сон не загнал его в берлогу, беспокойно ревел на весь лес, а птицы дружно сбивались в стаи: того и гляди, снимутся и тогда днем и ночью потянутся в жаркие края.

Осенью на Урхо навалилась тоска. Такого с ним еще не бывало. Лопарь уходил в лес, брел не ведая куда. Однажды, утомившись, присел он на сваленное дерево и задремал. Вокруг лес шумит, деревья между собой переговариваются загадочно. Сколько длился сон, Урхо не помнит, но почудилось ему, что он в родном стойбище: загон для оленей, собак много. И отца увидел.

«Однако ты постарел, Урхо,— сказал отец.— Глаз не тот, и жить по-нашему разучился».

Но что мог ответить ему Урхо? Разве по своей воле очутился он на чужбине?

Очнулся Урхо и враз понял: по дому у него тоска, по земле родной. И вспомнил лопарь слова деда: «Олень, где бы ни бродил, умирать домой спешит. Так и старость человека к чуму зовет. В чуме человек родился, в чуме и смерть примет».

Слова эти Урхо мальчишкой слышал и им значения не придавал, теперь задумался. Видать, и вправду старость к нему приходит, пора к чуму подаваться. Упросит он Ладу, пусть слово за него князю замолвит, чтоб отпустил его, лопаря, в места родные, может, кого-нибудь из своего рода в живых застанет.

И Урхо представил, как появится в стойбище. О нем уже давно забыли, никто не помнит, что жил в стойбище молодой лопарь. Да и сам Урхо никого, верно, не узнает. То-то будет удивления, когда назовет себя...

С верховьев великого торгового пути спустился ромейский корабль и, убрав паруса, пристал к киевскому причалу. Ворочались гости в Константинополь и

просили у князя киевского месячное на прожитие: хлеба и вина, мяса и рыбы,— однако им ответили:

— Князь Олег вам, купцам ромейским, во всем отказывает, потому как ваш император нашим торговым людям ничего не велит давать. Нет меж нами рья. Когда будет, тогда и требуйте. А жить вам, гостям ромейским, на гостевом дворе на левом берегу и в город ходить безоружно. Коли же есть и пить хотите, то отправляйтесь на торжище, где потребное и купите. Так и впредь поступать с вами будем — о том поведайте своему императору. Вы нашим купцам обиды чините, мы вам гостеприимство не показываем.

Попросили ромеи паруса обновить, но и в том отказ получили:

— У нас полотно для тех гостей, какие с нами ряд держат. Плывите на обветшалых, авось удержат ветер.

С тем и отчалили гости, да ко всему мыто в казну киевскую за стоянку у причала уплатили. Олег был доволен, говорил: впредь пусть ума наберутся ромеи и, прежде чем уважения к себе требовать, научатся к другим почет проявлять.

Урхо не решился просить Ладу, да она сама его затронула. Остановила как-то:

— Чем озабочен, Урхо? Вижу печаль в очах твоих.

И лопарь рассказал ей и про сон, и про то, что хотел просить князя отпустить его, да не осмеливается. Не поможет ли Лада?

— Жаль мне будет расставаться с тобой, Урхо,— ответила княгиня.— Сколько помню, ты всегда был рядом. Но как не понять мне тебя? Упрошу Олега. Но станет плохо, возвращайся.

— Мне бы, княгинюшка, стойбище родное повидать, тридцать лет не был. Когда отец смотрел на меня оттуда, куда люди уходят навсегда, он говорил: «Ты стар, Урхо!» А тебе, княгинюшка, спасибо за добро, каким меня наделяла и там, на Ильмене, и здесь, в земле киевской.

— Аль я, Урхо, не тоскую по родному дому? Ох как еще тоскую. А ты мне нынче душу опалил, я ведь и заплакать могу. Обещаю тебе: как пойдет ладья в Новгород, так и отправляйся.

С вечера пустеют улицы Киева, и тишина повисает над городом, только лениво перебрехиваются псы да пройдет редкий дозор. Рано отходит ко сну город.

Едва стемнело, как с Горы спустились несколько гридней и поехали по мостовой. Застучали по плахам копыта. Воротная стража открыла створку, выпустила дружинников.

Дорога пролежала у Кучинской горы, отвесно обрывавшейся над Днепром. С другой стороны дорога тесно прижата Подолом. Оттого гридни растянулись в ленту. Но вот осталась позади теснина, и всадники, сбившись кучно, взяли в рысь.

Отправляя дружинников в Предславино, Олег велел начинать охоту без него, пообещав приехать утром. Накануне князю нездоровилось, и он долго парился в баньке. Гридень хлестал его березовым веником до красноты, пока Олег не разомлел. Князь был уверен: с восходом солнца он присоединится к охоте...

Васюк стоял у псарни, слышал, как гридни въезжали во двор, расседывали коней, переговаривались.

Псарь вошел в свою каморку, коротко бросил лежавшему на лавке Иву:

— Приехал!

Княгиню обнаружили утром лежащей на ковре с перерезанным горлом. Охота началась, а Лада все не выходила, и тогда гречанка вошла в ее опочивальню...

Когда Урхо появился возле убитой, здесь уже были князь и Ратибор. Лопарь беззвучно заплакал. Слезы скатывались по его изрезанному морщинами лицу.

— Кто? Кому она мешала? — гневно спросил Олег, и голос его дрогнул.

— На нее ли, князь, нож точен? — ответил воевода, насупившись. — Но мы отыщем убийцу.

Урхо тяжело вздохнул и замер. Еще и еще раз вдыхал он воздух, что-то припоминая, пока не убедился: так пахло от того хазарского гостя, которого он видел на торгу, когда глазел на скомороха с медвежонком. Лопарь тронул Олега за рукав:

— Князь, мне известно, кто убил Ладу, я узнал его! Пошли гридней на хазарское подворье — он там. Это торговый гость из Итиля, его запах. Он был здесь. Не дай ему уйти!

...Ива схватили на перевозе. Олег сам допрашивал хазарина, и тот сознался. Князь повелел зашить Иву и псаря в мешок и утопить в Днепре...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

*Царственный град Константина. Евсей покидает
Константинополь. Русь встанет над надменной
Византией. Хан Берин в Киеве. Княгиня Ольга.
Кровавая тризна по Ладе. «Не дай зачахнуть
роду Рюриковичей...» Грешная, но сладкая любовь*

Есть в истории события, в корне изменившие ход ее развития. Вторжение в Европу варваров-кочевников было одним из них. Свирепые, не знавшие пощады и жалости, они разрушили Западную Римскую империю, уничтожили государство.

Преемницей Западной Римской империи стала Восточная Римская империя — Византия, разбросавшаяся на огромной территории Европы и Азии. Империя ромеев все более и более тяготела к греческому укладу жизни, и оттого в те века торговые гости

плыли в страну ромеев к «грекам», а великий водный днепровский путь величали как путь «из варяг в греки».

Могуществу Византии противостояли арабы. С годами они отвоевали у империи сначала Сирию и Египет, а потом и Африку. За Византией сохранились лишь Сицилия и юг Италии.

К концу IX — началу X века неудачи преследуют Византию и на Балканах, где родилось Болгарское царство. При царе Симеоне оно достигло своего зенита, заняв весь Балканский полуостров. Южная граница царства приблизилась к Византии, спустилась с гор в долину и временами доходила до крепости Адрианополь.

А с принятием в 865 году христианства Болгария становится независимой и от константинопольского патриарха, введя свое патриаршество...

Централизованную государственную власть в Византийской империи нередко потрясали дворцовые перевороты. После смерти базилевса Василия I, когда императором стал его сын, слабый здоровьем, больше ученый, чем правитель, Лев VI, боевые действия против арабов велись крайне неудачно, византийская армия потерпела ряд поражений. Прочное положение Византия сохранила лишь в Малой Азии. Но даже в пору, когда империю преследовали потрясения, она продолжала сохранять свое величие, а реформированная Василием I армия представляла грозную силу. Пышность двора и церемониал приближали власть императоров-базилевсов к божественной.

Город Константинополь ромеи заложили еще в начале четвертого века при первом императоре Константине. Место выбрали удачное. Лишь Босфорский пролив разделял Европу и Азию. На семи европейских холмах, омываемых Мраморным морем и морем Русским, именуемым греками Понтом Эвксинским, в тени стройных кипарисов дома и дворцы террасами

уходили ввысь. Узкие кривые улицы круто поднимались вверх и часто служили лестницами для пешеходов.

Еще при Константине I город опоясала каменная стена, но с годами ее возвели заново. Укрепления составляли мощную систему. С суши город прикрывали три ряда стен высотой до двадцати метров, со множеством башен, и ров, заполненный водой. Каменные стены защищали Константинополь и с моря.

На стенах и башнях находилась постоянная охрана, она надежно стерегла покой стотысячного города. А в бухте Золотой Рог, Богом созданной лучшей стоянке для кораблей, нежился всегда готовый поднять паруса могучий флот Византийской империи: дромоны, триремы, хеландии, памфилы. И среди всех выделялся своей оснасткой дромон друнгария флота.

Царственный город Константинополь с храмами и соборами, дворцами и площадями, колоннами и мраморными статуями, шумными торжищами поражал впервые приехавшего сюда. Не единожды бывавший здесь русский торговый человек Евсей удивлялся этому величественному городу. Но, живя в нем подолгу, Евсей познал и иной Константинополь, где обитала беднота, плебс, районы трущоб и злачных мест.

Евсей приплывал сюда охотно, несмотря на опасный путь. И не оттого, что манила торговая прибыль, а потому, что нашел здесь прекрасную ромейку Зою, молодую и щедрую на ласки. Он, проживший уже большую часть жизни, взял бы ее в жены, но она не хотела уезжать в языческую Русь...

Ранним утром Евсей покинул домик Зои. Открыв калитку, вышел в узкий переулок, постоял, оглаживая шелковистую бороду, после чего направился на улицу, которая вывела его на площадь Августеона. Евсей любил бывать здесь, отсюда начиналась главная улица Константинополя — Меса, вымощенная каменными плитами и украшенная портиками. С северной стороны площади высился над городом храм Свя-

той Софии, с южной — Большой императорский дворец со множеством зданий, соединенных галереями, переходами, садами и террасами. Здесь же у дворца Ипподром, куда собирался на зрелища весь Константинополь, а на противоположной стороне — здание Сената.

Евсей пересек Августеон, украшенный колоннами, портиками, статуями, с триумфальной аркой, которую римляне называли Милией и считали началом всех дорог империи. Но всего прекрасней на форуме Августеона была конная статуя Юстиниана. Император в левой руке держал земной шар, а правую — десницу — простер на восток. На голове божественного базилевса была диадема.

В этот ранний час площадь и улицы города пустынь, редкий житель торопится по своим делам. Чуть позже, когда начнется день, люд заполнит улицы и на торговые площади повалит народ, откроются хлебные и мясные лавки, зеленщики разложат на лотках свой товар, и город оживет.

Однажды Евсей видел, как по главной улице ко дворцу проезжал император Лев VI, щедушный, болезненный, в тяжелом серебряном одеянии, в сопровождении пышной свиты и гвардии «бессмертных». Меса была украшена цветами, восточными коврами, тканями и блистала золотом, а люд, вытянувшийся вдоль всей дороги, орал:

— Божественный! Несравненный! Единственный!

Но базилевс не замечал и не слышал подобострастного народа...

В районе дворцов и роскошных домов знати находились мастерские золотых дел умельцев, лавки торговцев шелками и булочные. Здесь Евсей повстречал Андриана, торговца восточными товарами. Он привозил шелка и шерстяные ткани из Бухары и Самарканда, ковры из Персии и дорогие камни из сказочной страны Индии. Андриан похвалялся, что побывал даже в Китае.

Маленький носатый армянин, живший постоянно в Константинополе и почему-то мнивший себя ромеем, принялся уговаривать Евсея отправиться с ним будущим летом на Восток, соблазняя дешевыми товарами и прелестями тамошней жизни.

Евсей обещал Андриану подумать, когда вернется из Киева.

Главной улицей Евсей дошел до площади Тавра, украшенной статуями и мраморной аркой, где Меса разделилась надвое. Евсею было хорошо известно, что дорога выведет его к Харисийским воротам и к мосту через Золотой Рог. Напротив церкви Святых Апостолов расположились мраморные львы, а в районе Влахи — множество храмов и еще один дворец базилевса.

На Амастринской площади торговали скотом и устраивались публичные казни. В царственном граде на казнь народ валил как на праздник. Особенно охочим до казней был люд из района долины Ликоса, что в переводе с ромейского означало «волк».

Здесь в лачугах, крытых тростником, проживал константинопольский плебс, нищета, шумная и буйная.

Узкие улицы Ликоса непроезжие, в ухабах и ямах, там постоянно воняло, и в речку стекали нечистоты. Район Ликоса служил ночами пристанищем вора и проституткам, а возле харчевен собирались попрошайки и своры собак, случались пьяные драки с поножовщиной...

Прошлым летом на глазах Евсея Ликос выбросил буйную толпу, крушившую булочные. Толпа требовала хлеба.

Берегом Мраморного моря и Золотого Рога Евсей выбрался в торговые ряды, где гости продавали свой товар и делали закупки. Здесь вел торг и Евсей. Сегодня он пришел сюда в последний раз в этом году. Завтра Евсей сядет на ладью и поплывет домой, в Киев. В одно с ним время выберут якоря и ладьи гос-

тей новгородских. Держась западного берега Русского моря, купцы приплывут к устью Днепра, пристанут к острову Святого Георгия, где под вековым дубом принесут жертвы своим языческим богам. Ублажив их и выпросив удачи на опасном пути через свирепые пороги, где прячутся по берегам не менее свирепые печенеги, купцы отправятся вверх по Днепру...

Утренняя звезда еще робко дрожала в небе, а над Золотым Рогом шлейфом тянулся туман, но Евсей был уже на ногах. Волновала разлука с Зоей и предстоящая дорога. Зоя спала сладко, положив ладонь под голову. Евсей не хотел тревожить ее сон. Наспех выпив козьего молока с ломтем хлеба, он осторожно поцеловал Зою и покинул дом. На душе было горько: ведь на долгий срок уезжает, до весны будущего года, за это время всякое может случиться. Да и станет ли ждать его эта красивая ромейка?

Вчера они с Зоей молились в соборе Святой Софии. В пышном и неповторимом великолепии храма, поражавшего своей торжественностью, Евсей просил у Бога не счастливого пути на Русь, а новой встречи с Зоей...

По крутым ступеням купец спустился к берегу. Жизнь в порту не стихала и ночью. Чадили факелы, покачивались корабли, под окрики надсмотрщиков и щелканье бичей рабы таскали тюки, вкатывали и скатывали по зыбким сходням бочки, носили высокие амфоры.

Евсей взошел на ладью. Кормчий уже ожидал его, ладейники втащили трап, налегли на весла, ладья развернулась и, едва опустили цепь, замыкавшую бухту на ночь, выбралась в открытое море. Дул попутный ветер, ладейники поставили паруса, и корабль, разрезая волну, побежал резво.

От моря Хвалынского, от великой реки Итиль и страны хазар, от гор Кавказа и земель касогов и ясов

вставало солнце — большое, яркое. Его лучи заскользили по морю Русскому, упали на золотые купола константинопольских храмов, заиграли в цветных витражах императорских дворцов.

Евсей все всматривался туда, где, по его представлениям, находился домик Зои. Он думал о своей прекрасной ромейке, молил, чтобы ее сердце не покинула любовь к нему, русскому торговому человеку, и спрашивал себя, отчего любовь непредсказуема. Ведь сколько прожил Евсей, а не встретил на Руси подобную Зое! Надо же, увидел в чужом Константинополе, и она накрепко привязала к себе Евсея.

Как ему быть? Сердце его в Царьграде, у Зои, а душа в Киеве, на родной стороне.

Отдалялась ладья от берега, в дымке растворялся царь-город. Сливались холмы и постройки, башни и стены крепостные, а Евсей все не отводил глаз от него, и только когда ничего нельзя было разобрать, сел на корме в плетенное из виноградной лозы кресло, и им овладели иные мысли.

Он думал, что не случайно великого князя киевского интересуют армия и флот империи. Но разве киевскому князю совладать с Византией? О походе на Царьград у Олега пустые мысли. Ему, может, по плечу набег на византийское побережье, но сможет ли киевский князь противостоять флоту и армии Византии? Тем паче взять Константинополь!

С верным человеком Евсей передавал великому князю киевскому свои наблюдения за войском империи, за флотом, за тем, какие корабли стоят в бухте Золотой Рог и сколько их, за теми эскадрами, которые бороздят моря вдали от Византии. Евсей надеялся, что, когда он расскажет киевскому князю, с какой грозной силой встретится войско русичей и какие стены города предстоит одолеть, Олег не решится идти походом на Царьград.

Мысленно Евсей разговаривал с Олегом:

«Ты не видел, князь, укреплений царственного города и не знаешь, что такое дромон. Это огромный корабль, и твоя ладья в семь раз меньше его. Ладья может сравниться разве что с памфилой».

Но князь рассмеялся:

«Тебе ли, торговый человек, судить о войне-русиче? Ты исполнил свое, Евсей, а мне, великому князю, решать».

А может, князь иное скажет:

«Ты прав, Евсей, у нас и без ромеев забот предостаточно».

От этих размышлений Евсея оторвал кормчий. Он поднес деревянное блюдо с хлебом и вяленным мясом, рядом поставил небольшой глиняный кувшин с водой. Ел Евсей нехотя, мысленно перенесаясь в домик к Зое. Она, верно, сейчас стоит у очага, на котором булькает похлебка с бобами, пахнет восточными специями, которыми Зоя приправляет еду. Особенно любил Евсей, когда она варила мидии и жарила на оливковом масле шупальца кальмаров...

Возвращая кормчему блюдо, Евсей сказал:

— Так, поди, в три дня до Днепра-Славутича доберемся, как думаешь?

Кормчий недовольно поморщился:

— Не озли бога моря, хозяин! — И отвернулся.

Евсей выпил воды, прикрыл глаза. Под мерный плеск волны он задремал. И снилось ему, будто он у Зои за столом, она держит его за руку и говорит: «К чему тебе Киев? Со мной плохо ли?» — «С тобой хорошо, но там дом мой».

Евсей открыл глаза, а вокруг море и солнце да оголенные загорелые спины гребцов, дружно налегающих на весла. Купец подошел к крайнему, тронул за плечо:

— Ну-тка, уступи поразмяться.

Скинул рубаху и, усевшись на скамью, налег на весло:

— И-эх!

Зоркий кормчий прикрикнул:

— Не зарывай весло в воду, хозяин! Забирай легко, как все! — и запел:

Как за морем-окияном
Красна девица!

А на ладье единым порывом подхватили:

Красна девица,
Добра девица!

Едва покинули стоянку в византийском порту Месемврии, как наступило полное безветрие. Паруса обвисли, и кормчий велел спустить их. Теперь ладья шла только на веслах.

Поглядывая на небо, кормчий забеспокоился:

— Не разгулялась бы непогода. Пронеси, Перун!

Евсей навалился на борт и смотрел на море. Оно светилось, и высокие звезды купались в его застывшей глади. Тихо, только и слышно, как выдыхали разом гребцы и скрипели уключины.

— А море-то живое,— сказал кормчий.— Вишь как грудью вздымает!

Сколько ни вглядывался Евсей, этого не заметил, но спорить с кормчим не стал. Вздымает так вздымает.

К утру Перун услышал кормчего, задул низовой ветер, и на ладье подняли паруса. Они захлопали, наполняясь, и корабль побежал весело вдоль теперь уже болгарского берега, чаще гористого, поросшего кустарником и лесом. Местами горы подходили к берегу так близко, что казалось, они выходят из моря. Иногда горы отступали, и тогда открывалось песчаное побережье, безлюдное, будто и жизни вблизи не было. Но Евсей знал: болгарские поселения выше, в горах. К ним ведут потаенные тропы. В горах селятся болгарские князья-кметы с дружинами, там же и замок царя Симеона, которого так остерегаются ромеи.

Когда болгарским царем был Борис, отец Симеона, Болгария не представляла опасности для империи, ба-

зилевсы считали ее своей фемой, а Борисова наследника Симеона держали в константинопольском монастыре. Но, узнав о смерти отца, Симеон бежал и, объединив болгарских князей, повел успешную борьбу с Византией. Он очистил Болгарию от вражеских страстиотов. Ромеи видели в болгарях своих недругов, а болгары отвечали им тем же.

Вокруг ладьи часто кружили дельфины. Они еще с ночи сопровождали корабль. Евсей любовался, как, стремительно рассекая волны, дельфины высоко выпрыгивали из воды и, описав дугу, плавно врезались в море, чтобы тут же взметнуться вверх.

Кормчий рассказал, что слышал от мореходов о дельфинах, которые спасают потерпевших кораблекрушение и указывают им дорогу к берегу, а то и подставляют свои спины утопающим...

На четвертый день ладейники бросили якорь в устье Днепра, где должны были дожидаться других кораблей и, воздав славу Перуну, совместно продолжить путь.

Прежде Олег не задумывался, как он относится к Ладе. Любит ли, бывает ли холоден, а подчас и груб — до того ль ему, великому князю? Но теперь ее смерть переживал долго и больно. Может, она потрясла его своей жестокостью, а еще тем, что предназначалась ему?

Замкнулся Олег, стал мрачным и малоразговорчивым, искал уединения и не устраивал пиров. А по первому снегу, оставив Киев на Никифора и Путшу, вместе с Ратибором укатил за Вышгород, где, сказывали, появилось стадо туров.

До конца зимы не появлялся Олег в Киеве, даже княжича с молодой женой не встречал.

Охота была удачной, трех туров взяли, однако второй едва не лишил Олега жизни: на рога поддел бы и коня и князя, не успей Олег ударить его мечом меж рогов.

На охоте редкую ночь в шатре проводили, чаще где-нибудь под разлапистой елью спали либо у костра время коротали, каждый со своими думами. Часто вспоминал Олег Ладу, чувствовал пустоту в сердце. А может, прав был ее отец, князь Юрий, когда там, на Ильмень-озере, не хотел отдавать дочь в жены варяжскому конунгу?

О делах думать не хотелось, хотя Ратибор не единожды говорил:

— Пора, князь, в Киев. Негоже бросать город надолго!

Но Олег отмалчивался. Что ему нынче до Киева? Прежде, бывало, устанет, захочет тепла женского — в Предславино отправлялся, отдыхал и телом и душой. Сейчас в Предславине живет Игорь с молодой женой. Олег так ее еще и не видел. Да и с Игорем не хотелось встречаться: начнет о Ладе разговор вести...

Среди воспоминаний, случалось, мелькала мысль: не лучше ли было бы ему оставаться варяжским конунгом, высаживаться на неведомые побережья, брать на щит вражеские города, владеть чужими женщинами и уводить осевшие под добычей драккары к родным фиордам?

Но Олег старался отгонять такие мысли. Теперь ли ему, великому князю, сожалеть о том далеком прошлом, когда он покорял одно славянское племя за другим, — вот уже Русь встала...

Как-то Ратибор заявил решительно:

— Все, князь, побаловались, и будет. Да от судьбы и не побегаешь. Начал русичей объединять, так доводи до конца. Эвон весна о себе знать дает.

Будто уловил воевода мысли Олега.

В Вышгороде у боярина Черного сутки передыхали, в бане парились, отсыпались.

В бане Олег на полке разлегся, а баба, молодка ядреная, в рубахе холщовой, его веником березовым до красноты нахлестала, а потом еще спину размяла. Все норовила князя ледяной водой окатить либо в снегу повалить, но Олег отказался.

Из бани выбрался — эка блаженство! — разомлевший, усталость скинув, сидел с Ратибором и хозяином в трапезной. Пили пиво, ели сытно, и, чудно, у князя на душе легко стало, будто заново родился. А поутру сам заторопил, чтоб сани закладывали.

Сурово встретил Евсея Киев. Спешил, домой рвался, а что увидел? Разоренные хоромы, опустошенные клетки, и все его чураются. Даже купцы киевские от-вернулись от него. И все потому, что изменил он вере языческой, не Перуну, другому богу поклоняется.

Горько Евсею: думал ли он, что так встретит его родная сторона?

Но как быть? И так гадал купец, и этак — по все-му выходило, надо идти на поклон к волхвам.

Поднялся Евсей на Гору, на капище, долго ждал главного жреца, все гадал, как тот встретит его. А на купца сердито взирал деревянный идол, усатый, с серебряной головой, с большими, навывкате глазами. Посмотрел Евсей на Перуна да и спросил:

— Ужели ты, истукан, богом себя мнишь, и чем ты от бревна отличаешься, разве что отесан? Коли тебя огнем спалить, только пепел останется.

Молчит Перун, хмурится, а Евсей выговаривает:

— Ты кровь любишь, жертвоприношения, а Бог милосерден. Тебе же такого не дано. Бог в вере греческой! Настанет день, и вся Русь от тебя отречется, и капище твоё травой порастет.

Сказал и сам содрогнулся от своих слов: ведь кощунствует! Ну как грянет гром и разверзнется земля? Но все тихо.

— Как смеешь ты, отступник, стоять перед Перуном? — раздался вдруг за спиной голос.

Обернулся купец — перед ним верховный жрец в длинном холщовом одеянии, босой, борода белая и волосы что пух. Смотрит на Евсея из-под кустистых бровей гневно, руки на посох положил.

— Боги отвернулись от тебя! Убирайся с капища, слышишь?

Но Евсей, к удивлению волхва, не испугался, спросил:

— Старик, ты с богами дружен, ужели зло-угодно им?

— Не кощунствуй, изыди! — Жрец гневно пристукнул посохом. — Не будет тебе прощенья! — И вскинутой рукой указал на спуск с Горы.

Долго показавшись Евсею путь на свое разрушенное подворье. Понимал: волхвы теперь не уймутся, они направят на него людской гнев, а возбужденная толпа не пощадит. Не напрасно ли вернулся он в Киев, не лучше было бы остаться в Константинополе, как о том просила Зоя? Но ведь родная земля звала...

В смятении провел Евсей ночь, а поутру надумал отправиться к князю: пусть он его с волхвами рассудит.

Вернувшись в Киев, Олег так и не появился в Предславине. Не хотел ворошить прошлое. Знал: придет — и все там напомним ему о Ладе. Однако вчерашним полднем решился. Собирался накоротке, взглянуть, как поднялись хоромы, и тут же уехать. Но получилось иначе: задержался допоздна, и тому причина — молодая княгиня Ольга. Увидел ее Олег, и напомнила она ему Ладу в ту пору, как повстречал ее на Ильмене у князя Юрия: та же улыбка, те же глаза. А когда Ольга заговорила, враз понял: не обделена княгиня умом и грамотностью. И обрадовался: удачную жену сыскали Игорю.

Не заметил, как и вечер наступил, а покидая Предславино, сказал Игорю:

— Ольга продолжит достойный род Рюриковичей...

На другое утро пробудился Олег в добром настроении. В большой гриднице отроки расшумелись. Князь сел, потер грудь. Вспомнил вчерашний день,

проведенный в Предславине, подумал: умна и ликом славна Ольга. Неужто оттого и на душе радостно?

Во дворе увидел Евсея. Тот стоял понуро. Князь заговорил с ним не сразу — умылся, рубаху натянул, причесал костяным гребнем волосы и только потом сказал:

— Ведомо мне, купец, как Киев к тебе неласков, и понимаю тебя. Но ты на люд зла не держи, народ волхвы подбили. Было и со мной такое. Токмо я великий князь есмь, и у меня с народом одна вера должна быть — Перуну поклоняться. Ты же, Евсей, сам решиай, какой веры держаться. Коли от греческой не отступишься, лучше тебе в Константинополе жить. Волхвы злы, я же над ними не властен, изведут они тебя. — И, положив Евсею руку на плечо, позвал: — Пойдем, купец, трапезовать, там и разговор продолжим. А он нас двоих касаем.

За столом сидели друг против друга. Холопка поставила перед ними мясо жареное, в миске рыбу отварную, лепешки в меду. Запивали сладким вином. Когда насытились, Олег чашу отставил, заговорил:

— В твоём письме, что ты мне передал, Евсей, много интересного. Ты об армии и флоте писал, но я ко всему знать хочу, какие распри меж патрикия и стратигами. В чести ли у императора друнгарий флота? Слухи есть, император Лев хвор, а коли так, кто на трон мостится?

Евсей отер губы белой холстиной, ответил степенно:

— О распрах мне неведомо, великий князь, а дромон друнгария флота давно уже не режет моря Эгейское и Средиземное. Что до слухов о недомоганиях императора, то это истина, базилевс готов предстать на суд Всевышнего. Брат же императора Александр ждет, когда его базилевсом провозгласят. Он развратен и корыстолюбив. Сказывают, его императрица таким сделала.

— Ты мне о фемах писал, об Антиохии, Армения-ке, Фракии, а меня болгарская фема интересуе-ет. Велика ли числом в ней армия?

— Спафарий Анастас упоминал число в три ты-сячи.

Олег глаза поднял, взгляд тяжелый:

— Может, ты, Евсей, мнишь меня запугать, но ты забыл, что я великий князь киевский, викинг и со мной дружина славян, а воин-русич не ведае-ет страха. Я не отступлюсь от Царьграда. Ты же, торговый чело-век, возвратишься к ромеям. Я дам тебе золота и мехов, дабы приближенные базилевса стали твоими людьми. Золото развяжет им языки и превратит хищ-ных львов в домашних кошек, которые станут мурлы-кать у твоих ног.

Нередко в бессонные ночи Олег задумывался о жизни и смерти: в чем смысл бытия? Прежде эта мысль не приходила в голову, но после смерти Лады часто навещает его. Уж не временное ли пристанище земля человеку? Был Рюрик — нет его, жила Лада — взяли в мир иной. Значит, так человеку судьбой пред-определено. Настанет и его час, Олега. Сожгут тело, а куда вознесется душа?

Юдоль, принимавшая людей навсегда, верно, не имеет ни князей, ни воевод, ни бояр, ни гридней, ни смердов. А может, и рабы уравниются с хозяевами?

Бог создал человека. Он велик, и все ему под-властно. Норманны говорят, бог — это Вотан, русы — Перун, ромей утверждают — Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой.

Тот, кто создал человека, — Создатель. Он один вправе лишать человека бытия, волен в его жизни и смерти. Хазарский лазутчик отнял у Лады жизнь, и за то он, Олег, сурово покарал его. Не того ли требует правда варягов и русичей: око за око, зуб за зуб?

Бог каждому определил свое место и за все спро-сит по истечении жизненного пути. Спросит и с него,

Олега. И, верно, строго спросит, ибо грешен он и грехам тем счет не ведет. Но кто станет судить его, великого князя: Вотан, Перун или Бог греков, ромеев и болгар?

Создавая человека, Бог вдохнул в него жизнь и разум, дал заповеди. Но все ли чтят их? А иные и знать не желают. Всем ли дано уразуметь смысл жизни, бытия, след на земле оставить? Для Рюрика это объединение новгородских славян, для него, Олега,— сплочение всех русичей вокруг Киева, создание государства, с которым должны считаться все государи. Не для того ли и поход на Царьград замыслил?

Царьград, град Константина, второй Рим! Город божественных императоров и заносчивых ромеев! Неужли он, Олег, не сломит их величие и не принудит подписать ряд, по которому Русь встанет если не над надменной империей, то вровень с ней? Об этом Олег мечтает с того дня, как стал князем русов. Олег убежден: настанет тот день, когда он поведет дружины на ромеев, и не только морем, но и сушей. Конные и пешие ратники перейдут горбы Балканские, а для того киевский князь пошлет посольство к царю болгар, заклятому недругу ромеев. Перевалив горбы, русы встанут перед воротами Царьграда, а их ладьи бросят якоря в бухте Золотой Рог. Пока ромейские корабли будут бороздить воды Эгейского моря, Царьград примет условия Киева. Вот тогда он, великий князь киевский, может сказать: отныне Русь от княжеской усобицы и распрей отреклась и обрела государственность...

Ночь поздняя, а мысли у Олега одна на другую на-ползают, не дают уснуть. С восточного дальнего рубежа, с заставы, что на реке Суле, докатились вести недобрые. В землях суличей замечены отряды арсиев. Соглядатаи насчитали не одну тысячу, и с ними темник Аюб. К чему хазары скапливаются?

Неспроста! Видать, не теряют надежды вернуть каганату левобережье. Эвон сколько данников потеряли! Может, послать на них Ратибора с дружиной? Нависли над Русью, яко свора псов. Ратибор тоже сказывал: «Пошли дружину, княже, пусть гридни хазарам обратную дорогу укажут и по Ладе тризну справят».

Когда хаканбек явился во дворец к кагану, раввин уже сидел перед хазарским божеством и ждал, когда тот велит читать Тору. Хаканбек тоже присел в низкое креслице, приготовился слушать. Но совсем неожиданно каган повернулся к нему, спросил чуть слышно:

— Отчего, мудрый хаканбек, ты скрываешь от меня, что русы попирают границы царства? Ты не желаешь доставить мне волнение, но тогда почему не укажешь русам их место?

Каган прищурил один глаз, ждал объяснения. Хаканбек покосился на раввина, но тот потупил взор. Хаканбеку не составило труда догадаться, кто нашептал кагану.

— О великий каган, в году столько дней, что все они не могут быть ясными.

— Ты прав, мудрый хаканбек, однако ненастье ненастью рознь. Очень плохо, когда случается град или ураган. Не усматриваешь ли ты, хаканбек, что от русов нам надо ожидать непогоды?

— Но мы будем молиться Богу, и раввин в том нас поддержит. Не так ли, рабе?

— О да, — неожиданно согласился с хаканбеком раввин. — Наш Бог справедлив, великий каган, и пусть царство твое не омрачают ненастные дни.

— Я послал, великий каган, арсиев, и они отбросят русов за Днепр и приведут к покорности те народы, которые забыли могущество каганата, — сказал хаканбек.

— Ты, хақанбек, сделаешь все, чтобы казна наша не оскудела. Если она иссякнет, это доставит радость нашим недругам. Итиль питает своими водами море Хвалынское, а данники обогащают царство хазар.

Каган сделал знак равнину, и тот раскрыл Тору.

— Послушаем, о чем пишет эта священная книга, — добавил каган.

В сотне верст к югу от незримой границы Киевской Руси, где степная речка, поросшая кугой, делала крутой поворот и убегала к устью Днепра, а по оврагу и вдоль него рос густой колючий терновник, разбил вежи улус хана Берина.

После смерти Кучума в орде Берина осталось до трех тысяч воинов. Улус переживал трудное время. Сначала он кочевал в низовье Саркела, но его вскорости вытеснили хазары, и улус берегом Сурожского моря ушел в степь.

Едва взошло солнце, как Берин покинул юрту. Мрачен хан. Постоял. В вежах началась жизнь. Женщины зажгли костры, и дым потянуло по сырой земле. Прищурившись, хан осмотрел степь. У самой реки стада, а в степи многочисленные табуны. Издали видно конных табунщиков, объезжающих косяки. Рядом с вежами отары овец, козы.

Берину подвели коня, придержали стремя. Он уместился в седле и, сопровождаемый толмачом и десятком конвоя, тронулся в путь. Следом за ханом на вьючных лошадях везли в кожаных сумках продовольствие, вели тонконового широкогрудого скакуна в подарок Олегу. Берин направлялся в Киев. Хмурился хан. Он, потрясавший Русь, сегодня ехал к ней за помощью. Остатки разобщенной кучумовской орды не могли без помощи русов остановить хазар, но Берин верил: он объединит малые орды и поведет их на Русь. Тогда по пыльным шляхам печенеги погонят богатый полон. Берин еще не стар, и, когда настанет час, он объявит себя великим ханом. Но не таким,

каким был Кучум. Перед Берином будет трепетать не только князь киевский, но и весь каганат.

На лысом кургане орел зорким взглядом озирает степь. Берин считал его ханом птиц. Орел напоминал ему его, Берина, юные годы, когда в большой орде он был простым воином, потом Берин водил десяток, сотню, тысячу воинов, а когда стал темником и ханом малой орды, то, подобно орлу, расправил крылья.

С хазарами у печенегов вражда давняя, она повелась из-за выпасов. Печенеги пришли в эти степи, вытеснив хазар. Это было давно, когда Берина еще на свете не было, а его дед был не выше колесной чеки. Тогда большая орда хана Мансура, деда Кучума, двинулась от широких вод Итиль-реки на запад, через каганат к Саркелу, заставив хазар покинуть обильные пастбища.

Но не стало большой орды Кучума, и теперь каганат угрожает печенегам. Хазары снова возвращаются в степи. Вот почему хан Берин едет в Киев — заручиться союзом с князем Олегом. Пусть киевский князь думает, что печенеги уподобились домашней собаке, которая трется о ноги хозяина...

Всадники сравнялись с курганом, и орел нехотя взлетел. Он парил над степью, распластав широкие крылья, и все живое пряталось от него в норы, замирало в траве. Когда орда ходила в набеги на Русь, вот так же разбегались от нее русы. Но у печенега глаз острый, а нюх как у степного волка.

Скачут кони знакомой дорогой. Не раз водил по ней хан Берин свой тумен, сколько невест увезли печенеги из Урусии. У Берина две жены-красавицы оттуда. Они родили ему троих сыновей, двое из них — десятники, а третий — сотник. Сыновья на него, Берина, похожи: узкоглазые, коренастые. Им известно, что их матери из Урусии, но Сартак не желает и слышать это. Он не урус, он печенег, сын степи, воин, и копыта его коня будут топтать землю Урусии, а на арканах его воинов потянутся пленные урусы. Если Сар-

так захочет, он привезет из Урусии жену, и она станет рожать печенегов.

Еще Берин думал, сколько зим минет, прежде чем сольются малые орды и забудется, как он ездил к князю урусов и звал заодно пойти на хазар...

Переправившись на правобережье ниже Переяславского городища, печенеги направились к киевскому поселению, чтобы в следующие два конных перехода остановить коней у ворот Киева.

Под самым Каневом хана Берина встретил конный дозор великого князя Олега.

Только собрался Олег покликать воевод, как в гриднице появился Ивашка. Как был с дороги пыльный, непомывшийся, — дни-то жаркие, а летом под броней тело преет, бани просит, — прошагал в малую палату к великому князю. Увидел Олег Ивашку, брови поднял:

— Аль стряслось чего?

— С дозора я, княже, и за Каневом наехал на хана Берина. Он с малым конвоем к тебе направляется, — поспешил пояснить гридень.

Олег удивился:

— Чего надобно хану степняков в Киеве?

Ивашка плечами пожал:

— Так не сказывал, но по всему видать — с миром.

— Добро, Ивашка, послушаем. Так где, говоришь, печенеги?

— За городскими воротами ханскую юрту ставят.

— Не будем хана держать за городом, окажем уважение. Зови Ратибора и Никифора.

Ушел Ивашка, а Олег велел в трапезной столы накрыть — гостя потчевать. Явились воеводы: они уже знали о приезде хана.

— Видать, не от добра Берин приехал, — сказал Никифор.

— Да, верно, не от хорошей жизни, — согласился Олег. — Поступим так. Ты, Ратибор, отправляйся звать хана на трапезу, да с почетом: пусть мнит, что нам честь оказал, — а мы с тобой, Никифор, станем дожидаться печенега. К тому времени и бояре сойдутся, послушаем хана...

Доволен Берин: не простого боярина выслал за ним князь киевский, а воеводу именитого — о Ратиборе хан наслышан. Воевода Берину честь выказал, вдалеке от юрты спешился, к хану с поклоном подошел и в княжьи хоромы на трапезу позвал. Что же, Берин иначе и не мыслил: князь Олег не мог заставить хана печенегов ждать...

В трапезной было шумно, но, когда Берин вошел, все разом стихли, обратили взгляды на хана. Однако не враждебные — любопытные. Не успел Берин поклониться, как князь ему навстречу с чашей:

— Нынче, хан, ты нам не враг, а друг, коли с нами за столом. — И на место рядом с собой указал. — Потчуйся, хан Берин, нашими пирогами.

Уселся Берин, а толмач за его спиной едва поспевает переводить. Отроки вдругорядь вино по чашам разлили. Олег снова проговорил:

— С чем к нам пожаловал, хан, сам выскажешь, я же хочу молвить: лучше слушать звон кубков за столом, нежели лязг железа на поле брани.

Перевел толмач, заулыбался Берин:

— Ты прав, конязь Олег: чем проливать кровь, будем пить хмельное вино. Но я приехал к тебе, великий конязь, не ради праздного пира, а звать тебя на хазар. Пойдем на них вместе. Каганат и вам и нам враг. Они теснят нас из степи, а их сборщики дани добрались до Киевской Руси.

Олег щеку потер:

— Я с тобой согласен, Берин, кагану пора место знать, хазары мыслят, что угров потеснили и Русь запугали. Ан не так! Как предлагаешь, хан, ту войну вести?

— Твоя дружина и печенеги на хазар выступят, когда ты срок укажешь.

— Разумно, разумно,— закивали бояре.

— А вы, воеводы, что скажете? — посмотрел на них Олег.

— Хазары не ответили нам за смерть княгини.

— Быть по-вашему,— молвил Олег.— А коли так, то тебе, воевода Никифор, дружину вести. Готовь и ты, хан, своих воинов. И не вражда меж нами отныне, а братство по оружию. На первой седмице листопада и выступим.

С того весеннего дня, как Олег впервые увидел Ольгу, зачастил великий князь в Предславино, редко когда не появлялся. Сначала будто полюбопытствовать, как хоромы для Игоря и Ольги возводили, позже работой печников интересовался — они изразцами печи отделявали, а плотницких дел умельцы палаты обшивали досточкой, крыльцо с балясинами резными ставили.

Потом великий князь стал подолгу засиживаться за столом, на Ольгу смотрел по-доброму, делами государственными с ней делился, рассказывал, да не просто речи вел, а все будто советовался. Не от Игоря, от великого князя узнала Ольга, как замышлял он объединить славян, однако не все князья его поняли и кое-кого пришлось принуждать силой. Поведал Олег о Рюрике и как из Новгорода в Киев пришел...

Ольге великий князь нравился, выпрашивала у Анны, какая у него жена была, и та о Ладе много доброго наговорила.

Иногда Олег заходил в горницу к молодой княгине, останавливался у ее стола, на котором лежали книги, писанные греческим и латинским языками. Толстые, в кожаных и бархатных переплетах, с застежками серебряными. Князь брал их в руки, листал. Как-то сказал с сожалением:

— Не довелось мне грамоту осилить, княгинюшка, и тринадцати лет не исполнилось, как я уже меч в руке держал...

Ольга читала много, чего не водилось за Игорем. Тот время больше на охоте проводил.

Однажды, уезжая, Олег поцеловал Ольгу, промолвив:

— Скинь мне годков двадцать, не упустил бы тебя, княгинюшка.

Зарделась Ольга, однако не растерялась с ответом:

— К чему мнишь себя стариком, великий князь? Еще в соку, аль не вижу?

После того случая Олег неделю не появлялся в Предславине. Ольга даже начала подумывать, уж не обидела ли чем. Но он приехал в день, когда на хазар выступали, обнял, промолвил:

— Вернусь, сразу тебя, княгинюшка, навещу. Эвон как к тебе привязался, видать, старую кровь ты во мне разбередила. А Игорь, чать, не жеребенок-стригун. Ты его, Ольгица, больше к книжной премудрости приобщай, ему Русью править, дела государственные вершить.

Ночью с сырой западной стороны надвинулась тяжелая туча. Она выползла неожиданно, с блеском молний и раскатами грома. Дождь хлынул сплошным потоком, будто небо опрокинулось. Однако ливень оказался недолгим, и к утру небо очистилось. Лишь на востоке, куда убралась туча, виднелся ее черный хвост.

День обещал быть тихим и ясным. Олег смотрел, как дружина покидает Киев, спускается к переправе. Рядом с князем молча стоял воевода, а позади отроки держали в поводу их коней.

У Никифора были свои мысли. Вчера он поспорил с боярином Любомиром. Тот засомневался в необходимости этого похода: к чему-де нам с печенегами

объединяться. Однако Никифор ему ответил, что не степняков Киев под защиту берет, а суличей да иные левобережные племена.

С той поры, когда Олег стал княжить в Киеве, воевода поверил в него. Он, Никифор, служивший Аскольду и Диру, теперь честно служил Олегу, ибо увидел: у этого князя твердая рука и его стремление объединить Русь совпало с желанием воеводы.

Звезды погасли, и последняя сотня вышла из города. Олег повернулся к Никифору, бросил коротко:

— Пора и нам в седла, боярин.

На киевской переправе дружина не задержалась, пошла землями суличей. Реку без труда преодолели на бродах и здесь убедились: подвели печенег, не явились. Великого князя суличи встретили жалобой: хазары их села разорили и дань, какую они для Киева собирали, увезли.

Олег посоветовался с воеводой, и решили не ждать орду Берина, самим идти вдогон за хазарами.

— Ты прав, князь: пока Берин подойдет, хазары далеко будут,— сказал Никифор.— Их еще отыскать надо.

Олег ответил, хмурясь:

— Не токмо на притоке, на самом Саркеле достанем, не уйдут от наших мечей.

И погнали гридни вдогон. Все больше на рысях шли, привалы делали редко, ночами давали коням короткий отдых и снова в седла. Арсии уходили поспешно, но оторваться от дружины так и не сумели.

Настигли хазар в низовье притока Саркела, где тянулась гряда курганов. Караульные донесли: к арсиям подоспела подмога. Всего собралось хазар до двух тысяч, и они изготовились встретить русичей.

— Как поступим, князь? — спросил воевода Никифор.

— Дадим бой. Хазары подковой изогнулись, мыслят, мы в мешок влезем. Как бы не так! Ты, воевода, всей дружиной на правое крыло навалишься, а я с тремя

сотнями гридней обойду хазар и, как они тебя теснить почнут, ударю в их левое крыло. Вот тогда и поглядим, кто кого одолеет!

Тронул Олег повод, и послушный конь легко понес князя, а следом поскакали три сотни гридней...

Въехал воевода Никифор на ближний курган, приподнялся в стремях, разглядывая неприятеля. Вот они, арсии, всей силой изготовились. А за спиной Никифора всего семь сотен гридней. Ждут команды воеводы.

Повернулся Никифор к дружине:

— Други, хазар много, но за нами правда. И смерти не бойтесь, в бою помирать легче, чем в избе на лавке. Ко всему нам, русичам, от хазар бегать постыдно, аль мы их не бивали?

Заиграла труба. Обнажив мечи и перекинув щиты со спины на руку, сотни перестраивались на ходу в боевой порядок, двинулись на хазар, выставив копья. Им навстречу тронулись арсии. Сшиблись. Замелькали мечи и сабли, зазвенел металл. Храпят, ржут кони. Крики, рев тысячной вооруженной толпы. Смяли гридни правое крыло, но на них уже давит чело и левое крыло. Развернулись арсии, недалек миг — и сломится киевская дружина: всей силой навалились на нее хазары, орут победно.

Но тут, когда до исхода боя, казалось, оставалось совсем мало, сотрясая землю, вынеслись новые сотни русичей, в самый раз успели, ринулись в сечу. Дрогнули хазары, сломились, побежали. Ринулась им вслед дружина, ворвались гридни в хазарские села, что по притоку Саркела, мечом прошлись по ним. Полыхали хазарские жилища, огонь и дым застилали небо, и никого не щадили гридни. Кровавую тризну справила дружина по княгине Ладе...

Возвращались обратной дорогой, скакали по безлюдным сожженным селам, и длинными хвостами кони русичей развеивали седой остывший пепел.

Охота ушла далеко, постепенно стихли лай и крики. Охотились на лис и зайцев.

После обильных осенних дождей наступило тепло, и земля подсохла. Снова, как ранней весной, поднялась молодая зелень. Третий день Игорь и Свенельд травили лис и зайцев, гоняли по полям и перелескам. Охота оказалась удачной, подняли десятка три зайцев и с десятков лис. В зиму лисий мех был шелковистый, и заяц еще не потерял цвет.

Игорь был доволен, и не хотелось в Предславино, на охоте забывал, что он князь и его ждет жена. Отроком мнил себя, на Ольгу смотрел как на что-то необходимое: надо жениться — и женился. С ней ему бывало скучно, книги он не любил. Ольга охоту не признавала. Со Свенельдом же они летом и осенью били мелкого зверя и птицу, а зимой обкладывали волков и поднимали медведей. Иногда встречались с зубрами...

Обедать остановились на опушке. Псари кормили собак, отроки разнуздали коней, пустили их на выпас, другие занимались костром, снимали с зайцев шкурки, доставали из сум разную еду.

Усевшись на сваленное дерево, Игорь и Свенельд переговаривались.

— Не время ли в Предславино подаваться? — заметил Свенельд.

— Погодим денек-другой, — отмахнулся Игорь. — Куда Предславино подевается?

— Великий князь недовольство выкажет.

— Аль Олегу в Предславине до меня? Ему беседы с Ольгой интересней вести, чем меня видеть. Ужели не примечаешь?

— Не тяготит ли тебя, Игорь, предстоящее княжение?

— К чему о том думать, покуда жив великий князь?

— Олег-то не вечен.

— Вот когда сяду на княжение, тогда иной сказ. Нынче же прежде времени к чему разговоры вести?

По делам меня судить станут, когда великим князем назовут и нынешние заботы Олега мне достанутся... С годами люд сказывать будет: «Князь Игорь дела вершил, а воеводой при нем боярин Свенельд хаживал». — И рассмеялся.

Долгими вечерами, когда наступала тишина в предславинских княжьих хоромах, Ольга усаживалась на сбитую из сосновых досок скамью, обтянутую ярким бархатом, и, склонившись к столу, читала. Никто ей в такие часы не мешал, и она вся уходила в то время и в те события, о которых писалось в книге. Оторвется, чтобы поправить серебряными щипчиками огонек свечи, и снова уткнется в книгу.

Пламя горело неярко, воск плавился, стекал в плошку, а Ольга не замечала, что и ночь, бывало, на вторую половину повертывала. Укладывалась спать к утру, когда блеклый рассвет пробивался сквозь слюдное оконце.

Этой ночью Ольга, отодвинув книгу, задумалась. Вот уже скоро год, как она жена княжича Игоря, а между ними нет настоящей любви. Видятся и то от случая к случаю. Может быть, еще не настал тот час, когда Игорь поймет, что он женат? Уж не напрасно ли замуж за него шла? В Плескове и то интересней жизнь проходила...

Здесь, в Предславине, только приезд великого князя разнообразил ее дни.

Ольга думает, что Олег добр к ней и ласков, понимает ее, и с ним ей приятно. Ольге великий князь нравится, он статен и выглядит совсем не стариком.

Неожиданно молодая княгиня ловит себя на такой мысли: уж не любовь ли к ней приходит? И тут же чувствует теплоту на душе, и сердце бьется неровно. Ольга склоняется над книгой, но чтение уже не идет ей в голову. Она мысленно видит лицо великого князя, его редкую улыбку. Она понимает: он улыбается ей, ее молодости, ее красоте. Вероятно, ему инте-

ресно вести с ней беседы, потому что она многое знает из книг.

И Ольга решает: непременно узнает, что же влечет к ней великого князя.

Со смертью Лады совсем затосковал Урхо, редко покидал камору. Стряпуха еду принесет, посидит да и уйдет. Как-то Олег спросил о нем у тиуна, тот рукой махнул:

— Лопарь и есть лопарь.

Зашел великий князь к Урхо, присел на лавку. Лопарь шил рукавицы стряпухе, поднялся.

— Смерть Лады всем тяжка,— сказал Олег.

Урхо головой покачал, промолвил:

— Проклятый хазарин, он не Ладу, он всех нас зарезал.

— Мы, Урхо, по ней кровавую тризну справили.

— Тризной, княже, ее не воротишь.

Помолчали. Олег вспомнил, как однажды они с Ладой возвращались с охоты. Ехали стремя в стремя. Лада как-то неожиданно взгрустнула, посмотрела на Олега:

«Красота-то какая, а час наступит, и все для меня исчезнет».

«Эка о чем задумалась, в твои-то лета».

А она еще тогда говорила: верно, чуяла свой скорый конец...

В каморе стояла тишина, и только было слышно, как в углу скреблась мышь. Князь поднялся. Вдруг Урхо остановил его:

— Отпусти меня, великий князь, в места родные. Видятся они мне, к себе зовут. Там, среди лопарей, хочу смерть встретить.

Олег нахмурился:

— Добро, старик, я тебя понимаю, пусть будет по твоему. Как первая ладья пойдет в Новгород, отправляйся. А князю Юрию передай мой наказ, дабы он тебя с ушкуйниками отправил в край лопарей.

И вышел из каморы.

Загрузившись товарами до глубокой посадки, корабли выбирали якоря и отплывали вниз по Днепру. Спешили по большой воде пройти пороги, да и море в эту пору года часто становилось беспокойным.

Тянул холодный северо-восточный ветер, надувал паруса. Ветер ерошил волосы на непокрытой голове Олега, рвал подбитый мехом красный плащ-корзно, державшийся на золотой застежке. Князь стоял на высоком обрывистом берегу, а под ним внизу лежали пристань и Подол, корабли, покидавшие Киев. Они держали путь на Херсонес и Константинополь.

Еще в начале листопада месяца уплыл в Царьград Евсей. Уплыл навсегда, обещая передавать князю грамоты с киевскими купцами. Однако он даст о себе знать только по весне. А Олега многое интересовало, паче всего — какие силы встанут на его пути, когда он пойдет на ромеев.

Первое, чего опасался киевский князь, — это шторма на море, чтобы оно не оказалось во гневе. Ежели разыграется буря, она разбросает ладьи и потопит их вместе с людьми.

А еще была мысль у Олега — оказаться бы под стенами неожиданно, закрыть византийский флот в бухте, где неуклюжим дромонам и триремам не развернуться, а к тому времени город осадят полки, которые перевалят горбы. Тогда базилевсу ничего не останется, как подписать ряд...

Сам Олег решил плыть морем, а Никифор с князьями направятся сушей. Их попытается задержать византийская фема, которая располагается в долине, но полки русичей справятся с ней. Олег убежден, болгары проведут его дружины через Балканы тропами... Этой зимой он, князь киевский, пошлет к царю Симеону посольство. Близится время, когда Русь должна двинуться на Константинополь. Это случится через лето — самое позднее...

И еще Олег думает, что на царьградском походе может завершиться его жизненный путь — путь вели-

кого князя славян, по крови норманна, а по делам и духу русича.

От мысли о конце жизни у Олега сжалось сердце. Не мог он смириться с тем, что настанет тот день и час, когда его сожгут и справят по нему тризну. Глаза его не увидят ни неба, ни облаков, ни далее и лесных перепадов, какие синеют за Днепром. И не восхитится он женской красотой, которую измерял ликом Ольги... А может, там, куда он уйдет навсегда, его встретит Лада?

Олег поправил застежку плаща и, тяжело ступая, направился в княжьи хоромы.

Зима в тот год выдалась суровая, снежная, с метелями и заносами. Морозы заковали Днепр, соединив оба берега прочным ледяным мостом. Под снегом лежали поля, городки и деревни, и сизые дымы над избами гигантскими столбами подпирали небо.

Сытые кони по брюхо в снегу тащили княжьи сани из Киева в Предславино. Понукая лошадей, ездовой следил за дорогой, разговаривал сам с собой:

— Вишь, насыпало. И где он там, на небесах, держался? К урожаю.

Князя сопровождал Ивашка с гриднями. С десяток дружинников держались за санями, помалкивали, не хотели и рта на морозе открывать. Под Ивашкой конь шел спокойно, и он, ослабив повод, предался воспоминаниям.

Еще до холодов бывала в Киеве новгородская расшива с товарами, и отец Ивашки, Доброгост, передал поклон, а еще уведомил, что здоров и хотел бы повидать сына с невесткой. Спрашивал Доброгост, скоро ли Зорька порадует его внуком, на что Ивашка, с улыбкой обняв жену, сказал:

— Вишь, чего старый хочет, так что уж ты постарайся.

Припомнился Ивашке отец, и потеплело на душе. Представил, как в морозы Доброгост выводит лоша-

дей на водопой, потом поит скотину, а затем, раздевшись до рубахи, с придыхом колет дрова... Мечтал Ивашка когда-нибудь побывать с Зорькой в Новгороде, порадовать старика. Представлял, как откроет калитку и впустит во двор жену с сыном на руках, а им на встречу Доброгост торопится...

А Олег глаза прикрыл — слепило яркое солнце — и, откинувшись на спинку саней, о своем думал. В Предславине не бывал с начала зимы, нынче решил с неделю здесь пожить. Захотелось покоя, а в Киеве повседневные встречи с боярами, гомон в гриднице, шумный двор. В Предславине же, кроме Игоря и Ольги, никого. Он, Олег, будет вставать рано, растираться снегом, трапезовать втроем, а потом княгиня Ольга станет читать ему из жизнеописания Плутарха или из истории Геродота...

В прошлый приезд у Олега с Игорем случился такой разговор. Завел речь Игорь. Он спросил, чем привлекла Рюрика славянская земля, и Олег поведал ему, как викинги появились в Новгороде, отчего не вернулись сразу к себе в Скандинавию и как Рюрика завлекла Гардарика, богатая страна...

— Конунг, — сказал Игорь, — ты был другом моего отца, и он повсюду, отправляясь в походы, брал тебя с собой. Не так ли? Ты же собираешься на Царьград, а меня намерился оставить в Киеве. Отчего?

Олег ответил не сразу, прошелся по палате, постоял у окна, словно любясь италийскими цветными стеклышками. Наконец заговорил:

— Правда твоя, Рюрик был для меня больше чем товарищ, он заменил мне старшего брата. Рюрик учил меня держать в руке весло и меч и не бояться врагов. Его драккар наводил ужас на все побережья. Умирая, Рюрик завещал мне посадить тебя на княжение, и я обещал ему не токмо исполнить его волю, но и укрепить род Рюриковичей на Руси. Не варяжской — славянской крови. Начало тому положено, ты примешь великое киевское княжение, жена у тебя корня сла-

вянского, умна, красива. Когда у князя киевского Игоря пойдут сыновья, будет продолжение и роду Рюриковичей, а Киев не токмо всем городам город, он всем народам славянским вместо матери. Помни о том, Игорь, Русь единая встанет, и быть ей единой во веки веков, какие бы бури над ней ни шумели, какие бы ураганы ни проносились. Теперь подумай, как же нам вдвоем Киев оставить, когда у него еще врагов предостаточно?

Олег подошел к Ольге, положил руку ей на плечо:

— Не дай зачахнуть роду Рюриковичей, на тебя надежда, княгинюшка...

Мысли нарушил голос ездового:

— Предславино!

Открыл Олег глаза — вдали завиднелись стены малого острога, крыши хором и изб в снеговых шапках. Великий князь киевский улыбнулся, довольный, приободрился.

Евсей успел попасть в Константинополь до морских бурь. Плыл купец, радуясь и огорчаясь. Радовался, что снова будет с Зоей, огорчался, чувствуя себя изгоем. Ведь не на год и не на два, а может, на всю жизнь Русь покидает.

Князь Олег правду сказывал: за веру и любовь не карают. А вот его, Евсея, волхвы наказали карой страшной — с родной земли изгнали, дом разорили, и только за то, что он от Перуна отстранился, веру Христову принял. Но ведь не все славяне — язычники, болгары давно христиане...

Ладья успела проскользнуть в бухту до того, как ее перекрыли цепью. Бортом коснувшись причала, бросила якорь. По зыбким мосткам ладейники выволокли на пристань тюки и, не дожидаясь Евсея, шумной толпой отправились на подворье Святого Мамонта, которого русичи именовали Святой Мамой...

Купец брел в гору, а за ним плелся караван осликов с грузом. На русской улице, попав на подворье Святого Мамонта, Евсей остановился, открыл дверь. Здесь он проживал всегда, приплывая в Константинополь. Пахнуло затхлостью. Погонщики сгрузили тюки, получили расчет, ушли. Евсей зажег жировую плошку. Ее тусклый огонек осветил голые стены с сырыми потеками, лавку, покрытую старым войлоком, столик и плетенное из лозы кресло.

Было прохладно, и Евсей не раздеваясь улегся на лавку, и так ему сделалось тоскливо и жаль себя, хоть плачь. Там, в Киеве, он сейчас попарился бы в баньке, поел горячих щей, закусил ломтем пирога и запил все холодным квасом...

Спал не спал Евсей, так, прокоротал ночь, ворочаясь с боку на бок, а как рассвело и открыли городские ворота, он запер дверь на хитрый замок и отправился к Зое.

Ночами Анна молилась. Молилась истово. Теплилась зажженная свеча перед маленькой иконкой Христа Спасителя, и губы гречанки шептали слова молитвы. Не себе просила она защиты, а чтобы защитил Господь ее народ от язычников-русов, которые собрались походом на Константинополь.

— Господи Всевышний, — выговаривала Анна, — не доведи до беды, убереги люди твоя от напасти.

Еще до смерти Лады она слышала о том, что Русь собирается войной на империю, но надеялась — такое не случится. Теперь это уже точно, Олег говорил княгине Ольге, что, верно, будущим летом, но не позже чем через год он поведет русов на ромеев.

И Анне виделось, как язычники, захватив Константинополь, разоряют его, угоняют ромеев в рабство. Она сама испытала горькую долю рабыни. А еще Анна боялась, что, возвращаясь из Царьграда, русы повернут на Херсонес. Их кони вытопчут виноградники Таврии, а гридни начнут крушить мраморные ко-

лонны и осквернять храмы — делать все, на что способны язычники, ублажая своего бога Перуна.

И такое случится, если базилевс и катапан не будут знать о намерениях русов. Но как предупредить их? С кем донести эту весть? Разве с каким-нибудь торговым гостем из Византии, а эти гости появятся в Киеве только потеплу.

Однажды Ольга заметила Анне:

— У тебя мягкие благовония.

— Моя прежняя госпожа покупала их у греческих гостей, а они привозят их с Востока.

— Хорошо. Весной отправишься на торжище и купишь мне такие же духмяные масла.

У Анны дрогнуло сердце: теперь-то она попадет на торг, отыщет такого купца, который сообщит о походе русов на Царьград.

— Я знаю, кто и где их продает, и непременно куплю, моя госпожа, — сказала гречанка княгине.

Камора Урхо в дальнем углу двора, а рядом бревенчатая голубятня. В тишине негромко воркуют голуби.

Выбрался лопарь, посмотрел, как молодой холоп, вспугнув стаю, усердно размахивает шестом с привязанной на конце тряпичей, гоняет голубей. Они кружат, а холоп, оставив шест и заложив два пальца в рот, свистит отчаянно.

Наконец либо холопу надоело, либо голуби устали, стая опустилась и, перебирая красными лапками по снегу, принялась склевывать зерна.

Присел Урхо на корточки, прищурившись, глянул на солнце.

Еще держалась студеная зима, и ночами, случилось, по-волчьи завывала вьюга, но весна уже чувствовалась. Иногда она давала о себе знать внезапно налетавшим сырым ветром, или в полдень вдруг пригре-

вало солнце и из-под соломенных стрех срывалась редкая, но звонкая капель.

Вышла стряпуха, росточка малого, неказистая, сказала жалостливо:

— Почто тебе, Урхо, далась Лопарингия, там, поди, весь год зима лютующая? Живи здесь, эвон скоро тепло наступит, хорошо!

Урхо головой покачал, губами почмокал:

— С тобой, баба, хорошо, но разве заменишь ты мне стойбище?

— Ты стар, Урхо, кто там тебя пригреет, рубаху и порты постирает?

— Разве Урхо потерял руки? Урхо увидит небо лопарей и станет топтать ягель.

— Эка, мох да болота, а тут красотища-то!

— Глупая баба, птица и та возвращается в родное гнездовье.

— Страшно, Урхо, куда едешь.

Лопарь долго раскачивался, что-то бормотал, наконец промолвил:

— Страшно, баба, страшно, ну как князь Юрий скажет: «Почто, проклятый лопарь, Ладу не уберег?» Что ответчу?

Стряпуха безнадежно махнула рукой, отправилась в поварню, а Урхо пошел к Скоробогату. Забившись в угол, шорник усердно подшивал валенки. Увидев лопаря, обрадовался:

— Давно не навещал, Урхо, садись.

Урхо на лавку присел, шапку снял:

— Лопарь здесь, а мысли там, где долгие ночи и пасутся олени, а в чумах варится мясо молодого олешка.

Рябая Скоробогатиха проворчала беззлобно:

— Сколь волка ни корми, он в лес смотрит.

Урхо не обиделся:

— Лопарь не волк, лопарь — человек.

— Хороший человек, — добавил Скоробогат и отбросил валенок.

Скоробогатиха плеснула в глиняную миску горячих щей, поставила на стол. Рядом положила луковичу и ломоть ржаного хлеба.

— Поешь, хороший человек, когда еще олениной насытишься.

Ел Урхо не торопясь, степенно, и было у него на душе горько. Жаль бабу-стряпуху, немногословного Скоробогата и его суровую с виду, но добрую жену...

Поел Урхо, посидел маленько да и зашагал к себе в камору.

Говорят, сердце не камень. Не каменное оно и у княгини Ольги. Когда молодая княгиня думала о великом князе, в ее душе пробуждалось теплое чувство, и Ольге делалось приятно.

Она хотела разобраться, что влечет к ней великого князя, и сердцем своим поняла: в нем зарождается любовь. То же самое и она в себе чувствует...

Ольга спрашивала себя, любит ли она Игоря, да и любила ли? На то и сама, поди, не ответит. Там, в Плескове, ей понравился этот высокий, совсем юный княжич, у которого усы и борода едва пробивались. Но любовь надо поддерживать постоянно, как огонь в очаге, иначе погаснет. Князь Игорь этот огонь поддерживал редко, немудрено, что он и угасать начал, не успев разгореться.

А вот великий князь, сам того не замечая, разжег огонь в сердце молодой княгини. Крепкий, голубоглазый, с густой сединой в волосах, с вислыми усами, он появлялся в Предславине и разнообразил жизнь Ольги. Даже шрам на лице Олега не портил его.

Теперь Ольга постоянно ждала приезда великого князя, сердце подсказывало ей — Олегу она не просто княгиня. Но великий князь был сдержан и помнил: она — жена Игоря. Да и сама Ольга не переступала границу дозволенного. Сколько раз вопрошала она Перуна, за что дал он ей эту грешную, но сладкую любовь...

Жизнь дана человеку, как великий дар Божий, но распорядиться ею каждый волен по-своему. Господь предназначал путь, и не отступишь от него, человек, живи по разуму. А собьешься — знай, трудно, ох как трудно сызнова вставать на стезю, указанную Богом.

У Олега своя стезя, и шел он по ней уверенно. Где оступался, не задумывался, на Господний суд уповал. Правду в одном видел — объединить славян в Русь великую, когда миром, но нередко мукой, случалось, и кровью, прикрываясь при том варяжским Вотаном или славянским Перуном. Тиверцам и уличам послал Олег сказать: «Не подчинились воеводе Никифору, ныне даю вам срок: не признаете власть Киева и не станете платить дань, разорю землю вашу. Это я вам говорю, великий князь Киевской Руси!»

Дерзко ответили тиверцы и уличи: «Не стращай нас и не похваляйся, на рать едучи, а приди и завоюй, коли осилишь».

Затаил Олег на них обиду, а Ратибору и Никифору сказал:

— Изведают они мой гнев!

— Истинно, — поддакнули воеводы, — пора!

— Ты, Никифор, начинал, а закончим, когда от ромеев ворочаться будем, ежели до того не уразумеют, где истина.

ГЛАВА 2

Итиль — город Хазарского каганата. Малые орды уходят на запад. Дикая степь принимает орды из-за Итиля. Ивашка едет на дальнюю засеку. Посол хаканбека у Олега. «Ты жнишь, я отступаюсь от Перуна?» Урхо у ушкунников. «Кони печенегов протопчут дорогу в Урсую»

Наплавной мост соединяет остров с основной частью города. Много лет ходит хаканбек этой дорогой, потому как на острове в густой зелени прячется дворец кагана.

Хаканбек шел неторопливо, слегка раскачиваясь. Он возвращался к себе, и мысли у него были о том,

что каган постарел и, наверное, скоро настанет его последний час: Господь приберет кагана.

Каган — наместник Бога на земле, он невидим для людей, как незрим и Всевышний. С каганом встречаются лишь главный раввин и хаканбек. Раввин читает кагану Тору, а хаканбек докладывает о делах в государстве и выслушивает указания. Но от хаканбека не укрылось, что год от года каган теряет разум, иногда он засыпает, убаюканный докладом первого министра.

Каган напоминает хаканбеку старого кота, который давно уже перестал ловить мышей.

Вода плескала на бревна моста, и хаканбек держался середины. Он глянул на речную даль, где по левую руку широко разлился Итиль. В низовьях река делилась на множество рукавов и проток с островками, на которых с ранней весны селились рыбаки, жившие здесь до самых заморозков. С весны и до зимы город пронизывал рыбный дух. Осетр и белуга, судак и сазан, рыбец и вобла в изобилии продавались на городских базарах. Пластами лежали на дощатых полках жирные, отливающие янтарем балыки, а в бочонках лоснилась черная икра.

Хаканбек любил город весенний, когда не было изнуряющей жары, не висела на улицах пыль и не несло ветрами горячий песок, скрипевший на зубах и засыпавший глаза.

Рысьим взглядом хаканбек окинул пристань с причалами, где сновали чиновники, взимавшие пошлину.

Как ручейки, питающие большую реку, пошлины, стекаясь в казну, наполняют ее, и оттого каганат процветает.

Глаза у хаканбека зеленые, с прищуром. Они все видят, и хаканбек знает обо всем — на то он и первое лицо после кагана. Мудрость хаканбека всем ведома. Он помнит, как каган упрекнул его в потере левобережья. Хаканбек и сам не может смириться с тем, что русичи залезли в казну каганата, но все попытки прогнать их на правый берег Днепра ни к чему не привели. Арсии темника Аюба были биты трижды.

Уж не постарел ли и он, хаканбек, как каган? Но нет, жена и молодые женщины, которые живут в его дворце, молчат об этом.

Однажды главный раввин упрекнул хаканбека:

— Ты веры иудейской, хаканбек, но ты нарушаешь обет и содержишь наложниц.

— Рабе,— ответил хаканбек,— сколько жен имел царь Соломон?

И раввин больше не возвращался к этому разговору.

Идет хаканбек по наплавному мосту, и мысли не дают ему покоя. Они у него вот уже десяток лет об одном и том же. Каганат могуч и богат, его данники трудно учитываются переписью, но так ли? У хаканбека уже нет в том уверенности. А все потому, что там, где некогда обитали славянские племена, подчинявшиеся силе каганата, возникло государство Киевская Русь. При прежних князьях они опасались хазар, а когда великим князем киевским сел Олег, он ответил каганату неповиновением. У него большая и сильная дружина, и киевский князь собирает славян вокруг Киева. Теперь прежние данники каганата — данники Руси. Олег разбил некогда непобедимых арсинов, помог уграм уйти за горы, разоряет хазарские села по Саркелу и его рукаву. Хаканбек даже подсылал к киевскому князю Ива, но его нож достал только княгиню...

Олег разбил большую орду печенежского хана Кучума, и теперь малые орды не угрожают Киевской Руси. Однако Олег не знает хаканбека, а он мудр и коварен. Выше по левобережью Итиля кочуют улусы печенегов. Они рвутся в степи Приднестровья, но на их пути стоит каганат. Если бы ханы этих печенежских орд пообещали не разорять хазарские поселения по Саркелу и поставить свои вежи между Бугом и Днепром, то он, хаканбек, не против пропустить их через каганат. Вот тогда князю Олегу будет не до хазар: большие орды печенегов не дадут покоя Киевской Руси.

Хитрая усмешка скользнула на тонких губах хаканбека и спряталась в седой бороде. Перейдя мост,

он остановился у высокого забора, за которым виднелся его дворец. Кто-то невидимый открыл калитку, и хаканбек вступил на усыпанную белым ракушечником дорожку. Он постоял, решая, пойти ли на половину дворца, где жила жена, или свернуть к наложнице. Однако, подумав, что день был слишком утомительным, отправился к себе отдохнуть.

Как побитый пес зализывает раны, так и Аюб, скрывшись в одном из отдаленных поселений на Саркеле, ждал гнева хаканбека.

Юрта темника стояла на самом берегу. Откинув полог, Аюб подолгу смотрел, как плавно несет Саркел свои воды, и это успокаивало его.

Ночами темник спал плохо. В забытии он все скакал и скакал, уходя от GRIDНЕЙ киевского князя, а пробуждаясь, думал о том часе, когда хаканбек велит бросить его в яму.

Днем Аюба пытались веселить музыканты и молоденькая танцовщица, но это не спасало темника от горьких размышлений. И когда за ним прибыл гонец от хаканбека, велел явиться в Итиль, Аюб покорно воспринял это.

Весь путь темник проделал молча, не обменявшись с сопровождающими ни единым словом. Аюб был готов к худшему.

Но неисповедимы пути Господни...

Киевское торжище на Подоле, вытянувшееся вдоль Днепра, с весны оживало, делалось шумным, многолюдным. К пристани причаливали ладьи, насады, расшивы из Новгорода, Чернигова, Любеча и корабли из чужих стран, убирали паруса, и гости, разгрузившись, спешили на торг, а он радостно оглушал их, крикливый, многоголосый и разноязыкий. Дудели дудки, свистели свирели, били бубны, а белый как лунь ста-

рик пел и играл на гуслях. И так от рассвета и до темна, будто иной жизни нет.

Торг — пристанище воров и всякого разбойного сброда, оттого здесь постоянно шныряют наблюдатели.

Анна попала на торг с тиуном, который ехал на Гору к великому князю. Узнав, за чем молодая княгиня послала гречанку, старый тиун только хмыкнул.

На торгу толпа подхватила Анну, закружила, понесла по рядам. По сторонам нищие в лохмотьях просили, канючили, требовали подаяния. Гречанка миновала голосистых нахальных пирожниц и сбитенщиков. Справа остались ряды бронников, по другую руку начались лавки с пряностями и духмяными мазями. Гости иноземные сукна и бархат, шелка и парчу штуками выложили, зазывают. Еще ряд, где расположились лавки купцов русских, тут же скорняки умелые торг мехами ведут: шкурами собольими и лисьими, куньими и беличьими, шкурами волчьими и медвежьими — всем, что есть в лесах Руси.

Прошлась Анна по лавкам с благовониями, купила для княгини мускус, спросила у молодого купца:

— Из каких земель приплыл, торговый человек?

Чернобородый белозубый купец улыбнулся:

— Приглянулся?

Но Анна не приняла шутки:

— Может, и так, да только не потому спрашиваю.

— Слыхивала ли ты о городе Херсонесе? — ответил гость.

— Тебя мне сам Бог послал! — воскликнула Анна. — Я ведь родом оттуда и язык родной не забывала. — И зашептала по-гречески: — Поспешай домой и непременно доберись до катапана, обскажи ему — великий князь киевский собирается в поход на Царьград. Если не этим летом, то в будущее он пойдет большим числом не только по морю, но и по суше. Пусть катапан не замедлит сообщить о том божественному.

— Спасибо тебе, женщина. Как зовут тебя?

Но Анна уже отошла от лавки, затерялась в толпе.

Весть облетела степь быстrokрылой птицей. Весть недобрая, взбудоражившая ханов малых орд: Берина, Амина, Пшигочича и Читука. Съехались они к Берину, расселись в юрте, поджав ноги. Хозяин сказал:

— Не быть нам ханами. Из-за Итиля через владения хазарские идут в наши степи большие орды печенегов — они проглотят нас.

Замолчал. Долго молчали и ханы, даже к расставленной на войлоке еде не притронулись, кумыса не испили.

Наконец Читук прервал тишину:

— Что делать, ханы? Смиримся ли?

И снова задумались.

— Может, поклонимся ханам? — предложил Амин. — Нам ли сопротивляться могучим Мурзаю и Сурбею?

Переглянулись ханы. Тихо в юрте, а за стенами шум и гомон. В вежах своя жизнь. Но вот Берин подал голос:

— Как хотите, ханы, а я откочую к горбам Угорским. У меня малая орда, но в ней я хан, в большой же орде я буду табунщиком.

— Я — как и ты, хан Берин, — поддержал его Пшигочич, поднимаясь.

Уже когда разъезжались, в седла садились, Читук и Амин сказали:

— Мы подумаем.

— Думайте, ханы, думайте, — услышали они голос Берина.

Нахлестывая коней, ханы малых орд разъехались каждый в свою сторону.

От сторожевых отрядов в Киеве стало известно: орда Берина сняла вежи и тронулась к днепровским переправам, на броды. Олег тому не удивился: кочуют печенеги.

Однако вскоре пришла новая весть: за Беринoм потянулась орда Пшигочича. Переправившись на правый берег, орды не остановились, продолжали откоче-

вывать к Бугу. В Киеве принялись гадать: что заставило печенегов покинуть прежние стоянки, неужли хазары вытеснили?

Первым засомневался воевода Никифор:

— Так спешно печенеги от хазар не побегут, тем паче в такую даль. Да и к чему хазарам изгонять их из Задонья, хазарам малые орды печенегов не угроза. Тут иная причина, бояре.

Задумался Олег: неужели прав воевода? Спросил:

— Уж не из-за Итиля ли ветер подул? Не зашевелились ли там кочевники? Думаю, недолго ждать осталось. Надобно, воеводы, заставы, которые на Суле, к рукаву Саркела выдвинуть да кметами усилить.

На том согласились, а боярин Путша вздохнул:

— Экая печаль, ровно напасть какая на Русь, только и успевай отбиваться.

— Сообща отобьемся,— заверил Олег и велел Никифору готовить ратников.

Вот и настал час, когда Урхо покидал Киев.

Он явился из Предславина накануне и все смотрел, будто навсегда хотел запомнить эти холмы, зазеленевшие по весне, дома и избы, хоромы княжьи.

Его уже звали, и, перекинув за спину котомку, с луком и колчаном в руках, он взошел на расшиву, направлявшуюся в Новгород.

Кормчий отдал команду, и расшива отчалила. Она поднималась вверх по Днепру медленно. Урхо все дни просиживал на корме, редко обронял слово, да его и не затрагивали.

Маленькое лицо лопаря, изрезанное крупными и мелкими морщинами, было непроницаемо. Иногда он что-то шептал беззвучно. Урхо будто не замечал ни лесов по берегам, ни лугов, ни полей. Даже деревни оставляли его равнодушным.

Вместе со всеми он тащил расшиву на переволоках, подкладывал под днище катки, снова усаживался

на прежнее место. Оживился Урхо только тогда, когда расшива вошла в Ильмень-озеро.

Если бы у лопаря спросили, о чем его мысли, он рассказал бы, что на всем пути думал и думал о своей долгой жизни в рабстве у князя Юрия, с тревогой ожидал встречи с ним и княгиней, как расскажет им о смерти Лады.

Урхо плакал, плакал без слез, рыдала его душа. Не было у лопаря никого ближе Лады. И еще бросало Урхо в дрожь, когда на ум приходил кривой князь Юрий. Страшен он в гневе.

Многотысячные орды ханов Мурзая и Сурбея за неделю переправились на правый берег Итиля. Весенний паводок сделал реку полноводной, широкой даже в ее среднем течении, но ожидать спада воды ханы не могли: надо было побыстрее обжиться на новых местах. Хаканбек позволил им пройти землями каганата только весной или зимой, когда на полях не поднялись хлеба, а ханы заверили, что по пути печенеги не разорят хазарские села и не станут разбивать свои вежи по Саркелу, уйдут к Приднепровью.

Не дав ордам роздыха, Мурзай и Сурбей повели печенегов на запад, вслед за уходящим солнцем.

От восхода и до темна, в сушь и ненастье потянулись северной окраиной каганата печенежские орды. Шли, горяча коней, тумен за туменом. Скрип высоких двухколесных повозок, рев скота и крики погонщиков, топот копыт множества табунов оглашали воздух.

Печенеги продвигались по лесному краю каганата, они с нетерпением ждали выхода в степь. За ордами следили конные арсии темника Аюба — так велел ему хаканбек, вызвав с Саркела в Итиль.

Мурзай и Сурбей были довольны: они давно собирались попасть в степи, к морям Сурожскому и Русскому, но на их пути стояли хазары. Теперь хаканбек сам предложил печенегам перекочевать в степи Приднепровья, и не успели орды Мурзая и Сурбея пере-

правиться через Итиль, как в степи Заволжья хлынули торки, берендеи, черные клобуки и иные степные народы.

— Хазары хитрые, они привыкли брать дань и считать деньги, но разве они обманут печенега? — говорил со смешком Мурзай. — За Саркелом пасутся их стада, но, как только мы попадем туда, я прогоню хазар, и в степях от Саркела до Днепра будут кочевья моей орды. Не хочешь ли ты, хан Сурбей, поставить свою юрту рядом с моей?

— Нет, хан Мурзай. Разве степь подобна овчинной шкуре? Степь не имеет конца. И от Днепра на запад, куда торопится солнце, все возьмет мой улус. Наши юрты будут далеко одна от другой, но, когда потребуется, воины твоей и моей орды будут вместе. Не так ли?

— Ты хорошо сказал, хан Сурбей. Мы поделим степь, как братья, и горе тем, кто встанет у нас на пути!

Запад догорал багряно. Ольга знала: вечерняя заря к дождю. Так всегда было, когда она жила в Плескове — киевляне ее родной город называют Псковом. И здесь тоже: горит запад на заходе солнца — жди на другой день ненастья.

И еще одно заметила Ольга: если дождь начинается в субботу, он продолжается с перерывами всю неделю.

Весь вечер Ольга бродила по лесным опушкам вместе с девушкой-холопкой. Та носила большую плетеную корзину, полную грибов — маслят, лисичек, подберезовиков и подосиновиков. Белые не попадались: еще не настало им время.

Грибы собирала в основном холопка, а княгиня ходила и мысленно вела разговор с Игорем. Она как бы продолжала с ним утренний спор. Княжич сызнава собирался на охоту, и Ольга спросила его:

— Гоже ли будущему великому князю не заботами жить, а потехой?

Спросила зло, и Игорь ответил так же резко:

— А гоже ли княгине укорять князя?

— Ты прав, негоже. Но только такого, как великий князь Олег.

— Ныне не я, а он великий князь, ему и воз везти.

Ольга усмехнулась:

— Ты Олега с конем сравнил, да позабыл, что настанет день, когда сам в этот воз впряжешься и потянешь как неук. Лучше к советам Олега прислушайся. Он ли тебе зла желает?

Однако и на сей раз Ольга понапрасну убеждала Игоря. А ведь на днях появился в Предславине великий князь, и был он озабочен, сказав: «Новые печенежские орды в степь вошли».

Подчас Ольга задумывалась: а по плечу ли Игорю великое княжение? Даже с Олегом поделилась своими сомнениями. А тот рассмеялся:

— Видела ли ты, Ольгица, как резвится жеребенок? Вот и муж твой хоть уже и не стригунок, но и не конь добрый. Его час настанет, поверь мне...

И Ольга таким ответом была довольна, она благодарна великому князю: Олег, как настоящий мужчина, поступил великодушно по отношению к Игорю.

День обещал быть жарким. Утро началось тихое, на небе ни облачка. Смерд шагал по вспаханному полю и ровно разбрасывал семена. Он набирал из короба, висевшего на боку, горсть зерна, приговаривал:

— Уродись, ярица, крупна и добра.

Топчет смерд босыми ногами парящую землю, а за ним скачет воронье, выклеывает семена. Остановится мужик, взмахнет рукой, шикнет. Но птицы взлетают и снова падают на поле.

— Проклятая птица! — бранится смерд. — Где мне зерна на тебя набраться? Ровно тиун прожорливый.

И вздыхает, поругивая тяжкую долю мужицкую. Особенно трудна она у смерда полянского и суличского. То хазары заявятся, то печенеги наскочат. Ограбят, и коли смерд в бега не ударится, не уйдет в лес, то и в полон угонят. Свяжут попарно и поведут дорогами на невольничьи рынки Итиля и Херсонеса.

В обед присел смерд передохнуть, вынул из холщовой сумки ломоть хлеба, луковицу, кубышку с квасом. Нароботался вдосталь, но едва за еду принялся, как раздался конский топот, гридень подъехал. С коня соскочил, спросил:

— Примешь ли ты меня, ратай, обеденное время скоротать?

— Доброму человеку завсегда рад.

Гридень засыпал в торбу пригоршни две овса, подвесил коню на голову, прежде разнуздав его. Потом достал из переметной сумы хлеб, четвертушку сала, кусок мяса, разложил все на траве.

— Ешь, ратай, а я пока твоего кваса попью. Тебя-то как звать-величать?

— Якимом.

— Тебя Якимом, а меня Ивашкой кличут. Сотник я великого князя киевского, а еду на заставу: сказывают, новые орды объявились. Слух есть, с Заволжья печенеги пришли.

— Не доведи, Перун, до греха! — испугался смерд. — Всю жизнь нас степь обижает. Что за напасть, скажи, сотник?

Сделав несколько глотков, Ивашка отставил кубышку, отер губы тыльной стороной ладони:

— Не степь виновна, а кто в степи живет. Ты вон хлеб сеешь, ночи не спишь, весь в заботах, а что печенег выращивает? Со скотом он тоже забот не ведает, скот у него и летом и зимой корм сам себе добывает. А зерно степняк у тебя, ратай, отнимет.

— То так.

Смерд, с горечью почесав затылок, принялся за еду.

Ивашка сызнава приложился к кубышке. Оторвавшись, сказал:

— Ты, Яким, печенега в набеге видел, а я у них в неволе побывал, натерпелся, едва ноги уволок. Печенег силу чувствует оттого, что мы порознь тянули. А почему Кучума одолели? Да потому, что князь Олег объединять князей начал. Будет одна Русь, и никакие ханы ей не страшны, и в степи печенегов достанем, ежели они нам угрожать станут.

— Помогай, Перун, великому князю, помогайте, боги.

Ивашка коня взнуздал, вскочил в седло:

— Сей хлеб, Яким, без хлеба, вами возвращенного, Русь не Русь, а дружина княжья вас оборонит. А квасок твой ядрен, видать, хозяйка у тебя добра.

Где шагом, где рысью ехал Ивашка.

После Канева дорога, по которой Ивашка добирался до заставы, пустынна, редкий человек встретится. Чаще какой-нибудь ремесленник либо смерд на телеге протарахтит. А однажды сотник повстречал кудесника. В дальней поездке не одна мысль попетляла. Встреча с мужиком-сеятелем вспомнилась. Гридень его хоть и успокаивал, а самому было тревожно: большими ордами печенеги в степь вступили. Через каганат прошли: не удержали хазары. Послал его, Ивашку, великий князь на заставы узнать, не уперлись ли печенеги правым крылом в лесостепь. Да чтоб старшие застав лазутчиков в степь высылали. У Олега дружины немалые, каждая в полторы-две тысячи гридней, а при надобности великий князь ополчение соберет, отпор даст. Но хазарские и печенежские набегі страшны не своей численностью, а неожиданностью...

В пути Ивашка ночевал где придется, а чаще всего в деревнях, где сумерки застанут. Как-то остановился в избе, прижавшейся к лесу. Изба как изба, разве что место мрачное, безлюдье, глухомань. На ветру шумит лес, переговаривается. Хозяйка одна, баба грузная, пучеглазая. Постелила гридню на лавке. Уморенный

Ивашка заснул сразу, однако перед самым рассветом пробудился: шепот почудился. Сел, насторожился. Так и есть, переговаривались двое. Один голос женский, его Ивашка узнал сразу — хозяйке принадлежал, другой — мужской. Хозяйка спросила:

— Где пропадал?

— Где пропадал, там меня уже нет. На торжище киевском промышлял, насилиу от дозора скрылся, поди, до сей поры ищут.

— На чем попался?

— Восточного гостя пощипали, в Днепр кинули. Кто у тебя?

— Гридень.

— Каким лешим занесло?

— Спроси.

— Мне его конь нужен.

— Попроси,— хихикнула баба.

Ивашка догадался: никак, в разбойную избу угодил. Тут снова баба зашептала:

— Конь-то для какой нужды?

— В Тмутаракань подамся, здесь меня сыщут. Не век же мне в твоей избе отсиживаться. А в Тмутаракани кому я нужен?

— А я-то как?

— Че ты, кто тебя знает? Я коня возьму.

— Пробудится гридень — с кого спрос?

Мужик хрипло рассмеялся:

— Не пробудится. Утром закопаешь, а одежонку себе возьмешь. Где уложила?

— На лавке.

Шепот стих. Стараясь не шумнуть, Ивашка ноги с лавки спустил, меч обнажил. По крадущимся шагам определил — мужик разбойный рядом, и, не дожидаясь, пока тот навалится, ткнул мечом. Ойкнул разбойник, упал.

— Эй, баба, вздуй огня! — крикнул Ивашка.

Хозяйка засветила лучину, запричитала:

— Чтоб ты сдох, проклятый гридень! Зачем убил?

Ивашка через мужика переступил, уже от двери прикрикнул:

— Не визжи да благодари Перуна, что тебя пожалел! Ты-то меня зреть хотела с горлом перерезанным?

Вывел гридень коня, оседлал и, поймав ногой стремя, уселся в седло. Когда отъехал, подумал: «Эка угрозило! Сжечь бы все гнездо воровское». Однако возвращаться не стал, решив: «На обратном пути успею, коли баба не сбежит».

Выплеснувшись через каганат в Задонье, орды печенегов сразу же столкнулись с хазарами-кочевниками, потеснив их от низовьев Саркела к Белой Веже. От моря Сурожского по всему Задонью, разбив свои вежи, осел улус хана Мурзая.

Проводив Сурбея, Мурзай позвал любимого темника Бахача:

— Бахач, твои воины несокрушимы, потому держи хазар в постоянном страхе. Ты должен знать, что замышляют в этом хитром иудейском царстве, и напоминай хазарам, кто хозяин степи. Тогда в наших вежах будут спать спокойно.

В гневе был хаканбек: для того ли пропустил он печенегов через Итиль? И тотчас направил посольство к Мурзаю. Но послы принесли от хана насмешливый ответ: «Разве мудрый хаканбек не знал, что печенеги не данники хазар?»

Степь за Саркелом Мурзаю приглянулась сразу. За долгие годы кочевой жизни он многое повидал, но на таких сочных травах его табуны и многочисленные стада паслись впервые.

Еще до расставания ханы выехали на курган и с его высоты долго любовались сочной зеленью. Наконец Мурзай сказал Сурбею:

— Здесь, Сурбей, мы с тобой попрощаемся. Путь твоей орды проляжет к Приднестровью, а в этой степи кочевье моего улуса.

Обнявшись, ханы разъехались.

Минул месяц. Мурзай знал: вежи Сурбея уже на правом берегу Днепра, и степи там обильные. Хан даже подумывал, не прогадал ли он, когда остановил свой улус в низовьях Саркела. Не лучше ль было бы, если б ветер Приднепровья продувал его юрту, а кони Сурбея щипали траву Задонья? Тогда хазарские воины каждодневно дышали бы в затылок не ему, хану Мурзаю, а Сурбею...

А еще Мурзай завидовал Сурбею: у его воинов прямая дорога на Кий-город, а от набегов в Урусию орда Сурбея сделается богаче орды Мурзая...

Свою вежу Мурзай поставил там, где Саркел впадает в море Сурожское. Далеко видна просторная, белого войлока юрта, а вокруг полумесяцем стоят юрты семи его жен. В самой ближней живет юная, как цветок, Танзи. Мурзай купил ее у купцов из далекого Хорезма. Он заплатил за нее много золота и не жалеет. Хорезмийка привязала его к себе, и теперь хан только к ней протоптал дорожку, а входы в юрты других жен поросли травой.

Колеблется на шесте ханский бунчук. День и ночь покой Мурзая охраняют храбрые стражи. Они свирепы и беспощадны.

По утрам хан объезжал коня. Он любил утреннюю степь. С высоты конского крупа Мурзай видел зеленую даль. Она где-то сходилась с небом. Иногда хан подъезжал к морю. Пока волны омывали конские копыта, Мурзай дышал сырым соленым воздухом и часто думал, что море, как и степь, меняет свою окраску: оно то зеленое, как молодая трава, то серое, подобно выгоревшей в зной степи, а то начинает перекачивать волны, ровно ковыль в непогоду.

Второе лето орда Мурзая не ходит в набег. Еще за Итилем хан бросал печенегов на камских булгар. А ведь хан знает: без войны улус слабеет, она печенегу праздник, кровь недруга пьянит, как хмельной кумыс. В набег печенег скачет с пустыми сумами, возвращается отягощенный, иногда приводит полонянку, жену. Когда хазары не будут угрожать улусу, Мурзай

поведет орду на Русь, а пока станет посылать в набеги своих тысячников. Они, подобно стреле, пущенной из тугого лука, промчатся по Урусии и вернутся с добычей.

Гикая и визжа, пронеслись по земле суличей печенеги. Правым крылом прошли по левобережью, дав о себе знать князю Олегу.

И с застав дошли в Киев тревожные вести: в Дикой степи орды печенегов силой великой объявились. Особое беспокойство у Олега вызвал улус Сурбея, чье кочевье у самой границы Киевской Руси. Чаше, чем прежде, загорались теперь сигнальные шары на заставах, и спешила к Дикой степи княжья дружина.

Но однажды Олег позвал бояр и воевод, сказал:

— Не будем ждать, пока орда под стенами Киева встанет, отправимся в степь искать ее.

И в Киеве принялись готовить дружины, собирать ополчение.

Выступили в первый осенний день, когда хлеб сжали и у смерда работы поубавилось. Воевода Ратибор повел ратников правобережьем, а Олег, переправившись на левый берег, посадил пеших на телеги и сам с конной дружиной тронулся к Саркелу.

Осень стояла теплая и сухая. Высохшая в солнцепек степь лежала серая и унылая. Снявшись со становищ, печенеги избегали боя, ускользали от преследователей, будто играли с противником. А Олега сдерживали пешие ратники. Даже на телегах они не поспевали за конной дружиной, оставить же их Олег не решался: ну как нападут печенеги на ополченцев...

А когда листопад месяц закончился и назимник о себе дал знать первыми ночными заморозками, князь велел возвращаться в Киев.

— Однако не попусту мы исколесили Дикую степь, — говорил он, — пусть знают печенеги: коли не уймутся, мы с весны пойдем на них и сыщем, разорим улусников.

Ступил Урхо на новгородскую землю, кормчему и ладейникам поклонился и, потоптавшись у причала, от моста медленно побрел к приказной избе. Шел тяжело, предчувствуя, что не добром встретит его князь Юрий. Ноги, обутые в сыромятные постолы, будто чужие ступали по мостовой. Бревенчатые плахи местами подгнили, и лопарь подумал, что посадники и уличанские старосты плохо следят за городом. В Детинец свернул. У открытых ворот ратник с копьем, щит у ног поставил, на Урхо никакого внимания не обратил. Вот изба приказная, кованые двери настежь. Заглянул в них Урхо — в избе малый, писчий человек, хозяйничал: сидел на лавке у дубового стола, потемневшего от времени, что-то царапал на бересте. А у стен ларцы, полосовым железом обтянутые, и в них книги счетные, куда малый вписывал доходы и расходы новгородские, грамоты берестяные...

Он лопаря заметил, бровь поднял. Урхо о князе спросил и услышал, что тот на Ильмене и будет через два дня.

Выбрался лопарь из избы, постоял, размышляя, куда ему теперь податься, и неожиданно увидел Доброгоста. Тот на Урхо тоже внимание обратил, узнал. Принялся расспрашивать о Киеве. Рассказал ему Урхо обо всем, от сына Ивашки поклон передал, поведал и о бедах своих. Нахмурился староста кончанский, думал недолго:

— Ты, лопарь, на своем веку немало помыкался, да и невольник князя Юрия — к чему далее судьбу испытывать?

Взял Урхо за рукав, на пристань повел:

— Завтра с утра ушкуйники на север направляют-ся, они тебя с собой возьмут, а там сам поглядишь, с ними ли останешься либо в отчий край подашься.

Стылым осенним днем, когда уже свернулся лист, готовый осыпаться, а низкое небо грозило первым снегом, к переправе, что у Боричевского своза, подъ-

ехала группа всадников в богатых одеждах. На переднем шуба соболья и такая же шапка, сапоги зеленого сафьяна, руки в кожаных на меху рукавицах.

За всадниками остановились две груженные повозки на высоких колесах. Всадник в собольей шубе что-то сказал одному из сопровождавших, и тот, спустившись к самой воде, закричал пронзительно:

— Посол великого кагана, хан Тургут, к великому князю киевскому!

Однако паромщик медлил, и толмач снова закричал:

— Эге-гей, холоп, уж не глухой ли ты?

Дожидаясь перевоза, Тургут рассматривал город, разбросавшийся по холмам, бревенчатые стены, башни. Внизу, у спуска, посад, который киевляне именуют Подолом. Там главное торжище. Тургут перевел взгляд вверх, где виднелись княжьи хоромы. А вон на той вершине капище языческое, там дым вьется — значит, горит огонь жертвенный. Хан — иудей, он эту веру недавно принял. Но в каганате к верам терпимы, почти все хазары — иудеи, есть среди них и язычники, но хазары-кочевники — мусульмане. В Итиле у каждой веры свой храм, свои боги.

Наконец паром отчалил и медленно пополз к левому берегу.

Рядом со старыми княжьими палатами поднялись стены новых каменных хором, светлых, с Красным крыльцом, вдвое больше прежних. Хоромы вот уже третье лето строили умельцы со всей Киевской Руси. Тес для крыши заготовили заранее, а для полов сосны на доски распускали. Выбирали, чтоб не сучковатые были, просушивали — сырые рассохнутся, скрипеть будут, ровно телега немазаная. На оконца ромеи привозили стекольца венецианские в обмен на меха и зерно.

Хазарского посла Олег принимал в старых палатах, один на один: посол по-русски не только разумел,

но и говорил бойко, без толмача обходились. Князь и хан сидели друг против друга за небольшим столом темного дерева. Из глиняного муравленого сосуда Олег налил в серебряные чаши сладкого корсунского вина:

— Изопьем, хан, чтоб речи наши плавно лились.

Хан пил мелкими глотками, наслаждаясь, а когда отставил чашу, заметил:

— Это вино, великий князь, взяло сок земли и жар солнца. Такой виноград растет в Таврикии.

Олег согласился:

— Ты прав, хан. Я не был там, но говорят, на той земле родится щедрая лоза, а в небе все дни висит горячее светило.

— Земли великого каганата отделены от Таврикии узким рукавом моря Сурожского, — снова сказал посол.

— Не кажется ли тебе, хан Тургут, что каганат уподобился пресытившемуся зверю, который потерял проворность и много спит?

— Князь, я приехал к тебе как друг.

— Так ли?

Олег посмотрел на хазарина с насмешкой. Хан доведен, и на его бритом лоснящемся лице блуждает улыбка. Князь ждал, что еще скажет Тургут, и тот продолжил:

— У нас один враг — печенеги.

— Ты прав, хан, но почему хазары пропустили в степь новые орды? Уж не мыслил ли хаканбек, что печенеги бросятся на Русь и оставят в покое каганат? Хитрость хазарская противу них и обернулась. Ныне улус у каганата под боком и печенежские копыа колют хазарина в бок.

Посол пожал плечами:

— О чем думал хаканбек, мне неизвестно, великий князь, но он передал: между Русью и каганатом должен быть мир.

— Я слышал подобное от посла Рувима. Седобородый посол уговаривал нас отказаться от левобережья.

Хаканбек, верно, не знал, что там живут данники Киева, а не каганата. Так ответь, хан Тургут: есть ли между нами мир и кто его первым нарушает?

— Надо ли вспоминать старые обиды, великий князь? Не лучше ли иметь мир в будущем?

Олег пристально посмотрел на Тургута:

— Мы не против. Но пусть хазарские воины забудут дорогу на Русь. Хаканбек уподобился тому охотнику на медведя, который впервой взял в руки рога-тину.

— Но и ты, князь, не должен разорять наши села.

— Первым — нет. Но коли вы ряд не сдержите, обнажу меч, и не будет вам пощады.

Олег снова налил в чаши вина.

— Давай выпьем, хан, чтоб такого не случилось. О том и хаканбеку скажи. А хитрость наказуема бывает, как то у него с печенегами вышло: задумывал одно, а получилось иное.

Выпили. Тургут сказал:

— Ты хорошо говорил, князь Олег: пусть не война, а мир будет между нами.— Отставил чашу, поцокал языком.— Я гость, ты хозяин, добрый хозяин.

— Ежели я хозяин, а ты гость, хан Тургут, так отправимся в гридницу трапезовать: там нас бояре заждались.

Хлебосольно потчевал великий князь киевский хазарского посла, всю ночь пили и ели, а к утру Тургут уткнулся головой в деревянное блюдо с мясом, заснул. И так захрапел, что уже не слышал, как бояре расходились, посмеивались:

— Невоздержан хан на питье!

— Куда его? — спросил Путша у Олега.

— Не троньте, покуда сам не очнется и хмель не выветрится. А как голову от блюда оторвет, в том углу уложите, пусть ночь доберет.— И Олег указал на ворох соломы в конце гридницы...

Приснился Тургуту сон, будто обнимает его девица, жарко дышит в лицо. И так хану приятно и сладко! Открыл глаза — лежит он на соломе, и огромная лохматая собака облизывает ему губы своим шершавым горячим языком.

Пнул Тургут пса кулаком в морду, поднялся, сплюнул. В голове гудит. Тошнит. Добрался хан до стола, плюхнулся на лавку и, отыскав чашу с вином, допил. А едва день начался, засобиравшись Тургут покинуть Киев...

Проводил Олег хазарского посла к переправе, мехами одарил, украшениями золотыми, а от лихих людей нарядил сопровождение из десяти гридней, наказав:

— До самых рубежей Руси Киевской обороняйте хана.

Доволен хазарский посол, прежде чем на паром вступить, намерился было князя киевского обнять, да чуть не упал: хмельного перебрал. Олег едва хана подхватил:

— Вот и сладко вино таврическое, однако с ног валит.

И стоял у Днепра, пока хазары на другой берег не переправились.

Тургут уже на той стороне малахай с головы скинул, замахал, что-то орал — не поймешь, по-русски или по-хазарски.

Вернулся Олег в хоромы, сказал боярам:

— В хитрости хаканбека ума не было, мыслил: впустит орду в степь, она нас щипать станет, — ан печенеги с хазар шкуру спускают. От добра ль каганат с нами мира ищет? — И усмехнулся: — Пока хазарин и печенежин во вражде, мы у ромеев бываем. Время настает посольство к царю Симеону слать.

Переглянулись бояре: на кого Олег укажет? А он обвел всех взглядом, на Никифоре остановился:

— Тебе, воевода, посольство править. — Помолчал, щеку потер. — По первопутку отправишься. Присмотришься, кто нам друг, дороги в горбах выведай.

Тебе, воевода, сухопутьем полки вести, оттого и по-
словом к болгарам едешь.

Никифор кивнул согласно:

— На той неделе в путь тронусь, князь. Эвон сне-
жок порошит.

— То и ладно. И вам, бояре, дело сыщется: ко
всем князьям славянским отправитесь звать на импе-
рию. Да не токмо Русь поднимем, но и чудь, и мерю,
и иных друзей наших, чтоб ромеи содрогнулись. А в
Новгород Ратибора пошлю: чать, он новгородец, ему и
на вече речь держать, люду кланяться.

В высокой глинобитной ограде дворца хаканбека
были потайные оконца, через которые тот разгляды-
вал улицу, оставаясь невидимым. Особенно интересо-
вался он той частью улицы, где она выходила к ба-
зару.

Когда после субботы, запрещенной по иудейской
религии для всяких дел, оживал базар, хаканбек при-
никал к оконцу, подолгу разглядывал, чем живет
Итиль. Поднимая тучи пыли, трусили груженные тю-
ками ослики. Казалось, у поклажи выросли голова с ог-
ромными ушами и ноги. Шагал караван верблюдов,
гордых и невозмутимых. Рядом плелись погонщики.
Ехал отряд арсиев на тонконогих скакунах. Спешил
на базар люд, одетый в разнообразные наряды: в вос-
точные халаты и чалмы, овчинные тулупы, домотка-
ные армяки из грубой шерсти и дорогие шубы. По
одежде хаканбек мог определить, из каких мест тот
или иной человек.

Совсем рядом у потайного оконца ограды две ни-
щенки, одетые в жалкие рубища, затеяли спор. Одна
другую обзывала. Хаканбека это вывело из себя, и он
велел страже взять нищенок и наказать достойно.

Насмотревшись на жизнь Итиля, хаканбек уходил
во дворец, где его ожидали государственные дела. Во
дворе толпились главные чиновники по сбору пошли-
ны. Раз в неделю хаканбек принимал их. Чиновники

докладывали ему о поступлениях в казну, и по тому, увеличивались они или уменьшались, хаканбек судил о проезде через каганат торговых гостей, о торговых сделках и о торговле в государстве.

Особый чиновник, облеченный высокими полномочиями, ведал учетом доходов из Тмутаракани. Этот город на берегу рукава, соединяющего море Сурожское с морем Русским, был пристанищем для многих купцов. Его не миновали гости из Херсонеса и Руси, Византии и итальянских земель. Через него пролегал путь на Восток. Хаканбек говорил, что Тмутаракань — это крупный бриллиант в перстне каганата. Утрата такого города для него была равна потере одной трети всех доходов хазарской казны.

После того как в придонские степи вошла орда Мурзая, Тмутаракань постоянно тревожила хаканбека: ну как печенеги прорвутся к предгорьям и отрежут ее от каганата! Разве мог он, мудрый хаканбек, подумать, что печенеги не на Русь обратят внимание, а на Хазарию... Если Тургут привезет мир и князь Олег не будет угрожать хазарским селам, хаканбек выставит против печенегов всю мощь каганата и заставит их откочевать к правобережью Днепра. Пусть тогда Мурзай и Сурбей столкнутся между собой. Они перекроют русским купцам торговый путь из Византии в Киев. Вот тогда князь Олег поймет, о чем мыслил хаканбек, пропуская печенежские орды в степи Приднепровья.

На берегу Днепра в стороне от Подола плотники строили ладьи. Ставили каркасы, тесали доски и обшивали остовы. Тут же булькал в чанах вар. Ладьи конопатили, смолили и уже готовые спускали на воду, перегоняли выше по Днепру, где за поворотом реки находилась их стоянка. Здесь ладьям предстояло зимовать. А в морозы, когда Днепр сковывало льдом и ладью нельзя было спустить на воду, корабли морозили борта на снегу.

По подсчетам Олега, он должен повести на Царьград тысяч десять ратников: пять из них пойдут морем, а остальные — сушей. Коли никакой помехи не случится, полки выступят в мае-травне месяце, а в июне-розанцвете встанут под стенами Царьграда.

Великий князь киевский знал, как много опасностей будут подстерегать ратников и на море, и на суше, но он верил: удача будет ему сопутствовать. Олег чувствовал азарт, подобно тому, как чувствует себя охотник, идя с рогатиной на медведя.

Князь часто думал о Царьграде, и он ему виделся. По рассказам торговых людей, а особенно Евсея, Олег представлял каменные стены и башни Константинополя, город, поднимавшийся по холмам, Золотые ворота и голубую гладь бухты, где стоит флот Византийской империи. С ним, могучим оплотом Византии, предстоит сразиться ладьям Киевской Руси.

Пока Олег не решил, возьмет ли с собой варягов. Они бойцы опытные, с ними он высаживался на побережья, брал крепости. Сотня викингов сокрушала вражеские отряды. Варяги ходили в бой острым треугольником, славяне называли такой строй вепрем. Но викинги потребуют за свое участие в походе равную долю с русичами.

Олег решил посоветоваться с боярами, звать или не звать викингов в поход на империю, а пока отправил санные обозы в полюдьё собирать дань.

— Устал ты, великий князь, — участливо сказала Ольга, когда Олег выбрался из саней и, тяжело ступая, поднялся в хоромы.

Они вошли в светлые и просторные сени, холоп принял от князя шубу и соболью шапку.

— Нет, княгинюшка, не годы дают — заботы. Мыслил: не стало Кучума, малые орды хоть и разбойные, однако не осмелятся на Русь ходить. Ан не все так, как хочется: печенеги большими ордами в Дикую степь ворвались и уже у суличей беды наделали...

Олег оглянулся:

— Что-то Игоря не вижу?

Княгиня махнула рукой:

— Сызнова на охоту подался.

Князь нахмурился:

— Разве его Русь не касается?

— Нет у меня с ним лада, великий князь, поговори ты с ним.

Олег кивнул:

— Добро! Пора княжичу честь знать, не все в селье жить, о Руси Киевской надо задуматься.

И он сменил разговор:

— Веди, Ольгица, в трапезную да обедом потчуй, ино голодом уморишь. А я ведь не токмо душой отдыхать к тебе приезжаю, но и за столом с тобой посидеть, на тебя наглядеться.

Пробудился Ивашка от какой-то торжественной тишины. До рассвета еще далеко, но в опочивальню свет льется чистый. Осторожно, чтобы не разбудить Зорьку, поднялся и, ступая босыми ногами по холодным половицам, подошел к оконцу. Сквозь прозрачную слюду увидел заваливший землю снег. Крупный, пушистый, он падал невесомо, и по тому Ивашка определил, что ночь морозная.

Вот и зима легла надолго. И от первого тихого снега такая торжественность. Ночную тишь пока не тронул дневной шум, казалось, все спало, не потревоженное, присмиревшее. И так будет до самого утра, пока Киев не пробудится и не начнет свою повседневную жизнь.

Ивашка вспомнил: сегодня он уезжает в неведомую ему Болгарию. Князь посылает его с воеводой Никифором в страну гор, поросших лесом, бурных рек и зеленых долин. Киевскому посольству предстоит встретиться с царем Симеоном, победившим самих ромеев, и узнать, пропустят ли болгары русов через свои земли.

Узнав о предстоящем отъезде мужа, Зорька загрустила. Она ждала ребенка и попрекнула Ивашку, что он покидает ее в неурочный час. Но разве от него зависит, ехать или не ехать. Ведь он гридень! Будь на то его воля, он остался бы в Киеве, покуда Зорька не праздна. Кто ведает, как оно все обернется...

И у Ивашки при такой мысли заболела душа. Он отошел от оконца, под ногой скрипнула половица, однако Зорька не проснулась. Бережно накинув ей на плечо одеяло, Ивашка прилег рядом.

Прикрыл глаза, задремал. И увидел удивительный сон. Будто вернулся он с улицы, а Зорька навстречу ему ребенка тянет. «Держи,— говорит,— сын твой, тоже Ивашка. Эвон какой голосистый, ужли в тебя? В Новгороде буду, непременно спрошу батюшку твоего: не таким ли ты был в малолетстве?»

Сладкий сон, ровно меда испил. Потом сон перенес Ивашку в Новгород к отцу, Доброгосту, и матери. Ивашка знает, мать — покойница, в последний раз видел ее живой, когда с ушкуйниками подавался на промысел...

Утром, едва пробудился, Зорька спросила:

— Ты чему во сне улыбался?

— Тебя с малым Ивашкой видел, радовался.

Зорька рассмеялась:

— А я вот думаю, отчего мужики не рожают? По справедливости ли?

Ивашка поднял брови.

— Эвон ты о чем! Тогда мужик бабой был бы да не в штанах, а в сарафане хаживал,— ответил он и обнял Зорьку.

Ольге едва пятнадцать исполнилось, как стала она женой князя Игоря. В ту пору браки на Руси зачастую были ранними, равно как и в европейских странах, и на Востоке. Мог ли Олег забыть, как привел в дом первую в его жизни женщину, Лауру, и сделал ее своей женой? Тогда ему исполнилось четырнадцать

лет, и он взял Лауру на меч из горящего, поверженно-го города...

В свои четырнадцать лет Олег уже достаточно познал цену жизни, мечом и стрелой вершил судьбы людей.

Лада стала его женой, когда ей исполнилось пятнадцать лет, была такая же, как ныне Ольга,— молодая, красивая. Князь смотрел на Ольгу и видел Ладу, вспоминал Ладу, а чудилась Ольга. И ничего не мог поделать с собой. Не волен человек в своих чувствах. Приедет князь в Предславино, болью отзывается в нем смерть Лады, а Ольга словно исцеление в душу вносит.

С годами прибывает к человеку мудрость, но, случается, вдруг застучит сердце, как в молодости. Пожалуй, такое испытывал князь Олег, когда наезжал в Предславино. И тогда молил он Вотана и Перуна, чтоб разум не оставил его. Думал, пойдет на ромеев и в сражениях, где рядом жизнь и смерть, отступит, позабудется любовь, возьмет верх здравый рассудок.

И торопил время...

Нарядил Олег бояр к князьям и старейшинам славянских племен, дабы поспешали те по теплу с дружинами и ополченцами в Киев славы добывать. И был убежден великий князь, что вся Русь отзовется на его клич, ибо не сыщется такого русича, который к славе не тянется.

Живя в Предславине, Ольга не появлялась на капище, но волхвы не забыли о молодой княгине, и однажды, повстречав великого князя, главный жрец заметил Олегу:

— Отчего княгиня Ольга не ведает дороги к жертвенному огню?

— А ответь, кудесник, видел ли ты княгиню в Киеве? Но коли в том ее грех, то прими от нее гривны и купи быка в жертву Перуну...

О том разговоре Олег не сказал Ольге. А она как-то зашла в камору к рабыне-гречанке. Все было, как и прежде: на одноногом столике лежал крест, в углу стояла маленькая, писанная на дереве икона. Строго смотрел Бог на язычницу. Княгиню даже дрожь пробрала. Она спросила у Анны:

— Ты ему поклоняешься?

— Да, моя госпожа, это Сын Божий,— ответила Анна.— В церкви мы повторяем: «Благословенно царство Отца и Сына и Святого Духа».

— Но чем твоя вера лучше нашей? Наш бог — Перун, его мы славим, приносим ему жертвы, жжем огонь на капище. А чему учит ваш Бог?

— Богу единому поклоняются все: и иудеи и мусульмане,— но Праведной Троице только мы, христиане. Иисус Христос открыл нам, что Бог есть любовь.

— Но что он говорит о любви человеческой?

— «Любовь человеческая несовершенна»,— говорит Бог.— Анна уловила, какого ответа ждет Ольга, продолжила: — Разве не любовь соединяет людей? Бог учит: любовь там, где есть кому любить и кто любит.

Ольга хмыкнула, улыбнулась:

— Если твой Бог говорит так о любви, то он мне нравится.

— Не на все я смогу ответить, моя госпожа, но если ты когда-нибудь обратишься в нашу веру, то твой духовный отец откроет тебе все тайнства.

Теперь уже Ольга рассмеялась:

— Ты мнишь, я отступлюсь от Перуна?

Анна вздохнула:

— Бог нас рассудит, моя госпожа, но веру принимают, когда в ней укрепятся.

Княгиня задумалась, потом сказала:

— Я хочу побывать в Константинополе, и такое может случиться. Вот тогда ты покажешь мне ваши храмы. Они, верно, красивые?

— Наши храмы прекрасные, моя госпожа, ты в этом убедишься.

— По вашей вере, Анна, можно ли любить другого, если есть муж?

Гречанка заглянула в глаза княгини. В них затаилась печаль. Она не могла укрыться от Анны, и та нашлась, что ответить:

— То искушение, но, когда Магдалину винили в грешной жизни, Господь сказал обличителям: «Бросьте в нее камень, кто не грешен». И не нашлось такого, кто ответил бы: «Я без греха».

— Все люди грешны, Анна, и это хорошо, когда ваш Бог прощает их,— согласилась княгиня.— А наш Перун жесток, и волхвы под стать ему. Они настолько стары, что забыли, как любить, и сердца их обросли шерстью.

И ушла, так и не сказав, зачем приходила. Анна хотела спросить, когда князь пойдет войной на Константинополь, но княгиня удалилась неожиданно. Гречанка терзалась мыслью: предупредил ли купец катапана, а тот базилевса? Ведь в пути купца ожидали многие опасности...

Два десятка лет минуло с того дня, как тогда еще совсем юную Анну купили варяги на невольничьем рынке Херсонеса и перепродали в Новгороде. Новый хозяин Анны, кривой князь Юрий, сначала держал ее в наложницах, потом приставил к дочери. У Анны никогда не было детей, и она полюбила Ладу.

После ее смерти гречанка затосковала. Она часто вспоминала свою родину. Так она грустила разве что в первые годы неволи. Ей виделись мощенные плитами улицы Херсонеса, каменные домики, мраморные дворцы и храмы. Она помнила лачугу, в которой теснилась ее большая семья, малолетние братья и сестры, и смерть матери...

Отец не мог прокормить их и продал старшую, Анну. Она со страхом вспоминала невольничий рынок на берегу моря, неподалеку от порта, цепкие пальцы

варяжского купца, когда он повернул ее к себе и принялся ощупывать.

Варяг был старый, с лицом, изрытым оспой. Он хохотал, сдавливая ей грудь и заглядывая в зубы, долго торговался с отцом...

С годами боль и тоска притупились, отступила обида на отца, а со смертью Лады все ворохнулось сызнова. Но теперь она к тому же волновалась за свой город и империю...

А Урхо с ушкуйниками добрался до самых верховьев земли новгородской. Здесь были леса с редкими полянами, острожки вольных людей и деревеньки с курными избами.

Передохнули ушкуйники и поплыли озером Нево в землю корелов. А когда начались морозы, срубили избу, принялись зверя промыслять. Урхо самым удачливым оказался, больше всех белки и соболя добыл.

Весело жили ушкуйники, нравилось лопарю: ни князя здесь, ни боярина, мяса вдосталь, возвратятся с охоты в избу, натопят жарко, поедят и просят Урхо рассказать о чем-нибудь, особенно о Киеве.

Лопарь говорить не охоч, однако иногда уступал, вспоминал печенежские набеги, хазар...

Однажды набрели ушкуйники на стойбище корелов — чумы, олени. Корелы гостей хорошо приняли, насытили, дали передохнуть в тепле. Отогрелись ушкуйники, а уходя, ограбили хозяев, забрали всю их пушнину. Удивился Урхо:

— Однако зверя в лесу мало? Зачем людишек обижать?

Посмеялись ушкуйники: забавный дед.

— Нам, лопарь, их добыча сгодится, а им она к чему?

Ушкуйники уходили, а Урхо присел у чума и отвернулся, будто не видел, что новгородцы покидают стойбище.

— Эй, старик, либо остаешься? — в несколько голосов позвали они.

— Вы люд обижаете, — ответил Урхо.

Подождали ушкуйники да и махнули на лопаря рукой:

— Воля твоя, оставайся, коли так решил.

Для Ольги дни тянулись утомительно медленно. Но это в ожидании приезда великого князя. Когда же он появлялся в Предславине, время пролетало незаметно. Не успеет день начаться, как и темень наступит, пора Олегу в Киев уезжать.

И снова ждет Ольга приезда Олега, и снова думы неотступные, ровно белки с дерева на дерево, скачут. То ей родной Плесков видится, хоромы отцовские, и она в своей горнице, и тогда сжимается сердце в волнении: ведь навсегда покинула их...

То об Игоре думает. Но чаще мысли о великом князе. Да что чаще, они о нем постоянно. Но для нее он не великий князь киевский, а человек, занявший в ее сердце место, какое должно было бы принадлежать Игорю.

Ольга даже не могла ответить, когда это случилось. Вероятно, не враз, как, сказывают, бывает, а постепенно, по малой доле копилось и захватывало ее. Чувство, с которым ей трудно теперь совладать...

И Ольга гадает, удастся ли ей сдерживать себя, не дать другим обнаружить, чем живет ее душа. Не догадывается ли о том он, великий князь?

По тому, как ведет себя Олег, Ольга понимает: великий князь не замечает, что происходит в ее сердце. Во всех его поступках она не видит, чтобы в его душе творилось то же, что и в ее. Видно, она ему нравится, но не больше...

Так решает Ольга, и ей делается обидно: неужли она недостойна его любви? Ольга думает, что когда-нибудь сама скажет о том великому князю. Пусть его холодное сердце дрогнет.

При этой мысли Ольга улыбается. Она вспомнила услышанное от отца. Он говорил матери: «У нашей Ольги холодное сердце. Сколько рыцарей вокруг нее, но не вижу, чтобы кто-то тронул его».

На что мать ответила: «Сыщется тот, кто растопит в ней лед...»

Видно, Олег и есть тот рыцарь, который разжег огонь в ее сердце.

От таких размышлений молодую княгиню в последнее время не отвлекали даже книги и ночь.

Ох как трудно бороться со своими чувствами, особенно если они не разделенные...

Покинула киевская дружина степь, и Мурзай вернулся улус к гирлу Саркела. Собрались мурзы и беки в ханской юрте, пили хмельной кумыс, уговаривали хана откочевать к левобережью Днепра, но Мурзай только головой вертел:

— Впереди зима, а весной посмотрим. Или вы, мои мурзы и беки, испугались хазар и урусов?

Мурзы и беки степенно покачивали головами, разводили руками:

— А не договорятся ли хазары с урусами против орды?

На что Мурзай ответил насмешливо:

— Разве вы, мои советники, не знаете, что волк с рысью не уживутся в одном логове? Урусы помнят, как хазары разоряли их деревни. И у хаканбека память длинная, ему ли неизвестно, сколько дани недополучил каганат? Нет, мы не станем спешить.

— Хе, пусть будет по-твоему, хан,— согласились мурзы и беки.

Мурзай хлопнул в ладоши, и тотчас рабы внесли блюдо с горой дымящегося горячим паром мяса, поставили посредине на ковер, устилавший юрту. Засучив рукава халатов, все потянулись к блюду. Ели, обжигаясь. Но вот насытились, и тотчас, откинув полог, в юрту вступили музыканты и танцовщица, юная

пленница из болгар. Музыка заиграла, и она, подняв руки, начала танец.

Кумыс пьянил, и вскоре мурзы и беки развеселились, покачивались, хмельные, хихикали. А у Мурзая глаза отчего-то налились гневом, он принялся выкрикивать бессвязное, наконец завалился на подушки. Мурзы и беки с трудом покинули юрту. Ушла танцовщица, а музыканты продолжали играть, ублажая сон великого хана.

В самый разгар зимы к Мурзаю приехал Сурбей. Ввалился в юрту, облепленный снегом, не здороваясь, присел у жаровни с углями, руки над огнем протянул и, только отогревшись и скинув овчинный тулуп, проговорил:

— Совсем околел, язык и то замерз.

Ханы сели друг против друга, обложились подушками. Им подали горячую шурпу. Выпили, и тепло разлилось по телу. Раб внес жареную конину и варенные в жиру лепешки. Сурбей в дороге проголодался, ел жадно, вытирая лоснящиеся руки о полы халата. Наконец, почувствовав сытость, повел разговор:

— Конязь Олег на ромеев стрелы точит.

— Хе,— хмыкнул Мурзай,— острая стрела не всегда бьет зверя.

Сурбей снова принялся за мясо. Пожевав, заговорил:

— Ты, Мурзай, мудр и понимаешь, о чем я веду речь. Когда конязь Олег закроет за собой ворота Кия-города, мы откроем их.

Мурзай почесал голову: заманчиво говорит Сурбей. Однако промолчал: пусть Сурбей выскажется.

— Ты, хан Мурзай, обещал, что наши кони топчут дорогу в Урусю. Не настала ли пора?

— Разве хан Сурбей не слышит, как злится зима? — ответил Мурзай.

— Ее сменит весна.

Мурзай прикрыл глаза, помолчал, потом сказал:

— Эгей, хан Сурбей, мои воины готовы вскочить в седла, и им не страшен конязь Олег, но ты забыл: за нашими вежами вежи хазар. Когда мы отправимся на Кий-город, арсии разорят мой улус.

— Ты боишься?

— Нет, я решаю.

— Когда я ехал к тебе, думал порадовать тебя, хан Мурзай, но я ошибся.

Мурзай нахмурился:

— Я дам тебе трех тысячников.

— Этого мало, хан Мурзай.

— Разве ты не слышал, меня держит каганат.

Сурбей засопел, запахнул халат. Ханы замолчали надолго. Первым заговорил Мурзай:

— У Кия-города нет ног, он не убежит от нас. Когда конязь Олег будет возвращаться от ромеев, как побитая собака, я к тому часу отброшу хазар за Белую Вежу, и мы отправимся к урусам и приведем богатый полон. В наших вежах появятся красавицы уруски.

Хан Сурбей оскалился, обнажив желтые зубы:

— Я подожду, но недолго, Мурзай.

— Берегись конязя Олега, Сурбей.

Сурбей покачал головой:

— Ведь ты, Мурзай, говорил, что, возвращаясь от ромеев, конязь Олег уподобится шелудивой собаке, а побитая собака зализывает свои раны.

Зимняя степь часто лютует. Понесет, неистовствуя, метель, и негде укрыться. Ворчит зло, беснуется непогода, пуржит, и то ли ветер воет, то ли волки голодные. Ночами их стаи подходили к самым вежам, резали скот. Волков отгоняли зажженными факелами, но они снова возвращались.

Такой порой, когда мело, Сурбей добирался в свой улус. Ехали при свете, а в сумерки разгребали снег, ставили юрты, в середине ханскую. Тут же привязывали коней. Ночами караульные отпугивали волков.

Кони ржали пугливо, рвались с недоузdkов, их успокаивали.

Угли не обогревали юрту, и Сурбей мерз, кутался в тулуп. Он был уже не рад поездке к Мурзаю. Зачем спешил? Мурзай хитрит, как старый лис, и Сурбей не поверил ему. Может, Мурзая напугали русы? Но если он откажется послать своих воинов, Сурбей сам поведет орду, как только Олег покинет Кий-город.

За стенкой юрты неистовствовала вьюга, пригоршнями швыряла снег, била по пологу. Если она не уймется к утру, то заметет все, и тогда коням придется пробиваться по грудь в снегу. Надо будет делать частые привалы, давать лошадям отдых...

Мысль возвратила Сурбея в юрту Мурзая. Тот говорил о русских красавицах, сладостно цокая.

— Две, две! — вслух произнес Сурбей, соглашаясь с Мурзаем. — Бабы-уруски сладкие, и я приведу себе из Кня-города не одну молодую жену — все стройные, горячие, подобно необъезженным кобылицам...

И тут же Сурбей спрашивает сам себя: зачем старому Мурзаю молодые красавицы, если он не может поймать ногой стремя? Женщина нужна мужчине, когда он легко вскакивает в седло и твердо держит в руках саблю. Он, Сурбей, молод и не хочет понять Мурзая. Сурбей уверен: он никогда не будет немощным и старость не тронет его, как она обходила отца, хана Чагодая. До самой смерти он оставался бодрым, водил в набеги орду, и в юртах его жен всегда были молодые красавицы. Руки у отца были крепкие, и он легко вскакивал в седло, а когда умер, его младшие дети едва достигали колесной чеки.

За юртой снова раздались голоса караульных, выкрики. «Значит, набежала волчья стая», — думает Сурбей и плотно кутается в шубу. Хан не любит зиму. Весной и летом степь живет, дарит корм, а тело отдыхает от тяжелой одежды. Сухие дороги зовут печенега обнажить саблю, ветры поют боевые и любовные песни, сопровождают воина в походе. Степь и ветер — это мать и отец печенега...

Зимняя ночь долгая и утомительная, а летняя — короткая и ласковая: не успел улечься, как уже утро. Из-за кромки земли выползает солнце, разбегается по степи. Через откинутый полог луч врывается в вежу, согревает, щекочет.

В весеннюю пору Сурбей каждое утро чувствует себя вновь народившимся, и к нему прибывает сила, а зимой откуда ей взяться?

Хан окликает караульного, и тот проскальзывает в юрту, а вслед за ним врывается снег. Сурбей морщится и велит подложить углей в жаровню. Из кожаного мешочка караульный достает горсть углей. Они горят низким синим пламенем, хан протягивает над жаровней ладони, и тепло медленно вползает в рукава тулупа. Сурбей согревается, и его клонит в сон. Он дремлет сидя. Сон его чуток, готов прерваться в любую секунду...

Едва забрезжил рассвет, Сурбей уже сидел на коне.

Приехав в Предславино, Олег, к своему огорчению, снова не застал Игоря: тот отправился на охоту. Великий князь нахмурился, принялся выговаривать тиуну, старому боярину Тальцу:

— Не жеребенок-стригунок князь Игорь. Отец его, Рюрик, в такие годы города брал, а у него в голове одна охота. Как мыслит Русью управлять?

Боярин молча пожал плечами.

— То-то, Тальц, не ведаешь, и мне не знать.

Олег вышагивал по гриднице, иногда останавливался у отделанной изразцами печи, посматривал на огонь. Березовые дрова горели весело, дружно.

— Отчего сержусь я, Тальц: мне Киев покидать, Игорю вместо меня сидеть — как спокойным быть?

— Но ты сказывал, князь, Ратибора с ним оставляешь?

— Но всегда ли воевода с ним будет? Одна и надежда — остепенится, в разум войдет. Как мыслишь?

Боярин не успел ответить: вошла Ольга. Олег подошел к ней, поклонился:

— Князя Игоря браню, княгиня, за отлучки его частые.

Она вскинула голову:

— Я в поступках князя Игоря не вольна, великий князь.

— Садись, княгиня, — улынулся добро. — Знаю, что не вольна, к слову сказал, прости.

Боярин удалился, а Олег взял со столика небольшой коробок красного дерева, открыл его, и на черном бархате взыграли зеленые колты с яхонтами и перстень с бирюзой. Протянул княгине:

— Прими, княгинюшка Ольгица, за то, что привечаешь меня, старого князя.

Засмушалась Ольга, потупилась:

— Достойна ли?

— Тебе, княгинюшка, нет цены!

— Спасибо, великий князь, за счастье, каким одариваешь меня. Колты и перстень всегда о тебе напоминать будут.

Олег промолчал. Княгиня поднялась:

— Пойду стряпух торопить, ино голодом уморю тебя, князь Олег.

— Только-то? — усмехнулся.

Ольга подняла на него глаза и враз поняла, что не досказал князь. Зарделась:

— Такое, князь Олег, словами не вымолвишь.

ГЛАВА 3

*Кудесник. Посольство в Болгарию. Царь Симеон.
Болезнь Олега. Чего возалкал Перун! Искушение.
Сон великого князя. Игорь в Новгороде. На перевозе.
И пошла Русь на ромеев...*

На капище снег утоптан плотно, а у ног Перуна жертвенный огонь оголил землю. Ветер обдувал языческого идола, облизывал медноголовое чудище. Кричало и граяло воронье, привыкшее терзать остатки жертвоприношений.

Олег явился к Перуну, когда на капище, кроме двух волхвов, никого не было. Они уложили на хворост поленья, высекли искру в сухой мох, и вот уже пламя лизнуло хворост. Но князю были нужны не эти волхвы, он ждал верховного жреца.

Повернувшись к Днепру, Олег смотрел, как на Подоле суетится люд. Вдоль всего берега, сколько видит глаз, вросли в лед присыпанные снегом ладьи, и только темнеют их просмоленные борта. У причалов пусто, никого нет и на гостевых дворах, и лишь у закрытых ворот топчутся караульные. В гостевых дворах жизнь начнется с весны, когда потянутся купеческие караваны.

Олега оторвал от мыслей хриплый голос за спиной:

— Что привело тебя к Перуну, князь?

Обернулся Олег. Перед ним стоял седой старик с белой бородой и нависшими бровями, из-под которых выглядывали колющие глазки.

— Ты спустился с Горы и поднялся на капище, терзаемый сомнениями.

— Я ждал тебя, верховный жрец Ведун.

— Ты редко навещаешь Перуна, князь, но мне твоя душа ведома: она мечется между Вотаном и Перуном в поисках истины, ты не знаешь, в чем и где твоя вера. Но человек не может сидеть сразу на двух скамьях, а всадник — в двух седлах.

— Ты кудесник, Ведун, и много прожил, кто поспорит с тобой в ясновидении! Ты винишь меня в редком посещении капища, но разве я недостаточно приношу Перуну жертв? Вотаном меня попрекаешь? Да, Вотан у меня от рождения, но я Перуна принял.

— Кровь твоих жертвенных быков льется на огонь, орошает ноги Перуну, но ты этого не зришь, князь.

— Не очами поклоняюсь, делом. Если Перуну требуются еще жертвы, я принесу их.

— Хорошо, но чего ты ждешь от меня?

Олег заглядывал в глубоко запрятанные глазки главного жреца и думал, что этого старика слушается весь киевский люд и даже власть великого князя ки-

евского зависит от того, что говорят о нем здесь, на капище.

Хриплый голос кудесника вернул его к продолжению разговора:

— Сейчас, князь, ты думаешь не о Перуне, а обо мне.

Олег покачал головой: прозорлив волхв, потому и кудесником слывет. Однако Ведун ждал от него ответа, и князь сказал:

— Ты мысли мои познал, старик, и тебе ведомо, что собрался я войной на Царьград. Хочу слышать, что ждет меня.

Насупился верховный жрец, долго молчал. Но вот заговорил:

— Не все, что знают боги, известно волхвам, великий князь. Но ты задумал угодное Перуну, ибо ромеи не признают наших богов, не поклоняются им и за то должны понести наказание. Ты будешь им карой, посланной небом.

— Но ты, Ведун, спроси у богов, каким будет мой поход. Сулит ли он удачу?

Волхв поднял брови:

— Я поговорю с Перуном.

— Я буду ждать, а пока пусть волхвы отправятся к пастухам, которые стерегут мои стада, и выберут в жертву того быка, какой им приглянется.

Кудесник усмехнулся краем рта, потербил бороду:

— Не им ты, князь, жертвуешь — Перуну.

— Пусть будет так.

Протоптанной тропинкой Олег удалился с капища.

Верховный жрец появился в княжьих палатах на третий день. Он шел медленно, постукивая высоким посохом. Ему уступали дорогу, кланялись. Олег поднялся, шагнул навстречу, спросил:

— Ты говорил с Перуном?

— Да, великий князь. После того как принесли ему твою жертву, он открылся мне.

— Что же ответил Перун?
— Он не стал говорить о твоём замысле.
— Но почему? Разве я дал ему малую жертву?
— Нет, Перун строг. Он спрашивал, почему ты, великий князь, не изгонишь из своих хором ту, которая поклоняется Богу ромеев?

Олег удивился:

— О ком ведешь речь, кудесник?
— Разве тебе неизвестно? Перун говорил о служанке княгини, она ромейка, и вера у нее греческая.

— Ты забываешь, старик, та ромейка Анна никогда не принадлежала к нашей вере. Разве может Перун наказывать человека, если он поклоняется тому Богу, какой дан ему с рождением?

Главный жрец пристукнул посохом:

— Гад, вползший в жилище, ужалит хозяина.
— Гречанка была рабыней моей жены, теперь она принадлежит молодой княгине.

— Разве тебе мало смерти твоей жены? Ты станешь ждать, когда змея ужалит Ольгу?

— Но убивший Ладу не ромей — хазарин поднял на нее руку. Тебе ли этого не знать! Кто посмеет ужалить молодую княгиню?

— Не одним ножом убивают. Можно смертельно ранить душу. Перун говорит: гречанка посеет в душе молодой княгини семена неверия. Чем убедишь меня, что они не дадут всхода?

— Чего требует Перун?

— Удали ромейку, и ты сотворишь благое.
— Но прежде, старик, я спрошу о том у княгини. Одно знай: не подбивай толпу на гречанку, как это сделал ты, направив люд на Евсея. Гречанка будет жить в Предславине, пока того захочет княгиня Ольга.

— Ты нанес обиду Перуну, а он этого не прощает!

Главный жрец поднял посох, но Олег перехватил его руку, спросил гневно:

— Крови человеческой просишь для Перуна?
— Но разве не приносили варяги такую жертву своему богу Торе?

— То было.

— Когда, великий князь, ты пойдешь на Царьград, разве не будет крови?

— Вражеской!

— Тот, кто не поклоняется Перуну, тоже враг.

Олег положил тяжелую руку на плечо главному жрецу, сказал предостерегающе:

— Помни, кудесник, я признал Перуна, но никогда не соглашусь нанести обиду княгине Ольге.

По первопутку выбралось из Киева посольство к болгарскому царю Симеону и направилось на Буг. День выдался солнечный и чистый. Снег лег по всей русской земле. Он искрился до боли в глазах. Ивашка любил такую зиму, когда в детстве выскакивал из отцовского дома, мял пушистый снег и натирал им лицо до красноты, до ожога. А потом мать кормила его горячими шанежками и поила парным молоком, на что отец, Доброгост, посмеивался: «Он у тебя, мать, кровь с молоком, дерево из земли с корнями вырвет».

Однако мать не унималась и продолжала свое...

Конь под Ивашкой рысил, и в такт екала у коня селезенка. Десяток гридней сопровождал посольский поезд. Воевода Никифор лежал в санной кибитке, временами поглядывал в оконце. Позади катило несколько саней с поклажей. Оглянувшись Ивашка — Киева уже не видно, даже дымы исчезли. Зорька, провожая, попрекнула: «Отчего за гридня замуж шла, эвон больше в отъезде, чем дома».

«И то так», — мысленно соглашался Ивашка. Вот и ныне: добро, коли к середине зимы воротится...

Неморенные кони бежали легко, отбрасывая копытами снег. Ивашка поправил меховую рукавицу, посмотрел из-под ладони на дальний лес. Он отливал синовой и гривами тянулся так далеко, что и глаз не хватало. Миновали деревню в две избы с постройками, копенками сена, присыпанными снегом, с дворами

и огородами, обнесенными жердями от зверя, чтоб не озорвал. И деревня, и все вокруг будто нежилое, только дымы напоминали, что там есть люди. Ивашка представил себе, что сейчас в избах жарко натоплено, на полатах сидят малые дети, хозяин тачает сапоги или плетет лапти, а хозяйка хлопочет у огня.

Сыт Ивашка, но с охотой похлебал бы свежих обжигающих щец. Теперь только тогда отведаст, когда домой воротится. И он подумал о том, как Зорька поставит перед ним миску, а от нее валит пар и пахнет духмяно разваренной, разомлевшей капустой. Подаст Зорька ложку и хлеб, усядется напротив и, подперев щеку ладошкой, станет смотреть, как Ивашка ест. Глазеть по-доброму, как когда-то смотрела на него мать.

В Предславине они сидели за обеденной трапезой втроем, и Олегу вспомнился разговор с волхвом. Княгиня ответила резко:

— В рабах и рабынях своих я одна вольна — не так ли, великий князь?

— Анна твоя, и никто не посмеет взять ее у тебя, княгиня.

Но тут вмешался Игорь.

— К чему перечить волхвам? — подал он голос. — Выдай им Анну, она веры иной, греческой. Чего требует волхв, того хотят боги, Перун.

Ольга недовольно поморщилась:

— Но ее вера не в колдовстве, а в любви к человеку, князь Игорь.

Олег с любопытством посмотрел на молодую княгиню: такой он ее видел впервые.

— Уж не намерена ли ты принять веру греческую? — спросил Игорь насмешливо.

— Я ли сказала о том? Но кто ведает!

Игорь повернулся к Олегу:

— Рассуди нас, князь.

Ольга вспыхнула:

— Великому ли князю судить перебранку мужа с женой?

Олег согласился с ней:

— Права княгиня: можно ли человека верой неволить?

— Но ты же, князь Олег, от Вотана к Перуну перебросился? — сказал Игорь.

— Я стал князем русов, а потому их вера — моя вера, ино не быть! Княгиня же в рабыне Анне сама вольна, и ни один волхв без ее согласия не коснется гречанки.

— Князь Олег ровно щит у княгини, — рассмеялся Игорь.

Олег нахмурился:

— Перун ли, кто иной вручил тебе, Игорь, жену разумную, какой и подобает быть великой княгине Киевской Руси. Я же коли и держу ее сторону, то справедливости ради.

Игорь промолчал, а Ольга обрадовалась:

— Спасибо, великий князь, что разглядел во мне то, чего не видит муж мой, князь Игорь. Анну же волхвам не выдам.

За Дунаем дорога постепенно повела в горы. Темнело быстро, а по утрам солнце поднималось медленно. Чем ближе к Тырнову, тем подъем заметнее. Далеко впереди горбились Балканы. Посольство ехало берегом Янтры. Бегущая с гор, она шумела, ворчала по-стариковски, кружила на валунах. Нередко дорогу преграждали каменные или снежные завалы, и гридни расчищали путь. Иногда дорога тесно жалась к самой реке, и кони шли осторожно.

Тырново — столицу Болгарии — посольство увидело за поворотом. На холме, который болгары называли Царевец, стояла крепость. Янтра, огибая ее, бурлила меж высоких скалистых берегов. Городок, разделенный рекой, соединял каменный мост. На левом берегу стояла церковь. Она, как и домики, была из камня.

На небольшой площади, вокруг которой и лепился городок, в воскресные дни собирался базар, открывались лавки мастеровых. Из окрестных поселков наезжал народ, и в Тырнове становилось людно.

Высокие горы нависали над Янтрой и городком. Поросшие лесом, заснеженные, они казались непроходимыми. Но если подняться выше, то попадешь в габровское поселение, а перевалив через горбы, очутишься в теплой долине Казанлык.

В Тырново посольство прибыло в неурочный час, когда царь Симеон был в отъезде. Его возвращения ожидали через несколько дней. Ивашка коротал время, бродя по городку, побывал на базаре. Он был маленький, не то что киевский торг. В Тырнове на базарных полках, кроме сыра овечьего да молока кислого и лепешек, Ивашка ничего не увидел, а в лавках лежали цветастые подстилки и висели овчинные тулупы, стояли топоры на высоких топорищах и еще кое-какая мелочь. Местные купцы подремывали, не надеясь на сбыт товара.

Подивился Ивашка одежде болгарской. Она у всех одинаковая: овчинные полушубки, шапки бараньи, а у женщин платки. На ногах кожаные постолы, которые болгары называют цирвулами.

Зашел Ивашка в церковь, послушал, как служба идет. Понравилось, не то что заклинания волхвов на капище.

Жил Ивашка у болгарина Вылко, спал в верхней горнице, которую тот называл горной выштой, по утрам пил кислое молоко с сыром и лепешкой, а к вечеру ел чорбу — похлебку из овечьих ножек и потрохов.

Вылко рассказывал Ивашке, как притесняли их ромей, неволили, забирали урожай, а пришел царь Симеон — и византийцы в горы ходить не осмеливаются. Он сбросил их фему вниз, в долину...

Симеон появился в Тырнове через неделю. Трубили рожки, и сотни три всадников прогарцевали по узким улицам городка. Болгарский царь ехал впереди

своих войников на тонконогом широкогрудом скакуне. Его одежда ничем не выделялась среди той, какую носят все болгары: короткий белый тулуп, серого каракуля шапка. Встречавшие приветствовали Симеона радостно, и он отвечал им поднятой рукой. Ивашка успел разглядеть Симеона: болгарский царь напомнил ему Олега — такое же бритое лицо, вислые усы, разве что волос темный.

Застучали копыта по мосту, и царь с войниками въехали в замок.

В просторном зале царского замка, узкие зарешеченные оконца которого смотрели на горы и Янтру, стояла тишина, ее нарушал лишь шум реки. Положив ладони на подлокотники высокого кресла, Симеон ждал кметов. Вчера вечером ему доложили, что в Тырнове ждет царя посольство великого князя киевского. Симеон решил принять его утром, и посол вот-вот должен был появиться в замке.

Приезд послов из Киева не удивил болгарского царя. С той поры, когда после смерти отца Симеон бежал из константинопольского монастыря, где его держали византийцы, и поднял болгар на ромеев, он одержал несколько побед над империей. Отныне с Болгарским царством считаются, а император Византии опасается царя Симеона. Болгары подступали к самому Константинополю, и византийская фема даже в долине не чувствует себя спокойно.

Бесшумно открылась дверь, и в зал вошли кметы, правители областей, верные воеводы царя Симеона: Асен, Хинко, Георгий, Димитр, — расселись вдоль стен на лавках, принялись молча ждать.

Откинувшись на спинку кресла, Симеон повел взглядом по кметам. Они его ближайшие советники и боевые товарищи, с кем он собирал войников, одерживал победы. В них царь был уверен.

— Други мои,— произнес Симеон,— сей часец сюда явятся послы великого князя киевского, мы выслушаем их.

Кметы закивали одобрительно, а Хинко отозвался:

— Пусть скажут, с чем прислал их князь киевский.

И тут же в зал вступили воевода Никифор и сотник Ивашка. На вытянутых руках гридня лежал меч. Послы поклонились царю и кметам.

— Великий и храбрый царь болгарский Симеон,— заговорил воевода,— киевский великий князь Олег передает тебе в знак дружбы этот меч, чтобы разил ты врагов, как и прежде.

Войник за царской спиной шагнул наперед, принял оружие из рук Ивашки, подал его царю. Симеон обнажил меч до половины, сталью полюбовался. Возвращая меч войнику, ответил послу:

— Брата моего великого князя киевского Олега благодарю и с радостью выслушаю его послов.

Никифор снова отвесил поклон:

— Царь Симеон, твои недруги ромеи — они и наши недруги. У ромеев лживый язык, и по коварности они достойны разве что печенегов и хазар. Потому и решил наш великий князь Олег покарать их.

Чуть подался вперед Симеон, внимательно слушает посла. Молчат кметы, а воевода русов продолжал:

— Великий князь Олег поведет дружину на Царьград морем и сушей, а потому просит тебя, царя болгар, пропустить его полки через твои земли.

Симеон глянул на кметов:

— Что скажете, други?

Хинко первым голос подал:

— Но мы с ромеями сейчас не воюем, а если русы пройдут нашими землями, не окажемся ли мы в войне с империей?

Никифор нахмурился: не ожидал он таких слов.

— Великий царь,— сказал воевода,— чей голос я слышу?

Молчит Симеон, молчат кметы. И снова Хинко заговорил:

— Мы, познавшие истинного Бога, как можем помогать язычникам?

Тут кметы зашумели:

— Болгары и русы одного корня, поможем им!

Симеон руку поднял, призывая к тишине.

— Но они язычники! — снова подал голос Хинко.

Симеон посмотрел на него с укором:

— Всегда ли мы были христиане, кмет? Свет веры проглянул в Болгарии. Но почему ты, Хинко, мнишь, что он не осветит языческую Русь, и тогда скажут: «Благословенна будет та земля, откуда потянулись лучи христианские...»

Неужели мы когда-либо забудем, как наши предки приютили солунских братьев Кирилла и Мефодия с учениками? Поклонимся же за то мужество царям нашим Михаилу и Борису. Знание и мудрость дали они нам. Кто из вас не согласится, что подаренное нам Кириллом и Мефодием дойдет до Руси? И снова воздадут благодарение той стране, которая приняла этих двух великих старцев...

«Русь языческая», говоришь ты, кмет Хинко, но твои други-кметы правду рекут: русы с нами одного корня. Вспомни-ка, как христиане-ромей притесняли нас, христиан-болгар! Византия и поныне готова поработить нас. Не мы ли повели войну с империей за нашу свободу? Но теперь, — Симеон повернулся к воеводе Никифору, — ответь, посол киевского князя Олега: что сделали вам ромей, прежде чем вы называли их своими врагами?

Кметы ждали, что скажет боярин, и Никифор ответил:

— Империя чинит обиды нашим торговым людям. Ромей возводят свои укрепления на берегах моря Русского и в Таврии. Они подстрекают на нас хазар и печенегов, но мы заставим Византию принять наш ряд.

Симеон кивнул:

— Наглость ромеев нам ведома, и мы разделяем ваш гнев. Мы не только не станем чинить вам препятствий, но и окажем помощь.

— Встретим и проводим, государь! — заговорили кметы. — А потребуется, пойдем с русами на империю!

— Разве русы нам не братушки? У нас одна кровь! Симеон пригладил усы:

— Ты слышал, посол, голос кметов? Это и голос болгарского народа.

Возвращаясь из замка, воевода Никифор сказал Ивашке довольноно:

— От царя Симеона иного ответа не ждал.

Зима на вторую половину перевалила. Уже плющило снег, и он оседал, однако плотный наст после ночных заморозков покрывал землю. А в лесу становилось сыро и прохладно.

В феврале-снежнике, который на Руси бокогреем называли, возвращалось посольство в Киев. Пригревало солнце, и гридни пошучивали:

— Снежник солнце на лето поворотил.

— Медведю в берлоге бок согрел.

В краю тиверцев соблюдали осторожность особую. Подтянулись гридни: ну как наскочит дружина князя Гостомысла? Повадки князя тиверцев воевода Никифор хорошо усвоил. Хитер и умен тиверский князь.

А когда въехали в лес, воевода велел Ивашке выслать наперед ертаул. Однако не убереглись. На узкой дороге преградили тиверцы путь посольству. Встали друг против друга, гридни к бою изготовились, но воевода тиверский окликнул миролюбиво:

— Опустите луки, уберите мечи: не биться мы с вами сошлись, а в гости звать.

И заставили посольство повернуть с киевской дороги к тиверскому городищу. К вечеру добрались до крепостицы, за стенами которой прятались бревенча-

тые княжьи палаты и дома боярские, крытые тесом, жались избы ремесленного люда и смердов под потемневшей от времени соломой. У распахнутых настежь ворот гостей ждали: топтались караульные.

Князь Гостомysl встретил послов киевских. Он стоял у теремного крыльца, пряча в бороду довольную улыбку.

— Не чаял встретить тебя, воевода.— Гостомysl пошел навстречу выбравшемуся из возка Никифору.— Прежде я от тебя бегал, ныне ты сам заявился.

— Так ли? Аль в гости звал?

— Звал. Проходи, воевода, в палату, рад видеть тебя.

— А меня о том спросил? Мы послы и в Киев к князю торопимся.

— Али не подождет Олег день-другой?..

И неделю продержал Гостомysl киевское посольство, потчевал щедро, а провожая, заметил:

— Передай, воевода, князю Олегу: в нем кровь варяжская, а во мне кровь славянская и Киеву не покорюсь. Я князь в своей земле, в полюдьё дань для себя собираю, но не князю Олегу.— И, повременив, добавил: — Однако, слышал, киевский князь на ромеев замахнулся. Коли так, то я с ним заодно.

— Смирился бы, Гостомysl,— сказал Никифор.— Гордыней обуян ты. Не зли попусту великого князя Руси Киевской.

Сердце — вещун, все загодя чует. Вот и у Ольги что-то на душе тревожно. Больше недели не появлялся великий князь в Предславине. Отчего?

Ей бы, княгине, в птицу обратиться, полететь в Киев, в хоромы княжьи заглянуть: не случилось ли какого лиха?

А княжич Игорь весел и спокоен. Третьего дня воротился из Киева, сказывал, Олег бояр угощал, пировал с ними.

Успокоилась Ольга, да ненадолго. Княгине бы самой Олега увидеть, в глаза ему заглянуть, слово ласковое услышать.

Только и знает Ольга, что прислушивается, не застучат ли копыта его коня, не зазвенит ли стремя и не заскрипят ли половицы под его грузными шагами. Часто на крыльцо выходит, за ворота поглядывает. Но нет, не едет великий князь.

Крепок был Олег телом, и ни годы, ни хвори не брали его. Но однажды в середине зимы почувствовал князь недомогание. Улегся на широкой лавке, устланной медвежьей шкурой, попросил отрока укрыть его.

К вечеру стал метаться, потерял сознание. Всполошились бояре, послали за Игорем. В полночь хоромы в Предславине осветились факелами, забегал люд. Ольга пробудилась мгновенно. Тревожно забилося сердце. Вошел Игорь, бросил коротко:

— Олег умирает!

И выскочил. Засуетилась Ольга, с помощью Анны оделась торопливо. Сказала резко:

— Анастас со мной поедет. Пусть сани закладывают, Игорь уже, поди, укатил.

Небо в россыпи звезд, и мороз к утру крепчал. Кутаясь в шубу, Ольга молчала. Ездовой гнал коней, покрикивал, и его голос разносился далеко окрест. Рядом с княгиней сидел старый лекарь, ее учитель, последовавший за ней из Плескова в Киев. Сейчас он подремывал, держа на коленях берестяной короб.

Ольге казалось, дороге не будет конца. Но вот появились костры у городских ворот, и ездовой, не сдерживая коней, проскочил под аркой. Княгиня тронула лекаря:

— Неужли умрет? Ты меня слышишь, Анастас? Он не должен умереть, он не завершил начатое!

— Все в руке Божьей, княгиня.

— Ты сделаешь все, Анастас, чтоб великий князь не умер. Ты постарайся ради меня, Анастас!

Лекарь промолчал. У княжьих хором ездовой осадил коней. Подскочили холопы, помогли княгине выбраться. Оттолкнув всех, Ольга вбежала в опочивальню. Ярко горели свечи, толпились у дверей бояре. Рядом с Игорем стоял Ратибор. Княгиня опустилась на колени у ложа больного, положила ладонь ему на лоб. Потом повернулась к Игорю:

— Пусть все выйдут, великий князь не покойник.

Бояре покинули опочивальню, с ними Игорь, а Ольга подозвала лекаря:

— Лечи, Анастас!

И голос у нее был уже не просящий — приказывающий.

Лекарь взял руку князя, нащупал пульс, зашептал, отсчитывая удары. Потом промолвил:

— Вели, княгиня, миску подать, у князя кровь густеет.

Достал из ящичка острый нож, подержал лезвие над огнем свечи и ловко сделал надрез на запястье. Черная вязкая кровь закапала в чашу. Вот она побежала тонкой струйкой и, по мере того как заполняла посуду, становилась жиже и алей. Наконец Анастас перехватил кисть жгутом, остановил кровь. Лицо князя оставалось по-прежнему безжизненным. Лекарь повернулся к Ольге:

— Теперь, княгиня, твоя забота. Смачивай рушник и отирай лик князя, а я вон там в уголочке подремлю.

Ольга присела на край лавки, вытерла лоб великому князю. Вошел Игорь.

— Волхвы говорят, это наказание, что не исполнили требование Перуна.

Ольга ответила зло:

— Не видать им Анны, и ты, князь, забудь о том.— И склонилась над Олегом.

— После Олега мне быть великим князем, и мне не нужна брань с волхвами.

Ольга подняла глаза, и Игорь уловил в них неприязнь.

— Великий князь будет жить — я этого хочу.

С утра на капище жгли жертвенный огонь и забили черного быка. Он взревел, рухнул на колени. Его кровью смочили ноги Перуну. Волхвы выкрикивали заклинания и просили деревянного идола обратить взор на великого князя.

Ведун бормотал, воздев руки:

— Ты все видишь, Перун, и все по воле твоей, милость и гнев твои по справедливости. Суди князя Олега своим судом.

Хмурил волхв мохнатые брови, ветер забирался в его кудлатую бороду, и взгляд кудесника был страшен.

Будто услышал Перун волхва, сыпанул снегом и захохотал в ближнем лесу. Волхвы бросали в огонь куски сырого мяса, продолжая поливать кровью ступни Перуна: ублажали языческого бога. Ужели прошишь мяса человеческого аль мало тебе мяса бычьего?

Киев в тревоге и выжидании.

А на Горе среди бояр только и разговоров, что о болезни великого князя. Видать, конец Олегу настал, коли волхвы и те бессильны ему помочь.

Неделю не отступала смерть от великого князя, душа со смертью боролась, и всю неделю княгиня не отходила от Олега. Поила его парным молоком, куриным отваром и настоями разных трав, приготовленными лекарем.

Очнулся Олег, и первой, кого увидел, была Ольга. Он улыбнулся ей:

— Твоими заботами живу, Ольгица. Одна ты мне утеха и радость.

По щекам княгини потекли слезы. Великий князь взял ее руку, поднес к губам:

— Кланяюсь тебе, княгинюшка, низко кланяюсь.

Вошли Игорь с Ратибором. Воевода разбросал руки:

— Эка попугал нас, великий князь, чего удумал!

Олег усмехнулся:

— Чать, тризну по мне намерились справить? Ан выжил. Мне еще ромеев победить надобно.— Посмот-

рел на Ольгу: — Разве вот она одна не хоронила, ее верой болезнь одолел, ее надеждами.

Сел, спустив ноги с лавки.

— Зовите бояр, при всех поклонюсь княгине: дни и ночи покоя не ведала, я все слышал, все знаю.

За годы ушкуйничанья Ивашка хорошо познал повадки животных. Промышляя дорогих зверьков, он не раз сталкивался в лесах с хищниками, знал их коварство и злобность, но вот чтобы они целой стаей шли за людьми — с таким встречаться не доводилось.

Едва посольство киевского князя отъехало от древлян, как его начала преследовать волчья стая. Близко подходили, караулили. Шарахались кони, ржали пугливо и дрожали, храпели, прыдали ушами.

Волки были голодны и потому опасны вдвойне. Они могли напасть на зазевавшегося, несмотря на то что человек был не один.

Когда посольство выбралось из леса и дорога пошла полем, стая потрусила, чуть отстав от людей. Расположатся гридни на отдых, и волки сядут вдали полукругом, выжидают. Стоит вожаку задрать морду вверх и начать заунывную песню, как ее подхватывает стая.

Днем гридни брались за луки, но стрелы не долетали. Ночью не спали, отгоняли стаю факелами.

— Прирежут-таки проклятые какую-нибудь конягу, — сокрушался Никифор. — Коварны, ровно печенеги.

Ивашка решил. Встало посольство, сделало привал у края оврага. Ивашка сказал:

— Ну-тко, попытаюсь я их вожака свалить. Коли удастся, враз поотстанут.

Он спустился в овраг.

— Гляди, волки зимой люты и страха не ведают! — вслед ему крикнул один из гридней.

— На вас надежда, выручите!

Крался осторожно. Ветер дул со стороны стаи, и, когда Ивашка выбрался из оврага и встал за кустами, волки были совсем рядом. Наложил Ивашка стрелу, пустил. Вожак сделал скачок, завертелся и, глухо рыча, рухнул. И сразу же на него налетела вся стая, принялась терзать. Ивашка обнажил меч, замер: сейчас волки заметят его и разорвут, как терзают своего жожака. Но тут Ивашка услышал крики гридней: ему на подмогу бежали товарищи.

Зимнее утро в Киеве начиналось со скрипа отворяемых ворот, стука кузнечного молота и голосов баб у уличного колодца. В чуткие морозы все далеко слышно, даже скрип санного полоза. И когда бабы между собой бранились, выкрикивая подчас такие слова, что даже мужики глаза опускали, караульные на городских стенах переставали перекликаться, хохотали, подзадоривая особо рьяных:

— Ну-тка, Марей, вверни словцо!

— Почто уступаешь, Завериха!

Бабы словно не слышали, продолжали крик, случалось, и драку затевали.

Гридни баб по голосам отличали, особенно ругань Ярмилихи. Когда она включалась в перебранку своим визгливым голосом, гридням было одно удовольствие. В бабе пудов восемь, а злобна, как дикий вепрь.

Иногда кто-нибудь из караульных только головой повертит, узнав голос своей жены, скажет:

— Ну и ну!

Вышел Олег из хором, посмеялся. Славно у баб получается: разят одна другую без пощады, винят во всех смертных грехах, и какие были, и каких не водилось.

Отойдя в сторонку, где земля не была затоптана, князь умылся чистым снегом, вытерся докрасна льняным рушником. Надев поданную отроком рубаху, накинув подбитый мехом плащ и нахлобучив круглую

соболиную шапку, Олег зашагал Андреевским спуском к пристани.

У самого берега в проруби молодайка стирала белье, отбивая его деревянным вальком. У молодайки руки от ледяной воды красные, ровно раки вареные. На князя она даже бровью не повела.

На пристани безлюдно. В зимние дни здесь нет дел, и только под навесами стучали топоры и вжикали пилы. Там строили ладьи. Олег направился к мастеровым. Увидев князя, они не прекратили работу, и только старый артельщик, вогнав топор в бревно, подошел к нему. Олег присел на грудку досок, спросил:

— В чем нужда?

— Вели, князь, поторопить со скобами.

— Почто не смолят?

— Седни конопатить закончат.

Олег работой мастеровых был доволен: таких подгонять нет нужды, дело свое знают.

— Не обижают ли стряпухи?

— Сыты, князь.

Покинул Олег мастеровых, пошел берегом, где темнели черными боками ладьи, готовые к спуску на воду. Их много, до сотни, а вросших в лед за поворотом реки еще больше. Князь думает, что, когда он пойдет на ромеев огромной силой, его быстроходные ладьи наведут страх на флот империи и тяжелые византийские дромоны не устоят против подвижных славянских чаек. Русы ворвутся в византийскую бухту, посеют панику, а воевода Никифор тем часом ударит тараном в Золотые ворота Царьграда, и горе будет империи, коли она не смирит гордыню и не подпишет ряд. Нет, Олег не отступится от давнего замысла, и не себе он славы ищет — величия Руси Киевской добивается.

Еще раз окинув взглядом присыпанные снегом ладьи, Олег направился на Гору. Шел другой дорогой, вдоль стены Киева. Бревенчатые городни близко к берегу подступали. А у самой воды башня сторожевая стрельчатая, и на ней день и ночь гридни караулили.

На перепутье, где тропинка расходилась и одна вела в княжьи хоромы, а другая на капище, Олег встретился со старым волхвом. Поклонился, спросил насмешливо:

— Почто рано всколготился, аль Перун покоя не дает? Эвон, старик, тебя и холод не пробирает, одежка на тебе легкая.

— Не глумись, великий князь, волхвы того не любят. Ты вон решаешь, не рано ли я иду? Знай, не было бы поздно служить Перуну. Когда небо призвало тебя к себе, не мы ль ублажили Перуна и он смиловился? Сам зришь.

— Аль я глумлюсь? В чем? Коли ты завел речь о милости идола ко мне, то Перун получил жертвенного быка. Ежели мало, дам еще.

Из-под седых кустистых бровей глянули на князя злые маленькие глазки:

— Во гневе Перун: гречанка оскверняет княжьи хоромы. Почему не прогонишь ее?

Олег нахмурился:

— О прежнем речь заводишь, кудесник. Я тебе сказывал: гречанка — рабыня княгини, она ее служанка. Иль, может, ты сызнава станешь требовать крови человеческой, говорить, Перун-де возалкал жертвы людской? Так я тебе на то уже ответил, к чему повторять!

— Но жизнь великого князя того стоит!

— Не возрождай забытого, волхв, не будет сыт Перун кровью безвинного. Даже Вотан, сопровождающий воинов в бою, давно не принимает такой жертвы.

Не проронив больше ни слова, угрюмый кудесник обошел князя, направился на капище. Он был во гневе: князь перечит ему! Старый волхв видел то, чего не понимал Олег: вера греческая угрожает язычеству славян. Бог ромеев возносится выше, чем бог Перун, но он, кудесник, встанет на пути веры греческой и одарит Перуна такой жертвой, какую русы приносили ему много десятилетий назад. Пусть Перун судит великого князя, и его кара когда-нибудь настигнет Олега.

Возвращался глубокой ночью. Бежал из Предславины постыдно. С поля брани не бегал, а здесь скрылся.

Забирал мороз, и яркие звезды перемигивались, посмеивались над ним, великим князем. Скакали позади саней гридни, и невдомек им было, с чего бы князю в такую пору покидать Предславино, из тепла да в холодину.

Сани открытые, но шуба у Олега нараспашку, и ему жарко. Подставив лицо ветру, он жадно глотал его. В голове одна мысль, она неотвязчива, зовет: «Вернись, князь, больше такое не повторится! Скажи ей, что ею живешь...»

Но Олег боится поддаться искушению. Ох как оно велико!

«О Вотан,— молится Олег варяжскому богу,— зачем испытываешь меня так сурово?»

Уходя, Ольга, запахнув соболью душегрейку, сказала: — Игорь в полюдь, приди ко мне.

И ушла, гордая, величественная. Сказала как равная, и даже больше. Так могла говорить только женщина мудрая, много повидавшая. Но Ольга юная, и она пожелала разделить с ним любовь, а он оттолкнул ее, испугался, убегает от женщины, которая ему дороже всего, и насмешливый голос шепчет Олегу: «От своего счастья бежишь, князь, пожалеешь...»

Но Олег и слышать не хочет голоса соблазна, он уверен: поддайся искушению раз, и за первой ночью последуют вторая и третья... Чем кончится все? Недобрая молва потянется за ним по всей Киевской Руси.

Завтра Олег явится в Предславино и повинится перед Ольгой, скажет, что его сердце принадлежит ей, прекрасной княгине, и никому иному, но как смеет он переступить порог запрета? Между ними стоит память Рюрика...

И она простит его. Она умна, и сегодня ею овладел порыв чувственный, а завтра возобладает голос разума. Он, великий князь, обязан видеть в Ольге жену князя Игоря.

Неожиданно разыгравшаяся вьюга замела дороги. Она началась с ночи. Зима злилась на исходе и, одолев теплые февральские дни, высыпала последнее. Снегом облепило всадников, швыряло в оконце кибитки, снег ложился по земле гривами. Воевода Никифор ворчал, поругивая Гостомысла, задержавшего посольство. Уже бы в Киеве были, а нынче к Каневу едва добирались. Хоть бы сельцо какое по пути, а то кони притомились, да и людям не грех передохнуть, отогреться и горячего похлебать: поди, неделю не пробовали...

На тиверцев и уличей воевода зла не держал, да и за что? Не захотели смириться, признать Олега великим князем — так на то их воля. И его, Никифора, перехитрили. Значит, удачливей оказались. Но, видит Перун, настанет такое время, и он, воевода, примучит и тиверцев и уличей, заставит платить дань Киеву. Эвон как поступили с древлянами.

И еще Никифор думал, что коли Олег добьется объединения Руси, то в этом будет ее спасение от хазар и печенегов.

Замысел Олега идти на ромеев воевода одобрял: пора показать империи, что Русь с ней вровень встала.

К оконцу кибитки подъехал Ивашка, склонился, кожаную шторку приподнял:

— Деревня, воевода, избы рядом.

— Вели сворачивать.

Однажды во сне Олег увидел мать, Грету. Как наяву увидел: все такая же крупная, волосы седые по плечам рассыпались. Почудилось Олегу, будто стоит он на краю обрыва, а внизу море. Его родное Варяжское море со скалистыми берегами, обдуваемыми ветром, поросшими лесом, со свинцовыми водами и глубокими фиордами.

Неожиданно земля под ногами Олега задвигалась, и он почувствовал, что сейчас сорвется, но рука матери удержала его. Потом погладила его как маленького, спросила:

— Что же ты, сын, так давно не навещаешь меня? Я ведь уже и лица твоего не припомню.

Олег хотел ответить, но не нашел оправданий. Но вот мать растворилась, как в тумане, и Олег пробудился. Он удивился: даже не думал о ней, а надо же...

Глухая ночь. Блеклый свет луны едва пробивался в опочивальню. Сон не покидал голову. Мать! Сколько времени не вспоминал о ней и о домике на вершине скалы... Неужли никогда не доведется побывать там, послушать, как гудят дрова в печи, съесть кусок запеченной рыбы или мяса, в котором еще сохранилась кровь?..

Как же быстро пробегает жизнь! Да и есть ли она? Будто многое перевидел, а оглянулся — одним мигом пролетела. Вперед посмотришь — конец жизни своей видно...

Вспомнил Рюрика, его властный голос. Викинги боялись одного его взгляда, малого окрика. Конунг был одержим в замыслах, он не отступал от задуманного. Рюрика не останавливали никакие опасности, он водил викингов в набеги на побережья дальних морей, и местные жители содрогались, когда высаживались рыцари. Драккары Рюрика бороздили моря в любую погоду, не страшась штормов. Не он ли, Рюрик, вложил в Олега мысль, что для викинга нет преград...

Когда воины Рюрика, чуть больше сотни варягов, закованных в броню, пришли в землю славян и увидели, какими ценностями обладают люди, населявшие этот край, они были потрясены. А потом новгородский князь позвал Рюрика с товарищами на пир, и конунг сказал своим рыцарям: «Эта Гардарика будет нашей».

В тот раз Олег подумал, что Рюрик намерился отнять богатство у словенского князя, но конунг поделился с товарищами замыслом. Он пояснил: «Мы останемся здесь навсегда».

Многие викинги не согласились с ним и, получив свою долю добычи, уплыли, а Олег не покинул Рюри-

ка. Викинги овладели Новгородом, и конунг стал княжить в нем. Ему подчинились словене и кривичи, а власть над новгородцами держалась не столько на силе, сколько на уважении.

Кто ведает судьбой человека, Вотан ли, Перун, но, если бы не смерть Рюрика, может, жил бы сейчас Олег в Новгороде, а Аскольд и Дир княжили в Киеве...

Ни разу не пожалел Олег, что убил киевских князей: ведь убили же они Кия, Щека и Хорива. Жизнь жестока, а путь к власти еще более жесток. Власть зачастую на крови замешена.

Это не его, Олега, слова, подобное он слышал от Рюрика. Великому князю захотелось поговорить со своим наставником. Не в мыслях, а вслух, и он сказал:

— Я сдержал клятву, конунг, которую дал тебе и Вотану. Ты слышишь, Рюрик? Твой сын будет великим князем, но каким окажется на княжении, откуда мне знать? Его не бросало на волнах море Варяжское, не обдували ветры, срывавшиеся с наших скал, он не брал с викингами города и не переступал через трупы врагов. Но я думаю, Рюрик, когда меня призовет Вотан и Игорь останется один, в нем пробудится твоя кровь, конунг... И еще, Рюрик, я нашел ему хорошую жену. Ольга прекрасна. В ней холодный ум викингов и горячее сердце славянки. Она мудра и воли необычной...

Олегу хотелось, чтобы конунг спросил его об Ольге, но Рюрик молчал, и тогда князь подумал о происшедшем между ним и молодой княгиней.

После той ночи, когда он бежал из Предславина, Ольга ни словом не обмолвилась о том. Будто и не было того случая. С великим князем разговаривала ровно, с уважением, а когда Олег вздумал повиниться, взметнула брови:

— О чем ты, князь? Такого не упомяну, и не возводи на себя хулу, не говори напраслину. Эка плетешь такое...

И Олег понял: она пощадила его, не подавила в нем достоинство мужчины. Сколько же разума в этой совсем еще юной княгине!

Он приподнялся, опираясь на локоть. За оконцем играла вьюга, злилась. Так нередко случается на исходе зимы... О посольстве к Симеону подумал. Скоро должен вернуться Никифор. Князь убежден: болгарский царь поддержит Олега... Мысль на предстоящий поход повернула. Теперь уже недолго осталось ждать: как потеплеет, так и выступят. И вспомнилось ему, как в одну из ночей привиделся отец и сказал, что будет с ним, Олегом, в войне с ромеями. Подумал: «Вот, отец, наступает то время, когда ты со своей небесной выси увидишь паруса русов под стенами Царьграда и дружины киевские, спускающиеся с гор. Ты порадуешься с нами, убедившись, что надменные ромеи склоняют свои головы... Я не помню твоего лика, отец, но слышал от Рюрика, каким ты был мужественным викингом, и хочу походить на тебя. Знаешь, отец, я виновен перед тобой, что не продлил род наш, но видит Вотан, как горько и мне самому...»

Лада на ум пришла, добрая и ласковая. Верно, оттого, что обошло ее материнство, она терзалась душой и все скрывала от Олега.

И князь, далекий от жалости викинг, вдруг почувствовал, как ворохнулось сострадание к ней. Не надолго, на какой-то миг,— и снова все отошло, остались одни мысли о далеком и близком, что в прошлом и чему еще предстоит свершиться...

Снова посмотрел на оконце. Небо чуть посветлело, значит, к рассвету поворотило. Олег взбил подушку, положил голову. Он любил подушку мягкую, а постель жесткую, потому и спал на лавке. Вспомнил, как во время его болезни Ольга сидела рядом с ним, и ее горячая и нежная рука лежала на его груди...

Может, понапрасну не пошел к ней, когда она позвала? Не от своего ли счастья бежал ты, Олег?

Поздно теперь рассуждать, больше Ольга такого не повторит. Он хорошо узнал ее. Такие женщины, как она, на подобное решаются единожды.

На крепостных стенах перекликнулись караульные. Ветер донес обрывки слов:

— ...И-и-е-ев!

И все стихло.

«Киев!» — кричали караульные. Видать, сон морил гридней. С весны и до осени такое время ночи особенно опасно. Когда сон подбирается к караульным, этим могут воспользоваться печенеги, чтобы неожиданно ворваться в Киев.

А печенежская опасность снова усилилась с появлением в степи новых многолюдных орд.

Каганат мира ищет, да так ли? Коварство хазар Олегу тоже ведомо. Их и вера иудейская не сдерживает, им бы данников сохранить. Однако даже ненадежный ряд, предложенный хаканбеком, Олег принял, дабы обезопасить Русь...

В гриднице с шумом рассыпались поленья: то отрок сбросил дрова у печи, сейчас затопит, и тепло растечется по хоромам...

И снова мысль на круг повернула. Вспомнился отцовский домик в родной стране. Обдувают его ветры, и оттого, сколько ни топи в зимнюю пору, в нем всегда зябко. Но как бы хотел он, великий князь киевский, пусть на короткое время оказаться там...

Вошел гридень, сказал:

— Воевода Никифор с посольством воротился.

Олег сел:

— Передай боярину Никифору: примет баню — и ко мне на трапезу, жду его.

Наутро вьюга стихла, и проглянуло солнце. Сначала робкое, оно показалось в просвете туч, а вскоре небо очистилось, и солнце засияло совсем не по-зимнему.

Ивашка выскочил из дома, срубленного прошлым летом, постоял на высоком крыльце, порадовался и дню погожему, и тому, что домой воротился, а больше всего рождению сына, маленького Доброгоста. Ивашка и так и этак к мальчишке приглядывался: будто на него, Ивашку, похож.

Появление в семье ребенка — это ли не самая большая радость? Так и жизнь обновляется: одни приходят на свет, другие умирают...

Под навесом выбрал Ивашка березовые досточки, снял топор, принялся зыбку мастерить. Хотел, чтобы получилась она такой же нарядной, какую ему отец сделал. Той зыбке вот уже за два с половиной десятка лет, но по-прежнему висит она в Новгороде, в горнице отцовского дома.

Как только поплывут в Новгород первые ладьи, Ивашка непременно сообщит отцу о рождении маленького Доброгоста. То-то обрадуется старик!

Отесывает Ивашка досточки, одну к другой ладит, — славная зыбка получается, — а сам думает о том, что если князь поведет войско на Царьград, он упросит Олега, чтоб послал его морем. Ему ладья сподручней седла. С ушкуйных лет воду полюбил, на Нево добивались реками, озерами корельскими хаживал.

Вышла Зорька с корзиной, а в ней ворох мокрых пеленок. Посмеялась:

— Мокрун твой Доброгост.

Постояла рядом, после родов еще больше похорошевшая, раздобревшая, полюбовалась работой Ивашки, похвалила:

— Славно у тебя получается.

И в дом вернулась.

А Ивашка подумал, что, когда он воротится из Константинополя, Доброгост уже, поди, сидеть будет.

От этих и иных размышлений Ивашку оторвала Зорька. Она сызнава появилась на крыльце, позвала трапезовать.

— Ты, князь, не отрок несмышленный, пора и к делу государственному приобщаться, — выговаривал не раз Ратибор Игорю. — Вишь, и великий князь недоволен. Ведь на тебя Русь оставит.

— Настанет час, и поглядишь, как буду сидеть на великом столе, — отшучивался Игорь.

Но однажды приехал в Предславино Олег, позвал Игоря.

— В Новгород отправишься звать на ромеев. Да и чудь, и меря, и иные народы пусть ополчаются...

Не теряя дней, покинул Игорь Киев. В Новгород ехал охотно: десять лет, как не бывал. Там на Волхове детство провел. На Ильмене у князя Юрия жил. Бегал на озеро, смотрел, как холопы невод закидывали. С однодревки сыпали сеть в воду и тянули к берегу. Игорь ждал, пока схлынет вода и в неводе забьется рыба. А еще Игорь помнит, как сына князя Юрия медведь заломал в малиннике...

Направлялся Игорь в Новгород через Вышгород и Любеч, и чем дальше уходила дорога на север, тем более лесистыми, болотистыми становились места, и тепло отступало, а когда берегом Ловати проезжал, снова зиму встретил: морозы ночами прижимали и днями почти не отпускали.

На десятые сутки добрался Игорь до Новгорода.

Закончилась волчья зима, и сырая теплая весна съедала последний снег. Жирная степь лежала в белых заплатках, и на проталинах цвели подснежники и робко пробивалась первая зелень.

Степь дышала. Ее дыхание особенно явственно слышалось на заре, когда все живое еще не пробуждалось. И в этой тишине где-то вдали нет-нет да и раздавался вздох степи.

Сурбей поднимался рано, когда весь его улус, разбросавшийся на много верст, еще спал.

Хан отбрасывал полог, выходил из юрты и оглядывал небо и степь. Серело, а на востоке, где остался улус хана Мурзая, едва приметно занималась заря.

Сурбей становился на колени, прикладывал ухо к земле, слушал степь. Он улавливал и ее дыхание, и разговор, какой она вела сама с собой. Сын степи, Сурбей понимал ее и любил. Она давала ему приют и кормила его стада и табуны. Степь, как мать, времена-

ми бывает добрая или сердитая. Она сердитая в засуху, и тогда улус не знает покоя. В поисках кормов он кочует, и скрип колес, жалобный рев скота — это плач печенегов...

Располагаясь зимой на южной окраине степи, где были рощи диких яблонь и груш, разлапистых шелковиц и низкорослых слив, улус, переждав холода, отправлялся на сочные травы, чтобы поздней осенью снова возвратиться сюда и поставить свои вежи между деревьями и кустарниками...

Едва пахнуло весной, Сурбей сказал своим тысячникам:

— Держитесь вдали от границ Урусии, пусть они забудут, что вы есть, и радуются, как радуется ребенок глотку молока.

А когда хан услышал удивленные восклицания, он прищурил и без того узкие глазки:

— Мы дадим князю урусов уйти в империю, и тогда я скажу вам: «Урагш!»¹ И наши быстрые кони помчат нас к Кию-городу...

Сурбей доволен: нынешним летом он пройдет по Урусии и пригонит в степь большой полон, привезет много всякого добра, каким богаты русы.

От Мурзая нет никаких вестей, но Сурбею он и не нужен, хан и без него возьмет Кий-город. Зачем Сурбею делиться с Мурзаем добычей?

Постарел посадник, новгородский князь Юрий, борода и волосы от седины белые, а в единственном глазу тоска. Годы и заботы дали о себе знать. Тяжело переживал он смерть Лады, а приезд Игоря живо напомнил ему и о сыне, и о дочери.

Обнял посадник молодого князя, заплакал:

— Здрав будь, княжич. Не забыл, не забыл... Ты един у меня остался. Помню, как рос в моих хоромах...

¹ Вперед!

Вытер слезу, помолчал. Молчал и Игорь. Наконец Юрий снова заговорил:

— С чем прибыл, догадываюсь: Олег у Новгорода помощи просить станет. Поди, на империю замахнулся. Неугомонен.— Вздыхнул.— Обидел меня князь великий. Ростиславу поверил. Да я зла на него не держу, Перун в том свидетель. Мыслю, вече поддержит Олега: чать, он нами на киевский стол посажен.

Долго разглядывал Игоря.

— Вот ты каким стал: вырос, возмужал. А давно ли озорником бегал! Ну, довольно, задержал тебя в избе посадской, едем на Ильмень, где отрочество провел.

Уже из посадской избы выбрались, и Игорь сказал:

— Олег велел не только новгородцев звать, но и иные народы.

— Пошлем к ним непременно, а что их старейшины ответят — услышим. Вече же новгородское на той седмице и созовем, а покуда старост кончанских уломаем, чтоб не воспротивились и народ за собой потянули.

Изба перевозчика Прокши прилепилась к обрывистому берегу Днепра. Она вросла в землю, сырая и темная даже в летний солнечный день.

У Прокши работа не только летом, но и зимой. В морозы он следит, чтобы ненароком какой-нибудь путник, переходящий реку, в полынью не угодил. А уж с весны и до зимы дел у Прокши невпроворот.

В этот год весна маленько задержалась, ни холода, ни тепла. Снег таял лениво, на киевских дорогах было слякотно, бревенчатые мостовые почернели от сырости, особенно на Андреевском своде и на Подоле, где большой торг.

Низкие сизые тучи, цепляясь за верхушки деревьев, временами сыпали тяжелые мокрые хлопья. Лед на Днепре посинел, местами покрылся водой. Прокша бранился, поглядывая на хмурое небо:

— Медведь солнце проглотил, неделю ярило не показывалось.

Перевозчик уселся на вросший в лед паром, принялся глазеть на мужиков, переходивших реку. Они шли осторожно, не кучно, обходя лужи. Перебравшись на правый берег, остановились возле перевозчика. Один из них, поставив ногу на перекладину парома и поправляя лапти, ворчал:

— Совсем промокли. Экая сырость!

И все дружно поддержали товарища, ругая погоду. Из сумок у мужиков торчали топоры, а у одного из-за спины, обмотанная тряпичей, высывалась пила. Артельные мужики рассказали Прокше, что, пока у смердов дел мало, они пришли в Киев на заработок. Слышали, великому князю плотники нужны.

Постояли мужики, порадовались, что хазары и печенег нынче чуть поунялись, и направились к торжищу, а Прокша подумал, что, когда вскрыется река, жизнь на перевозе делается бойкой. Все паром требуют, и тогда чего только не наслушается Прокша за день...

На пристани о чем-то судачили два боярина в шубах нараспашку. Прокша догадался: небось о походе на Царьград речь ведут. Нынче о том все толкуют. Смерды, прознав о походе, сокрушались: летом у мужика вся работа, а его от земли намерились оторвать...

Время к обеду повернуло. Поднялся Прокша, еще раз окинул взглядом реку и прошел берегом к иве, клонившей голову к Днепру. Вчерашним вечером здесь он опустил в прорубь сплетенную из конских волос жилку с большим крючком, на который насадил кусок мяса.

Потянул Прокша жилку и вдруг почувствовал, как забились рыба, гулять начала. С трудом выволок сома аршина на три. Головастый, упругий, он забился на берегу, а Прокша приговаривал:

— Ужо я из тебя ушицы наварю, то-то знатная получится!

Вскоре у избы полыхал костер и в закопченном котле булькала уха. Перевозчик принюхивался, причмокивал, деревянной ложкой перемешивал большие куски рыбы.

Ел Прокша степенно, с толком. К вечеру к нему присоединились двое караульных с гостевых дворов. Похлебали, отправились в город, а следом гридень с левого берега перебрался. Шел осторожно, ведя коня в поводу. И его перевозчик угостил ухой. Гридень издалека скакал, от самой южной границы. Поел с устатку и снова в седло...

Далеко на западе тучи обрывались, открывая небо. Проглянуло солнце. Оно закатилось чисто, суля ясный день.

Сумерки сгустились. Поднялся Прокша, посмотрел на противоположный берег — будто никого — и пошел к причалу, где под навесами сушились доски для ладей. Поговорил с караульными да и отправился в избу.

У Детинца на вечевой площади ударили в било. Глухой звук разнесся в стылом воздухе, и тотчас ото-звались все новгородские концы: Неревский, Людин, что на левом берегу, ему вторили с правобережья Торговый и Словенский, Плотницкий и Гончарский. Народ повалил на вече. Переговаривались, знали, зачем скликают. Молодые новгородцы довольны: будет где удаль показать. Шутили:

— Аль впервой паруса поднимать?

— Изведали севера, поглядим на юг!

Собрался люд на площади, ровно море в непогоду шумит. Но вот на помост взошли посадник и молодой княжич, и площадь затихла.

— Великий князь киевский тебе, люд новгородский, кланяется, — сказал посадник и обвел площадь взглядом. — Он прислал к нам князя Игоря.

— Ты, княжич, Новгородом вскормлен и вспоен, скажи, что Олегу от нас надобно? — зашумело вече.

— Великий князь на ромеев собрался и вас с собой зовет,— сказал Игорь.— На люд новгородский у него надежда.

И враз загомонили, закричали:

— Мы с великим князем заодно!

— Пойдем на ромеев!

— Поищем Царьграда!

Из толпы купцов и именитых выборных людей к помосту протолкнулся староста Торгового конца.

— Сказывай, Вышата!

— Ты че, против?

— Обиды чинят ромей нашим торговым людям, в город пускают под присмотром, на прожитие не дают и лады не чинят!

— Не стоять Новгороду в стороне от Киева! — заорало вече.

Тут князь Юрий голос подал:

— Коли так решили, то и собирать ополчение. Однако я в воеводы стар и потому вопрошаю: на кого укажете, люди новгородские?

Затихло вече и вдруг разом выкрикнуло:

— Доброгоста, старосту конца Плотницкого!

— Хотим видеть воеводой Доброгоста!

Вышел Доброгост, шапку скинул, поклонился на все стороны:

— Спасибо за доверие, новгородцы, а коли воеводой назвали, так и слушать слова моего.

— По-иному не быть!

— Воеводствуй над нами, коли князь Юрий не пожелал!

Всю оставшуюся часть зимы Олег провел в подготовке к походу. И она доставила много забот. По всей русской земле сзывали люд, солили мясо в сольницах, сушили сухари, рассыпали по кожаным мешкам разные крупы, готовили припасы на все дни пути...

Еще снег с земли не везде сошел, как потянулись к Киеву ратники. Из Белоозера направлялись опол-

ченцы, а с ними народ, именуемый «весь». Из земли чуди выступила дружина и ратники князя Эрика. Они ехали на конях и на телегах. Из Ростова, что на озере Неро, двинулся к Киеву князь Ростислав. Прошли землями кривичей, и те на ромеев ополчились.

Ночами подмораживало, а днями отпускало, и в грязь развезло дороги; привалы делали частые. У Смоленска сошлись со смолянами.

Большой силой тронулись и новгородцы, а водой поплыли охочие люди. Вели немалые дружины посадники Чернигова и Любеча.

Огромная пятнадцатитысячная рать скопилась у Киева.

Сошел лед на Днепре, и киевляне спустили ладьи на воду. К тому времени подошли ратники полянские и древлянские, от северян и дулебов, а хорваты уведомили, что пристанут, когда Русь на Дунай выйдет. Великая сила русичей ополчилась на Царьград...

В середине мая зазеленели леса и в рост потянуло травы, степь и перелески оделись в цвет, а поля оштенились рожью.

— Наступила пора, — сказал Олег. — Но прежде чем в путь тронемся, други мои князья и бояре, старейшины родов, подпишем ряд, дабы и впредь за Русь заодно стоять и врозь не тянуть!

На призыв великого князя откликнулся Ростислав:

— Не надобно нам усобицы, хотим единой Русью жить.

С ростовским князем остальные согласились и тут же условились, что первыми покинут Киев те, кому предстояло идти сушей. Над ними главным воеводой великий князь поставил боярина Никифора, а вторыми — князей Ростислава и Эрика да новгородского кончанского старосту Доброгоста.

За полками отплывали ладьи с воинством. Они должны были пересечь море и высадиться у стен Константинополя.

Новгородские ушкуйники явились к Олегу с просьбой:

— Дай нам Ивашку в кормчие, великий князь, и пусть он главенствует на нашем ключе.

— Я и сам о том подумывал. Пусть будет так, — согласился Олег. — А в морском сражении вам, новгородские удалцы, поручаю спустить стяг на дромоне друнгария византийского флота.

Наконец настал день, когда под игру труб и бой барабанов воинство покинуло Киев, а Днепр закрыли паруса множества ладей, насад и расшив.

Накануне великий князь устроил пир. Собрались за столами князья и воеводы, бояре и старейшины. Тесно и шумно. Знатно угощал Олег своих товарищей по походу. Пили вина сладкие и меды хмельные. Столы были уставлены яствами: тут мясо вареное и жареное на блюдах деревянных, ребра вепря копченого, рыба, кусками запеченная, птица всякая, пироги с мясом и рыбой, грибами и ягодами, капуста квашеная и грузди моченые. Широкое веселье, будто и не предстоят сражения и всем суждено вернуться на Русь...

Олег сидел на помосте, а по правую и левую руку от него князь Игорь и воевода Ратибор. Им надлежало беречь Киев от хазар и печенегов. Поглядел великий князь на Игоря — тот задумчив. Видать, понимает, какую ношу принял. Ну да с ним Ратибор. Он будто мысли Олега угадал, повернулся к нему, в глаза посмотрел:

— Ты, великий князь, о Киеве не тревожься. Мы-то для чего?

— Русь вам вверяю, воевода.

— Вот и ладно. Знай, в Киев недруга не пустим.

Поднял Олег кубок:

— За князя Игоря хочу выпить, за Рюриковича!

И тут же Ольга вспомнилась. Вчера он ездил в Предславино, прощался с ней. Она сказала: «Тебя, великий князь, Олегом зовут, меня от имени твоего Ольгой нарекли. Не знамение ли?»

Ничего не ответил ей великий князь, лишь подумал: «Знамение или нет — того не ведаю, одно знаю: иску́с ты плоти моей воистину...»

Едва проводили воеводу Никифора, как с верховьев Днепра спустились два драккара, убрали паруса, перебросили сходни, и на берег сошел ярл Гард. Постоял, осмотрелся и направился к княжьим хоромам.

За годы, как покинул он Киев, разросся город, люда прибавилось. Дома все больше о двух ярусах, на торжище от лавок тесно. Дворы гостевые и стены крепостные с башнями сторожевыми обновили.

Олега увидел издали. Тот тоже заметил ярла, ждал, когда подойдет. О том, что викинги плывут в Киев, Олегу было известно от дозоров, когда те еще на Любечской переправе драккары переволакивали. На приветствие ярла Олег ответил поднятием руки. Похлопав Гарда по плечу, обнял:

— Знал, что со мной на Царьград пойдешь.

— Отчего не звал?

— Я могу звать славян, мы же с тобой по крови близки, и ты сам должен был чують, когда у меня в вас нужда. Рад, что не ошибся в тебе...

Минут годы, пройдут века, и бессмертный труд безвестного летописца донесет до нас такие строки:

«В лето 6415¹. Пошел Олег на греков, Игоря оставив в Киеве; взял с собой множество варягов, и словен, и чудь, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев... это все называлось греками Великая Скуфь². И с ними со всеми пошел Олег на конях и на кораблях, и было числом кораблей 2000...»

Так о тех замечательных днях и событиях рассказывает «Повесть временных лет».

¹ 907 год.

² Скифь.

ГЛАВА 4

*Император. Болгарская фема империи. Кмет Хинко.
Главнокомандующий Роман Дука. Евнух Леонид.
Евсей в Константинополе. Толпа у Ликоса.
Смерть отступает от императора*

Власть императора безгранична, его воля священна. Это известно всей империи. Но это когда базилевс здоров. Стоит императору тяжело заболеть, как все меняется.

Во дворце на Милии доживал последние дни божественный и несравненный базилевс великой Византийской империи Лев VI. Любимец богов, император лежал в одиночестве на высоких подушках, прикрытый пурпурным покрывалом. И только врач да верный слуга, старый евнух Василий, не оставляли умирающего.

Император могучей Византии, ныне покинутый всеми, с горечью думал, что, когда он был здоров и его носили ноги, сановники толпились вокруг его трона, ловили каждый его жест, исполняли все его желания. Они угождали ему. Теперь, когда смерть нависла над ним, они гадают, кто поселится в императорских покоях, кому служить, перед кем ползать.

Почувствовав, что жизнь покидает его, базилевс пожелал оставить после себя императором Константина, своего незаконнорожденного сына, но теперь он знает: придворные не исполнят его волю. Они не подали ему даже папирус и чернила с пером, дабы он распорядился письменно, подписал эдикт. Императором станет его брат Александр. Он уже сейчас ведет себя как базилевс, давая понять, что время императора Льва кончилось.

Ему бы, Льву, подняться да призвать магистров, командиров кавалерийских тагм, навести порядок во дворце, увидеть, как начнут пресмыкаться сановники. Но император Лев мрачно усмехается: кто он ныне? Живой труп без власти! Разве послушаются сейчас его, императора, командиры тагм? Они уже сегодня стараются услужить будущему базилевсу, несравнен-

ному и божественному, от которого зависит их будущее, их судьба.

Мысленно Лев обращается к годам правления и нехотя признает, что не всегда прочно держал власть. Византию теснили арабы, а бежавший из монастыря Симеон провозгласил независимую Болгарию, и сегодня она грозный враг империи...

Он же, император Лев, прозванный в народе философом, оставляет после себя тома «Базилики», свод законов Византии. Но указывая, как управлять империей, он так и не научился повелевать подчиненными. Пресмыкаясь перед базилевсом, они готовы были предать его и предали.

Он, базилевс, мыслил присоединить Тмутаракань к херсонесской феме, но интересы Византии столкнулись с интересами каганата и касогов...

Сановники, прежде угождавшие божественному, несравненному, мудрому императору, земному солнцу, теперь равнодушно оставили его умирать, как оставляют подыхать бездомную собаку. К нему не является даже логофет дрома евнух Леонид, который раньше всех приходил во дворец и ждал пробуждения императора. Он докладывал о государственных делах и нашептывал, чем живут придворные, плел разные интриги.

Привыкший к подобоострастным улыбкам и лести, базилевс не хотел примириться с мыслью, что все это позади. Разве прежде ему было не ведомо, что придворные угодничают перед сильным и помыкают им, когда он становится слабым; божественному поют осанну, а когда тот теряет власть, в него плюют? Но Лев мыслил, что все это было до него. Теперь он убежден: так было раньше и так будет впредь, жизнь не меняется...

Доверенный человек кмета Хинко пробирался снежной тропой через перевал. Он шел осторожно, ибо на каждом шагу его подстерегала опасность сорваться

в пропасть или быть засыпанным снежным обвалом. Это могло случиться и на подъеме, и при спуске.

Но человек кмета Хинко не раз хаживал через перевал с тайными поручениями своего хозяина. Человек не осуждал кмета, так как был его единомышленником. Как и кмет Хинко, он не верил во власть царя Симеона, а признавал силу империи.

Оказавшись на самом перевале, где луга были покрыты высокими травами и цветами и росли редкие вековые деревья, человек передохнул на ходу, чтобы начать спуск в долину.

Попав в нее, человек направился к костру, у которого отогревались стратиоты, и потребовал от спафария — командира отряда — проводить его к стратигу фемы патрикию Иоанну.

Человек Хинко знал: фема расположилась в ближайшей деревне, а эти стратиоты у костра — охранение. Фема патрикия Иоанна прикрывает дорогу в долину. Когда Симеон объединил Болгарию и стал угрожать Византии, турмы фемы стратига Иоанна выдвинулись к самым горам...

Патрикий тоже жил в деревне, покинутой болгарами, в просторном доме, некогда принадлежавшем одному из сторонников Симеона. Был уже вечер, и Иоанн готовился ко сну. Годы и походная жизнь давали о себе знать. Патрикий был грузен и сед, под глазами темнели набрякшие мешки.

Феме стратиота Иоанна досталась нелегкая участь — сдерживать натиск болгарских войников.

В своих неудачах патрикий винил империю, бросившую его фему на произвол судьбы. Он не раз говорил это жене, укоряя при сем ее отца, доместика схола, поставившего Иоанна на столь опасную фему. А ведь мог назначить в одну из константинопольских тагм! Тогда бы не пришлось скитаться по провинции и постоянно чувствовать, как враг дышит ему, стратигу, в затылок.

Патрикий Иоанн был удивлен, когда спафарий доложил ему о приходе болгарина, требовавшего допус-

тить его к стратигу. Сначала Иоанн намерился выслушать болгарина утром, но пересилило любопытство. Стратиг догадался, что это посланец кмета Хинко, а тот по пустякам не рисковал. Да к тому же близок к царю Симеону...

Болгарин вошел, смахнул с головы барашковую шапку, потоптался у двери. На нем был короткий овчинный тулупчик, а ноги, обутые в кожаные цирвулы, оставляли грязный след на светлых домотканых дорожках.

— Ты осмелился нарушить мой покой, когда я совсем уже изголовился ко сну. Если у тебя важное дело, говори. Но если оно меня не интересует, я велю гнать тебя взащей.

Болгарин покорно склонил голову.

— Кмет велел передать, стратиг, царь Симеон принимал послов киевского князя Олега и обещал помощь в войне с империей, — сказал он.

Патрикий приподнялся, спросил удивленно:

— О какой войне говоришь, человек?

— Русы замышляют воевать с Византией.

У патрикия мороз пошел по коже. Случись такое — и его феме доведется принять первый удар. А если царь Симеон начнет войну с империей вместе с русами, тогда совсем беда.

Спросил:

— А что Симеон?

Но болгарин сказал о другом:

— Кмет Хинко передает: болгары не станут воевать с Византией. Царь выделит людей, и они проведут русов вдоль берега моря в долину.

Иоанн нахмурился, почувствовал, как задержался глаз. Приложив ладонь к щеке, попытался приостановить подергивание. Затихло. И тогда патрикий произнес:

— Скажи кмету Хинко, я благодарю его за дружбу и ту помощь, какую он оказывает империи. Империя не забывает тех, кто ей служит. Скоро армия базилевса разобьет войников Симеона, и Болгария снова

будет фемой империи, а кмет Хинко — ее правителем. Ты же, человек, получишь поместье, какое сам выберешь.

— Скорее бы исполнилось такое, стратиг, — согнулся в поклоне болгарин и вышел.

Долго еще сидел стратиг неподвижно. Кмет передал известие, встревожившее патрикия. Прежде русы не воевали с империей, случалось, их легкие корабли доплывали до берегов Византии, но флот базилевса отражал нашествия язычников. Но то, что сообщил человек Хинко, означало: русы намерились пойти на империю не только морем, но и сушей. Они направятся берегом моря, и потому он, стратиг Иоанн, должен расположить свою фему так, чтобы перекрыть путь русам.

Хинко был давно убежден, что империя сломит Симеона, она могущественна, и победы царя временные. Потому кмет не терял дружбы со стратигом Иоанном, сообщая ему все о замыслах Симеона.

Кмет поступал так не бескорыстно. Когда турмы стратига Иоанна вступят в Тырново и стратиоты пленят Симеона, они отправят в Константинополь не только царя, но и тех кметов, которые стоят за царя, а его, Хинко, владений не тронут, и сам он станет правителем всей Болгарии.

Хинко — кмет горной области, он хозяин перевалов, и его войники держат в своих руках дорогу через горы. Хинко давно предлагал патрикию Иоанну провести его турмы в Тырново коротким путем. Если бы стратиг согласился, он захватил бы Симеона врасплох. Но Иоанн не решается. Кмет догадывается почему. Патрикий опасается ловушки. Хинко считает, стратиг упускает возможность быстрой победы. Будь у него, Хинко, столько стратиотов, сколько у патрикия Иоанна, он давно бы сидел вместо Симеона. Но у Хинко только полтысячи войников, а с такой дружиной

не то что замком овладеть — к Тырнову не подступишься.

Молод Хинко, он младше всех остальных кметов, может, потому царь любит его больше других. Однако Симеон недооценивает его. Несмотря на годы, Хинко осторожен, как горный барс, и о его сношениях со стратигом никто не знает, кроме Горицвета, человека, который ходит к патрикию с донесениями от Хинко. Узнай о том Симеон, и Хинко спознался бы с царским палачом. И на совете кметов Хинко всегда осторожен, и его слова не расходятся с мыслями Симеона. На последнем совете он не угодил царю, высказавшись против русов. Хинко и сам не может ответить, почему он так поступил. Кмет уверен, ромеи раздавят русов, едва они появятся на побережье, а на море кто станет тягаться с могущественным флотом империи? Нарушая и без того непрочный мир, Симеон обрекает Болгарию на войну с Византией. Послав Горицвета к стратигу и сообщив ему о замыслах русов и царя, Хинко обезопасил себя от гнева базилевса.

Кмет всегда с беспокойством ожидал возвращения Горицвета и, хотя тому были ведомы все тайные тропы, успокаивался, когда Горицвет появлялся в горнице. И в этот раз Хинко не смыкал глаз до самого рассвета, пока ему не сообщили, что Горицвет возвратился и ждет, когда кмет позовет его.

Доместик схол Роман Дука, главнокомандующий войсками Византийской империи, маленький щуплый старик, имел власть не только над всеми армейскими соединениями — его боялась вся константинопольская знать, ибо он был двоюродным братом базилевса. Роман Дука слыл коварным царедворцем. В тщедушном теле доместика схола таилось столько скрытой энергии, что знавшие его удивлялись: откуда она берется?

Мало смысливший в военном искусстве, доместик схол управлял войсками с помощью интриг, стравли-

вая стратигов фем, побуждая их враждовать между собой. Стратиги доносили друг на друга, а domestik схол чувствовал удовлетворение: командующие фемами не объединятся против него.

Родственник базилевса, Роман Дука, однако, императора не уважал, считая его неспособным сохранить Византию хотя бы в тех пределах, какой она была при отце Льва, базилевсе Василии. Domestik схол уверен: если бы он был императором, то ни арабы, ни болгары не потрясали бы Византию.

Базилевс не водил полки на врага, он виновен в том, что Симеону удалось бежать из монастыря и объединить болгар. Император Лев чаще всего отсиживался во дворце и лишь изредка выезжал в летнюю резиденцию императрицы, но здесь не задерживался, а возвращался во дворец на Милии, где жила его любовница с малолетним сыном Константином. Базилевс хотел видеть Константина императором, но против этого патриарх, родной брат базилевса Александр и он, главнокомандующий. Роман Дука не прочь примерить царский венец на свою голову, но ему известно и то, что у Александра немало сторонников среди «бесмертных», личной гвардии базилевса и магистров тагм.

Роман и Александр — тайные недруги, но оба соблюдают видимость дружбы, надеясь со временем извлечь из нее взаимную пользу.

Дворец domestика схола стоит рядом с летней резиденцией императрицы и окнами выходит на бухту. Когда Роман Дука смотрит на море, то видит флот империи. Он могучий, и с ним сравнится разве что флот Венеции.

Друнгарий флота ему, domestiku схолу, не подчиняется, а потому Дука против него не интригует. Ко всему друнгарий флота — дальний родственник императорской семьи.

Мысли domestика схола снова переключаются на базилевса.

Весь Константинополь знает: он доживает последние дни. Хилого императора давно уже заждались на небесах, и, хотя базилевс еще дышит, борьба за власть уже началась. Роман Дука не решается заявить о намерении стать императором. У него армия, но турмы фем не в столице, а в провинции, и базилевсом станет тот, с кем «бессмертные», а они, думает Роман Дука, пойдут за Александром.

И еще domestик схол думает, что у Льва нет твердой руки. Он ничего не взял от своего отца. Василий был решительный и ничем не гнушался на пути к власти. Он не остановился даже перед убийством императора Михаила. При Василии возросла мощь Византийской империи. У него был острый ум и талант дипломата.

Сегодня у империи главный враг — болгары. Там в долине фема стратига Иоанна, зятя domestика схола. Роман Дука помогает ему. У Иоанна больше воинов, чем у других стратигов, его турмы подвижны и сдерживают дружины болгар.

Domestiku схолу от дочери известно: Иоанн мечтает получить одну из константинопольских тагм, но у каждой из них есть магистр, а Роман Дука не вправе никого из них сместить — это воля базилевса.

Прошлым летом катапан Херсонеса предупредил domestика схола и друнгария флота, будто киевский князь Олег намерился пойти войной на империю, но Роман Дука в это не поверил и оказался прав. Разве Великая Скифь, как называли славян византийцы, посмеет воевать с империей?

Мелкими шажками, чуть приволакивая ногу — в молодости упал с коня, — domestик схол отошел от окна и направился в просторный мраморный зал, украшенный золотой лепниной, картинами и коврами. Усевшись в глубокое кресло, он принялся ждать прихода зятя. Стратиг Иоанн прибыл в Константинополь неожиданно, и это несказанно удивило domestика схола. Что мог означать его приезд?

Патрикий не заставил себя ждать, он явился точно в назначенное время, подошел к креслу и, опустившись на колено, поцеловал дряхлую руку тестя.

— Встань и садись, Иоанн. Что заставило тебя оставить фему? Разве ты забыл, что в твоих руках судьба Византии? Подлые болгары уже подступали к Адрианополю. Не потому ли я усилил твои турмы?

— Нет, севаст, я это помню, а то, с чем я явился в Константинополь, не оставит тебя равнодушным.

— Ты вызвал во мне любопытство, но прежде скажи, как здоровье моей дочери, твоей жены?

— Анна здорова и скучает по родителям.

— Женщина, у которой есть дети, должна помнить: родители живут для детей, но дети не живут для родителей, ибо у них есть свои дети. Теперь расскажи, что привело тебя в царственный град? — Доместик схол подался вперед, приготовившись слушать.

— Севаст, на той неделе побывал у меня человек кмета Хинко и поведал, что к Симеону приезжали послы киевского князя.

— Ты, стратиг Иоанн, привез известие, которое касается не меня, а логофета дрома, зловредного евнуха Леонида, — удивился доместик схол.

— Нет, севаст, те послы вели необычные разговоры. Речь шла о помощи болгар Великой Скифи, когда она пойдет на империю.

Роман Дука насупил брови:

— Это действительно необычное сообщение. Но можно ли верить кмету?

— Да. Хинко служит Симеону, но душой он с нами. У нас одна вера, и человек кмета клялся на кресте в правдивости своих слов.

Доместик схол помолчал, думая о чем-то, потом спросил:

— У тебя, стратиг, самая большая фема, скажи, где сегодня твои турмы и когорты?

— Они, севаст, прикрывают дороги, которые ведут в долину через перевалы.

— Но русы не пойдут через горы, их конные дружины двинутся вдоль берега моря, и твоя фема должна закрыть им дорогу. И для того ты оставишь на перевалах лишь отряды прикрытия, а всеми силами отразишь русов, которые пойдут вдоль моря. Ко всему, патрикий Иоанн, кмет Хинко — хозяин гор, не так ли? А он, с твоих слов, друг империи.

— Я так и поступлю, севаст. Но не выделишь ли ты для моей фемы еще тысячу стратиотов?

Дука поморщился:

— У тебя и так самая большая фема.

— Но она прикрывает царственный град!

— Хорошо, я пришлю тебе еще одну турму, но это произойдет, если скифы вступят в Болгарию.

Патрикий снова припал к руке domestika схолы:

— Когда русы появятся в долине, я встречу их, и они получат должный отпор.

— Нет, стратиг, скифы не должны вступить в долину. А то, о чем ты поведал мне, должен знать и драгман флота, магистр Антоний. Его корабли встретят флот скифов в море.

Domestik схол вскочил, пробежался по залу, потом снова упал в кресло:

— Если слова кмета Хинко подтвердятся, армия и флот империи нанесут Великой Скифии решительный удар.

Логофет дрома, лысый и безбородый евнух Леонид, ведал всей внешней политикой империи. В последний год он был обеспокоен поведением князя Олега. Сначала тот взял Киев, потом подчинил себе других князей, но вот стали просачиваться слухи, что Олег готовит большой флот. Что замыслил киевский князь?

Византия хорошо знала своего северного соседа, Великую Скифию. С нею империя вела торговлю, ее опасалась. Русы были добры, они не имели страха, переплывая на маленьких корабликах грозное море. Но во гневе русы были безжалостны. Не потому ли их

не впускали в Константинополь вооруженными и жили они в русском квартале подворья Святого Мамонта, что за воротами города?

Когда у русов появился новый князь Олег, который принялся объединять разрозненные племена, логофет дрома учуял в этом опасность для империи и не однажды заявлял, что у Византии достаточно хлопот со славянами на Балканах, чтобы еще иметь славянское государство своим северным соседом. Там, на восточном берегу Понта Эвксинского, который русичи зовут Русским морем, у империи свои интересы. Византия имеет в Таврии херсонесскую фему, империя не прочь высадить свои турмы на Кавказском побережье, где греки издавна основали свои колонии.

Теперь же с возникновением Киевской Руси появилась угроза вторжения Великой Скифи во владения Византии, и об этом логофета дрома прошлым летом уведомлял катапан Херсонеса.

Минули осень и зима, улеглось волнение, посеянное сообщением из Киева о том, что князь Олег готовится к войне с Византией. Рассудок подсказывал евнуху Леониду, что только безумные осмелятся переплывать на утлых суденышках море с намерением покорить великую империю, преемницу империи Римской.

У логофета дрома много осведомителей, и ничто не остается неизвестным для евнуха Леонида. На прошлой неделе ему донесли: стратиг Иоанн посетил доместика схола, а тот побывал у драгмана флота с известием, что у Симеона, болгарского царя, появились послы киевского князя и уговаривались о военном походе против империи.

И снова прежнее волнение захватило евнуха Леонида. Его мучил вопрос: почему это известие севаст Роман Дука держит в тайне? Разве оно не касается его, логофета дрома, который ведает внешней политикой Византии? Над империей нависла опасность, а доместик схола это скрывает. Что он замыслил?

Прежде логофет дрома не преминул бы сообщить о том базилевсу, но ныне император бессилен, а за его спиной уже идет борьба за трон. Евнуху Леониду в уме и хитрости не откажешь, он рассудил так: если domestик схол скрывает что-то, значит, это выгодно тому, кто станет базилевсом. И евнух Леонид решил подождать, пока не будет ясно, кто вселится в императорский дворец, кому служить. Он не мог ответить утвердительно, кто сядет на трон: domestик схол или Александр. У Романа Дуки поддержка стратигов фем, у брата нынешнего базилевса Александра за спиной «бессмертные». И еще неизвестно, как поведут себя магистры тагм...

Сыро и зябко в каморке Евсея, что на подворье монастыря Святого Мамонта. На стенах плесень и потеки. Неуютно. Поди, у него в Киеве собачья конура и та получше. И вся византийская зима, стылая и промозглая, с редкими снегами и случайными морозами, наводит на Евсея тоску. С моря наползают на Константинополь липкие туманы, дуют ветры, и нередко сутками льют дожди.

Подчас Евсею кажется, что византийской зиме не будет конца и он никогда не согреется. Жить у Зои Евсей не мог: на ночь русам оставаться в городе не велено, и купец редко нарушал это правило. Когда открывались городские ворота, Евсей шел к Зое. По пути он заходил в хлебную лавку, где вкусно пахло свежеиспеченным хлебом, брал горячую булку, сворачивал к мяснику, выбирал большой кусок говядины или целый бараний окорок, после чего направлялся в домик возлюбленной.

У Зои Евсей усаживался у камина, протягивал ноги к огню, смотрел на скудное пламя. Дрова в Константинополе дорогие, и Зоя приберегала их. Евсей с тоской вспоминал жаркий огонь в печи своего дома, потрескивание березовых поленьев в лютый мороз...

Здесь, в Константинополе, не было бани, как там, в Киеве. Византийские термы с каменными чашами и скудной водой, где народ не мылся, а плескался, не могли заменить Евсею пар и полок родной бани, в которой он, нахлеставшись вдосталь березовым веником, обливался из бадейки ледяной водой, потом горячей и, разомлевший, лежал, блаженно прикрыв глаза...

Случалось, он рассказывал о том Зое, но она, ни разу не испытывая такого наслаждения, только посмеивалась. Но Евсей не обижался: когда Зоя поживет на Руси, она поймет, какое блаженство доставляет человеку баня. Он молился: «Господи, зачем привел ты меня в этот город и лишил родной земли?»

Тоска заедала Евсея, он молил Бога прибрать главного жреца с капища, старого злого кудесника, чтобы он, Евсей, смог поскорее вернуться домой, в Киев.

Когда он будет покидать Константинополь, то обязательно уговорит Зою уехать с ним...

Иногда к ней в домик заглядывал спафарий Анастас. Такое случалось редко. Открывая дверь, Анастас непременно говорил:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Анастас был мелкий чиновник, но он многое знал, и с ним Евсею было интересно. Они просиживали полдня за кувшинчиком сладкого вина, закусывали жареными орешками, вели неторопливый разговор, и время для них пролетало незаметно.

От Анастаса Евсей слышал о болезни базилевса и о том, что во дворце начали поговаривать о новом императоре, о тайных сговорах и интригах, какие плела знать.

А еще Анастас пожаловался на то, что императорские хранилища зерна пусты и скоро хлеб возрастет в цене, а это опасно: все может кончиться бунтами черни...

Вскоре слухи о болезни базилевса поползли по городу. Называли имя будущего императора — брата

нынешнего, красавца Александра, которого императрица сделала своим любовником.

По Константинополю теперь то и дело носились отряды конных из тагм, а гвардия «бессмертных» стояла наготове. Молодые откормленные гвардейцы в железных латах, опоясанные мечами, с копьями и щитами день и ночь усиленно сторожили священное жилище — императорский дворец на Милии.

Началось с долины Ликоса, где от гнилого ручья и нечистот воняло и где теснились лачуги охлоса — пристанища воров и продажных женщин. Вдруг в полдень вывалила разъяренная толпа, с криками и угрозами ринулась к центру города, в район дворцов, особняков знати и вельмож.

Дорогой, обрастая людом, толпа грозно ревела:
— Хлеба! Хлеба!

Она запрудила улицы, накатывалась устрашающим валом, крушила все на своем пути.

Накануне вдвое поднялись цены на зерно, и торговцы печеным хлебом стали продавать его втрое дороже. Люд, горланя, разбивал хлебные лавки, грабил пекарни, бил ростовщиков и менял.

Рев толпы разносился над всем Константинополем. Едва не раздавленный людской массой, Евсей успел заскочить в калитку к Зое. Такую разгневанную толпу народа он увидел впервые. Евсей был не из пугливых, смерть не раз подстерегала его. Плавая по Днепру, он видел ее на порогах, не раз его поджидала опасность встречи со степняками, он мог быть проглочен морской пучиной, но чтобы вот так встретиться с озверевшим людом — подобного еще не бывало...

Крики и шум донеслись и до ушей императора. Он оторвал голову от подушки, приподнялся. Старый евнух, увидев это, упал на колени, воздел руки:

— О Господи, ты услышал наши молитвы! Тебе лучше, несравненный, ты поправляешься?

К ложу подошел врач. Базилевс указал на окно:

— Разве вы не слышите? Это голос народа, он не желает моей смерти!

— Божественный, — сказал врач, — это бунт толпы, и она требует хлеба.

Император опустил на подушки, устало закрыл глаза. Гнев черни его больше не страшил и суетность жизни не интересовала. Не так было раньше, когда в подобных случаях он искал защиты у армии.

В Константинополе не забыли о крупном восстании, поднятом Фомой Славянином, бывшим императорским воином. Тогда в царствование Михаила II Фома осадил Константинополь, собрал большой флот, и его корабли закрыли подвоз зерна в столицу. С великим трудом удалось отбросить Славянина от Константинополя и усмирить взбунтовавшийся люд...

Неожиданно на бледных губах базилевса промелькнуло подобие улыбки. Он хмыкнул. Евнух склонился, но император молчал. Базилевс зло думал, что возмущение народа — это кара Божья, и зримо видел, как мечутся придворные, некогда верные ему сановники, какой ужас охватил и Александра, и domestika схова Романа Дуку, и драгмана флота Антония, и логофета дрома евнуха Леонида...

А толпа во всем ее многолюдстве продолжала реветь:

— Хлеба! Хлеба!

И эти крики все явственней проникали во дворец.

Толпа вступила в район Влахери и, запрудив улицу, мимо храмов направилась к императорскому дворцу. Но тут, перекрывая ей путь, встала гвардия. Ее квадрат, закованный в железо, прикрываясь щитами и выставив копыя, медленно двинулся на толпу. Она дрогнула, остановилась, чтобы попятиться и тут же рассыпаться. А «бессмертные», сверкая латами, преследовали народ, кололи копиями, били короткими мечами, топтали...

В тот день улицы Константинополя, мощенные мраморными плитами и камнями, темнели от запекшейся крови, повсюду валялись убитые, стонали и молили о помощи раненые. Но их не щадили: сбрасывали в море, топили в бухте.

Той ночью Зоя не отпустила Евсея. Он не спал, не спала и Зоя. Наконец Евсей подал голос:

— Тот, кто послал гвардию убивать своих подданных, христианин? — спросил он, будто не обращаясь к Зое.

Но она ответила:

— Да!

— Однако тому ли учит Господь?

— Нет!

Помолчав, Евсей снова сказал:

— Я принял веру, где написано: «Не убий!» и «Возлюби ближнего своего»! Где взывают о милосердии и прощении... Что же император?

Зоя повернулась к нему, приподнялась на локте:

— Ты увидел это впервые, и отсюда твое удивление и негодование.

— Однажды я уже видел толпу, но ее не убивали, ее просто рассеяли.

— Ты слышал, они требовали хлеба, а спафарий Анастас говорил, что в Константинополе мало зерна. Где взять его императору? И если не послать против толпы гвардию, народ разорит дворец и убьет божественного.

— Ужели ты считаешь императора христианином?

Зоя оставила вопрос без ответа.

— Ты называешь божественным человека, уста которого изрыгают повеление убивать? Славяне тоже убивают, но они убивают в бою. Нет, Зоя, и базилевс, и его сановники только поклоняются Богу, но делами они не христиане.

Зоя промолчала, а купец продолжал:

— Что они скажут Всевышнему, когда предстанут на суде Господнем? Ты не знаешь ответа, а я ведаю: они скажут, у них-де намеревались отнять власть, и они защищали ее. Не так ли, Зоя? Но Господь всевидящий и всеслышающий ответит им: кто держит власть, не зная, как насытить народ, а сам жиреет, кто поднял меч на голодный люд, просящий хлеба, — разве тот достоин именоваться божественным, а его придворные — добрыми отцами своего народа? Люди эти фарисеи — так осудит их Господь.

И снова Зоя не проронила ни слова, а Евсей говорил свое:

— Я принял веру христианскую и за то подвергнут муке, изгнан с родной земли. Я поклоняюсь Господу и его учению, светлому и доброму, и от того не отрекусь. А власти предержащие, творя зло и насилие, могут ли сказать: не ведаю аз, что творю? Нет, все они ведают, и слова у них расходятся с делом, ибо они лицедеи.

— Ты судишь их сурово, Евсей, — наконец промолвила Зоя. — Господь прощает даже врагам своим.

— Но ты забыла, чему учит Иисус Христос? Никто не смеет отнять жизнь у человека. Ее дал ему Господь, и он лишь вправе отобрать ее.

— Евсей, — вздохнула Зоя, — не надо никому говорить об этом. В империи много ушей, а базилевс скоро сам предстанет перед Всевышним.

Сказала просяще, и Евсей, погладив ее по щеке, прекратил разговор, лишь промолвил:

— Добро, моя прекрасная и несравненная, пусть будет по-твоему.

От Харисийских ворот Евсей свернул вправо, и большая улица вывела его к мосту через бухту Золотой Рог.

Перед ним открылась темно-синяя гладь, такая мирная и ласковая, что даже не верилось, как могла эта морская пучина поглощать тела и жизни многих константинопольцев.

После кровавых дней затиш городской люд. Но не жестокая расправа усмирила голодную чернь, а бесплатная раздача хлеба на другой же день...

На мосту Евсей остановился. День был безветренный, и море спокойное, вода в бухте замерла, и так же застыли военные корабли императорского флота. Они бессчетны, сотни их — дромонов, трирем, хеландий и памфил — устрашающе бороздят моря Эгейское и Средиземное, поднимают волну Понта Эвксинского и режут воды моря Мраморного. Они не поддаются учету, и те, которые передыхают в гавани Золотого Рога, только часть могущественного флота империи.

Глядя на эту грозную армаду, Евсей подумал о несбыточности замысла великого князя киевского. Безумна затея Олега. Вскорости на Русь пойдут две ладьи новгородских торговых людей, и Евсей отправит с ними донесение. Пусть Олег еще раз услышит от него правду и тогда снова обратится к разуму...

Евсей завидовал новгородцам: они направят свои ладьи домой, а ему дорога в Киев заказана, пока жив главный волхв. Но почему выживший из ума старик может заставить страдать его, Евсея, подумал купец и решил: будь что будет, а на следующий год он непременно поплывет в Киев.

Император все еще дышал. Но он не только дышал, он был еще в состоянии мыслить и отдавать распоряжения. Когда толпа подошла ко дворцу, а испуганный Александр появился у ложа базилевса, тот спросил, сурово насупившись:

— Почему безмолвствуют «бессмертные»?

— Они ждут, что велишь им ты, божественный.

— Пусть бессмертная гвардия обнажит мечи и усмирят этих беснующихся зверей. Только кровь и смерть остановят их...

И еще император распорядился открыть хранилища зерном, печь хлеб и раздавать его голодающим,

направить корабли за египетской пшеницей, а на Ипподроме устраивать развлечения, конные бега и бои диких животных.

Насытившись бесплатным зрелищем, подкормленный малыми подачками, народ мирно подходил ко дворцу, славил базилевса, желал несравненному и божественному долгих лет царствования...

Успокоился охлос, и снова позабыли сановники об умирающем императоре. Не появлялся и Александр. Горькие мысли не покидали базилевса Льва. Неожиданно ему захотелось принять ванну. Он представил, как его погружают в бассейн, наполненный благоухающим настоем из лепестков роз, как потом распаренное тело разотрут духмяными маслами и искусные массажисты разомнут дряхлые мышцы. Тогда к нему вернется здоровье и исчезнет беспомощность.

Император поманил евнуха Василия, велел позвать слуг, чтобы отнесли его в бассейн, но евнух перевел взгляд на врача, а тот отрицательно повертел головой, чем несказанно озлил базилевса: даже этот носастый грек осмеливается не выполнять его указания!

Базилевса не посещает императрица. Эта старая блудница, соблазнившая многих, в том числе и Александра, распорядилась не пускать к нему, умирающему, его любимую женщину с сыном Константином...

Три дня священники отправляли богослужение у постели императора, а вчера патриарх причастил его тела и крови Христовой, но смерть не торопилась: она знала свое время.

Император протянул руку, поманил врача. Тот подскочил раболепно, как в былые годы, и базилевс смягчился:

— Ты был раб, Амантий, но я сделал тебя свободным, не так ли? Ты познавал науку у мудрейших в Эсклепии, почему же ты не лечишь меня? Верни мне здоровье, и я награжу тебя так, как не награждал никого.

— Божественный и несравненный, никакие познания не могут помочь больному, если над ним навис рок, когда Всевышний забирает жизнь. Так было и будет со всеми, ибо человек появляется на свет Божий, чтобы свершить ему предназначенное и предстать перед Господом с ответом о содеянном.

Базилевс недовольно поморщился:

— Разве у тебя мог быть другой ответ? — и отвернулся, а врач отошел на свое место.

Однако император, помолчав, снова позвал его:

— Ты, Амантий, врач, который лечит здоровых. — Рассмеялся: — Но ты и все мои сановники напрасно ожидаете моей смерти.

Откинув пурпурное одеяло, базилевс попытался сесть. Врач и слуга подскочили, помогли.

— Видите, сегодня я сижу, а завтра встану, и эти ноги, — он пошевелил ими, худыми, жилистыми, — послужат мне. О, я еще похожу на них!

Мрачная усмешка скользнула по губам врача, но император не заметил ее, потер тощую грудь. Глаза старого слуги, евнуха Василия, по-собачьи преданного своему хозяину, влюбленно смотрели на несравненного. Он воскликнул:

— О Господи, услышь эти слова!

Слуга поверил базилевсу, он знал, что, когда император появится в приемном зале, сановники, как побитые псы, подползут к нему и по-прежнему будут льстить и заискивать.

Евнух Василий поправил белую шелковую простыню, помог базилевсу лечь. А тот думал, что скоро закончится его бременная жизнь и начнется вечная, небесная — тогда он не будет чувствовать боли тела и ему станет легко... Однако жаль расставаться с земной жизнью. Ему, императору Льву, как никогда, хочется подняться хотя бы на один короткий день и посмотреть, как унизятся те, кто сегодня постарался забыть его.

Базилевс спросил у врача:

— У тебя есть братья, Амантий?

— Да, несравненный, у меня один брат, и он тоже врач. Давно это случилось: он уехал к русам и остался у псковского князя, а два лета назад получил я от него весть, что живет он в Киеве у жены князя Игоря.

— Ты сказал, в Киеве?

Упоминание о Киеве изменило ход мыслей базилевса. Он подумал о Киевской Руси, которая возникла внезапно из многоплеменной Великой Скифи. Логофет дрома евнух Леонид высказывал беспокойство в связи с возникновением этого государства, но что значит Великая Скифь по сравнению с могущественной империей? Да, он, базилевс, признает, что русы способны на дерзкие набеги, но не более. Хотя надо отдать должное киевскому князю Олегу, который оказался способным объединить славян. Однако Великая Скифь останется Великой Скифью. Прежде, когда славяне жили разрозненно, империя не опасалась русов. Если же, случалось, их военные корабли появлялись у стен Константинополя, их без труда отгоняли. Так было, когда в Киеве княжили варяги Аскольд и Дир. Тогда, помнится, с русами подписывали договор о торговле...

— Скажи, Василий, не жил ли я напрасно? — обратился император теперь уже к слуге.

— Божественный, ты был светом империи, она жила твоими мудрыми законами. Твоя «Базилика» останется на века.

— Ты сказал «был», но разве меня уже нет? — удивленно и в то же время насмешливо спросил базилевс.

— Прости, божественный, мой глупый язык. Ты есть, и ты будешь!

Император хмыкнул:

— Хорошо, Василий, помолчи, я хочу отдохнуть. Ты прав: я еще поправлюсь, ибо я нужен моему народу. Ты слышал, как он приветствовал меня?

Зима в Константинополе закончилась враз. Евсей даже не заметил этого перехода. На Руси о весне заявляют сырое таяние снегов, дневная оттепель и ночные заморозки, звонкая до одури капель и первые нежные подснежники. А здесь вдруг на глазах расцвели сады, оделись в бело-розовый наряд, и не хочется даже вспоминать о константинопольской зиме, гнилой и слякотной.

В один из теплых и ясных дней Евсей провожал новгородцев. Загруженные шелками и паволокой, коврами и восточными пряностями ладьи были готовы к отплытию. Евсей стоял у причала и с тоской ждал их отправления. Он уже попрощался с купцами и ладейниками и теперь грустно смотрел, как выбирают цепи и из воды вылезают якоря. Одна за другой обе ладьи на веслах вышли из бухты и, подняв паруса, взяли в открытое море.

В эти дни оно было спокойным и ласковым, но кто ведает, каким окажется завтра! Море непредсказуемо, предвестники бури появляются неожиданно. Налетит ветер, погонит волну — и закипит вода. В гневе море бросает ладью, как щепку, и горе ладейникам, которые вовремя не спустят паруса и не удержат корабль носом на волну. Дважды попадал Евсей в шторм, но Бог миловал...

Мысленно пожелав ладейникам доброго пути и еще раз посмотрев на удалявшиеся паруса, Евсей направился в город. Солнце взошло, и засияла позолота куполов, заиграли венецианские стекольца в окнах дворцов и особняков вельмож.

Евсей направлялся вверх по мостовой, которая вела от порта, и думал о письме, переданном для князя Олега. В нем Евсей снова предостерегал князя об опасностях, какие ожидают русов, если они пойдут на Константинополь.

Миновав открытые, окованные медью ворота, Евсей прошел под аркой мощных стен и направился на торговую площадь. Прошлой осенью он продал меха, которые привез, и теперь присматривался к това-

ру, какой закупит на будущее лето, чтобы отправиться на Русь. Он уже сказал о том Зое как о решенном, и она обещала подумать, поедет с ним в Киев или нет...

Сегодня в порту Евсей видел корабли с египетской пшеницей. Но Константинополь прожорлив, как саранча, и, чтобы насытить его, потребуется не один десяток кораблей с зерном.

Двухсоттысячный город нуждался не только в хлебе, он пожирал стада скота, гурты овец и в неисчислимом количестве овощи и соленья, бобовые и маслины...

Прежде, до бунта черни, Евсей об этом никогда не задумывался, но после того, как увидел неистовство голодной толпы, понял, что может сделать народ, требующий еды, как страшен он в гневе.

Проскакал конный отряд гвардейцев, процокали подковы по булыжнику и стихли. Чем ближе подходил Евсей к торговой площади, тем становилось людней. В Константинополе день начинался с торга...

Базилевс шел медленно, и слуги, скрестив руки, низко кланялись ему, а молчаливая стража приветствовала своего повелителя, поднимая мечи.

Покинув предсмертное ложе, император шел мимо мраморных колонн, отделанных золотом, мозаикой и малахитом стен, больших окон, зашторенных белым шелком. Базилевса бережно поддерживали врач и слуга, евнух Василий. Сегодня он облачил своего повелителя не в торжественные золотые и серебряные одежды, а в легкую пурпурную тогу, чтоб не отягощала тело, а ноги обул в мягкие сандалии.

В этот день император презрел древний римский церемониал пышного одевания, ибо милостивый Бог даровал ему жизнь. Базилевс шел, а кто-то невидимый распахивал перед ним отделанные серебром и золотом двери. Вот император вступил в приемный зал,

где, несмотря на ранний час, уже собрались члены синклита, военные и гражданские чины. Шепот мгновенно стих, все согнулось в низком поклоне. Император прошествовал, будто не замечая никого, в огромный зал большого дворца, уставленный вдоль стен мраморными статуями. Следом за базилевсом в зал вступили высшие сановники Византийской империи. Стоявший у двери антриклин встречал каждого, жестом указывая место.

Все происходило, как всегда, словно и не было тяжелой болезни императора, а придворные мысленно уже не считали Александра базилевсом.

Император уселся на высокий трон, окинул беглым взглядом зал. Мраморные колонны подпирали высокие своды, стены были расписаны цветными фресками, изображающими победы могучей Византии. Над каминами поднимался дымок фимиама.

Но вот базилевс медленно повел глазами по толпе сановников, и тотчас на их лицах появились заискивающие, сладкие улыбки. Подобострастно растягивал в улыбке рот и брат Александр. А не он ли был так надменен у императорской постели? Льву ведомо, что сейчас творится в душе брата, вчера еще мнившего себя базилевсом.

Блуждает тяжелый взгляд императора Льва по знакомым лицам сенаторов, и они опускают головы, прячут глаза, едва базилевс останавливает на них свой взор. Разве могли они, эти вельможи, предполагать, что император, которого считали мертвым, поднимется? Возвеличенные им, они уже были готовы служить новому базилевсу.

— Вы рано похоронили меня,— раздался глухой голос императора Льва.— Но не вы, севасты, куроплаты, магистры, мои сенаторы, вольны в моей жизни и смерти, а Создатель!

— Живи долго, наш несравненный, божественный! — возопили в приемном зале.

Император поморщился:

— Но такими ли вы были вчера?

Замерли сенаторы: нет, не миновать грозы. А базилевс уже подал знак, сказал:

— Я желаю начать день, как и прежде. Мы выслушаем логофета дрома.

Евнух Леонид поклонился:

— Несравненный и божественный, я воздаю хвалу Всевышнему, что снова стою перед твоими очами и наслаждаюсь твоей мудростью.

Базилевс прервал его:

— Если ты не сказал мне этого вчера, зачем приносишь сегодня? Пусть твои уста говорят о деле.

— Великий и священный император, ноги мои не несли меня вчера к тебе, в дни твоей болезни, потому как не было у меня радостных вестей. Самая большая неприятность докатилась до нас с Балкан. Злейший враг Византии Симеон принимал послов киевского князя и обещал им помощь, если скифы начнут войну с империей.

Базилевс насупил брови, и логофет дрома смолк.

— Пока вы, сенаторы, делили власть при живом императоре,— сказал с печалью в голосе базилевс,— Великая Скифь изготовилась. Ее лады, как быстрокрылые птицы, могут пересечь море и ворваться в бухту, где стоит наш флот, а дружины Олега — появиться на Балканах. Мы с трудом удерживаем болгарскую фему, но мы можем потерять и ту, где стоят наши турмы. Не так ли, domestik схол? Почему ты молчишь, ведь тебе было известно то, что я услышал сейчас от магистра Леонида?

— Божественный, я могу повторить слова логофета дрома.

— Но ты скрывал от меня это прежде?

— Я не смел тебя тревожить в дни твоей болезни, несравненный!

— Ты не осмеливался волновать меня, но разве от этого уменьшилась опасность для империи? Или ты принял меры, чтобы обезопасить болгарскую фему? Сегодня ты, севаст Роман, опоздал. Я смещаю тебя, и

отныне ты не domestik схол: им стал Лев Фока. Его отец и он не раз приносили славу империи.

Низко склонились придворные: базилевс Лев жив, и жди опалы...

Но не повернуть жизнь вспять, как неумолим и бег истории. Напрасно плел заговор Александр, искал поддержки у «бессмертных». Не прочь были ускорить смерть божественного и несравненного севаст Роман Дука и магистр Антоний, драгман флота. И пролиться бы крови во дворце императора, как это уже не раз бывало, не возрази магистры тагм. «Если бы у Александра был ум Льва,— сказали они,— мы не против, но с его мозгами империя потеряет то, что имеет».

Однако дни базилевса Льва были сочтены, болезнь брала свое...

В такие дни великий князь киевский Олег начал поход на Царьград.

ГЛАВА 5

*Дорога к Балканам. Царь Симеон. На перевал!
Флот империи не принял боя. Под стенами Царьграда.
Здравствуй, Киев, здравствуй, мать городов русских!*

Полки воеводы Никифора, перейдя Буг, взяли на Галацийский городок. Задерживала непогода. Дороги развезло, и липкая грязь представляла немалую помеху, а когда продвигались лесами, с набрякших веток и отяжелевших листьев на ратников обрушивались крупные дождевые капли. Одежда быстро промокала, и ночами грелись и обсушивались у костров, но на следующий день снова мокли.

В походе питались всухомятку: свиное сало, копченое мясо вепря и соленая вяленая рыба. За время пути только трижды, на больших привалах с дневками, варили толокняную кашу, приправленную жареным на сале луком.

Трудная дорога томила ратников, особенно пеших ополченцев, но воевода Никифор торопил:

— Поспешайте! Ну как великий князь нас опередит? В Царьграде отдохнем!

Тиверцы подошли к Дунаю раньше основных сил и теперь вязали плоты, готовились к переправе. Плоты спускали на воду, и они подрагивали на мелкой ряби у самого берега, прятались в тальнике, что рос по-над Дунаем.

В весеннюю пору Дунай становился полноводным. В горах таяли снега, и река местами выходила из берегов, несла мутные воды. Князь тиверцев Гостомysl стоял на краю обрыва и смотрел, как, разоблачившись до портов, дружно, с выкриками воины на катках сталкивали плот к реке. Он был просторный, выдержал бы десятка два воинов.

Гостомysl привел к Дунаю немногим больше тысячи пеших ратников и сотню конных дружинников. Думал соединиться с уличами, да те задерживались.

Подошел тиверский воевода Любомир:

— Начнем переправу, князь Гостомysl, ино подойдет воевода Никифор, почнет торопить. Он, сказывают, у Галацийского городка обоз оставил, налегке движется. А Никифор — воевода достойный.

Гостомysl ответил насмешливо:

— Так ли уж? Аль запамyтовал, как он в наших лесах плутал, ровно грибник в лесу аукал?

Любомир промолчал, а Гостомysl заметил:

— На Царьград дорога одна — вдоль моря.

— Опасно. Сам ведаешь, горы едва в воду не лезут, и ромеи подстерегать будут.

— Иного пути нет. Аль через горбы предлагаешь?

— Не повернуть ли нам, князь, назад? Эвон как уличи. Мыслью, неспроста их нет. Олег войну с ромеями затеял, пусть ему и слава.

— А тиверцам бесславие? — Гостомysl с насмешкой взглянул на воеводу. — Нет, Любомир, я не при-

знал Олега великим князем над собой, но и не желаю, чтоб говорили: Гостомысл ромеев убоялся.— Посмотрел на Дунай.— Завтра поутру приступим к переправе. На той стороне воеводу Никифора и дождемся, благо погода волну не гонит. Проследи, воевода, чтобы паромы не перегружали.

Любомир согласно кивнул и тут же спросил:

— По земле болгар пойдем — не узрят ли они в нас врагов?

— Ромеи — недруги болгарам.

— Но болгары и ромеи одному Богу поклоняются.

— То так, но болгары и русы — славяне, и у нас одна кровь.

День едва начался, а Евсей с покупками уже был у Зои. Усевшись в креслице из лозы, он смотрел, как ловкие руки ромейки резали мясо, посыпали его солью и специями. Зоя готовила во дворе на небольшом костре, над которым на таганке висела глубокая медная посуда.

Евсею нравилась Зоина стряпня, особенно когда она жарила мясо. Ромейка посмеивалась:

— Ты любишь мясо, как хищное животное.

Едва они сели за стол здесь же во дворе, в тени винограда, как в калитку заглянул Анастас. Зоя позвала спафария:

— Ты пришел вовремя, Анастас, чтобы разделить с нами трапезу.

Спафарий сел. На его озабоченном лице Евсей уловил тревогу. Спросил:

— Какая печаль, Анастас?

Спафарий посмотрел на купца:

— Беда, Евсей, надвигается на империю. Твои соплеменники идут на Константинополь. Говорят, они вступили в землю болгар. Их много. Кто скажет, пойдут ли они морем?

Евсей встревожился:

— Но скажи, спафарий, верное ли известие?

— Слышал я о том от магистра Луки, а он близок к логофету дрема.

Купец задумался. Значит, князь Олег не внял его предупреждению: Русь пошла войной на империю.

Подошла Зоя, сказала успокаивающе, положив руку Евсею на голову:

— Может, это все слухи?

Потом поставила на стол малую амфору с вином, разлила его по чашам.

— Выпей, Анастас, и ты, Евсей. Не стоит задумываться раньше времени.

Проводили спафария. Евсей сказал Зое:

— Нынешним годом сызнова не судьба в Киеве побывать.

Войники царя Симеона донесли: русы Буг и Днестр одолели, через Дунай переправляются...

Русы на юг, к морю повернули...

Русы идут числом более чем десять тысяч...

Послав гонцов к кмету Асену, по чьей земле двинулись русы, Симеон с сотней войников направился к киевскому воеводе Никифору. У болгарского царя был свой план, и он решил поделиться им. Симеон знал: русичей ожидают турмы патрикия Иоанна. Все его силы сосредоточились там, куда пошли дружины и ополченцы киевского князя. Иоанн уверен, русы не пойдут через Балканские горбы, и потому отвел все отряды от перевалов, что не могло укрыться от болгарского царя.

С недавних пор у Симеона закралось подозрение: кто-то из кметов передает ромеям все, что замысливают болгары, что творится в замке. Чтобы проверить это, он собрал кметов и сказал, что намерен послать тысячу войников в подмогу киевскому воеводе. И через несколько дней убедился: его слова передали стратигу. Симеон перебрал каждого из кметов и все больше и больше склонялся к Хинко...

Новгородский кончанский староста Доброгост вел ополченцев берегом реки. С Доброгостом шли новго-

родцы, черниговцы и переяславцы. Янтра ворчала и злилась, крутила буруны. От реки тянуло холодом. Рядом с кончанским старостой шагал седой бритоголовый болгарин, сумрачный и молчаливый. Ополченцы пошучивали:

— Уж не на пир ли ведешь нас, староста, к самому царю?

— Не иначе, к чему тогда спешим!

Однако и сам Доброгост не ведал, зачем воевода Никифор послал его в Тырново, а проводник торопил и на вопросы старосты кончанского только буркал:

— Иди, куда веду. Там узнаешь.

И снова шагал широко, не говоря ни слова.

Все выше в горы уходила дорога. О Тырнове подумал Доброгост и сына Ивашку вспомнил. Ведь и он этой дорогой хаживал с посольством. Как-то он там, на море? Хорошо, что Зорька нарекла сына его, Доброгоста, именем: будто он, старый Доброгост, вторую жизнь начинает. И оттого, что семья у сына хорошая, теплело на душе у кончанского старосты...

В Тырново вступили к вечеру. Не успели передохнуть, едва поели, как царь Симеон велел Доброгосту изготавиться и идти дальше на перевал.

Нехоженная и неезженная дорога узкой полосой выгнулась вдоль моря. Местами ее наглухо перекрывали валуны, и тогда, коли удавалось, их растаскивали или обходили по морю вброд.

По правую руку горы поросли лесом и кустарником, угрожающе нависали над дорогой. Вступив на нее, полки продвигались настороженно, ждали засады: того и гляди, укараулят. Воевода Никифор предупреждал:

— Гляди в оба, ромей коварны, с гор стрелять могут.

Рассредоточились полки, растянулись длинной лентой. Когда передние середину пути миновали, задние едва в щель втянулись. Ночами выставляли уси-

ленные караулы. У седловины отряд стратиотов попытался остановить русов, но войники кмета Асена провели тиверцев горной тропой и выбили стратиотов, очистив дорогу. И снова, ведя коней в поводу, двинулись гридни и пешие ополченцы.

Кмет Асен шел рядом с киевским воеводой, говорил:

— Жди, Никифор, патрикий Иоанн тебя встретит, когда ты в долину начнешь выходить. Он уже там со всеми турмами. В горах ромеям не развернуться, а ко всему они нас остерегаются: в горах мы, болгары, хозяева.

— Сколько стратиотов у патрикия Иоанна? Тебе известно, Асен?

— Было две турмы, а на той недели еще одна появилась. Ромеи считают, твои войники устали и вас они легко одолеют. Ко всему они не знают, как вам удастся выйти в долину.

— Они верно думают: нелегкая задача. Но вы-то их бивали?

— В горах, воевода, а в долинах — они нас.

— Нам бы отсюда, из этой теснины, выбраться, а там в долине мы их слоим, Асен.

Пока продвигались берегом моря, за ними неотступно следили с памфилы. Она подплывала стадии на две и снова уходила в море, чтобы вскоре снова почти вплотную приблизиться к войску русичей.

В шатре у стратига Иоанна собрались командиры турм. День был теплый, и через отброшенный с двери полог залетал в шатер влажный ветерок с моря. Патрикий слушал доклады командиров, теребил расстегнутый ворот рубахи.

— Нам не удалось остановить скифов в горах, — говорил таксиархий Зиновий, — потому что им помогли болгары кмета Асена.

— Болгары начали войну с нами! — зашумели командиры турм.

— Пусть будет проклят день, когда мы упустили Симеона и он бежал из монастыря!

— Где сегодня твоя турма, таксиархий? — поднял глаза стратиг Иоанн.

— Она заняла дорогу на выходе из ущелья, патрикий.

— Если мы выпустим скифов из этого мешка, они дойдут до царственного града Константина.

— А скажи, стратиг, почему Константинополь не прислал к нам легион? — снова заговорил Зиновий. — Или они рассчитывают, что мы остановим скифов?

Иоанн поморщился:

— Ты, таксиархий, спросил бы об этом у нового domestика схола Фоки. Севаст Роман дал нам магистра Андроника с турмой. Теперь скифы в капкане, и, если они попытаются из него вырваться, мы встретим их. Ты, таксиархий Зиновий, примешь их первый удар. Ты, протоспафарий Лука, снимешь свою турму с перевалов — там делать нечего — и приведешь ее сюда.

— Позволь, стратиг, оставить у перевалов хоть одну когорту.

— Нет, протоспафарий, ты оставишь только центурию. Скифы через перевалы не пойдут, у них одна дорога, и мы ее уже перекрыли. Вы с магистром Андроником завершите их разгром. Мы приведем в Константинополь новых рабов. Их будут продавать на невольничьих рынках, а молодых и здоровых сделают гребцами на императорском флоте.

Минула неделя, как, вытянувшись из днепровских разливов, армада кораблей вышла в открытое море. Сразу стало свежо. Моросил дождь, и обадали соленые брызги.

Ивашка вел ладью уверенно, прижимая ее к западному берегу. Огромное рулевое весло-правило в уключине гридень держал уверенно: не скажешь, что он всего второй раз плывет этой дорогой. В первое пла-

вание, когда на Евсеевой ладье в Константинополь направлялся, присмотрелся, как кормчий держал корабль.

Попутный ветер щедро надувал паруса, и ладьи легко резали волну. Давно уже остались позади устья Буга и Днестра, разливы Дуная. Флотилия русов шла вблизи болгарских земель. Берега, то песчаные, то вдруг обрывистые, поросшие кустами и травами, сменялись огромными скалами с чахлыми деревьями, горами в лесах...

Где-то там ведет полки воевода Никифор. Всмотрится в даль великий князь, и вдруг на мгновение покажется ему, что он видит длинную серую ленту ратников. Но тут же поймет — это обман зрения, плод его воображения.

Дождливые дни сменились сухими, солнечными. Звездными ночами на ладьях зажигались факелы, и тогда, казалось, загоралось море. Перекликались сигнальщики, бодрствовали зоркие кормчие.

Олег плыл на одной ладье с Ивашкой. Шли под парусами и на веслах, и оттого чудилось, что летели, взмахивая крыльями.

Сутки-другие пути отделяли русов от Царьграда. Их флот разбросался в ширину и длину по морю Русскому на много верст. Кинет Олег взгляд направо и налево — всюду корабли великой Руси. Оглянется назад — бороздят воды тяжелые насады и расшивы.

Плывут, рассыпались вольно, но это первое впечатление: по первой тревоге тотчас произведут боевое построение.

На всем пути море тихое, и ни одного неприятельского корабля. Великий князь доволен: кажется, пока идут незамеченными. Олег поглядывал вдаль, но, кроме моря, ничего не видел.

Пока море Русское к ним, русам, было добрым, и Олег радовался. Он представил, как они ворвутся в бухту Золотой Рог и навяжут ближний бой императорскому флоту.

Мысли Олега вдруг нарушил голос Ивашки:

— Византийца зрю!

Вот оно, начало! Вздрогнул князь.

— Ну, ушкуйники, молодцы, налегай на весла! Вдогогон! — крикнул он гребцам.

Но и на памфиле уже обнаружили ладьи русов, и она, развернувшись, быстро пошла к Константинополю.

— Теперь жди весь их флот, — с сожалением, что сорвалась неожиданность, сказал Олег и подал команду сигнальщику, чтоб передал на ладьи приказ перестроиться в боевой порядок.

И тотчас корабли встали ключ в ключ, пошли на встречу пока еще не появившемуся неприятелю. Потянуло гарью: на ладьях, расшивах и насадах разжигали жаровни, готовили зажигательные стрелы с просмоленной паклей.

— На первом ключе-е, слуша-ай! Первый дромон наш! — прокричал Ивашка.

И там услышали, отозвались:

— На-аш!

Один за другим медленно, подобно неуклюжим черепахам, выползали из гавани тяжелые дромоны. За ними потянулись степенные триремы, проскочили юркие хеландии и памфилы. Пока выбрались в море, день давно начался.

Магистр Антоний, драгман флота, стоял на палубе головного дромона, раздраженно отдавал команды и смотрел, как корабли принимают походный порядок перед боем. Драгман флота злился на капитанов, но в первую очередь на себя. Выжидая смерти базилевса, он, магистр Антоний, упустил флот: сторожевые корабли не море бороздили, а обрастали мидиями в бухте. Капитаны, покинув корабли, не видели, что экипажи разбрелись по портовым харчевням и притонам, а кое-кто в долине Ликоса у платных девиц прочно прижился. Всю ночь поспешно собирали капитаны свои экипажи, прежде чем подняли якоря.

Магистр Антоний догадывался, что корабли вышли не в полном составе, не всех разыскали, недостает воинов на головном дромоне, да и на остальных кораблях тоже, хотя капитаны пытаются скрыть это от него. И драгман решает: как только разобьют русов, он наведет порядок на флоте, выгонит капитанов, которые вместо службы ведут праздный образ жизни, а состарившихся корабельщиков заменит молодыми...

Император выжил, а он, драгман флота, упустил время. А ведь Роман Дука предупреждал базилевса. Хорошо, что гнев божественного миновал его, магистра Антония...

Мощным кулаком идут дромоны и триремы, поднимают крупную волну, рыщут в море памфилы и хеландии, и на душе у магистра Антония чуть отлегло. Нет, флот скифов не выдержит такого удара. Когда таран сокрушит русов, их расчленят на части и будут топить тех, кто не сдаст оружие.

Из трюма доносятся брань и удары хлыстов. Это надсмотрщики подгоняют невольников-гребцов. Привоканные к скамьям рабы упрямы, и только хлысты поторапливают их.

«Страх движет людьми,— думает драгман флота,— он держит в покорности охлос, власть без страха ничто». И магистр Антоний вспоминает, как со страхом ждал, что базилевс, сменив domestика схола, лишит и его звания драгмана флота.

Усевшись в плетенное из виноградной лозы кресло, магистр Антоний выпил сок, выжатый из апельсинов, смежил веки. Хотелось спать, но драгман пересилил себя: нельзя расслабляться перед боем.

К обеду увидели ладьи русов. Их было настолько много, что изумленный драгман флота оторопел. Капитан сторожевой памфилы о таком количестве умолчал: страх помутил его разум. Магистр Антоний тут же принял решение нанести удар по острию клина. Едва он отдал команду, как флот скифов развернулся веером, и магистр понял: русы намерились охватить

императорские корабли подковой. От прежней уверенности, что утлые суденышки русов затрещат, как ореховая скорлупа, когда на них навалятся тяжелые корабли императорского флота, не осталось и следа. Теперь магистр Антоний был уверен, что русы не побегут, а навяжут ближний бой. Этого драгман флота опасался больше всего. Русы отчаянные, они переберутся на палубы византийских кораблей и постараются захватить их. Вот он, первый ключ русов! Он уже пошел на сближение. Друнгарий флота видит: русы сосредоточились по бортам своих ладей. Однако и на дромоне приготовились к их отражению. Гирдманы выставили из-за щитов копья с кинжаловидными лезвиями. Когда русы полезут на корабль, они напорются на копья.

Первую ладью от дромона отделяло не больше одной стадии, когда из-за туч вдруг появилось солнце и в радостных криках изошли русы:

— С нами Ярило! С нами Дажбог!

— Ты приветствуешь своих детей, ты вещаешь нашу победу! — ревели они, и их боевой клич перекачивался с ладьи на ладью.

И тут же на византийские корабли понесся рой горящих стрел. Они вонзались в просмоленные борта, падали на палубы, попадали в трюмы, в такелаж. Огонь и дым поползли по кораблям. А с первого ключа уже забрасывали на дромон крючья, и русы по веревочным лестницам взбирались на него. Их кололи копьями, били мечами, но те, кто оставался жив, становились спина к спине, дрались яростно.

Ближняя к головному дромону трирема двинулась на выручку кораблю драгмана флота, но сама подверглась атаке. С ней уже сцепилась новгородская насада, и трирему зажали несколько ладей.

Магистр Антоний увидел: бой начался неудачно для кораблей императорского флота — и решил отдать команду пробиваться к Константинополю, под прикрытие бухты.

Загребая воду длинными веслами, дромон развернулся и с трудом, продолжая отбиваться от наседавших русов, пошел к Константинополю.

Глотнув горько-соленой морской воды, Ивашка вынырнул и возблагодарил Перуна, что не надел перед сражением кольчужную рубаху. Огляделся — ладья рядом. Чьи-то руки подхватили его, втянули на корабль. Едва успели подобрать остальных, как снова раздался голос Олега:

— Не упускайте ромеев! Вдогон!

А византийский флот уже вырвался из мешка. Как ни налегали русы на весла, византийцы опередили их. Едва последний императорский корабль ворвался в бухту, как тяжелая цепь замкнула ворота Золотого Рога.

Флотилия русов стремительно приближалась к гавани. Слышно было, как поют трубы на башнях Царьграда, мечутся на стенах воины.

Олег стоял на носу головной ладьи, не сводя глаз с мощных укреплений.

— Вот он, Царьград! — воскликнул киевский князь. — Внемли, град царственный, Русь пришла!

Со скрипом закрывались с суши все городские ворота. Поднялась со дна морского цепь, перекрывшая вход в гавань. Но Олег только рассмеялся:

— Мы здесь, и ничто нас теперь не остановит! Жди наших послов, император, и либо ты примешь наш ряд, либо мы потрясем империю!

В церквах и соборах Константинополя тревожно зазвонили колокола. В городе поднялась паника. Люд заполнил главный храм Святой Софии. Пришел патриарх. Он поднялся на амвон, заговорил. И затих народ, слушая патриарха. Его старческий, дребезжащий, но еще твердый голос вознесся к самому куполу:

— Язычники вознамерились потрясти великую империю! Но разве для того Бог даровал жизнь несрав-

ненному? Непобедимо войско императора, и из всех фем уже спешат к царственному городу войска. Никогда тому не бывать, чтобы язычники осквернили наши храмы, и ни один скиф не вступит в наш священный город.

— Но ладьи русов закрыли все море и их щиты слепят наши глаза! — вскрикнул кто-то.

Патриарх сказал грозно:

— Недостойно впадать в панику! Разве вам не известна мощь империи? Флот божественного не допустит, чтобы язычники бросили якоря в гавани!

А в это время, гремя железными доспехами, во дворец вошел курополат. Его встретил логофет дрома.

— Скифы требуют открыть ворота и впустить их послов во дворец, — сказал начальник стражи.

— Знай, со скифами один разговор — оружием, — ответил евнух Леонид. — И помни, курополат, ни один скиф не появится здесь. Империя могущественна, и она выбросит скифов.

Хинко подъезжал к замку уже ночью, не ведая, зачем зван. В Тырнове кмета удивило множество ратников-русов. Хинко не ожидал увидеть их здесь. Ему известно: русы пошли вдоль моря...

Копыта коня простучали по мосту, одна из створок ворот со скрипом открылась, впустив кмета.

В замке Хинко встретил верный телохранитель царя Симеона, черноволосый бородатый воиник. Он принял от кмета саблю и кривой нож, висевший у пояса. Так повелось, когда кметы входили в царский зал. Воиник открыл перед Хинко резную дубовую дверь.

В высоком поставце горело несколько свечей, освещающая скудно уставленный царский зал. Едва кмет переступил порог, как Симеон, сидевший у окна в кресле-троне, сказал с укором:

— Ты не был у меня три дня, Хинко.

— Я не знал, царь, что у тебя гостят русы.

Симеон насупился, его черные густые брови сошлись на переносице.

Взгляд у Хинко стал настороженным, будто недоброе почуял. Сегодня Симеону кмет не нравился: глаза в сторону отводит и руки едва приметно подрагивают.

— Ответь, Хинко, ты болгарин или ромей?

Симеон уперся глазами в кмета, будто хотел разглядеть, что у того в душе.

Хинко взволновался:

— Ты спрашиваешь меня, царь, будто намерился упрекнуть в чем-то?

— Не странно ли, Хинко, что грекам известно все, о чем говорим мы на совете кметов?

— Но в чем моя вина, царь?

— Я, кмет, пока тебя не виню, я спрашиваю. Но у тебя нет ответа, и потому я тебе говорю: ты видел, Хинко, в Тырнове русов, это мои гости, и я поручаю тебе провести их через перевал в долину. Но это не все. Ты пойдешь со своей дружиной и поможешь русам отбросить стратига Иоанна с дороги, по которой ведет полки русов воевода Никифор.

— Но разве болгары воюют с империей? — удивился Хинко.

— Нет, кмет, мы только помогаем русам.

Симеон помолчал, помял пышные усы и снова заговорил:

— Помни, Хинко, если о том станет известно патрикию Иоанну, ты познаешься с палачом и тебя казнят как предателя. Ты предашь не меня, ты предашь нашу Болгарию. Матку предашь, и не будет тебе прощенья во веки веков.

Сурбей ждал известий. Он был спокоен. Теперь уже скоро конь помчит его туда, где печенег найдут богатую добычу. Они привезут ее в свои вежи и будут славить его, Сурбея, повелителя большой орды.

Десять тысяч воинов готовы ринуться на Русь, но хан не спешит. Сидевшие в засаде печенеги донесли: русы покинули Кий-город и отправились, конные и пешие, вслед за солнцем, а ладьи князя Олега миновали пороги.

Но Сурбей будто не слышал, о чем ему говорили печенеги, он смотрел, как танцует его юная полонянка, взятая в земле суличей.

Но вот прискакали другие дозорные и сообщили: русы переправились на правый берег Дуная-реки, а их ладьи вышли в открытое море.

И тогда Сурбей надел кольчужную рубаху, подпоясался саблей, вскочил в седло. Подняв плеть, выкрикнул долгожданное слово:

— Урагш!

Глухо ударили копыта, взвизгнули от радости печенеги, и вся их воинственная масса понеслась стремительно в землю русичей.

В мае-травне дни у Прокши заканчивались поздно. Уже темень сгущалась, а на перевозе все еще было суетно: то смердам надо на другой берег перебраться, то с той стороны кого занесет. Эвон как Русь-то раздалась!

С уходом дружин и ополченцев хоть и поуменьшилось люда в Киеве, однако воскресными днями все так же шумит торжище и привозы радуют.

Прокша с утра при деле, лишним себя не считает, ему даже крючки рыболовные проверить некогда: гоняет то паром, то челн, коли путник одинокий. Только и слышится:

— Про-о-окша, паром!

— Пе-ре-воз-чик!

С теплом начинается веселая жизнь у Прокши на перевозе, все ему ведомо, всяких былей и небылиц наслушается. Всего в голове даже не удержит.

В то утро Прокша пробудился с какой-то смутной тревогой, она не покидала его весь день. Что ни де-

лал, а ожидание чего-то несвершившегося занозой сидело в нем. Перевозчик даже о еде забыл. В полдень перехватил горбушку ржаного хлеба с луковицей, водой днепровской запил — и сызнава на весла.

Не заметил, как и день закончился. Однако устали никакой. К вечеру наконец стихло на перевозе. Сбежал Прокша, снасти проверил — на одном крючке сазан гулял: на червяка-гнойника попался.

Развел перевозчик костерок, рыбу почистил, выпотрошил. Только намерился уху варить — глядь, тем берегом кто-то наметом скачет. У самой переправы рухнул конь, седок через голову лошади перелетел. К воде подбежал, заорал, будто режут:

— Пе-че-не-ги-и!

Прокша мигом в челн, налег на весла, а мужик уже навстречу бредет, кричит:

— Поднимай люд, на Гору беги! Орда правым берегом прет несметная, все по пути зорит!..

Ударили в било по всему Киеву, тревожно затрубили рожки, всколыхнулся народ. Под защиту крепостных стен торопился люд с Подола. Княгиня Ольга из Предславина в Киев перебралась.

Воевода Ратибор с князем Игорем принялись готовиться к обороне: время подпирало, — старостам уличанским велели костры разжечь, смолу в чанах варить, воду кипятить. Грядни и народ на стены взошли, в башнях и у стрельниц места заняли, высматривают, откуда печенегі появятся. Ни Ратибор, ни Игорь не решились дать им бой на подходе к Киеву: лазутчики доносили, многочисленная орда у хана Сурбей, и еще неизвестно, один идет либо с ханом Мурзаем...

А Сурбей пришел на Русь один. Он рассчитывал жить с Мурзаем по-братски, для того и в метель к нему поехал. Однако Мурзай отказался, и теперь Сурбей сам возьмет Киев, и все богатство этого города у него в улусе останется...

Всю ночь киевляне не сомкнули глаз, а к утру точно саранча застлала поле: у города встала орда.

Едва показались башни и городские постройки, как печенеги подняли крик. С гиканьем и свистом носились всадники в малахаях и халатах, а поверх панцири кожаные с железными наклейками. Печенеги потрясали копьями, размахивали факелами. Скрипели высокие двухколесные телеги, одна за другой ехали войлочные кибитки.

А на перевозе через Днепр с левого берега начал переправу еще один тумен. На плотках из буйволиных шкур, на лодках, с криками и воплями плыли печенеги. Их сносило течением, но они выбирались на правый берег, располагались табором, и вскоре вся многочисленная орда полезла на приступ. Прикрываясь щитами из буйволиной кожи, к самым стенам подобрались. Глухо застучал в кованые ворота таран. С башен и стен полетели в печенегов стрелы, лили кипяток и вар. Откатились печенеги, бросая убитых.

На второй и третий день вязали лестницы и повторили приступ. Местами печенегам удалось взобраться на стены. Зазвенела сталь, крики и брань повисли над Киевом. Печенегов сбрасывали со стен. Ров наполнили убитые и раненые.

С утра и допоздна граяли стаи воронья над трупами. Вороны были вечными спутниками кровавых сражений и битвы чуяли загодя. Сытые, отяжелевшие птицы нисколько не боялись людей.

Удивившись упорству русов, Сурбей сказал тысячникам:

— Мы не будем задерживаться. Наши телеги и без того загружены, женщины в вежах останутся довольны, а мы узнали дорогу на Урусию.

Печенеги разграбили и пожгли Подол, угнали в полон тех, кому не удалось скрыться, и на четвертый день убрались в низовья Днепра.

— Что русы, таксиархий Зиновий? — спросил стратег Иоанн, обходя место предстоящего сражения.

Он был доволен: с одной стороны горы переходили в пологое угорье, поросшее мелколесьем, с другой

стороны — море. А от гряды гор к югу начиналась зеленая долина. Она тянулась к Адрианополю и Константинополю.

Иоанн думал, что, если русам удастся прорваться в долину, тогда их уже никак нельзя будет остановить и они пойдут на царственный город. Но этого не случится, потому что его турмы заняли выгодное положение.

— Лазутчики доносят: скифы вытягиваются из щели и скапливаются для рывка, — ответил Зиновий.

— Этот рывок для скифских воевод будет и последним, — хмыкнул патрикий, поглаживая шелковистую бороду, тронутую сединой. — Твои стратиоты, таксиархий, должны выдержать первый натиск, и это хорошо, что ты огородился валом из камней. Дерзкие потомки скифов умеют драться. Мы будем выпускать их из щели по частям и убивать без жалости. Помни: не страшен только мертвый славянин. Разве болгары не подтверждение тому?

— Мне кажется, патрикий Иоанн, мы преувеличиваем способности русов к воинскому искусству.

Стратиг не ответил, зная вздорный характер таксиархия Зиновия. Не потому ли он и поставил его турму принять первый удар русов?

Иоанн подошел к морю. Оно было тихим и покорным. Такое море патрикий любил. Он боялся моря, когда оно поднимало волну и захлестывало берег, ревели, а ветер гнул деревья.

Солнце уже скрылось за болгарскими горами, но на море оно еще продолжало светить. И оттого море казалось золотистым.

Вдали, встав на якорь, замерла памфила. Ее капитан побывал у стратига и подробно рассказал, какой силой идут русы. У Иоанна стратиотов меньше, но русы растянулись и устали, а его турмы подтянулись, ждут сигнала. Русы скорее всего начнут сражение завтра, и завтра патрикий Иоанн докажет своему тестю, какой стратиг его зять.

Иоанн недобрым словом помянул Романа Дуку, поделившего ему самую беспокойную фему...

Стратиг повернулся к таксиархию:

— Когда скифы начнут вылезать из щели в долину, уведомя меня.

Доброгост спешил. С того часа, как неожиданно для ромеев ополченцы перевалили горбы и спустились в долину, прошло больше суток. К утру ополченцы должны подойти к лагерю, где расположились турмы противника, ударить по ним неожиданно и тем самым облегчить выход в долину полкам, которые ведет воевода Никифор.

Доброгост подбадривал:

— Знайте, новгородцы-молодцы, черниговцы-удальцы, переяславцы-храбрецы, там ваши товарищи ждут вас. От ваших ног зависит, жить им либо смерть принять.

Давно отстал кмет Хинко с дружиной, и только болгарин-проводник шагает неутомимо. Обменяется с Доброгостом парой слов и снова молчит. Тяжело дышат ополченцы, им бы передохнуть, но Доброгост не позволяет, твердит:

— Должны успеть, други, должны!

Напутствуя ополченцев, царь Симеон говорил:

— Как только подойдете к лагерю ромеев, пускайте в них зажигательные стрелы, а потом берите в мечи и на копья. Тем часом воевода Никифор полки выведет.

Ополченцы устали: еще прошедшим днем на горбы взбирались. Переходили горы в двух местах. Шли цепочкой, закинув щиты за спины. Дорога трудная — высокие горы, гранитные скалы, леса, одетые в молодую зелень, поляны, поросшие диким шиповником, разлапистые деревья грецких орехов. Ближе к вершинам сочные травы с мелкими белыми и желтыми цветами.

Узкая каменистая тропа, виляя, уводила вверх. Она терялась в угрюмо насупившихся горах, где гулял пронзительный ветер и зависали, цепляясь за скалы, рваные тучи, а под обрывами рокотала бурная река.

Поднялись на вершину. Болгары посмеивались:

— Спуск, друже, труднее будет.

Не поверил Доброгост, но братушки правду сказывали: ноги скользили на мелких острых камешках и от усталости дрожало тело...

От воспоминаний о переходе через горы Доброгоста оторвал проводник:

— Там море и греки! Совсем скоро, за поворотом. Скажи своим, пусть будут готовы.

Доброгост понял, повернулся к спешившим за ним ополченцам:

— Ну, други-товарищи, изготовьтесь!..

А стратиг Иоанн заснул поздно. Присел в кресло да так и задремал. Приходил таксиархий, но никаких новостей не принес, кроме того, что русы скапливаются на выходе из щели: того и жди, начнут прорыв...

Чуткий сон у стратига. На шум вскинулся. Вбежал старый гирдман:

— Когорту спафария Григория разбили русы! Он говорит, русов много и провел их через горы кмет Хинко. Они уже здесь, патрикий, Григорий опередил их на две стадии!

Иоанн выскочил из шатра, проклиная Хинко: в любви клялся, в верности империи, а сам с проклятыми скифами в спину ударил. Крикнул трубачу:

— Играй тревогу, скифы рядом!

Будоража стратиотов, запела труба, но не успели те стряхнуть сон, как, прочертив небо, упали на лагерь огненные стрелы и тотчас, сотрясая рассветный воздух, раздались крики:

— Нов-го-род!

— Чер-ни-гов!

— Пе-ре-яс-лавль!

— Смерть ромеям!

И на турмы ринулись ополченцы. А от гор и моря уже вырвались полки воеводы Никифора. Не выдержали стратиоты стремительного удара, дрогнули, побежали...

Выбравшись из узкой теснины, зажатой между горами и морем, войско оказалось в зеленой долине и, не встречая сопротивления, двинулось к Константинополю.

Стратиг Иоанн, остерегаясь потерпеть второе поражение, поспешил отвести турмы к Марице-реке. Патрикий был зол: он считал, что его фема имела мало стратиотов, и в этом повинны прежний и нынешний domestiки школы. Иоанн удивлялся безумству русов. Он говорил:

— Упрямство скифов будет жестоко наказано, они разобьют себе лбы о мощные укрепления царственного города...

Сотня за сотней ехали конные гридни, шли пешие ратники. Щедро припекало солнце. Жарко ратникам. А вокруг травы зеленые, сады, но во встречных поселениях безлюдно. Кмет Асен пояснил: болгары от ромеев в горы ушли.

К вечеру Асен со своими войниками распрощались с русами, вернулись к себе.

— Ты, воевода, — сказал кмет Никифору, — теперь и без меня выйдешь к Константинополю. Держись так, чтобы солнце до обеда светило в левую щеку, после обеда — в правую.

Ратники удивлялись новым местам: красота-то какая! Но иные не соглашались:

— У нас краше, леса и реки обильные, где еще зверя и рыбы столько, сколько в нашей земле!

Жарко воинам, потом обливаются.

— В баньку бы!

— У Царьграда в море искупаетесь!

— Где тот Царьград!

— Теперь скоро!

Далеко опередив войско, следовали конные ертаулы. Они выставлены и обочь: ну как патрикий Иоанн попытается навязать бой? Но ромеи, кажется, не собирались оказывать сопротивления, и воевода Никифор решил, что, по всей видимости, греки намерены отсидеться за константинопольскими стенами.

Воевода огорчился, он думал, что лучше встретиться с неприятелем в поле, нежели брать город приступом.

Когда ратники приближались к морю, они видели памфилу. С корабля следили за движением колонны. Воевода Никифор гадал, пересек ли море флот Олега. И как же он обрадовался, когда ертаул сообщил, что завиднелись стены Царьграда, а в море недалеко от берега стоят ладьи князя Олега!

Город жил беспокойно, в постоянной тревоге. Осаде не было видно конца. День и ночь бодрствовали на стенах и башнях стратиоты. Они зорко всматривались в стан русов: не пришел ли он в движение, не наблюдается ли какое передвижение войск? Но все оставалось без изменений, разве что кольцо вокруг Константинополя совсем замкнулось. Это стало особенно заметно по истечении месяца: зерно вздорожало и продовольствие исчезло с торжищ.

Народ роптал, виня базилевса и сенаторов, которые допустили осаду города. Спрашивали: неужели империя настолько ослабла, что не в состоянии отразить варваров?

Раздавались голоса: уж не договориться ли со скифами миром?

В одну из ночей разыгралась непогода: сильный ветер, раскачивая кипарисы, гнал волну, поднимая брызги на волноломах,— все предвещало шторм.

К утру, когда неожиданно все стихло и изумрудное море замерло, лишь иногда пробежала легкая рябь, случилось непредвиденное: флот князя Олега пристал к западному берегу. Ладейники бросили якоря, сошли

на каменистую землю в кольчужных рубахах, опоясанные мечами, с копьями и луками, закинув щиты за спины.

Высаживались настороженно, с каждой ладьи по сорок воинов.

К вечеру подошли полки, которые проделали путь к Царьграду сушей. Побив турмы стратига Иоанна и перейдя долину, они встали у стен Константинополя. Великий князь Олег обнял воеводу Никифора и князей, а Доброгосту сказал:

— Теперь мне ведомо, староста кончанский, в кого Ивашка удался.

Усмехнулся Доброгост, ответил довольно:

— Аль дерево, великий князь, иной плод дает?

На вторые сутки вышли ромен за городские ворота двумя пехотными тагмами в надежде отбросить русов, но им не дали построиться в боевой порядок. Едва начали вырисовываться византийские квадриги, как справа и слева их охватили пешие ратники, а в чело ударили конные дружины воеводы Никифора.

Не доведя до большого сражения, пехотные тагмы отступили, укрывшись за крепостными стенами, а отряды русов встали заслонами у всех царьградских ворот — ни въезда в город, ни выезда.

В первые дни подвижные конные отряды русов разорили ближние окрестные села и перекрыли все дороги в Константинополь, лишив осажденных всякой надежды на подвоз продуктов. Ночами, наводя страх, летели на Царьград зажигательные стрелы. Лучники не давали покоя ромеям и днем.

В одну из темных ночей, какие бывают только на юге, в стан русов пробрался человек, назвавшийся киевским купцом Евсеем. За немалую мзду вывел его с подворья монастыря Святого Мамонта староста русского квартала, и, миновав византийскую стражу, Евсей тут же оказался среди своих. Обрадовался великий князь, усадил купца за столик, собрался потчевать, но Евсей остановил его:

— Не следует, князь, мне до рассвета надобно на подворье явиться. Чтобы к тебе попасть, я соболиными шкурками застил очи легаторию и караульным. А пришел я к тебе сказать: не води воинов на приступ, только ратников положишь и позора наберешься, а взять ромеев можно измором. В городе хлеб на исходе и иные продукты, возмутится народ, и подпишет базилевс с тобой ряд, какой надобно.

— Спасибо тебе, купец Евсей, мы будем терпеливы и дождемся, пока разум у ромеев переломит их гордыню...

Минул июнь-розанцвет, перевалило на июль-грозник. Однажды Олег велел спилить кипарисы на бревна да вытянуть на берег ладьи. Удивлялись на стенах ромеи: что русы задумали? А они ладьи на катки поставили, паруса подняли. На стенах хохот: скифы по суше плывут!

А паруса глотнули ветра попутного, вздулись, и подталкиваемые русами ладьи медленно покатались к городу, а под их прикрытием к стенам приближались воины...

Доложили о том domestiку схолу, тот впал в раздумье, потер лоб. Потом промолвил:

— Если скифы до такого додумались, то можно ожидать от них и иной хитрости...

В дни болезни базилевс возненавидел пышность приемов, разуверился в лстивых улыбках и заискиваниях и потому принимал только необходимых сенаторов. Чаще всего это были логофет дрома, domestik схол и драгман флота.

В то утро император говорил с ними о том, как отвести беду, нависшую над царственным городом. Базилевс смотрел на сановников внимательно, но ничего не видел, кроме склоненных голов. Первые из первых ждали, что скажет божественный. А он морщился то ли от боли, которая одолевала его в последние дни, то ли недовольный сановниками.

— По вашей вине скифы застали нас врасплох. Вы оказались слишком самонадеянными и за то сегодня наказаны,— сказал император.— Упрямству русов надо отдать должное.

Он повел взглядом по сановникам. Они раболепно молчали, и базилевс снова заговорил:

— Когда евнух Василий вел меня сюда, в приемную, он рассказывал, как вчера князь скифов потешил константинопольский люд, и мы благодарны ему за это.

— Несравненный,— осмелился подать голос Лев Фока,— но это не зрелище Ипподрома, подобное тем, какие мы устраивали возмущенному охлосу: в поведении великого князя Олега я улавливаю скрытый смысл. Мне кажется, со своих кораблей, которые подойдут к городу по суше, скифы смогут забрасывать крючья на стены и взбираться на них по подвесным лестницам. Русы могут начать приступ, и он будет яростным. Особенно опасаясь приступа ночного.

И снова базилевс поморщился:

— Может, и так, domestik схол, но у империи достаточно стратиотов, чтобы отразить скифов. Или ты, Лев Фока, считаешь, что могут пасть стены могущественного Константинополя?

— Божественный и несравненный,— ответил domestik схол,— стены Константинополя неприступны, мы отразим варваров, но достаточно ли у нас хлеба?

Нахмурился базилевс, повернулся к евнуху Леониду:

— Скажи, логофет дрома, чего требуют эти варвары, которые водят свои корабли по суше?

Голос у базилевса был тихий. Евнух Леонид ответил:

— О божественный, они хотят заставить империю признать Русь равной Византии и чтобы ее торговые гости имели те же права, что и гости других государств.

— Но разве, подписав такой договор, империя унижится?

— Это не все, божественный. Они требуют уплатить дань Киеву и иным городам, которые пришли вместе с князем Олегом.

Базилевс насупился:

— Велика та дань?

Евнух Леонид ответил скорбно:

— Она заберет из твоей казны, несравненный, немало золотых монет. Скифы требуют по двенадцать гривен на каждую ладью, а их у Олега за две тысячи.

— Ты предлагаешь иное, мудрый Леонид?

Логофет дрома промолчал, а базилевс вздохнул:

— Древние учат: из двух зол выбирай меньшее. Нас ожидает смута, бунт голодного охлоса, но если мы откупимся от скифов и они покинут империю, наши корабли доставят в Константинополь зерно и охлос получит хлеб. Я велю тебе, логофет дрома Леонид, передать князю русов: мы подпишем с ним договор... Теперь я хочу спросить тебя, драгман флота магистр Антоний: когда скифы, получив дань, удалятся в море, сможешь ли ты догнать их и уничтожить?

— Нет, несравненный,— покачал головой Антоний.— У русов множество легких кораблей, и они навяжут нам ближнее сражение. Их ладьи подойдут к нашим кораблям, а воины, подобно обезьянам, взберутся на палубы дромонов и трирем, перебьют матросов и гирдманов.

— А что скажешь ты, достойный севаст Лев Фока? Сумеет ли патрикий Иоанн перекрыть дорогу воеводам князя Олега?

Доместик схол поднял на базилевса глаза:

— Божественный и несравненный, у стратига Иоанна трудная фема. Как может он одолеть русов, если им помогает Симеон, злейший враг империи?

Базилевс произнес печально:

— Господи, скифы вторглись в империю. В этом зрю гнев твой на Византию, она потеряла прежнюю мощь, если даже в своей болгарской феме не может удержать порядок. Тяжкое бремя,— обратился он к сановникам,— и мне не остается ничего, кроме как

согласиться с вами. Но значит ли это, что мы позволим скифам уйти безнаказанно, севаст Фока?

— Мудрый и несравненный,— ответил domestик схол,— пока болгары не почувствовали нашей мощи, нам нечего думать о возмездии.

— Что предлагаешь ты, domestик схол? Ведь у тебя в распоряжении армия империи.— Базилевс пошевелил бровями.— Может быть, у тебя есть свой план?

— Когда ты, божественный, назначил меня domestиком схолом, я уже знал, что нам предпринять. Но время упущено. Теперь я дождусь, когда полки русов покинут империю и удалятся в свою Скифию, тогда армия Византии двинется на болгар. Мы сломир их, и они признают себя фемой империи, после чего мы выдвинем свои турмы к Дунаю. Там будет граница империи.

Базилевс кивнул:

— Пусть скифы возвращаются, торжествуя, но настает день, когда они дорого заплатят за наш позор...

Светился огнями царственный град, горели факелы и жировые плошки, чадило бурое горное масло, добытое из подземных ключей, освещая улицы и площади. Шумел и гудел многотысячный люд, радовался: скифы покидают Византию.

А накануне киевских послов принимал логофет дрома. Отряд русов, весь в броне, вошел в город через главные ворота, и его провели в большой дворцовый зал, где в присутствии сената евнух Леонид поставил свою подпись под рядом и скрепил ее государственной печатью.

Уже вчера побережьем повели воеводы конные и пешие полки, а утром должен был сняться флот князя Олега.

Едва начали гаснуть звезды и рассвет тронул небо, как толпы народа уже стояли на стенах, всматриваясь в море. Цепляясь за Кавказские горы, лениво выпол-

зало солнце, открывая взору Понт Эвксинский, сплошь покрытый ладьями, расшивами, насадами...

Заиграл рожок на княжьей ладье, ему откликнулись на других кораблях, и загремели якорные цепи, а гребцы налегли на весла. Заскрипели уключины, и все эти звуки, подобно сладкому голосу арфы, отзывались в душах ромеев. Ведь уже сегодня к константинопольским причалам подойдут корабли с египетской пшеницей, откроются все городские ворота и крестьяне повезут в Константинополь хлеб и амфоры с вином и оливковым маслом, черные, моченные еще прошлой осенью маслины, разные овощи, мясные туши и живую птицу. Заканчивались голодные месяцы...

Выйдя далеко в море, корабли подняли полотняные паруса и быстрыми чайками полетели к берегам моря Русского, где находилась богатая земля — Великая Скифь, а ныне встало грозное государство — Киевская Русь.

В августе-зарничнике, когда еще не начался спад воды в реках и полноводный Днепр в своем низовье так широко разлился, разбежался на множество рукавов и рукавчиков, протоков и заводей, поросших камышами, что казалось, нет ему конца ни в ширину, ни в длину, — флот русов вошел в устье Днепра.

И потянулись корабли в Киев великим водным путем «из варяг в греки».

В полдень погода начала портиться. Небо заволокли тучи. Они клубились, и вскоре в самой гуще сверкнула молния, будто расколов небо, загрохотал гром.

Ветер погнал по Днепру воду, гнул камыши. С шумом, словно обрушилось небо, полил дождь. Олег велел переждать непогоду. Пока на ладьях спустили паруса и подгребли к берегу, все промокли до нитки.

Но дождь оказался не затяжным. Постепенно он стих, и по всему берегу загорелись костры. Воины вы-

сушили одежду, и сразу же после обеда флот русов продолжил путь.

Олег всматривался в далекие берега, но их закрывали густые камыши и куга. Блестели блюдца воды. Лишь к исходу дня заросли расступились, и русы увидели берега, местами поросшие лесочком. Ивы клонили ветви к самой воде. Но ни вежи, ни даже дыма от печенежского костра не видел Олег.

Сгустились сумерки. Ивашка, плывший на княжьей ладье, догадывался, о чем мысли великого князя. В низовье Днепра им повстречался купец из Любеча, он-то и поведал о печенежском набеге на Киев. Рассказал, как четыре дня орда держала город в страхе и, наделав немало бед, ушла в Дикую степь.

Мрачно выслушал Олег торгового человека, ни слова не проронил, только скулы заиграли да заалел шрам на щеке. Теперь глаза Олега высматривали улус хана Сурбея.

Отпуская купца, князь сказал ему:

— Невеселое известие. Однако слава киевлянам, отбились, устояли. А ты, торговый человек, первым из русских гостей побываешь в Царьграде после нашего ряда с базилевсом. Ворочаться станешь, приходи на Гору, поведаешь, как русских торговых людей отныне империя принимает...

Ивашка голос подал:

— Дозволь, князь, на берег высадиться, поискать проклятого хана.

Но Олег отрицательно повертел головой:

— Только время потеряем. Нет улуса Сурбея в этих местах, откочевала орда. Но мы еще придем в степь, загоном охватим и накажем печенегов. Доколь им коршунами Русь терзать!

Тесно шли по Днепру ладьи, журавлиным клином тянулись. Но ближе к порогам перестроились в цепь, спустили паруса, пошли на веслах.

Грозным рыком встретили флот князя Олега неугомонные пороги, и, когда головная княжья ладья про-

шла их, последние корабли еще только издалека слышали устрашающий шум и рев воды...

На восьмые сутки осталось позади каневское городище, еще через двое на левом берегу увидели перяславское поселение.

Плыли, не причаливая, менялись на веслах. Ночами зажигали сигнальные огни, и тогда на много верст горел Днепр.

Олег почти не спал, выходил из стоявшего на носу ладьи шатра, смотрел на небо, на высокие звезды и молочную дорогу, которой держались от самой Византии. Она вела их к Киеву. Молочная дорога шла и к Новгороду, и дальше, к домику у фиордов, в страну Упландию, где он, Олег, много лет назад оставил могилу матери. Теперь его родиной стала земля русов и мать городов русских — Киев. Князь ждал с ним встречи. Хотел увидеть дивную красоту города на холмах в зелени, бревенчатые стены с башнями, причал и пристань, народ, встречающий великого князя киевского.

Но больше всего — Олег даже себе боялся признаться в этом — он ждал встречи с Ольгой...

Княжья ладья вырвалась за поворот Днепра, и открылись Киев и Подол с новостройками, заваленный бревнами и досками. А на пристани толпился народ. Олег увидел молодого князя Игоря и воеводу Ратибора. Но не их выискивали его глаза. Ольга, княгиня, стояла обочь Игоря, подавшись вперед, будто готовясь взлететь над Днепром, несшим на своих волнах княжью ладью.

Вот ладья ткнулась в причал, и Олег легко спрыгнул на берег, поклонился люду, встретившему его радостными криками, обнял Игоря и Ратибора, потом отстранился, повернулся к Ольге, поцеловал ее и, взглянув в глаза, промолвил:

— Словно век не видел тебя, княгинюшка Ольгица. Чуть приметно дрогнули ее губы:

— Исполнились, великий князь, помыслы твои, чем долгие лета жил. Радуюсь и я с тобой.

— Еще, княгинюшка, печенегов усмирим, а хазар прижмем к морю Хвалынскому, заставим Русь уважать, вот тогда и передам стол киевский первому Рюриковичу, мужу твоему князю Игорю.

А ладьи причаливали одна за другой, и те, которым не досталось места у пристани, бросали якоря посреди реки.

Над Днепром, над Киевом неслоь звонкоголосое:

— Слава великому князю Олегу!

— Слава Руси!

— Слава-а-а!

КОММЕНТАРИИ

ТУМАСОВ БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ родился на Кубани в 1926 г. После окончания университета в Ростове-на-Дону и аспирантуры получил степень кандидата исторических наук. Много лет занимался изучением истории Руси. Автор популярных романов, посвященных русским князьям и царям.

Стр. 6. *Рюрик* (ум. в 879) — по летописной легенде, варяжский князь, пришедший в 862 г. в Новгород вместе с братьями Синеусом и Трувором и дружиной. Русских князей, начиная с Игоря и кончая Федором Иоанновичем, считают потомками Рюрика и называют Рюриковичами.

Олег (ум. в 912) — киевский князь. По летописи, с 879 г. правил в Новгороде, в 882 г. овладел Киевом, убив киевских князей Аскольда и Дира. Расширил владения Киевской Руси, покорил племена древлян, северян и радимичей. В 907 г. совершил победоносный поход на Царьград (Константинополь), в 911 г. заключил выгодный для Руси договор с Византией.

Стр. 7. *Игорь* (ум. в 945) — киевский князь с 912 г., по летописи, сын Рюрика. В 941 и 944 гг. совершил походы в Византию и заключил с ней в 944 г. договор. Убит древлянами при сборе с них дани.

Варяги — древнерусское название жителей Скандинавии — норманнов; скандинавское *vaeringjar* — союзники

(греч.). Так назывались в Византийской империи войска, составленные из иноземцев.

Лопарь (лапландец) — житель Лапландии — территории в северной части Скандинавского и западной части Кольского полуостровов; басурман, нехристь.

Стр. 8. *Викинги* — вожди норманнов (Нормандия от *norm* — север и *mann* — человек). Норманны (варяги) занимались главным образом морским разбоем, не считая его предосудительным, и торговлей.

Отрок — член младшей дружины князя в Древней Руси, прислужник; мальчик-подросток в возрасте между ребенком и юношей.

Гридни — княжеские телохранители; воины отборной дружины.

Упландия — Скандинавия; ныне шведская провинция.

Стр. 9. *Конунг* — у скандинавских народов в средние века военный вождь, предводитель племени.

Гридница (гридня) — в Древней Руси помещение при княжеском дворе для пребывания гридней или приема гостей.

Стр. 10. *Драккар* — варяжский корабль.

Стр. 11. *Словене, кривичи, древляне, уличи, суличи* (река Сула) и др. — славянские племена в IX в.

Капище — языческий храм у восточных и прибалтийских славян дохристианского времени.

Корзно — верхняя одежда, плащ.

Свейский — скандинавский.

Бронник — мастер, делающий брони — кольчуги — и вообще воинские доспехи; латник, кольчужник; воин в броне.

Стр. 12. *Полюдье* — объезд округи для сбора дани; сама дань.

Пятина — единица административного деления Новгорода, связанная с пятью его концами. Основные пять единиц: Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская, Бежецкая.

Стр. 13. *Гость* — купец, преимущественно иноземный.

Паволока — нарядная привозная ткань в Древней Руси.

Вече — народное собрание в Древней Руси для обсуждения общих дел; в некоторых городах (Новгород, Псков) высший орган власти.

Смерд — земледелец, крестьянин-общинник в Древней Руси.

Стр. 14. *Ристалище* — место для гимнастических, конных и других состязаний; само состязание.

Стр. 15. *Ярл* — шведский военачальник; у древних норманнов — «благородный», затем в норманнско-скандинавских государствах — начальник или наместник области. От слова «ярл» образовалось английское earl — граф, а также, по мнению некоторых ученых, русское слово «боярин».

Скора (скара) — шкура, сырая кожа; пушной товар.

Стр. 16. *Аскольд и Дир* — киевские князья (вторая половина IX в.). Под их предводительством Русь совершила поход на Константинополь. По летописи, Аскольд и Дир около 882 г. были убиты новгородским князем Олегом.

Листопад месяц — сентябрь—октябрь.

Стр. 18. *Погост* — сельский приход, село.

Тиун — судья низшей степени, управитель.

Стр. 19. *Ендова* — широкий сосуд с отливом или носиком.

Стр. 21. *Фландрия* — историческая область в Западной Европе, населенная в большинстве фламандцами; ныне эта территория входит в состав Бельгии, а также Франции и Нидерландов.

Стр. 25. *Ромеи* — римляне (греч.).

Стр. 26. *Месяц сечень* — январь—февраль.

Стр. 27. *Поставить на правеж* — взыскивать долг, пеню и вообще деньги.

Стр. 28. *Обжа* — мера земли под пашню; единица поземельного обложения; сельская усадьба.

Стр. 29. *Ряд (ряда)* — соглашение, договор.

Стр. 32. *Озеро Нево* — Ладожское озеро.

Урядиться — договориться, условиться.

Стр. 34. *Нурманка* — скандинавская шапочка.

Стр. 36. *Ушкуйник* — вольный человек; речной разбойник.

Острог — в Древней Руси крепостная стена из вкопанных вплотную и заостренных сверху столбов; частокол; город, селение, обнесенные деревянной стеной, служившие укрепленными пунктами.

Стр. 38. *Новина* — хлеб нового урожая; не паханная еще земля, новь, целина; суровый небеленый холст.

Ожога — крестьянская изба, хозяин которой готовил поле под посев, выжигая лесной участок.

Коляда — бог торжеств и мира в языческой Руси.

Стр. 42. *Базилевс* — царь (греч.). Базилия — царское достоинство, царский сан, власть, государство.

Кончанин — житель части, конца города.

Кончанский — относящийся к городским концам.

Тяглый — податной.

Стр. 43. *Насада* — старинное плоскодонное судно с высокими бортами.

Расшива — большое деревянное парусное судно с острым носом и кормой, обычно плоскодонное.

Стр. 46. *Бирюч* — вестник, глашатай.

Стр. 47. *Месяц березозол* — март—апрель.

Стр. 49. *Боронить* — защищать, отстаивать, оберегать, охранять, стеречь, блюсти.

Стр. 50. *Дондеже* — доколе, покуда, пока.

Огнищанин — представитель высшего слоя русского общества в Древней Руси; хозяин дома, земледелец; крестьянин, пахарь, землепашец, мужик.

Стр. 53. *Колок* — деревянный гвоздь, укрепленный в стене, в столбе и т. п., служащий вешалкой.

Стр. 54. *Скальд* — древнескандинавский поэт-певец.

Стр. 58. *Пожогщик* — поджигатель.

Стр. 62. *Исполу* — вполовину, наполовину.

Стр. 63. *Борть* — улей самого простого устройства, представляющий собой дупло или выдолбленный чурбан.

Стр. 64. *Оморочо* — самец рыси.

Волоковое окно — задвигавшееся доской окно в крестьянской избе старой постройки; отверстие для выхода дыма в курной избе.

Стр. 67. *Зажинки* — начало жатвы.

Стр. 68. *Засака* — преграда из наваленных деревьев.

Стр. 74. *Однодревка* — долбушка, дуб, колода; бот, челн.

Стр. 79. *Каганат* — государство, глава которого носил титул кагана.

Каган — наименование хазарского хана в VIII—X вв.

Усобничать — ссориться, враждовать.

Стр. 81. *Медуша* — погреб, подвал для хранения медов и напитков.

Стр. 82. *Печенеги* — тюркский народ, кочевавший в VIII—IX вв. между низовьями Волги и Яика (река Урал).

Стр. 86. *Вежа* — шатер, палатка, кочевой шалаш, юрта, кибитка.

Итиль — название реки Волги в арабских источниках VIII—X вв.; столица хазар в VIII—X вв. близ современной Астрахани.

Скотница — помещение для скота, хлев; скотный двор.

Стр. 87. *Зорить* — разорять, портить, уничтожать.

Стр. 90. *Мажара* — большая телега с решетчатыми боковыми стенками (в Крыму, на Украине, на Северном Кавказе).

Стр. 93. *Мыто* (мыт) — налог, пошлина, сбор за провоз товаров, прогон скота через внутренние заставы в Древней Руси.

Мытник — сборщик мыта.

Стр. 94. *Постолы* — грубая обувь из целого куска кожи, стянутого сверху ремешком; плетеная обувь из лыка или веревок, род лаптей.

Стр. 98. *Счетчик* — лицо, производящее подсчет кого-либо чего-либо.

Стр. 99. *Темник* — военачальник большого войска.

Стр. 119. *Кизяк* — высушенный в форме кирпичей навоз, употребляемый как топливо.

Стр. 123. *Ладейник* — служитель, воин с ладьи.

Стр. 126. *Улус* — поселение, стойбище тюрко-монгольских народов.

Саркел — Дон (река).

Стр. 128. ...*землю касожскую*... — Касоги — древнее название одного из адыгейских племен, живших по южным притокам Кубани.

Стр. 129. *Кмет* — парень, крестьянин; воин, ратник.

Городня — часть тына, забора от столба до столба, звено, прясло.

Стр. 130. *Камора* — клеть, кладовая, амбар.

Стр. 131. *Сбитень* — горячий напиток, приготовленный из воды, меда и пряностей.

Стр. 132. *Спафарий* — рядовой мелкий чиновник.

Стр. 136. *Кросно* — ткацкий станок; нитяная основа, натянутая на ткацкий станок, а также готовые холст, полотно.

Стр. 137. *Дворский* — главный в княжеском дворе.

Стр. 147. *Котора* — вражда, ссора, раздор, смута, распря.

- Стр. 149. *Скарбница* — кладовая.
- Стр. 150. *Стрельница* — укрепление, с которого стреляли; башня.
- Стр. 156. *Дежа* — квашня.
- Стр. 161. *Папаха* — высокая меховая шапка (*кумыкск.*).
- Стр. 180. *Урочище* — то, что служит естественной границей, природной межой; участок, отличающийся от окружающей местности.
- Стр. 182. *Яхве* — верховное, а с VII в. до н. э. — единственное божество в иудаизме.
- Стр. 184. *Кухлянка* — верхняя меховая одежда с капюшоном.
- Стр. 191. *Князь-робичич* — князь, рожденный от рабыни.
- Плесков* — Псков.
- Стр. 192. *Кошева* — широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой, рогожей и т. п.
- Стр. 196. *Править посольство* — исполнять поручение.
- Стр. 202. *Шемая* — промысловая рыба семейства карповых.
- Стр. 204. *Ратай* — пахарь.
- Стр. 205. *Правило* — длинное весло, длинная жердь, служащие для управления лодкой, плотом, санями и т. п.
- Стр. 220. *Шишак* — старинный боевой головной убор в виде высокого, суживающегося кверху шлема с шишкой наверху.
- Стр. 235. *Дромон* — византийский крупный военный корабль.
- Триrema* — византийский корабль с тремя рядами весел.
- Хеландия* — византийский корабль средних размеров.
- Памфила* — византийский быстроходный патрульный корабль.
- Друнгарий флота* — командующий императорским флотом в Византии.
- Стр. 238. *Амфора* — сосуд из глины, металла с двумя ручками для хранения и перевозки вина, меда, оливкового масла; пиршественная ваза, покрытая росписью.
- Стр. 242. *Фема* — военно-административный округ в Византийской империи; территориальное военное подразделение.

Стратиот — крестьянин, обязанный воинской службой и получавший за это от государства (Византии) наследственный земельный надел; воин.

Стр. 246. *Патрикий* (патриций) — представитель привилегированного сословия в Древнем Риме.

Стратиг — военачальник округа (фемы) в Византии.

Стр. 250. *Куга* — народное название некоторых водных растений семейства осоковых, главным образом озерного камыша.

Стр. 266. *Катапан* — наместник Византийской империи в провинции.

Стр. 285. *Уличанские старосты*... — Новгород делился на две части и пять концов, а концы — на улицы с уличанскими старостами.

Стр. 300. *Гирло* — разветвление русла в устье реки, ее рукав (обычно о реках, впадающих в Азовское и Черное моря).

Стр. 305. *Колты* — серьги, подвески.

Стр. 316. *Ертаул* — передовой отряд, авангард.

Стр. 339. *Ключ* — здесь: боевое построение русского флота.

Стр. 341. *Тагма* — особая гвардейская часть, размещенная в Константинополе.

Стр. 342. *Логофет дрома* — управляющий делами Византийской империи, в том числе иностранными.

Стр. 343. *Турма* — отряд.

Доместик схол — главнокомандующий войсками Византийской империи.

Стр. 347. «*Бессмертные*» — охрана императора, его личная гвардия.

Стр. 349. *Севаст* — наивысший чиновник Византийской империи.

Когорта — воинское подразделение легиона в триста—четыреста человек; в нем было десять когорт.

Стр. 350. *Драгман флота* — главнокомандующий императорским флотом в Византии.

Стр. 354. *Охлос* — чернь.

Стр. 364. *Антриклин* — чиновник, занимающийся размещением вельмож в зале Большого дворца.

Курополат — начальник дворцовой стражи.

Стр. 371. *Стадия* — мера длины, равна шестидесяти—девяноста метрам.

Таксиархий — командир подразделения в тысячу воинов.

Стр. 372. *Легион* — соединение в три—десять тысяч воинов.

Протоспафарий — высший чиновник Византийской империи.

Центурия — отряд в сто воинов, часть легиона; единица военно-политического деления граждан в Древнем Риме.

Стр. 376. *Гирдман* — опытный воин.

Стр. 388. *Квадрига* — порядок построения войск квадратом.

Стр. 389. *Легаторий* — чиновник Византийской империи, следивший за иноземцами.

Стр. 392. *Горное масло* — нефть.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Тумасов. И БЫТЬ РОДУ РЮРИКОВИЧЕЙ. <i>Исторический роман</i>	5
Комментарии	397

